

СОЧИНЕНІЯ

М. В. ЛОМОНОСОВА.

Грав. И. Ф. Дейнигеръ.

Печ. въ арт. зав. А. Ф. Маркса въ СПВ.

Михило Лавкиносовъ.

СОЧИНЕНІЯ
М. В. ЛОМОНОСОВА

ВЪ СТИХАХЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІИ

Арс. П. Введенскаго.

Съ биграфическимъ очеркомъ и портретомъ Ломоносова,
гравированнымъ на стали И. Ф. Дейншпергомъ въ Мюнхенѣ.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.
1893.

Портрет А. Ф. Мухоморова

Издание 1848 г. А. Ф. Мухоморов 1816

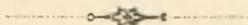
А. Ф. Мухоморов

Олега Е. Демуровича
Лодзь 1893

СОЧИНЕНІЯ

М. В. ЛОМОНОСОВА

ВЪ СТИХАХЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Арс. И. Введенскаго.

Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ Ломоносова,
гравированнымъ на стали И. Ф. Дейнингеромъ въ Мюнхенѣ.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. Маркса.

1893.

098302

Дозволено цензурою. СПб. 13 марта 1893 г.

Предисловіе.

Дѣятельность Ломоносова распадается на двѣ отдѣльныя отрасли: на ученую и собственно литературную. Настоящій томъ посвящается полному собранію исключительно литературныхъ произведеній Ломоносова, въ которыхъ онъ является творцомъ русскаго литературнаго языка. Его сочиненія по теоріи языка и словесности и по естествознанію устарѣли, и потому для обыкновеннаго читателя не представляютъ уже столь живаго интереса.

Тексты произведеній Ломоносова, которыя были напечатаны при его жизни, тщательно свѣрены по послѣднему при немъ изданію 1757 года, внимательно исполненному имъ самимъ; варианты приведены только позднѣйшіе, изъ примѣровъ „Реторики“ изд. 1759 года. Что касается посмертныхъ произведеній Ломоносова, то, за отсутствіемъ другихъ источниковъ, мы должны были довольствоваться текстами изданія 1778 года, архимандрита Дамаскина, хотя, въ противоположность распространенному мнѣнію, убѣдились, что изданіе это, при относительныхъ достоинствахъ, далеко не всегда отличается послѣдовательностію и точностію. Позднѣйшія академическія и неакадемическія полныя изданія, особенно Смирдина, страдали еще большими недостатками; исключеніе составляютъ только изданіе избранныхъ сочиненій Ломоносова 1846 года, Перевлѣскаго, и вышедшій въ 1891 г. первый томъ новаго академическаго изданія, подъ редакціей академика М. И. Сухомлинова, обнимающій собою произведенія Ломоносова до 1751 г. включительно. Послѣднему мы многимъ обязаны. Мы почли неудобнымъ сохранять старинное правописаніе; но разстановку знаковъ препинанія по возможности удержали, какъ въ высокой степени характерную для произведеній Ломоносова.

Считаемъ долгомъ выразить искреннюю благодарность академику Л. Н. Майкову, В. И. Саитову, В. П. Ламбину и И. А. Бычкову, оказывавшимъ намъ возможную помощь при занятіяхъ нашихъ въ Императорской Публ. Библиотекѣ, и П. А. Ефремову, обязательно подѣлившимся съ нами опытностію и богатыми сокровищами своей библиотeki.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

(Биографическій очеркъ).

Неводь рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогать, Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи инья тебя ожидаютъ, инья заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

А. Пушкинъ.

Въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка, выведенная на дорогу европейской жизни и просвѣщенія, Россія не владѣла однимъ изъ необходимѣйшихъ орудій образованія, развитымъ словомъ. Разговорный языкъ, конечно, не достаточенъ былъ для выраженія новыхъ понятій и представленій, свойственныхъ образованному обществу и наукамъ. Книжный же тогдашній языкъ нашъ, сложившійся подъ влияніемъ русскаго монашества и западной образованности, шедшей къ намъ черезъ Кіевъ, состоялъ изъ странной смѣси языковъ церковно-славянскаго, латинскаго, русскаго, а со времени Петра Великаго принялъ въ себя также огромное количество словъ нѣмецкихъ и французскихъ. Онъ былъ неудобопонятенъ обыкновенному русскому человѣку, ищущему образованія, и въ то же время недостаточенъ для выраженія научныхъ и образовательныхъ истинъ; и незначительное число русскихъ образованныхъ людей для выраженія своихъ мыслей должны были прибѣгать къ языкамъ иностраннымъ. Цѣлому ряду представителей разныхъ наукъ предстояло, при этихъ условіяхъ, вырабатывать изъ обыкновеннаго русскаго языка языкъ науки и образованности, или же долженъ былъ появиться гениальный человѣкъ, который въ одно и то же время обладалъ бы и необыкновеннымъ пониманіемъ духа, свойствъ и силы русскаго языка, и многосторонними познаніями, чтобы найти въ немъ элементы для образованія языка науки. Такой гениальный человѣкъ и явился въ лицѣ сѣвернаго крестьянина, Михаила Васильевича Ломоносова.

Отъ крестьянской избы до столичныхъ палатъ преобразователя языка огромной страны—путь длинный и тяжелый былъ бы и въ наше время. Естественно, что судьбы «архангельскаго мужика», который, говоря словами русскаго поэта, «по своей и Божьей волѣ, сталъ разуменъ и великъ», не могли не сложиться изъ ряда событій исключительныхъ. Годъ рожденія Ломоносова съ

точностью неизвѣстенъ; но если основываться на его собственномъ, данномъ имъ въ 1754 году, по требованію сената, показаніи о числѣ его лѣтъ, нужно признать такимъ годомъ 1712-й. Родился онъ въ деревнѣ Денисовкѣ, Куроостровской волости, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Холмогоръ. Отецъ его и мать, дочь дьякона изъ стариннаго въ томъ краѣ селенія Матигоръ, Елена Ивановна, были люди не бѣдные. У черносошнаго крестьянина Василя Ломоносова была земля, которою онъ владѣлъ на правахъ собственности, и сверхъ того онъ выгодно промышлялъ рыбною ловлею «по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ», на своихъ собственныхъ судахъ, между которыми было судно и большой величины, съ корабельною оснасткою. Когда Ломоносову было лѣтъ десять, отецъ началъ брать его съ собою каждое лѣто и осень на рыбныя ловли въ море; они заходили не разъ до Колы и даже въ Сѣверный океанъ до 70-го градуса широты. Величавая въ своей суровости природа Сѣвера оставила въ пытливой душѣ мальчика глубокія впечатлѣнія, о чемъ свидѣлствуютъ его произведенія. По зимамъ Ломоносовъ жилъ дома, и здѣсь, у одного священнослужителя, а по другому извѣстію отъ крестьянина Ивана Шубнаго, выучился читать и писать по-русски. Читалъ онъ вначалѣ только церковныя книги, и по разсказу, записанному, вѣроятно, съ его словъ, черезъ «два года учинился, ко удивленію всѣхъ, лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви», такъ что «нерѣдко биванъ былъ не отъ сверстниковъ по лѣтамъ, но отъ сверстниковъ своихъ по ученію за то, что стыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ передъ ними произносить читаемое къ мѣсту разстановочно, внятно, а притомъ и съ особою пріятностію и локкостію голоса». Въ домъ одного изъ сосѣдей, Дудина, онъ увидалъ замѣчательнѣйшія по своему времени не духовныя книги, «самыя крупныя и едва не единственныя представители книжной мудрости въ до-петровской Руси», именно грамматику Смотрицкаго и ариметику Магницкаго, напечатанныя въ Петербургѣ въ царствованіе Петра Великаго для «навигатскихъ» учениковъ. Ломоносовъ выпросилъ ихъ у Дудина, «не расставался съ ними никогда, носилъ съ собою вездѣ и, непрестанно читая, вытвердилъ наизусть». Онъ называлъ ихъ потомъ «вратами своей учености». На тринадцатомъ году Ломоносовъ былъ совращень раскольниками толка безпоповщины, но держался ихъ ученія только около года, скоро понявъ ихъ заблужденія. Вотъ все, что извѣстно о дѣтствѣ великаго творца русскаго литературнаго языка.

Въ 1731 году, въ январѣ мѣсяцѣ, Ломоносова мы находимъ въ Москвѣ, въ Спасскихъ школахъ. Бѣгство его съ родины облек-

лось въ воображеніи потомства въ различныя сказанія, обставилось различными подробностями, которыя частію прямо опровергаются достовѣрными данными. Несомнѣнно, тѣмъ не менѣе, слѣдующее. Не находя на родинѣ удовлетворенія своей страстной жаднѣ знанія, Ломоносовъ узналъ отъ своихъ учителей, что только въ Москвѣ, въ Кіевѣ да Петербургѣ можно научиться латинскому языку, на которомъ тогда писали ученые, и найти книги на немъ. Въ пылкую душу юноши занала мысль уйти изъ родительскаго дома и поступить въ одну изъ тамошнихъ школъ. Жизнь у отца, къ тому же, была для него далеко не красна; мать его умерла, отецъ женился на другой, и «злая и завистливая мачиха», по словамъ самого Ломоносова, «всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ его, представляя, что онъ всегда сидитъ попустому за книгами». «Для того», прибавляетъ Ломоносовъ, «многократно я принужденъ былъ читать и учиться чему возможно было въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и холодъ». И вотъ, 7-го декабря 1730 года онъ добылъ, при помощи управлявшаго тогда въ Холмогорахъ земскими дѣлами Милюкова, паспортъ, досталъ взаймы нѣсколько денегъ и, ничего не сказавъ домашнимъ, ушелъ въ путь, направляясь къ Москвѣ. Добравшись послѣ различныхъ, разными лицами различно рассказываемыхъ, приключеній въ Первопрестольную столицу русскую, гдѣ, назвавши себя «поповскимъ сыномъ», онъ поступилъ въ Заиконоспасское училище.

О времени, когда Ломоносовъ учился въ этой школѣ, извѣстій сохранилось также не много. Вотъ что писалъ онъ самъ впоследствии И. И. Шувалову: «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны отецъ (онъ скоро узналъ, гдѣ его сынъ, черезъ ѣздившихъ ежегодно въ Москву сосѣдей), никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ (3 коп.) въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ на денежку хлѣба, и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошчіе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою гамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой боланя лѣтъ въ двадцать пришелъ латынѣ учиться». Между тѣмъ

Ломоносовъ дѣлалъ быстрые успѣхи въ наукахъ. По прошествіи перваго полугодія его перевели изъ низшаго класса во второй, и въ томъ же году въ третій. Черезъ годъ послѣ того онъ могъ уже писать небольшіе стихи на латинскомъ языкѣ. Тогда онъ началъ учиться по-гречески, а въ свободные часы рылся въ монастырской библіотекѣ, читалъ лѣтописи, сочиненія Отцовъ Церкви и другія богословскія сочиненія; попадались въ его руки и книги по философіи, естествознанію и математикѣ. Законноспасская наука и библіотека скоро перестали удовлетворять запросы пытливаго ума Ломоносова, и онъ обратился къ архимандриту съ просьбою послать его на годъ въ Кіевъ для занятій философіею, физикой и математикой. Но и въ Кіевѣ его положительный умъ, наклонный къ естествознанію, нашелъ схоластическія словопренія; Ломоносовъ пробылъ тамъ меньше года, занимаясь чтеніемъ лѣтописей и другихъ книгъ, писанныхъ на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, и воротился въ Москву. Этими немногими фактами исчерпывается все, что достоверно извѣстно о времени ученія Ломоносова въ Москвѣ и Кіевѣ. Остались еще незначительные стихи, написанные знаменитымъ писателемъ въ Московскомъ училищѣ въ наказаніе «за учиненный имъ школьный проступокъ»: «Услышали мухи» и проч.

Въ 1735 году, по представленію барона Корфа, сенатъ распорядился, чтобы изъ учениковъ Спасской школы были высланы въ Петербургъ въ Академію наукъ двадцать человекъ, для слушанія высшихъ наукъ отъ профессоровъ той академіи. Въ числѣ этихъ двадцати молодыхъ людей пріѣхалъ въ Петербургъ, въ январѣ 1736 года, и Ломоносовъ. Между тѣмъ еще ральше шла переписка того же барона Корфа съ заграничными учеными объ отсылкѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей въ Германію для изученія химіи и горнаго дѣла, въ видахъ государственныхъ нуждъ Россіи. И въ сентябрѣ названнаго года, Ломоносовъ съ двумя товарищами выѣхалъ за границу, въ Марбургъ, къ знаменитому Христіану Вольфу.

Пять лѣтъ прожилъ Ломоносовъ въ Германіи и, говоря словами одного изъ его авторитетныхъ біографовъ, «благодаря геніальнымъ способностямъ своимъ, трудолюбію и дѣятельности, узналъ все, что узнать было можно, овладѣлъ современною наукою, и почувствовалъ, что можетъ самъ идти еще далѣе по узанному пути, можетъ повести за собою своихъ соотечественниковъ, можетъ учредить науку въ Россіи, въ любезномъ своемъ отечествѣ». По письмамъ Вольфа, Ломоносовъ «съ неутомимымъ прилежаніемъ слушалъ лекціи химіи», «прилежно посѣщалъ лекціи (въ Марбургскомъ университетѣ) математики и философіи,

а преимущественно физики, и съ особенною любовію старался пріобрѣтать основательныя познанія». «Нисколько не сомнѣваюсь», прибавлялъ знаменитый ученый, «что если онъ съ такимъ же прилежаніемъ будетъ продолжать свои занятія, то со временемъ, по возвращеніи въ отечество, можетъ принести пользу государству». Въ заграничной жизни Ломоносова, о которой имѣются уже достовѣрныя и важныя извѣстія, передъ нами въ первый разъ вырисовывается нравственная и умственная фizioномія его. Это была натура страстная, живая, не чуждая увлеченій молодости, но человѣкъ съ рѣзкою опредѣленностью стремленій и съ выдающеюся волею. «Деньги», писалъ Вольфъ про молодыхъ людей, товарищей Ломоносова, и про него самого, «они прокутили, не заплативъ того, что слѣдовало, а потомъ, добывъ себѣ кредитъ, надѣлали долговъ...» Но въ то же время знаменитый ученый не могъ позже не замѣтить: «У г. Ломоносова, повидимому, самая свѣтлая голова: при хорошемъ прилежаніи онъ могъ бы и научиться многому», и въ другомъ письмѣ прибавляетъ: «болѣе всего я еще полагаюсь на успѣхи г. Ломоносова: онъ, повидимому, и раскаивается въ сдѣланныхъ долгахъ».

Въ іюль 1739 года студенты наши оставили Вольфа и перѣѣхали въ Фрейбергъ къ Генкелю, для изученія металлургіи. Съ этимъ нѣмецкимъ ученымъ Ломоносовъ не поладилъ, и въ слѣдующемъ 1740 году самовольно уѣхалъ отъ него въ Лейпцигъ, надѣясь найти тамъ русскаго посланника, побывалъ въ Кассель, все это въ обстоятельствахъ съ матеріальной стороны крайне затруднительныхъ, и наконецъ отправился опять въ Марбургъ, «чтобы у старыхъ пріятелей своихъ запасться деньгами». Здѣсь онъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, не испрашивая дозволенія, женился на дочери умершаго члена городской думы и церковнаго старшины, Елизаветѣ-Христинѣ Цильхъ, вѣроятно по любви. Изъ Марбурга Ломоносовъ побывалъ во Франкфуртѣ и затѣмъ, водою, проѣхалъ въ Голландію, въ Гагу, къ русскому послу, графу Головкину, съ просьбою помочь ему въ его положеніи.

На этомъ именно пути, какъ нужно думать, случилось съ нимъ обстоятельство, могшее навсегда лишить Россію ея перваго гениальнаго ученаго и писателя. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ товарищъ Ломоносова по службѣ, академикъ Штелинъ. Въ разстояніи двухдневнаго пути отъ Марбурга, по дорогѣ въ Дюссельдорфъ, Ломоносовъ зашелъ по большой дорогѣ въ мѣстечко, переночевать. Тутъ нашелъ онъ королевско-прусскаго офицера, вербующаго рекрутъ, съ солдатами и съ нѣсколькими новобранцами, которые весело пировали. Офицеръ пригласилъ его поужинать въ ихъ компаніи, собесѣдники расхваливали

ему королевско-прусскую службу, и такъ напoчили его, что, проснувшись, онъ не могъ ничего припомнить, что было съ нимъ вечеромъ. Между тѣмъ на шеѣ у него оказался красный галстукъ, въ карманѣ нѣсколько прусскихъ монетъ, офицеръ называлъ его славнымъ молодцомъ, которому навѣрно посчастливится въ королевско-прусской службѣ, а солдаты величали его товарищемъ. Попытки протестовать, конечно, не повели ни къ чему; Ломоносовъ сдѣлался королевско-прусскимъ рейтаромъ, и дня черезъ два, вмѣстѣ съ другими рекрутами, былъ отправленъ въ пограничную крѣпость Везель. Онъ рѣшился бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ еще съ дороги, но за нимъ хорошо присматривали, и это ему не удавалось. Тогда онъ притворился очень довольнымъ своимъ новымъ положеніемъ. Къ счастью, его помѣстили въ Везель не въ городѣ, какъ большинство рекрутъ, а въ крѣпостной караульнѣ, заднее окно которой выходило прямо на валъ. И вотъ, спустя нѣсколько недѣль, проснувшись какъ-то послѣ полуночи и замѣтивъ, что всѣ крѣпко спятъ, онъ осторожно вылѣзъ изъ окна, на четверенькахъ проползъ, въ темнотѣ мимо часовыхъ до вала, безшумно переплылъ два рва и перешелъ валъ, разделяющій ихъ, вскарабкался на контрэскарпъ, перелѣзъ черезъ палисадъ и съ гласиса выбрался въ открытое поле. Самое трудное было сдѣлано. Но граница Пруссіи лежала болѣе чѣмъ въ нѣмецкой милѣ отъ крѣпости, и Ломоносовъ, въ мокрой солдатской шинели, обвязавъ шею носовымъ платкомъ вмѣсто краснаго галстука, насколько хватало силъ поспѣшили къ границѣ. Не прошелъ онъ и четверти пути, какъ стало свѣтать, и вскорѣ онъ съ трепетомъ услышалъ пушечный выстрѣлъ—сигналъ о бѣгствѣ солдата. Онъ побѣжалъ изо всѣхъ силъ, по временамъ оглядываясь назадъ; вдали показался вскорѣ скачущій во весь опоръ кавалеристъ. Но Ломоносову удалось перейти Вестфальскую границу, и здѣсь онъ скрылся въ ближайшемъ лѣсу. Вечеромъ онъ снова пустился въ путь, выдавая себя вездѣ за бѣднаго студента.

Ломоносову удалось достигнуть Гаги, но графъ Головкинъ отказалъ ему во всякой помощи, не желая «ввязываться въ дѣло», касающееся Петербургской академіи. Ломоносовъ возвратился въ Марбургъ. Онъ «упражнялся тамъ въ алгебрѣ, намѣревался оную къ теоретической химіи и физикѣ примѣнить», а между тѣмъ отправилъ въ Петербургскую академію донесенія, и оправданія своихъ поступковъ, прося позволенія и средствъ отправиться въ Гарцъ, гдѣ бы онъ «могъ свою горную науку совершить». Но академія предписала Ломоносову возвратиться въ Петербургъ, выславъ ему деньги на дорогу. Достоверныхъ извѣстій о томъ, какъ

и какимъ путемъ Ломоносовъ ѣхалъ въ Петербургъ, не имѣется; но въ началѣ іюня 1741 года онъ былъ уже въ столицѣ.

Ломоносовъ пріѣхалъ въ Петербургъ уже зарекомендовавъ себя хорошимъ стихотворцемъ. Еще въ 1738 году онъ прислалъ въ академію стихотворный переводъ оды Фенелона, а въ концѣ слѣдующаго 1739 года, изъ Фрейбурга пришла отъ него въ Петербургъ ода на взятіе Хотина, которая должна была поразить современниковъ красотою языка, возможность котораго тогда едва-ли кто могъ и подозрѣвать. Извѣстіе о томъ, будто бы ода эта была напечатана и произвела огромное впечатлѣніе при дворѣ и среди русскихъ вельможъ и русскаго образованнаго класса людей, не подтверждается; но се многіе могли узнать въ спискахъ отъ академиковъ; легко можетъ быть, что она попала и къ вельможамъ, и въ этомъ случаѣ не могла не обратить вниманія на Ломоносова, — стоило только сравнить языкъ его съ тѣмъ, которымъ писали другіе. Вотъ какіе стихи писалъ патентованный тогдашній стихослагатель, Тредьяковскій:

Воспѣвай же лира пѣснь сладку
Лину то-есть благополучну,
Къ вящшему всѣхъ враговъ упадку,
Къ несчастію въ вѣки тѣмъ скучну...

И вдругъ, рядомъ съ этими некрасивыми виршами, раздались торжественные, поэтическіе звуки:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведеть на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣтъ забылъ...

Появленіе оды Ломоносова было цѣлымъ переворотомъ литературнымъ. На ней лежали слѣды вліянія нѣмецкаго поэта Гюнтера, но этого въ Россіи никто не зналъ, да и это обстоятельство нисколько не помѣшало бы впечатлѣнію отъ произведенія новаго стихотворца, сумѣвшаго найти въ русскомъ языкѣ столь непривычныя для всѣхъ красоты. Ломоносовъ и самъ понималъ значеніе совершаемаго имъ дѣла. Въ письмѣ, посланномъ вмѣстѣ съ одою, онъ говоритъ: «Я не могу довольно о томъ нарадоваться. что російскій нашъ языкъ не токмо бодростію и героическимъ звукомъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ. Сіе толь долго пренебреженное счастье чтобы совсѣмъ въ забвеніи не осталось, умыслилъ я наши правильные стихи изъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ стопъ составлять...»

И такъ, Ломоносовъ явился въ Петербургъ уже ярко обнаруживъ свои выдающіяся дарованія. Представивъ надлежащую диссертацію, и докончивъ, по порученію академіи, составлявшійся

тогда каталогъ минераловъ Петербургскаго музея, онъ, послѣ впрочемъ значительныхъ проволочекъ, опредѣленъ былъ, въ январѣ 1742 года, «адъюнктомъ физическаго класса», а нѣсколько лѣтъ спустя, въ августѣ 1745 года, утвержденъ профессоромъ химіи. Съ назначеніемъ въ адъюнкты и потомъ въ академики, для Ломоносова начинается новый періодъ кипучей дѣятельности, и рядомъ съ тѣмъ борьбы съ академическими нѣмцами.

Чтобы ясно понять значеніе и этой дѣятельности, и борьбы, нужно представить себѣ съ возможной отчетливостью состояніе тогдашней Петербургской академіи, не развившейся естественно въ странѣ, а созданной искусственно, хотя съ благою цѣлю распространения просвѣщенія въ Россіи. Во главѣ «академической канцеляріи» стоялъ совѣтникъ Шумахеръ, человекъ научными заслугами не отличавшійся, но ловкій, и настойчиво стремившійся къ такой безусловной власти въ академіи, что возстановлялъ противъ себя даже и соотечественниковъ-нѣмцевъ. Въ 1745 году ему удалось усилить значеніе въ академіи, вполнѣдствіи зятя его, Тауберта, и подъ ихъ произволомъ и злоупотребленіями ученое учрежденіе совсѣмъ перестало соответствовать той цѣли, для которой существовало. Написавшій исторію академіи того времени академикъ Пекарскій, далеко не расположенный относиться отрицательно къ нѣмецкому вліянію въ Россіи, говоритъ: «Они (Шумахеръ и Теплово, дѣйствовавшій заодно съ нимъ) на первыхъ же порахъ постарались показать ученымъ предѣлы своей власти... Само собою разумѣется, что при этомъ случаѣ науки, ихъ успѣхи и процвѣтаніе—все это отходило на дальній планъ, и усилія... направлялись болѣе къ тому, чтобы «академическій корпусъ» держать въ непрестанномъ опасеніи и безусловной покорности». «Оба распорядителя академіи, Шумахеръ и Таубертъ, неблагосклонно смотрѣли на проникновеніе русскаго элемента въ ученое общество. Первый изъ нихъ говаривалъ: Я-де великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессору. А Таубертъ сознавался: развѣ-де намъ десять Ломоносовыхъ надобно? И одинъ-де намъ въ тягость!..» Съ другой стороны, даже и тѣ иностранные ученые, которые неспособны были на злоупотребленія, обнаруживали презрѣніе къ русскимъ почти нескрываемое, что примѣнимо даже къ Шлецеру, позже знаменитому изслѣдователю русской исторіи и древностей. Въ одной изъ черновыхъ записокъ Ломоносовъ возмущается, напр., тѣмъ, что Шлецеръ производитъ русскія слова «бояринъ» отъ «барана», «дѣва» отъ «Dieb (воръ)», «король» отъ «Kerl», «князь» отъ «Knecht» и т. п. Естественно, что Ломоносовъ, несмотря на долгое пребыва-

ніе за границей оставшіяся горячимъ патріотомъ, страстно стремившимся къ насажденію и «приращенію» науки въ Россіи, стали во враждебныя отношенія ко всѣмъ этимъ иностранцамъ, видя въ нихъ помѣху, а не дѣлателей русскаго просвѣщенія. И вся академическая жизнь его полна дразнъ, препирательствъ и огорченій. Самъ онъ былъ характера страстнаго, тяжелаго и неуступчиваго, притомъ пилъ неумѣренно — и во многихъ случаяхъ переходилъ за границы благоразумія и справедливости; но въ общемъ, говори словами академика Пикарскаго, «во всѣхъ дѣйствіяхъ Ломоносова проглядывало чрезвычайно много благороднаго, возвышеннаго и гениальнаго». Нѣмцы платили ему сторицею за его враждебныя дѣйствія. Не говоря уже о Шумахерѣ и подобныхъ ему, даже знаменитый впоследствии Шлецеръ считалъ умѣстнымъ съ пренебреженіемъ говорить объ одѣ Ломоносова на взятіе Хотина, и даже о его грамматикѣ русскаго. Къ этому присоединились враждебныя отношенія къ Ломоносову и со стороны завидовавшихъ ему русскіхъ людей, Тредьяковскаго и Сумарокова. «Гимнъ бородѣ» Ломоносова вызвалъ со стороны перваго цѣлый рядъ доносовъ и преслѣдованій, а Сумароковъ, даже идя за гробомъ Ломоносова, не могъ удержаться отъ злобныхъ замѣчаній. Памятникомъ этихъ пререканій остаются отвѣтныя эпиграммы Ломоносова. Къ счастью для нашего отечества, всѣ истинно-русскіе люди, и между ними многіе вельможи, съ гордостью слѣдили за дѣятельностію Ломоносова, талантами и ученостію далеко превосходившаго академикомъ-иностранцевъ. Шуваловы, Воронцовы и другіе были его друзьями, а со стороны императрицы Елисаветы и потомъ Екатерины ему оказаны были милости, давшія ему независимое и почетное положеніе.

Между тѣмъ шла своимъ чередомъ его ученая и литературная дѣятельность; и въ ней-то выразился съ великою силою гений Ломоносова. Его разсужденія по естествознанію вызвали, напр., слѣдующій отзывъ знаменитаго Эйлера: «Всѣ сіи диссертации не токмо хороши, но и весьма превосходны, ибо онъ (Ломоносовъ) пишетъ о матеріяхъ физическихъ и химическихъ весьма нужныхъ, которыя понынѣ не знали и истолковать не могли самые остроумные люди, что онъ учинилъ съ такимъ успѣхомъ, что я совершенно увѣренъ о справедливости его изъясненій. При семъ случаѣ г. Ломоносову долженъ отдать справедливость, что имѣеть превосходное дарованіе для изъясненія физическихъ и химическихъ явленій. Желать должно, чтобы и другія академіи въ состояніи были произвести такія откровенія, какія показалъ г. Ломоносовъ». Нужно, однако, сказать, что научное значеніе Ломоносова не могло заключаться въ изслѣдованія по какой-либо

отдѣльной специальности. Онъ былъ тогда чуть ли не единственный ученый во всей Россіи, а «одинъ въ полѣ не воинъ». Онъ былъ энциклопедистъ, и всѣ его стремленія направлены были не на то, чтобы вести впередъ одну изъ специальныхъ отраслей знанія, а на то, чтобы сдѣлать доступными русскому языку науки, какими онъ самъ обладалъ, и въ дѣлѣ изложенія ихъ, въ дѣлѣ терминологіи, въ иныхъ случаяхъ онъ былъ, по выраженію акад. Пекарскаго, «творцомъ и почти всегда преобразователемъ». Научная дѣятельность Ломоносова была по существу общественная и педагогическая. Среди своихъ неблагопріятныхъ условій, онъ хлопочетъ и добивается устройства первой въ Россіи химической лабораторіи, учить производить разнообразныя физическія, химическія, астрономическія и проч. наблюденія, изслѣдуетъ законы русскаго языка и создаетъ грамматику и ретику, долго бывшія единственными руководствами для русскаго юношества, занимается русскою исторіею; рядомъ съ этимъ, случайно заинтересовавшись мозаическимъ дѣломъ, изслѣдуетъ его и добивается учрежденія значительной мозаической фабрики. И только подъ его вліяніемъ появляются при академіи студенты, изъ которыхъ составился позже первый кругъ полезныхъ русскихъ дѣятелей на поприщѣ науки.

Литература стояла въ тѣ времена на степени ремесла; оды и «надписи» на разные торжественные случаи входили въ обязательный кругъ занятій академіи. И Ломоносову приходилось отдавать этому дѣлу массу времени и силъ. Большинство «надписей» его составляютъ даже просто переводъ написанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ Штелинымъ. Но и въ этихъ произведеніяхъ онъ остается великимъ творцомъ русскаго языка; отъ оригинальныхъ же и свободныхъ его произведеній, какъ «Вечернее размышленіе», вѣтъ истиннымъ одушевленіемъ и поэзіей. При смѣнявшихся тогда царствованіяхъ, въ одахъ по очереди всѣмъ расточаются похвалы и восхищеніе; но помимо явной невозможности писать подобныя оды иначе, повсюду читатель встрѣчаетъ у Ломоносова не лесть, не угодливость, а скорѣе наставленія, выраженіе ожиданій русскихъ людей; онъ вѣчно толкуетъ о наукахъ, о необходимости просвѣщенія, призываетъ царствующихъ особъ къ покровительству имъ, къ насажденію въ странѣ права и счастья подданныхъ, къ миру, представляя и военные подвиги только какъ средство къ достиженію мира. Ломоносовъ былъ слишкомъ благородно гордъ, чтобы льстить. Какъ-то Шуваловъ, заспоривъ съ Ломоносовымъ и встрѣтивши съ его стороны гордость и неуступчивость, сказалъ: «я тебя отставляю отъ академіи». — «Нѣтъ», возразилъ Ломоносовъ: «развѣ академію отъ меня отставятъ!» «Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу», замѣтилъ

онъ по другому случаю: «но ниже у Самого Господа Бога, Который далъ мнѣ смыслъ, пока развѣ отниметь.» И это было немного спустя послѣ того, какъ Тредьяковскаго дѣлали шутомъ разные вельможи, и когда и въ Европѣ писатели еще не пользовались большимъ значеніемъ.

Ломоносовъ жилъ семьей, выписавъ изъ-за границы жену и дочь года два спустя по приѣздѣ въ Петербургъ. Окруженный комфортомъ и въ большомъ чинѣ (статскаго совѣтника), выбранный въ почетные члены двумя иностранными академіями, онъ оставался простымъ человѣкомъ, съ любовью вспоминая свою деревню и жизнь на Сѣверѣ. Съ родиной онъ не прерывалъ сношеній. По разсказу жившей у него племянницы, въ домѣ его, на берегу Мойки, нерѣдко появлялись земляки; тогда «на широкомъ крыльцѣ накрывался дубовый столъ, и сынъ Сѣвера пировалъ до поздней ночи съ веселыми земляками своими». А къ тому же дому нерѣдко подъѣзжали въ раззолоченныхъ каретахъ вельможи, дорожившіе славою и достоинствами поэта выше своего гербовника, особенно часто И. И. Шуваловъ, котораго знаменитый писатель принималъ нерѣдко въ саду или на томъ же крыльцѣ въ китайчатомъ халатѣ. Ломоносовъ выписалъ въ Петербургъ своего племянника, крестьянскаго мальчика Мишеньку, опредѣлилъ его въ академическую гимназію, и писалъ сестрѣ: «я объ немъ стараюсь, какъ долженъ добрый дядя и отецъ крестный».

Отличавшійся желѣзнымъ здоровьемъ и огромною силою, Ломоносовъ прожилъ, однако, не долго. Смерть онъ встрѣтилъ съ отличавшей его твердостью. «Я не тужу о смерти», писалъ онъ на клочкѣ бумаги, «пожилъ, потерпѣлъ, и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ». Онъ жалѣлъ на смертномъ одрѣ, «что не могъ совершить всего того, что предпринялъ для пользы отечеству, для приращенія наукъ и для славы академіи, и теперь, при концѣ жизни, долженъ видѣть, что все его полезныя намѣренія исчезнуть вмѣстѣ съ нимъ». Умеръ онъ 4 апрѣля 1765 года, во второй день Свѣтлой недѣли. Погребеніе его было великолѣпное; на немъ присутствовали Петербургскій архіерей съ высшимъ духовенствомъ, сенаторы и многіе вельможи. Ломоносовъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ. Канцлеръ графъ Воронцовъ поставилъ на могилѣ его великолѣпный памятникъ изъ каррарскаго бѣлаго мрамора.

I.

ОДЫ ДУХОВНЫЯ.

1. Преложеніе псалма 143.

1. **Б**лагословенъ Господь мой Богъ,
Мою десницу укрѣпивый,
И персты въ брани научивый
Сотрѣть враговъ взнесенный рогъ.
2. Заступникъ и Спаситель мой,
Покровъ и милость и отрада,
Надежда въ брани и ограда,
Подъ власть мнѣ далъ народъ святой.
3. О Боже, что есть человѣкъ?
Что Ты ему Себя являешь,
И такъ его Ты считаешь,
Котораго толь кратко въкъ.
4. Онъ утро, вечеръ, ночь и день
Во тщетныхъ помыслахъ проводить;
И такъ вся жизнь его проходить,
Подобно какъ пустая тѣнь.
5. Склони, Зиждитель, небеса,
Коснись горамъ и воздымаются,
Да паки на землѣ явятся
Твои ужасны чудеса.
6. И молвіей Твоей блесни,
Рази отъ странъ гремящихъ стрѣлы,
Разсыпь враговъ Твоихъ предѣлы,
Какъ бурей плевъы разжени.
7. Меня объялъ чужой народъ,
Въ пучинѣ я погрязь глубокой,
Ты съ тверди длань простри высокой,
Спаси меня отъ многихъ водъ.

8. Вѣщаетъ ложь языкъ враговъ,
Десница ихъ сильна враждою,
Уста обильны суетою;
Скрываютъ въ сердцѣ злбный ковъ.
9. Но я, о Боже, возглаголю
Тебѣ пѣснь нову повсечасно;
Я въ десять струнъ Тебѣ согласно
Псалмы и пѣсни приношу.
10. Тебѣ, Спасителю царей,
Что крѣпостью меня прославилъ,
Отъ мотаго меча избавилъ,
Что врагъ вознесъ рукою своею.
11. Избавь меня отъ хищныхъ рукъ
И отъ чужихъ народовъ власти,
Ихъ рѣчь полна тщеты, напасти,
Рука ихъ въ насъ наводитъ лукъ.
12. Подобно масличнымъ древамъ
Сыновъ ихъ лѣта процвѣтають,
Одеждой дщери ихъ блистають
Какъ златомъ испещренный храмъ.
13. Пшеницы полны гѣмна ихъ,
Несчетно овцы ихъ плодятся,
На тучныхъ нажитыхъ хранятся
Стада въ травѣ воловъ толстыхъ.
14. Цѣла обширность крѣпкихъ стѣнъ
Вездѣ столпами укрѣпленныхъ,
Тамъ вопля въ стогнахъ нѣтъ стѣсненныхъ,
Не знаютъ скорбныхъ тамъ временъ.
15. Счастлива жизнь моихъ враговъ!
Но тѣ свѣтлѣе веселятся,
Ни бурь, ни громовъ не боятся,
Которымъ Вышній самъ покровъ.

(1743).

2. Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія.

1. Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь;
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.
2. Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,

Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
 Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
 Въ свирѣломъ какъ перо огнѣ,
 Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
 Теряюсь, мыслями утомленъ!

3. Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
 Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
 Несчетны солнца тамъ горятъ,
 Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
 Для общей славы Божества
 Такъ равна сила естества.
4. Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
 Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
 Не солнце-ль ставитъ тамъ свой тронъ?
 Не льдисты-ль мещутъ огонь моря?
 Се хладный пламень насъ покрываетъ!
 Се въ ночь на землю день вступилъ!
5. О вы, которыхъ быстрый зракъ
 Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
 Которымъ малый вещи знакъ
 Являетъ естества уставъ:
 Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
 Скажите, что насъ такъ мятеть?
6. Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
 Что тонкій пламень въ твердь разить?
 Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
 Стремится отъ земли въ зенитъ?
 Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
 Среди зимы рождать пожаръ?
7. Тамъ спорить жирна мгла съ водой;
 Иль солнечны лучи блестятъ,
 Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
 Иль тучныхъ горъ верхи горятъ;
 Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
 И гладки волны бьютъ въ эфиръ.
8. Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ,
 О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ.
 Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
 И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
 Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ?
 Скажите жъ, коль великъ Творецъ?

(1743).

3. Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

1. Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по землѣ,
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!
2. Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу брэнно наше око
Могло приблизившись возрѣть:
Тогда-бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно Океанъ.
3. Тамъ огненны валы стремятся
И не находят береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.
4. Сія ужасная громада
Какъ искра предъ тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада,
Тобою, Боже, возжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творишь намъ повелѣлъ!
5. Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись
Исполненны Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!
6. Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проникаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліется радость твари всей.
7. Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою
Всегда творити научи,
И на Твою взирая тварь
Хвалить Тебя, безсмертній Царь.

4. Преложеніе псалма 145.

1. **Х**валу Всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, возсылать:
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О немъ, пока могу дышать.
2. Никто не уповай вовѣки
На тщетну власть князей земныхъ:
Ихъ тѣжъ родили челоувѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.
3. Когда съ душою разлучатся,
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падеть;
Высоки мысли разрушатся
И гордость ихъ и власть минеть.
4. Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ,
И токмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ.
5. Несчетно многими звѣздами
Наполнившаго высоту,
И непостижными дѣлами
Земли и моря широту.
6. Творящаго на сильныхъ нищу
По истинѣ въ обидахъ судъ;
Дающаго голоднымъ пищу,
Когда къ нему возопіють.
7. Господь оковы разрѣшаетъ
И умудряетъ онъ слѣпцовъ,
Господь упавшихъ возвышаетъ
И любитъ праведныхъ рабовъ.
8. Господь пришельцевъ сохраняетъ,
И вдовъ приѣмлетъ и сиротъ.
Онъ дерзкій грѣшныхъ путь скончаетъ,
Въ Сионѣ будетъ въ родъ и родъ.

(1747).

5. Преложеніе псалма 116.

Хвалите Господа всея земли языки,
Воспойте Вышняго вси малы и велики:
Что милость Онъ Свою вовѣкъ поставилъ въ насъ,
И истина Его пребудетъ всякой часъ.

(1747).

№. 1.158

6. Преложение псалма 14.

1. Господи, кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ Тобою населяетъ
Верхъ священный горнихъ мѣстъ?
2. Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду завсегда хранитъ,
И нелестнымъ сердцемъ точно
Какъ языкомъ говоритъ.
3. Кто устами льститъ не знаетъ,
Влижнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.
4. Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ
И предъ Нимъ душою правыхъ,
Держится присяжныхъ словъ,
5. Въ лихву дать серебро стыдится,
Мзды съ невинныхъ не беретъ.
Кто такъ жить на свѣтѣ щитится,
Тотъ вовѣки не падеть.

(1747).

7. Преложение псалма 103.

1. Да хвалитъ Духъ мой и языкъ
Всесильнаго Творца державу,
Великолѣпіе и славу.
О Боже мой, коль Ты великъ!
2. Одѣянь чудной красотой,
Зарей божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета
Шатру подобно предъ Тобой.
3. Покрывъ водами высоты,
На легкихъ облакахъ восходишь,
Крылами вѣтровъ шумъ наводишь,
Когда на нихъ летаешь ты.
4. И воли Твоя послы
Какъ устремленія воздушны
Всесильнымъ маніямъ послушны
Текутъ, горять не зная мглы.
5. Ты землю твердо основалъ
И для надежныхъ окрѣпы

- Недвижны положилъ заклепы
И вѣчну непреклонность даль.
6. Ты бездною ее облекъ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходить, сгущаяся надъ нами,
Гдѣ дождь рождается и снѣгъ.
7. Ихъ воля Твой единый взглядъ,
Отъ запрещенія мутятся,
И въ тучи, устрашась, тѣснятся;
Лишь грянетъ громъ Твой, внизъ шумятъ.
8. Восходятъ горы въ высоту;
Крутыя ставишь Ты стремнины
И стелешь злачныя долины,
Угрюмствомъ множа красоту.
9. Предѣлъ верхамъ ихъ положилъ,
Чтобъ землю скрыть не обратились,
Ничѣмъ бы въ низъ не преклонились,
Кромѣ Твоихъ безмѣрныхъ силъ.
10. Изъ горъ въ долины льешь ключи
И прохлаждаешь тѣмъ отъ зноя:
Журчатъ для сладкаго покоя,
Между горами текучи.
11. И напояютъ всѣхъ звѣрей,
Что окрестъ сель себя питаютъ;
И ждуть ослы, какъ въ жакдѣ таютъ,
Отрады отъ руки Твоей.
12. Слетаясь тамо птицы въ тѣнь,
Возносятъ пѣніе и свисты,
Живять вертепы каменисты,
И тѣмъ проводятъ жаркой день.
13. Ты свыше влагу льешь горамъ,
Плодами землю насаждаешь,
И всѣ народы насыщаешь,
Свидѣтелей Твоимъ дѣламъ.
14. Растишь въ поляхъ траву для стадъ,
Намъ разны зелія въ потребу
Обильно прилагаешь къ хлѣбу,
Щедротою ко всѣмъ богатъ.
15. Хлѣбъ силой нашу грудь крѣпитъ,
Намъ масло члены умягчаетъ;
Вино въ печали утѣшаетъ
И сердце радостью живитъ.
16. Древамъ даешь обильный тукъ;

Поля вѣнчаешь ими, Щедрый.
 Насажжены въ Ливанѣ кедры
 Могуществомъ всесильныхъ рукъ.

(1749).

8. Преложеніе псалма 1.

1. **Б**лаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
 Не хочетъ грѣшнымъ въ слѣдъ ступать,
 И съ тѣмъ, кто въ пагубу приводитъ,
 Въ согласныхъ мысляхъ засѣдатель.
2. Но волю токмо подвергаетъ
 Закону Божію во всемъ,
 И сердцемъ оный наблюдаетъ
 Во всемъ теченіи своемъ.
3. Какъ древо онъ распространится,
 Что близь текущихъ водъ растеть,
 Плодомъ своимъ обогатится,
 И листъ его не упадетъ.
4. Онъ узритъ слѣдствія поспѣшны
 Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
 Но пагубой смятутся грѣшны,
 Какъ вихремъ восхищенный прахъ.
5. И такъ злодѣи не возстанутъ
 Предъ Вышняго Творца на судъ;
 И праведны не вспомнятъ
 Въ своемъ соборѣ ихъ отнюдь.
6. Господь на праведныхъ взираетъ,
 И ихъ въ пути своемъ хранитъ;
 Отъ грѣшныхъ взоръ Свой отвращаетъ,
 И злобный путь ихъ погубитъ.

(1750).

9. Преложеніе псалма 26.

1. **Г**осподь Спаситель мнѣ и свѣтъ:
 Кого я убоюсь?
 Господь самъ жизнь мою блюдетъ:
 Кого я утрашуся?
2. Во злобѣ плоть мою пожратъ
 Противны устремились.
 Но злой совѣтъ хотя начать,
 Упадши, сокрушились.
3. Хоть полкъ противъ меня возстанъ;
 Но я не ужасаюсь.

- Пускай враги воздвигнуть брань;
На Бога полагаюсь.
4. Я только отъ Творца прошу,
Чтобъ въ храмъ Его вселиться;
И больше въ свѣтъ не ищю,
Какъ въ ономъ веселиться.
5. Въ селеніи Своемъ покрылъ
Меня Онъ въ день печали,
И неподвижно укрѣпилъ,
Какъ злые окружали.
6. Возвысилъ Онъ мою главу
Надъ всѣхъ враговъ ужасныхъ:
Я жертву принося, зову
Ему въ псалмахъ согласныхъ.
7. Услыши, Господи, мой гласъ,
Когда къ Тебѣ взываю,
И сохрани на всякій часъ:
Къ Тебѣ я прибѣгаю.
8. Ко свѣту Твоего лица
Вперяю взоръ душевный,
И отъ Всецедраго Творца
Пріемлю лучъ вседневный.
9. Отъ грѣшнаго меня раба,
Творецъ, не отвратися;
Да взыдетъ предъ Тебя мольба,
И въ гнѣвѣ укротися.
10. Меня оставилъ мой отецъ
И мать еще въ младенствѣ;
Но воспріялъ меня Творецъ
И далъ жить въ благоденствѣ.
11. Настави, Господи, на путь
Святымъ Твоимъ закономъ,
Чтобъ врагъ не могъ поколебнуть
Крѣпящагося въ ономъ.
12. Меня въ сей жизни не отдай
Душамъ людей безбожныхъ,
Твоей десницею покрывай
Отъ клеветаній ложныхъ.
13. Я чаю видѣть на земли
Всевышняго щедроты,¹
И не лишиться николи
Владычнія доброты.
14. Ты, сердце, духомъ укрѣпись,

О Господѣ мужайся,
И бѣдствіемъ не колеблись;
На Бога полагайся.

(1750).

10. Преложеніе псалма 34.

1. Суди обидящихъ, Зиждитель,
И отъ борющихся со мной
Всегдашній буди Покровитель,
Заступникъ и Спаситель мой.
2. На гласъ мой нынѣ преклонися,
Прими оружіе и щить,
И мнѣ на помощь ополчися,
Когда противникъ мнѣ грозитъ.
3. Сдержи стремленіе гонящихъ,
Ударивъ пламеннымъ мечемъ.
Увѣрь въ напастяхъ обстоящихъ,
Что я въ покрытіи Твоемъ.
4. Гонители да постыдятся,
Что ищутъ зла души моей,
И съ срамомъ вспять да возвратятся,
Смутившись въ памяти своей.
5. Да сильный гнѣвъъ Твой злыхъ восхитить,
Какъ бурнымъ вихремъ легкій прахъ.
И Ангель Твой да не защититъ,
Бѣгущихъ умножая страхъ.
6. Да помрачится путь ихъ мглою,
Да будетъ ползокъ и разрытъ,
И Ангель, мстящею рукою
Ихъ вслѣдъ гоня, да устрашитъ.
7. Сіе гоненіе ужасно
Да оскорбитъ за злобу ихъ,
Что зляся на меня напрасно,
Скрывали мрежу злобъ своихъ.
8. Глубокій, мрачный ровъ злодѣю
Въ пути да будетъ сокровень;
Да будетъ сѣтію своею,
Что мнѣ поставилъ, уловень.
9. Душа моя возвеселится
О Покровителѣ своемъ,
И радостію ободрится
О заступленіи Твоемъ.

10. Съ Тобою кто себя сравниеть?
 Всѣ кости, Боже мой, гласятъ;
 Твоя власть сильныхъ сокрушаетъ,
 Что бѣдныхъ растерзать хотять.
11. Уже свидѣтели возстали
 Неправедные на меня,
 И стыдъ оставивъ вопрошали
 О томъ, чего не знаю я.
12. Наносятъ мнѣ вражду и злобу,
 Чтобъ тѣмъ мнѣ за добро воздать,
 И бѣдный духъ мой и утробу
 Досадой и тоской терзать.
13. Но какъ они ослабѣвали,
 Тогда постомъ я и мольбой
 Смирять себя, дабы возстали
 Противники мои въ покой.
14. Какъ брату своему я тщился,
 Какъ ближнимъ, такъ имъ угождать,
 И сѣтуя объ нихъ крушился,
 И слезъ своихъ не могъ держать.
15. Они однако веселятся,
 Какъ видятъ близъ мою напасть;
 И на меня согласно злятся,
 Готова ровъ, гдѣ мнѣ упасть.
16. Смятенный духъ во мнѣ терзають,
 Моимъ паденьемъ лстя себя;
 Смѣются, нагло укоряють,
 Зубами на меня скрипя.
17. Доколѣ, Господи, безъ гнѣву
 На злость ихъ будешь Ты взирать?
 Не дай, не дай Ты львову чреву
 Животь мой до конца пожрать!
18. Во храмѣ возвѣщу великомъ
 Преславную хвалу Твою,
 Веселымъ гласомъ и языкомъ
 При тьмахъ народа воспою.
19. Не дай врагамъ возвеселиться
 Неправедной враждой своей,
 Не дай презорствомъ возгордиться
 И помизаніемъ очей.
20. Хоть мирныя слова вѣщали
 И ласковъ видъ казали внѣ;

- Но въ сердцѣ злобу умышляли
И сѣти соплетали мнѣ.
21. Мнѣ пагубы конечно чая,
Всѣ купно стали восклицать,
Смѣяться, челюсть расширяя:
Намъ радостно на то взирать!
22. Ты видѣлъ, Господи, ихъ мерзость:
Отмсти и злобнымъ не стерпи;
Отмсти безсовѣстную дерзость,
И отъ меня не отступи.
23. Возстани, Господи Зиждитель,
Взойди на Твой святыи престолю,
И буди нашей при рѣшитель,
Спаси отъ нестерпимыхъ золь.
24. Подвигнись правдою святою,
Суди насъ, Господи, суди,
Не дай имъ поругаться мною,
Суди, и мнѣ не снисходи.
25. Не дай имъ въ злобѣ похвалиться,
И мнѣ въ ругательство сказать:
О какъ въ насъ сердце веселится,
Что мы могли его пожрать.
26. Посрамлены да возьмутся,
Что ради злымъ моимъ бѣдамъ;
И сверхъ главы да облекутся
Мои противны въ студи и въ срамъ.
27. Но тѣмъ дай вѣчную награду,
Что оправдать меня хотять;
Взирая на мою отраду,
Великъ Господь нашъ, говорятъ.
28. Языкъ мой правдѣ поучится,
И истинѣ святой Твоей.
Тобой мой духъ возвеселится
Чрезъ все число мнѣ данныхъ дней.

(1750).

11. Преложение псалма 70.

1. Въ Тебѣ надежду полагаю,
Всесильный Господи, всегда,
Къ Тебѣ и нынѣ прибѣгаю,
Да ввѣкъ спасуся отъ студа.
2. Святою правдою Твоею
Избавь меня отъ злобныхъ рукъ,

- Склонись молитвою моею
И сокруши коварныхъ лукъ.
3. Поборникъ мнѣ и Богъ мой буди
Противъ стремящихся враговъ,
И брэнной сей и тлѣнной груди
Стѣна, защита и покровъ.
4. Спаси меня отъ грѣшныхъ власти
И преступившихъ Твой законъ,
Не дай мнѣ въ челюсти ихъ впасти
Зіяючи со всѣхъ сторонъ.
5. Въ терѣвнїи моеемъ, Зиждитель,
Ты былъ отъ самыхъ юныхъ дней
Помощникъ мой и Покровитель,
Пристанище души моей.
6. Отъ чрева матерня Тобою
И отъ утробы укрѣленъ,
Тебя превозношу хвалою,
Усердіемъ къ Тебѣ возженъ.
7. Враги мои чудясь смѣются,
Что я кругомъ объять бѣдой,
Однако мысли не мятутся:
Когда Господь Заступникъ мой.
8. Превозносить Твою державу,
И воспѣвать на всякой часъ
Великолѣпіе и славу,
Отъ усть да устремится гласъ.
9. Во время старости глубокой,
О Боже мой, не отступи;
Но крѣпкой мышцей и высокою
Увядши члены укрѣпи.
10. Враги, которые всечасно
Погибели моей хотять,
Ужѣ о мнѣ единогласно
Между собою говорятъ:
11. Погонимъ: Богъ его оставилъ;
Кого онъ можетъ преклонить,
Отъ насъ бы кто его избавилъ?
Теперь пора его губить.
12. О Боже мой, не удалися;
Покрой меня рукой Своей,
И помощь ниспослать потщися
Объятой зломъ душѣ моей.

13. Да въ вѣчномъ срамѣ погрузятся,
 Которые мнѣ ищутъ зла;
 Да на главу ихъ обратятся
 Коварства, плевы и хула.
14. Надежду крѣпку несомнѣнно
 Въ Тебѣ единомъ положу,
 И прославляя безпремѣнно,
 Въ исалмахъ и пѣсняхъ возглашу.
15. Отъ устъ моихъ распространится
 О истинѣ Твоей хвала,
 Благодѣяній слухъ промчится
 Тобой мнѣ бывшихъ безъ числа.
16. Твою я крѣпость, Вседержитель,
 Повсюду стану прославлять;
 И что Ты мой былъ покровитель,
 Вовѣки буду поминать.
17. Тобою, Боже, я наставленъ
 Хвалить Тебя отъ юныхъ лѣтъ,
 И нынѣ буди препрославленъ
 Чрезъ весь Тобой созданный свѣтъ.
18. Доколѣ дряхлость обращаться
 Не возбранить моимъ устамъ,
 Твоя въ нихъ крѣпость прославляться
 Грядущимъ будетъ всѣмъ родамъ.
19. Твоя держава возвѣстится,
 И правда мною до небесъ;
 О Боже, кто Тебѣ сравнится
 Великимъ множествомъ чудесъ.
20. Ты къ пропасти меня поставилъ,
 Чтобъ я свою погибель зрѣлъ;
 Но скоро обратясь избавилъ
 И отъ глубокихъ безднъ возвелъ.
21. Щедроту Ты Свою прославилъ,
 Меня утѣшить восхотѣлъ.
 И скоро обратясь избавилъ,
 И отъ глубокихъ безднъ возвелъ.
22. Среди народа велегласно
 Повѣдаю хвалу Твою,
 И на струнахъ моихъ всечасно
 Твои щедроты воспойю.
23. Уста мои возвеселятся,
 Когда возвышу голосъ мой,

И кунно чувства наслаются
 Души спасенныя Тобой.

24. Еще языкъ мой поучится
 Твои хвалити правоты,
 Коварныхъ сила постыдится,
 Которы ищутъ мнѣ бѣды.

(1750).

О Д А,

выбранная изъ Іова, главы 38, 39, 40 и 41.

1. **О** ты, что въ горести напрасно
 На Бога ропщешь, человекъ,
 Внимай, коль въ ревности ужасно,
 Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
 Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
 И гласомъ грома прерывая,
 Словами небо колебаль,
 И такъ его на распрю зваль.
2. Сбери свои все силы нынѣ,
 Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
 Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
 Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
 Когда Я твердь земли поставилъ,
 И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
 Величество и власть Мою?
 Яви премудрость ты свою!
3. Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною
 Безчисленны тмы новыхъ звѣздъ,
 Моей возженныхъ вдругъ рукою
 Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
 Мое Величество вѣщали;
 Когда отъ солнца возсіяли
 Повсюду новые лучи,
 Когда взошла луна въ ночи?
4. Кто море удержалъ берегами
 И безднѣ положилъ предѣль,
 И ей свирѣлыми волнами
 Стремиться далѣ не велѣлъ?
 Покрытую иучину мглою
 Не Я ли сильною рукою
 Открылъ и разогналъ туманъ,
 И съ суши сдвигнулъ Океанъ?

5. Возмогу ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?
6. Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину?
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада ходящія по дну?
Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнюю покрыты мглою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты сперь ли адовы уста?
7. Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горь сердца трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать,
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?
8. Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крыла простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и въ пропастяхъ глубокихъ
Что въ нищу Я ему послалъ.
Толь быстро око ты ли далъ?
9. Возри въ лѣса на бегемота.
Что Мною сотворенъ съ тобой;
Колочій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.
Какъ верви сплетены въ немъ жилы.
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его содрѣть?
10. Ты можешь ли Левіаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ Океана

- Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
 Свѣтящимися чешуями
 Покрѣть какъ мѣдными щитами,
 Копье и мечъ и молотъ твой
 Считаетъ за тростникъ гнилой.
11. Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ,
 И зубы страшный рядъ серповъ:
 Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
 Всегда къ сраженью онъ готовъ;
 На острыхъ камняхъ возлегаеть,
 И твердость оныхъ презираеть.
 Для крѣпости великихъ силъ,
 Считаетъ ихъ за мягкой иль.
12. Когда ко брани устремится,
 То море какъ котель кипитъ,
 Какъ печь гортань его дымится,
 Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
 Сверкаютъ очи раздраженны,
 Какъ уголь въ горнилѣ раскаленный.
 Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня.
 Кто можетъ стать противъ Меня?
13. Обширнаго громаду свѣта
 Когда устроить Я хотѣлъ,
 Просилъ ли твоего совѣта
 Для множества толикихъ дѣлъ?
 Какъ персть Я взялъ въ началѣ вѣка,
 Дабы создати человѣка;
 Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
 Чтобъ видѣ иной тебѣ Я далъ?
14. Сие, о смертный, разсуждая,
 Представъ Зиждителю власть,
 Святую волю почитая,
 Имѣй свою въ терпѣнныи часть.
 Онъ все на пользу нашу строитъ,
 Казнить кого, или поконитъ.
 Въ надеждѣ тяготу сноси,
 И безъ роптанія проси.

(1750).

II. ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЯ.

I. На побѣду надъ турками и татарами и на взятіе Хотина, 1739 года.

1. Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведеть на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
Въ долину тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключъ молчить,
Который завсегда журчить
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится *).
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.
2. Не Пиндъ-ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку!
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь труды;
Умой росой Кастильской очи,
Чрезъ стень и горы взоръ простри,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ вперн,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи.
3. Корабль какъ ярыхъ воанъ среди,
Которыя хотять покрыти,
Бѣжить, срывая съ нихъ верхи,
Претить съ пути себя склонити;
Сѣдая пѣна вокругъ шумить;
Въ пучинѣ слѣдъ его горить;
Къ Россійской силѣ такъ стремятся,
Кругомъ объѣхавъ, тьмы татаръ;

Что межъ травой въ лугу журчить
И съ холмовъ внизъ шума стремится.

- Скрываетъ небо конскій парь!
 Что-жъ въ томъ? стремглавъ безъ душъ валятся.
4. Крѣпннть отечества любовь
 Сыновъ російскихъ духъ и руку;
 Желаетъ всякъ пролить всю кровь,
 Отъ грознаго бодрится звуку.
 Какъ сильный левъ стада волковъ,
 Что кажутъ острыхъ ядь зубовъ,
 Очей горящихъ гонить страхомъ,
 Отъ реву лѣсъ и брегъ дрожить.
 И хвостъ песокъ и пыль мутить.
 Разить извившисъ сильнымъ махомъ.
5. Не мѣдь-ли въ чревѣ Этны ржеть,
 И съ сѣрою кипя, клокочетъ?
 Не адъ-ли тяжки узы рветъ
 И челюсти разинуть хочетъ?
 То родъ отверженной рабы,
 Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
 Металль и пламень въ доль бросаетъ,
 Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ
 Среди враговъ среди болотъ
 Черезъ быстрый токъ на огонь дерзаетъ.
6. За холмы, гдѣ паляща хлябъ
 Дымъ, пепель, пламень, смерть рыгаетъ,
 За Тигръ, Стамбуль, своихъ заграбъ,
 Что камни съ береговъ сдираетъ;
 Но чтобъ орловъ сдержать полеть,
 Такихъ препонъ на свѣтъ нѣтъ.
 Имъ воды, лѣсъ, бугры, стремнины,
 Глухія степи равень путь.
 Гдѣ только вѣтры могутъ дуть.
 Доступять тамъ полки орлины.
7. Пускай земля какъ Понтъ трясеть;
 Пускай вездѣ громады стонуть,
 Премрачный дымъ покроетъ свѣтъ,
 Въ крови Молдавски горы тонуть;
 Но вамъ не можетъ то вредить,
 О россы, васъ самъ рокъ покрытъ
 Желаетъ для счастливой Анны.
 Уже вашъ къ ней усердный жаръ
 Быстро проходитъ сквозь татаръ
 И путь отворенъ вамъ пространнйй.
8. Скрываетъ лучъ свой въ волны день.

Оставивъ бой ночнымъ пожарамъ;
 Мурза упалъ на долгу тѣнь;
 Взять купно свѣтъ и духъ татарамъ.
 Изъ лывъ густыхъ выходитъ волкъ
 На блѣдный трупъ въ турецкій полкъ.
 Иной въ послѣдни видя зрю:
 Закрой, кричить, багряный видъ,
 И купно съ нимъ Магметовъ стыдъ;
 Спустися поспѣшно съ солнцемъ къ морю.

9. Что такъ тѣснить боязнь мой духъ?
 Хладнѣютъ жилы, сердце ноетъ!
 Что бьетъ за странный шумъ въ мой слухъ?
 Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ!
 Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
 Небесная отверзлася дверь;
 Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился;
 Блеснулъ горящимъ вдругъ лицомъ;
 Умытымъ кровію мечемъ
 Гоня враговъ, герой открылся.

10. Не сей ли при Донскихъ струяхъ
 Разсыпалъ вредны россамъ стѣны?
 И персы въ жаждущихъ степяхъ
 Не симъ ли пали пораженны?
 Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
 Какъ къ готскимъ приплывалъ брегамъ,
 Такъ сильну вносилъ десницу*);
 Такъ быстрой конь его скакалъ,
 Когда онъ тѣ поля топталъ,
 Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

11. Кругомъ его изъ облаковъ
 Гремящіе перуны блещутъ,
 И чувствуя приходъ Петровъ,
 Дубравы и поля трепещутъ.
 Кто съ нимъ толь грозно зреть на югъ,
 Одѣянъ страшнымъ громомъ вокругъ?
 Никакъ смиритель странъ Казанскихъ?
 Каспійски воды, сей при васъ
 Селима гордаго потрясъ,
 Наполнилъ степь головъ поганскихъ.

*) Въ Иранскихъ жаждущихъ степяхъ
 Не симъ ли персы низложены?
 Онъ такъ взиралъ къ врагамъ лицомъ,
 Онъ такъ бросалъ за Бельтъ свой громъ,
 Онъ сильну такъ вносилъ десницу.

12. Герою молвилъ тутъ герой:
 Нетщето я съ тобой трудился,
 Нетщетенъ подвигъ мой и твой,
 Чтобъ россовъ цѣлой свѣтъ страшился.
 Черезъ насъ предѣлъ нашъ сталь широкъ
 На сѣверъ, западъ и востокъ.
 На югѣ Анна торжествуетъ,
 Покрывъ своихъ побѣдой сей.
 Свилася мгла, герои въ ней;
 Не зреть ихъ око, слухъ не чуетъ.
13. Крутить рѣка татарску кровь,
 Что протекала между ними;
 Не смѣя въ бой пуститься вновь,
 Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми,
 Забывъ и мечъ, и станъ, и стыдъ,
 И представляетъ страшный видъ
 Въ крови друзей своихъ лежащихъ.
 Уже трянувшись легкой листъ
 Страшитъ его какъ ярый свистъ
 Быстро сквозь воздухъ ядръ летящихъ.
14. Шумить съ ручьями боръ и долъ:
 Побѣда, русская побѣда!
 Но врагъ, что отъ меча ушолъ,
 Бойтся собственнаго слѣда.
 Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
 Луна стыдилась сраму ихъ,
 И въ мракъ лицо, зардѣвшись, скрыла.
 Летаетъ слава въ тмѣ ночной,
 Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
 Коль русская ужасная сила.
15. Вливаясь въ Понтъ Дунай реветъ,
 И россовъ плеску отвѣчаетъ;
 Ярясь волнами турка льетъ,
 Что стыдъ свой за него скрываетъ.
 Онъ рыщетъ какъ пронзенный звѣрь,
 И чаеть, что уже теперь
 Въ послѣдній разъ заноситъ ногу,
 И что земля его носить
 Не хочетъ, что не могъ покрыть.
 Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.
16. Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
 Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
 Гдѣ злость на сѣверны края?

- Стамбуль, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
 Ты лишъ своимъ велѣль ступить,
 Насъ тотчасъ чаяль побѣдить;
 Янычаръ твой свирѣпо злился,
 Какъ тигръ на росскій полкъ скакаль.
 Но что? внезапно мертвъ упалъ,
 Въ крови своей пронзенъ залился.
17. Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
 Что васъ, Агаряне, попрала,
 Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
 Мечемъ кровавымъ показала.
 Великой Анны грозной взоръ
 Отраду дать просящимъ скоръ;
 По страшной тучи возсіяетъ.
 Къ себѣ повинность вашу зря.
 Къ своимъ любовію горя,
 Вамъ казнь и милость обѣщаетъ.
18. Златой ужé десницы *) персть
 Завѣсу свѣта вскрыль съ звѣздами:
 Отъ востока скачетъ по ступи версть,
 Пуская искры конь ноздрями.
 Лицомъ сіяетъ Фебъ на томъ.
 Онъ пламеннымъ потрясъ верхомъ;
 Преславно дѣло зря, дивится:
 Я мало таковыхъ видалъ
 Побѣдъ, коль долго я блисталъ,
 Коль долго кругъ вѣковъ катится.
19. Какъ въ клубъ змѣя себя крутитъ,
 Шипитъ, подъ камень жало кроетъ,
 Орель когда шумя летитъ,
 И тамъ паритъ, гдѣ вѣтръ не воетъ;
 Превыше молній, бурь, снѣговъ,
 Звѣрей онъ видитъ, рыбъ, гадовъ.
 Предъ Росской такъ дрожить Орлицей,
 Стѣсняетъ внутрь Хотинъ своихъ.
 Но что? въ стѣнахъ-ли можетъ сихъ
 Предъ сильной устоять царицей.
20. Кто скоро толь тебя, Калчакъ,
 Учить Россійской вдатся власти,
 Ключи вручить въ подданства знакъ,
 И большей избѣжать напасти?
 Правдивой Аннинъ гнѣвъ велитъ,

*) десницы.

- Что падшихъ передъ ней падить.
 Ея взошли и тамъ оливы,
 Гдѣ Вислы токъ, гдѣ славный Ренъ,
 Мечемъ противникъ гдѣ смиренъ,
 Извергли духъ сердца кичливы.
21. О какъ красуются мѣста,
 Что иго лютое сбросили,
 И что на туркахъ тягота,
 Которую отъ нихъ носили;
 И варварскія руки тѣ,
 Чтò ихъ держали въ тѣснотѣ,
 Въ полонъ уже несутъ оковы;
 Что ноги узами звучать,
 Которы для отгнанья стадъ
 Чужки поля топтать готовы.
22. Не вся твоя тутъ, Порта, казнь,
 Не такъ тебя смирать достойно,
 Но большу нанести боязнь,
 Что жить намъ не дала покойно.
 Еще высокихъ мыслей страсть
 Претить тебѣ предъ Анной пасть?
 Гдѣ можешь ты отъ ней укрыться?
 Дамаскъ, Каиръ, Алешъ сгорить;
 Обставятъ росскимъ флотомъ Критъ;
 Евфратъ въ твоей крови смутится.
23. Чинить премѣну чтò во всемъ?
 Чтò очи блескомъ пронизаетъ?
 Чистѣйшимъ съ неба чтò лучемъ
 И дневну ясность превышаетъ?
 Героевъ слышу весель кликъ!
 Одѣянъ въ славу Аннинъ ликъ
 Надъ звѣзды вѣчность возноситъ круги;
 И правда, взявъ перо златò,
 Въ нетлѣнной книгѣ пишетъ то,
 Велики коль ея заслуги.
24. Витійство, Пиндаръ, усть твоихъ
 Тяжчае бѣ Оивы обвинили:
 За тѣмъ что о побѣдахъ сихъ
 Они бѣ громчѣе возгласили,
 Какъ прежде о красѣ Аоннѣ:
 Россія какъ прекрасный кринь
 Цвѣтетъ подъ Анниной державой.
 Въ китайскихъ чтуть ея стѣнахъ,

- И свѣтъ во всѣхъ своихъ концахъ
Исполненъ храбрыхъ россовъ славою.
25. Россія, коль счастлива ты
Подъ сильнымъ Аннинымъ покровомъ!
Какія видишь красоты
При семь торжествованьи новомъ!
Военныхъ не страшися бѣдъ:
Бѣжить оттуду бранный вредъ,
Народъ гдѣ Анну прославляетъ.
Пусть злобна зависть ядъ свой льетъ,
Пусть свой языкъ, ярься, грызетъ;
То наша радость презираетъ.
26. Казацкихъ полъ заднѣстрскій тать,
Разбить, прогнанъ, какъ прахъ развѣянь,
Не смѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницей гдѣ покой насѣянь.
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ,
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Нигдѣ не зналъ, плывя, препятства.
Красуется великъ и малъ;
Жить хочетъ вѣкъ, кто въ гробъ желалъ:
Влекутъ къ тому торжество изрядства.
27. Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ;
Пришедъ, овецъ пасетъ гдѣ другъ
Съ нимъ пѣсню новую заводитъ.
Солдатску храбрость хвалитъ въ ней,
И жизни часть блажитъ своей,
И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спитъ;
И ту, что отъ враговъ хранить,
Простымъ усердемъ прославляетъ.
28. Любовь Россіи, страхъ враговъ,
Страны полночной героиня,
Седьми пространныхъ морь береговъ
Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты добротъ
Сіяешь свѣтомъ и щедротъ:
Прости, что рабъ твой къ громкой славѣ,
Звучитъ что крѣпость силъ твоихъ,
Придать дерзнулъ не красной стихъ
Въ подданства знакъ твоей державѣ.

II. На праздникъ рожденія императора Іоанна III,
1741 года.

1. **Н**агрѣты нѣжнымъ воды югомъ,
Струи полденныхъ теплы рѣкъ,
Ликуйте свѣтло другъ предъ другомъ:
Златой начался снова вѣкъ.
Всегдашнимъ льдомъ покрыты вѣлны,
Скачите нынѣ веселья полны,
Въ берегахъ чините весель шумъ.
Повсюду вѣйте, вѣтры, радость,
Въ Невѣ пролейся, меда сладость:
Іоанновъ нектаръ пьеть мой умъ.
2. Однако нѣтъ, мои предѣлы,
Смущать не смѣйте молодой слухъ.
Холмовъ верхи полночныхъ бѣлы,
Откуда вѣетъ хладной духъ,
Въ любви со страхомъ тихо тайте,
Покой моей надеждѣ дайте.
Вздержите быстрой рѣкѣ токъ,
Тихонько внизъ теча молчите,
Подъ мой лишь низкой стихъ журчите.
Умолкни западъ, сѣверъ, востокъ.
3. Породы царской вѣтвь прекрасна,
Моя надежда, радость, свѣтъ,
Счастливыхъ дней аврора ясна,
Монархъ, младенецъ райской цвѣтъ,
Позволь твоей рабѣ нижайшей
Въ твой новый годъ пѣтъ стихъ тишайшій.
Чѣмъ больше я росой кроплюсь,
Съ Парнасскихъ что верховъ стекаетъ;
Жарче тѣмъ любовь пылаетъ,
Къ тебѣ сильнѣе той палюсь.
4. Цѣлую васъ вы, щедры очи,
Небесный въ коихъ блещетъ лучъ.
Какъ дни при васъ свѣтлы мнѣ ночи,
Чистъ воздухъ мнѣ во время тучъ.
Послушны вамъ стихіи сами.
Пресѣкъся вихрей бѣгъ съ громами.
[Коль счастливъ сихъ восходъ планеть.]
Отъ васъ мои нагрѣты груди,
И ваши всѣ подданны люди,
Что просятъ вамъ несчетныхъ лѣтъ.

5. Цѣлую ручки, что къ державѣ
 Природа мудра въ свѣтъ дала,
 Которы будутъ въ громкой славѣ
 Мечемъ страшить и гнать врага.
 Отъ теплыхъ ужъ береговъ Азійскихъ
 Вселенной часть до водъ Балтійскихъ
 Въ объятъи вашемъ вся лежитъ.
 Лишь только перстникъ вашъ погнется,
 Народъ безчисленъ вдругъ сберется,
 Готовъ идти куда велить.
6. Вы ножки, что лобзать желаютъ
 Давно уста высокихъ лицъ:
 Подданства знаки вамъ являютъ
 Языки многи павшихъ ницъ.
 Въ Петровъ и Аннинъ слѣдъ вступите,
 Противныхъ дерзость всѣхъ стопчите;
 Прямой покажетъ правда путь;
 Васъ храбрость надъ луной поставитъ
 И въ тѣхъ земляхъ меня прославитъ,
 О коихъ нынѣ нигдѣ нечуть.
7. Земля, пусти таки цвѣточки,
 Сдвинься Флорѣ чтобъ самой;
 Жемчуга-бъ чище ихъ листочки,
 И злато-бъ ниже тѣхъ цѣной.
 Приятный духъ дай имъ Цейлоновъ.
 Натура выше встань законовъ,
 Родѣ, что выше силъ твоихъ.
 Съ весельемъ нимфы тѣ щиплите,
 И съ лавромъ ихъ въ вѣнцы сплетите,
 Во знакъ побѣдъ, утѣхъ драгихъ.
8. Господствуй, радость, ты едина
 Надъ властью толь широкихъ странъ.
 Но мышлю, придетъ лишь година,
 Познаешь какъ что врагъ погранъ
 Твоихъ удачами славныхъ дѣдовъ,
 Что страшны тѣ у всѣхъ сосѣдовъ;
 Заплачешь какъ Филипповъ сынъ,
 Ревнивы слѣзы будутъ литься.
 Но твой весельемъ плачь скончится,
 Монархъ: то было лишь починъ.
9. Что сердце такъ мое пронзаеть?
 Не дерзкъ-ли то гигантъ шумить?
 Не горы-ль съ мѣсть своихъ толкаетъ,

- Холмы сорваши въ твердь разить?
 Край небесъ уже трясутся!
 Пути обычны звѣздъ мнутся!
 Никакъ ярится Антей злой!
 Не Пиндъ-ли онъ на Осеу ставить?
 А Этна верхъ Кавказской давить?
 Не солнце-ль хочеть снятъ рукой?
10. Проклята гордость, злоба, дерзость,
 Въ чудовище одно срослись;
 Высоко имя скрыло мерзость,
 Слѣпой талантъ пустилъ взнестись!
 Велить себя въ неволю славить,
 Престоль себѣ надъ звѣзды ставить,
 Превыситъ хочеть вышню власть,
 На мой животъ ужъ зубы скалить;
 Злодѣйства кто его не хвалить,
 Погрязнетъ скоро въ мрачну пасть.
11. Но зрю съ весельемъ чудо славно,
 Дивнѣе, нежъ Алцидъ чинилъ,
 Какъ онъ лишь былъ рожденъ недавно,
 Скрутивъ змѣямъ главы сломилъ.
 Мой императоръ громъ примаеть,
 На гордость свой перунъ бросаетъ;
 Внезапно пала та стремглавъ,
 Съ небесъ какъ древня въ адъ Денница;
 За рай ужъ держать ту темница.
 Ну, гдѣ же твой кичливый нравъ?
12. Исчезли всѣ затѣи лишны,
 Ужасныхъ нѣтъ во мнѣ премѣнъ:
 Вездѣ веселы клики слышны:
 Монархъ нашъ сильныхъ двухъ колѣнъ.
 Одно мое, чѣмъ я толь славна;
 Россіянъ храбрость гдѣ не явна?
 Друго германско, съ коимъ Римъ
 Войну едва дерзаль начати,
 Весь свѣтъ побивъ, не могъ стояти
 Въ бою, Тейтонъ, съ полкомъ твоимъ.
13. Разумный Гостомысль при смерти
 Крѣпиль князей совѣтомъ сборъ:
 Противныхъ чтобъ вамъ силу стерти,
 Живите въ дружбѣ, бойтесь ссоръ.
 Къ брегамъ Варяжскихъ водъ сходите,
 Мужей премудрыхъ тамъ просите,

Могли бѣ которы править васѣ.
 Послы мои туда сходили,
 Откуда Рурикѣ, Труворѣ были
 Съ Синавомѣ три князья у насѣ.

14. Не славны-ль стали ихѣ потомки?
 Великѣ былѣ Игорь, хотѣ и младѣ;
 Дѣла его при Понтѣ звонки,
 Дрожалѣ предѣ нимѣ и самѣ Царьградѣ.
 Устроилѣ внукѣ меня краснѣе,
 Открылѣ мнѣ полдня свѣтѣ яснѣе,
 Кумировѣ мерзкихѣ мракѣ прогналѣ.
 Ревнивѣ Донской что Дмитрій дѣетѣ?
 Татарска кровь въ Дону багрѣетѣ;
 Мамай куда-бѣ уйти не зналѣ.
15. Молчу заслуги, что недавно
 Чинила царска мнѣ любовь;
 Твое коль, Рурикѣ, племя славно!
 Коль мнѣ твоя полезна кровь!
 Отгуду жѣ нынѣ взошло свѣтило,
 Откуда прежде счастье было.
 Спѣшите скоро тѣ лѣта,
 Когда увижу что желаю.
 О младомѣ свѣтѣ больше чаю,
 Нежѣ предковѣ слава мнѣ дала.
16. Съ желаньемѣ радость чувства долить;
 Пронзаетѣ очи страненѣ лучѣ!
 Незнаемѣ шумѣ мой слухѣ неволить;
 Вручаетѣ вѣчность мнѣ свой ключѣ.
 Отмкнулась дверь, поля открылись,
 Предѣловѣ нѣтъ, гдѣ бѣ тѣ кончились.
 Полковѣ лишѣ нашихѣ слышенѣ плескѣ.
 Отъ устья быстрыхѣ струй Дунайскихѣ
 До самыхѣ узкихѣ мѣстѣ Ахайскихѣ
 Меча россійска виденѣ блескѣ.
17. Боязнѣ трясетѣ Хинейски стѣны;
 Геонѣ и Тигрѣ теряютѣ путь,
 Подѣ горы льютѣ полны пѣны.
 Всегдашнѣй востокѣ не смѣетѣ дуть.
 Индѣйскихѣ трубятѣ водѣ тритоны
 Предѣ тѣмѣ, что имѣ даетѣ законы.
 Онѣ скиптрѣ склонилѣ среди валовѣ,
 Упалѣ предѣ младымѣ ницѣ героемѣ,

- Что молвилъ, войскъ идя предъ строемъ:
Сколь много есть впереди свѣтовъ?
18. Что я пою воински звуки,
Которы быть хотятъ потомъ?
Пора воздѣтъ на небо рѹки,
Просить о здравьѣ то драгомъ,
Чего Иоанну я желаю.
Твои щедроты, Боже, знаю,
Что пролилъ ты во мнѣ предъ симъ.
Твоей главу покрой рукою,
Котору ты мнѣ далъ къ покою,
Къ веселью людямъ всѣмъ твоимъ.
19. Надежда, свѣтъ, покровъ, богиня
Надъ пятой частью всей земли,
Велика Сѣвера княгиня,
Языковъ больше двадцати
Премудрой правишь что рукою,
Монарха тѣхъ держишь другою,
Любовь моихъ, противныхъ страхъ,
Возри на то прещедрымъ окомъ,
Въ подданствѣ ревность что глубокомъ
Воспѣтъ дерзнула въ сихъ стопахъ.
20. Хотя бѣ Гомеръ стихомъ парящій,
Что древнихъ Элинъ мочь хвалилъ,
Ахиллъ въ бою какъ огонь палящій
Искусствомъ чьимъ описанъ былъ,
Моихъ увидѣлъ дней изрядство,
На Пиндѣ взойти бѣ нашолъ препятство;
Безсловенъ былъ его бѣ языкъ
Къ хвалѣ твоихъ добротъ прехвальныхъ,
И къ славѣ, что въ предѣлахъ дальныхъ
Гремитъ, коль разумъ твой великъ.
21. Торжественъ шумъ мой гласъ скрываетъ,
Скончатъ некрасный стихъ пора.
Однако мысль тебѣ желаетъ
Несчетныхъ благъ отъ всѣхъ Творца
Съ твоимъ свѣтлѣйшимъ вѣкъ супругомъ,
Всего которой свѣта кругомъ
Достоинъ толь, какъ ты, владѣть.
Дай Богъ! драго чтобъ ваше племя
Во мнѣ простерлось въ вѣчно время,
И вамъ сыновнихъ внуковъ зрѣть.

III. Первые трофеи императора Юанна III. На побѣду
надъ шведами августа 23 дня 1741 года.

« Vivite Fortes,
Fortiaque adversis exponite pectora rebus.
Horatius.

1. Россійскихъ войскъ хвала растеть,
Сердцѣ продерзки страхъ трясеть,
Младой орель ужъ льва терзаеть;
Прежъ нежелъ ждали, слышимъ вдругъ,
Побѣды знакъ, палящій звукъ.
Россия вновь трофеей вздымаеть
Въ другой на Финскихъ разъ поляхъ.
Свой ядъ премерзку зависть травить,
Въ неволю тая храбрость славить,
Въ Россійскихъ зрела что полка́хъ.
2. Оставивъ шумъ войны, Градливъ *)
Израненъ весь, избить, чуть живъ,
Къ полочнымъ съ южныхъ странъ склонился.
Искалъ къ покою горъ, пещерь,
У Финскихъ спать залегъ озеръ,
Тростникъ подславъ, травой покрылся:
Теперь ужъ, молвилъ, я вздохну:
Изойдутъ язвы толь глубоки.
Бѣжите брани прочь жестоки,
Ищите вамъ мою сестру **).
3. Кровавы очи лишъ сомкнулъ,
Внезапно тихъ къ себѣ почувъ
Приходъ Венеры и Діаны.
Лилѣи стали въ раны класть,
Впустили въ нихъ врачебну масть.
Смѣшавши ту съ водой Секваны:
Ахъ, встань, прехрабрый воинъ, встань.
О старой нашей вспомни дружбѣ,
Вступи къ твоей некосно службѣ,
Внеси въ Россію тяжку брань.
4. Вскочилъ какъ яръ изъ ложа левъ.
Колеблетъ странъ предѣлы ревъ.
Не такъ, на верхъ высокой Эты
Поднявшись, братъ его ***) шумѣлъ,
Какъ ядъ внутри его кипѣлъ.

*) Марсь. **) Беллону. ***) Геркулесь. (Прим. Ломон.).

- Ужь дѣйства есть его примѣты.
 Мутятся смежны намъ брега.
 Стокгольмъ подобнымъ пьянствомъ шумень,
 Уязвленъ злобой, сталъ безумень,
 Отмкнуть велитъ войны врата.
5. Но что за вѣтръ съ вечернихъ странъ
 Пронырства васъ закрылъ въ туманъ?
 Не зрела чтобъ того Россія,
 Что вашихъ войскъ приходъ значить?
 Зачѣмъ вашъ сборъ у насъ стойтъ?
 Въ закрытѣ видны мысли злыя,
 Въ шерсти овечьей знатенъ волкъ.
 Хоть Аннинъ зракъ отъ насъ высоко:
 Вторая есть, которой око
 Зритъ, твой къ чему намѣренъ полкъ.
6. Къ предѣламъ нашимъ что жъ принца.
 Надежда кажетъ что впредь?
 Надежда нынѣ вамъ не лжива!
 Къ себѣ васъ та земля влечетъ,
 Въ которой медъ съ млекою течетъ?
 Ну жъ впредь; пройдите! нѣтъ и дива!
 Вѣдь вы почти ужъ такъ въ раю.
 Коль близко наша къ вамъ столица!
 Но ближе тѣмъ парить орлица,
 Что правитъ свой полѣтъ ко льву.
7. Не самъ ли съ вами есть Нимродъ,
 Собрался весь гдѣ вашъ народъ?
 Что землю онъ прилежно роетъ?
 Воздвигнуть хочетъ столпъ и градъ?
 Рушить прямой природы рядъ?
 Ужасну въ свѣтѣ вещь откроетъ!
 Всѣ ждуть, чего не знаютъ ждать.
 Да что жъ увидимъ мы за диво?
 Кольно хочетъ то кичливо
 Другу Полтаву тутъ создать.
8. Смотри, таяка коль шведовъ страсть,
 Коль имъ страшна Россійска власть.
 Куда хотятъ, того не знаютъ.
 То тянуть, то втыкаютъ мечъ,
 То нашъ грозятся миръ пресѣчь,
 То оный вѣкъ хранить желаютъ.
 Чинять то умыслъ намъ жестокъ,
 Хотятъ намъ желчи быть горчѣе,

То воску сердце ихъ мягчѣе;
Однако васъ сыскалъ свой рокъ.

9. Противу вѣтровъ сильныхъ плыть,
Среди несносныхъ бурь вступить
Отважны ихъ сердца дерзнули.
Колючій тернь, сухой тростникъ,
Таился въ конхъ зной великъ,
Теперь ужъ явно всѣмъ вспыхну́ли.
Войну открыли шведы намъ:
Горять сердца ихъ къ бою жарко;
Гремить Стокгольмъ трубами ярко,
Значить въ свѣту свой близкій срамъ.
10. Однако топчуть, рѣжутъ, рвутъ,
Губятъ, терзаютъ, грабятъ, жгутъ,
Склоняютъ насъ враги подъ ноги;
Россійску силу взяли въ плѣнь,
Шурмуютъ близко нашихъ стѣнь,
Считаютъ вотъ добычи многи,
Да гдѣ жъ? въ спѣсивомъ ихъ мозгу.
А въ дѣлѣ ужасъ потомъ мочить,
И явно въ сердца дрожь пророчить,
Что будетъ имъ лежать внизу.
11. Подобно быстрый какъ соколъ
Съ руки ловцовой вверхъ и въ долъ
Бодро взираетъ скорымъ окомъ,
На всякой часъ взлетѣть готовъ,
Похитить, гдѣ увидитъ ловъ
Въ воздушномъ царствѣ свой широкомъ:
Враговъ такъ смотритъ нашъ солдатъ,
Враговъ, что вѣчной миръ попрали,
Враговъ, что нашъ покой смущали,
Враговъ, что насъ пожрать хотятъ.
12. Уже ступаетъ въ свой походъ
Къ трудамъ избранный нашъ народъ,
Нагимъ мечемъ на западъ блещетъ,
Который скраситъ шведска кровь,
Что брань начать дерзнула вновь.
Противныхъ ближній край трепещетъ.
На Финскомъ небѣ черный дымъ,
Россійска ревность гдѣ кипѣла.
Сквозь слѣзы видитъ житель села,
Зажгла что мечь огнемъ своимъ.

- Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
 Свѣтящимися чешуями
 Покрытъ какъ мѣдными щитами,
 Копье и мечъ и молотъ твой
 Считаетъ за тростникъ гнилой.
11. Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ,
 И зубы страшный рядъ серповъ:
 Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
 Всегда къ сраженью онъ готовъ;
 На острыхъ камняхъ возлегаеть,
 И твердость оныхъ презираеть.
 Для крѣпости великихъ силъ,
 Считаетъ ихъ за мягкой иль.
12. Когда ко брани устремится,
 То море какъ котель кипитъ,
 Какъ печь гортань его дымится,
 Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
 Сверкаютъ очи раздраженны,
 Какъ уголь въ горнилѣ раскаленный.
 Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня.
 Кто можетъ стать противъ Меня?
13. Обширнаго громаду свѣта
 Когда устроить Я хотѣлъ,
 Просилъ ли твоего совѣта
 Для множества толикихъ дѣлъ?
 Какъ персть Я взялъ въ началѣ вѣка,
 Дабы создать человѣка;
 Зачѣмъ тогда ты не сказала,
 Чтобъ видъ иной тебѣ Я далъ?
14. Сие, о смертный, разсуждая,
 Представь Зиждителю власть,
 Святую волю почитая,
 Имѣй свою въ терпѣньи часть.
 Онъ все на пользу нашу строить,
 Казнить кого, или покоить.
 Въ надеждѣ тяготу сноси,
 И безъ роптанія проси.

(1750).

II. ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЯ.

I. На побѣду надъ турками и татарами и на взятіе Хотина, 1739 года.

1. Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведеть на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
Въ долину тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключъ молчить,
Который завсегда журчить
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится *).
Лавровы выются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.
2. Не Пиндъ-ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ музыку!
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь труды;
Умой росой Кастильской очи,
Чрезъ степь и горы взоръ простри,
И духъ свой къ тѣмъ странамъ вперн,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи.
3. Корабль какъ ярыхъ волнь среди,
Которыя хотятъ покрыти,
Бѣжитъ, срывая съ нихъ верхи,
Претить съ пути себя склонити;
Сѣдая пѣна вокругъ шумить;
Въ пучинѣ слѣдъ его горить;
Къ Россійской силѣ такъ стремятся,
Кругомъ объѣхавъ, тьмы татаръ;

Что межъ травой въ лугу журчить
И съ холмовъ внизъ шума стремится.

(Рит. 1759 г.).

Скрываетъ небо конскій парь!

Что-жь въ томъ? стремглавъ безъ душъ валятся.

4. Крѣпить отечества любовь
Сыновъ російскихъ духъ и руку;
Желаеть всякъ пролить всю кровь,
Отъ грознаго бодрится звуку.
Какъ сильный левъ стада волковъ,
Что кажутъ острыхъ ядь зубовъ,
Очей горящихъ гонить страхомъ,
Отъ реву лѣсъ и брегъ дрожить,
И хвостъ песокъ и пыль мутить.
Разить извившись сильнымъ махомъ.
5. Не мѣдь-ли въ чревѣ Этны ржеть,
И съ сѣрою кпя, клокочетъ?
Не адъ-ли тяжки узы рветъ
И челюсти разинуть хочеть?
То родъ отверженной рабы,
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металль и пламень въ доль бросаетъ,
Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ среди болотъ
Черезъ быстрый токъ на огонь дерзаетъ.
6. За холмы, гдѣ паляща хлябъ
Дымъ, пепель, пламень, смерть рыгаетъ,
За Тигръ, Стамбуль, своихъ заграбъ,
Что камни съ береговъ сдираетъ;
Но чтобъ орловъ сдержать полеть,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Имъ воды, лѣсъ, бугры, стремнины,
Глухія стени равень путь.
Гдѣ только вѣтры могутъ дуть.
Доступять тамъ полки орлины.
7. Пускай земля какъ Понтъ трясеть;
Пускай вездѣ громады стонуть,
Премрачный дымъ покроетъ свѣтъ,
Въ крови Молдавски горы тонуть;
Но вамъ не можетъ то вредить,
О россы, васъ самъ рокъ покрыть
Желаеть для счастливой Анны.
Уже вашъ къ ней усердный жаръ
Быстро проходитъ сквозь татаръ
И путь отворенъ вамъ пространній.
8. Скрываетъ лучъ свой въ волны день.

Оставивъ бой ночнымъ пожарамъ;
 Мурза упалъ на долгу тѣнь;
 Взятъ купно свѣтъ и духъ татарамъ.
 Изъ лывъ густыхъ выходитъ волкъ
 На блѣдный трупъ въ турецкій полкъ.
 Иной въ послѣдни видя зрю:
 Закрой, кричить, багряный видъ,
 И купно съ нимъ Магметовъ стыдъ;
 Спустишь поспѣшно съ солнцемъ къ морю.

9. Что такъ тѣснить боязнь мой духъ?
 Хладнѣютъ жилы, сердце ноетъ!
 Что бьетъ за странный шумъ въ мой слухъ?
 Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ!
 Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
 Небесная отверзлась дверь;
 Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился;
 Блеснулъ горящимъ вдругъ лицомъ;
 Умытымъ кровію мечемъ
 Гоня враговъ, герой открылся.

10. Не сей ли при Донскихъ струяхъ
 Разсыпалъ вредны россамъ стѣны?
 И персы въ жаждущихъ степяхъ
 Не симъ ли пали пораженны?
 Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
 Какъ къ готскимъ приплывалъ брегамъ,
 Такъ сильну возносилъ десницу *);
 Такъ быстрой конь его скакалъ,
 Когда онъ тѣ поля топталъ,
 Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

11. Кругомъ его изъ облаковъ
 Гремящіе перуны блещутъ,
 И чувствуя приходъ Петровъ,
 Дубравы и поля трепещутъ.
 Кто съ нимъ толь грозно зреть на югъ,
 Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?
 Никакъ смиритель странъ Казанскихъ?
 Каспійски воды, сей при васъ
 Селима гордаго потрясъ,
 Наполнилъ степь головъ поганскихъ.

*) Въ Иранскихъ жаждущихъ степяхъ
 Не симъ ли персы низложенны?
 Онъ такъ взиралъ къ врагамъ лицомъ,
 Онъ такъ бросалъ за Бельтъ свой громъ,
 Онъ сильну такъ возносилъ десницу.

12. Герою молвилъ тутъ герой:
 Нетщетно я съ тобой трудился,
 Нетщетенъ подвигъ мой и твой,
 Чтобъ россовъ цѣлой свѣтъ страшился.
 Черезъ насъ предѣль нашъ сталъ широкъ
 На сѣверь, западъ и востокъ.
 На югѣ Анна торжествуетъ,
 Покрывъ своихъ побѣдой сей.
 Свилася мгла, герои въ ней;
 Не зрить ихъ око, слухъ не чуетъ.
13. Крутить рѣка татарску кровь,
 Что протекала между ними;
 Не смѣя въ бой пуститься вновь.
 Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми,
 Забывъ и мечъ, и станъ, и стыдъ,
 И представляетъ страшный видъ
 Въ крови друзей своихъ лежащихъ.
 Уже трягнувшись легкой листъ
 Страшитъ его какъ ярый свистъ
 Быстро сквозь воздухъ ядръ летящихъ.
14. Шумить съ ручьями боръ и долъ:
 Побѣда, русская побѣда!
 Но врагъ, что отъ меча ушолъ,
 Бойся собственнаго слѣда.
 Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
 Луна стыдилась сраму ихъ,
 И въ мракъ лицо, зардѣвшись, скрыла.
 Летаеть слава въ тѣмъ ночной,
 Звучить во всѣхъ земляхъ трубой,
 Коль русская ужасная сила.
15. Вливаясь въ Понтъ Дунай реветъ,
 И россовъ плеску отвѣчаетъ;
 Ярясь волнами турка льетъ,
 Что стыдъ свой за него скрываетъ.
 Онъ рыщетъ какъ пронзенный звѣрь,
 И чаеть, что уже теперь
 Въ послѣдній разъ заносить ногу,
 И что земля его носить
 Не хочетъ, что не могъ покрыть.
 Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.
16. Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
 Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
 Гдѣ злость на сѣверны края?

Стамбуль, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
 Ты лишь своимъ велѣль ступить,
 Насъ тотчасъ чаяль побѣдить;
 Янѣчарь твой свирѣпо злился,
 Какъ тигрь на росскій полкъ скакаль.
 Но что? внезапно мертвъ упаль,
 Въ крови своей пронзенъ залился.

17. Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
 Что васъ, Агаряне, попрала,
 Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
 Мечемъ кровавымъ показала.
 Великой Анны грозной взоръ
 Отраду дать просящимъ скорь;
 По страшной тучи возсіяетъ,
 Къ себѣ повинность вашу зря.
 Къ своимъ любовію горя,
 Вамъ казнь и милость обѣщаетъ.

18. Златой уже десницы *) персть
 Завѣсу свѣта вскрыль съ звѣздами;
 Отъ востока скачетъ по сту версть,
 Пуская искры конь ноздрями.
 Лицомъ сіяетъ Фебъ на томъ.
 Онъ пламеннымъ потрясь верхомъ;
 Преславно дѣло зря, дивится:
 Я мало таковыхъ видалъ
 Побѣдъ, коль долго я блисталъ,
 Коль долго кругъ вѣковъ катится.

19. Какъ въ клубъ змѣя себя крутить,
 Шипить, подъ камень жало кроетъ,
 Орель когда шумя летить,
 И тамъ парить, гдѣ вѣтръ не воетъ;
 Превыше молній, бурь, снѣговъ,
 Звѣрей онъ видитъ, рыбъ, гадовъ.
 Предъ Росской такъ дрожить Орлицей,
 Стѣсняетъ внутрь Хотинъ своихъ.
 Но что? въ стѣнахъ-ли можетъ сихъ
 Предъ сильной устоять царицей.

20. Кто скоро толь тебя, Калчакъ,
 Учить Россійской вдатся власти,
 Ключи вручить въ подданства знакъ,
 И большей избѣжать напасти?
 Правдивой Аннинъ гнѣвъ велить,

*) денницы.

- Что падшихъ передъ ней щадить.
 Ея взошли и тамъ оливы,
 Гдѣ Вислы токъ, гдѣ славный Рень,
 Мечемъ противникъ гдѣ смиренъ,
 Извергли духъ сердца кичливы.
21. О какъ красуются мѣста,
 Что иго лютое сбросили,
 И что на туркахъ тягота,
 Которую отъ нихъ носили;
 И варварскія руки тѣ,
 Чтò ихъ держали въ тѣснотѣ,
 Въ полонѣ уже несутъ оковы;
 Что ноги узами звучать,
 Которы для отгнанья стадъ
 Чужи поля топтать готовы.
22. Не вся твоя тутъ, Порта, казнь,
 Не такъ тебя смирять достойно,
 Но большу нанести боязнь,
 Что жить намъ не дала покойно.
 Еще высокихъ мыслей страсть
 Претить тебѣ предъ Анной пасть?
 Гдѣ можешь ты отъ ней укрыться?
 Дамаскъ, Каиръ, Алениъ сгорить;
 Обставятъ росскимъ флотомъ Критъ;
 Евфратъ въ твоей крови смутится.
23. Чинить премѣну чтò во всемъ?
 Чтò очи блескомъ проникаетъ?
 Чистѣйшимъ съ неба чтò лучемъ
 И дневну ясность превышаетъ?
 Героевъ слышу веселья кликъ!
 Одѣянъ въ славу Аннинъ ликъ
 Надъ звѣздны вѣчность возноситъ круги;
 И правда, взявъ перо златò,
 Въ нетлѣнной книгѣ пишетъ то,
 Велики коь ея заслуги.
24. Витійство, Пиндаръ, устъ твоихъ
 Тяжчае бѣ Оивы обвинили:
 За тѣмъ что о побѣдахъ сихъ
 Они бѣ громчѣе возгласили,
 Какъ прежде о красѣ Аонинъ:
 Россія какъ прекрасный крикъ
 Цвѣтетъ подъ Анниной державой.
 Въ китайскихъ чтутъ ее стѣнахъ,

И свѣтъ во всѣхъ своихъ концахъ
Исполненъ храбрыхъ россовъ славою.

25. Россія, коль счастлива ты
Подъ сильнымъ Аннинымъ покровомъ!
Какія видишь красоты
При семъ торжествованьи новомъ!
Военныхъ не страшися бѣдъ:
Бѣжить оттуду бранный вредъ,
Народъ гдѣ Анну прославляетъ.
Пусть злобна зависть ядъ свой льетъ,
Пусть свой языкъ, ярясь, грызетъ;
То наша радость презираетъ.
26. Казацкихъ поль заднѣстрскій тать,
Разбить, прогнанъ, какъ прахъ развѣянъ,
Не смѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницей гдѣ покою насѣянъ.
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ,
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Нигдѣ не зналъ, плывя, препятства.
Красуется великъ и малъ;
Жить хочетъ вѣкъ, кто въ гробъ желаетъ:
Влекутъ къ тому торжествъ изрядства.
27. Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходить;
Пришедъ, овецъ пасетъ гдѣ другъ
Съ нимъ пѣсню новую заводить.
Солдатску храбрость хвалить въ ней,
И жизни часть блажить своей,
И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спить;
И ту, что отъ враговъ хранить,
Простымъ усердьемъ прославляетъ.
28. Любовь Россіи, страхъ враговъ,
Страны полночной героиня,
Седми пространныхъ морь береговъ
Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты добротъ
Сіяешь свѣтомъ и щедротъ:
Прости, что рабъ твой къ громкой славѣ,
Звучить что крѣпость силъ твоихъ,
Придать дерзнулъ не красной стихъ
Въ подданства знакъ твоей державѣ.

II. На праздникъ рожденія императора Іоанна III, 1741 года.

1. **Н**агрѣты нѣжнымъ воды югомъ,
Струи полденныхъ теплы рѣкъ,
Ликуйте свѣтло другъ предъ другомъ:
Златой начался снова вѣкъ.
Всегдашнимъ льдомъ покрыты волны,
Скачите нынѣ веселья полны,
Въ берегахъ чините весель шумъ.
Повсюду вѣйте, вѣтры, радость,
Въ Невѣ пролейся, меда сладость:
Іоанновъ нектаръ пьеть мой умъ.
2. Однако нѣтъ, мои предѣлы,
Смущать не смѣйте молодой слухъ.
Холмовъ верхи полнотныхъ бѣлы,
Откуда вѣетъ холодной духъ,
Въ любви со страхомъ тихо тайте,
Покой моей надеждѣ дайте.
Вздержите быстрой рѣкѣ токъ,
Тихонько внизъ теча молчите,
Подъ мой лишъ низкой стихъ журчите.
Умолкни западъ, сѣверъ, востокъ.
3. Породы царской вѣтвь прекрасна,
Моя надежда, радость, свѣтъ,
Счастливыхъ дней аврора ясна,
Монархъ, младенецъ райской цвѣтъ,
Позволь твоей рабѣ нижайшей
Въ твой новый годъ пѣть стихъ тишайшій.
Чѣмъ больше я росой кроплюсь,
Съ Парнаскихъ что верховъ стекаетъ;
Жарчѣ тѣмъ любовь пылаеть,
Къ тебѣ сильнѣе той палюсь.
4. Цѣлую васъ вы, щедры очи,
Небесный въ коихъ блещетъ лучъ.
Какъ дни при васъ свѣтлы мнѣ ночи,
Чистъ воздухъ мнѣ во время тучъ.
Послушны вамъ стихіи сами.
Пресѣкъся вихрей бѣгъ съ громами.
[Коль счастливы сихъ восходъ планетъ.]
Отъ васъ мои нагрѣты груди,
И ваши всѣ подданны люди,
Что просятъ вамъ несчетныхъ лѣтъ.

5. Цѣлую ручки, что къ державѣ
 Природа мудра въ свѣтъ дала,
 Которы будутъ въ громкой славѣ
 Мечемъ страшить и гнать врага.
 Отъ теплыхъ ужъ береговъ Азіійскихъ
 Вселенной часть до водъ Балтійскихъ
 Въ объятъи вашемъ вся лежитъ.
 Лишь только перстикъ вашъ погнется,
 Народъ безчисленъ вдругъ сберется,
 Готовъ идти куда велить.
6. Вы ножки, что лобзать желаютъ
 Давно уста высокихъ лицъ:
 Подданства знаки вамъ являютъ
 Языки многи павшихъ ницъ.
 Въ Петровъ и Аннинъ слѣдъ вступите,
 Противныхъ дерзость всѣхъ стопчите;
 Прямой покажетъ правда путь;
 Васъ храбрость надъ луной поставитъ
 И въ тѣхъ земляхъ меня прославитъ,
 О конхъ нынѣ нигдѣ нечуть.
7. Земля, пусти таки цвѣточки,
 Сдвинуться Флорѣ чтобъ самой;
 Жемчуга-объ чище ихъ листочки,
 И золото-объ ниже тѣхъ цѣной.
 Пріятный духъ дай имъ Цейлоновъ.
 Натура выше встань законовъ,
 Родѣ, что выше силъ твоихъ.
 Съ весельемъ нимфы тѣ щиплите,
 И съ лавромъ ихъ въ вѣнцы сплетите,
 Во знакъ побѣдъ, утѣхъ драгихъ.
8. Господствуй, радость, ты едина
 Надъ властью толь широкихъ странъ.
 Но мышлю, придетъ лишь година,
 Познаешь какъ что врагъ погранъ
 Твоихъ удачами славныхъ дѣдовъ,
 Что страшны тѣ у всѣхъ сосѣдовъ;
 Заплачешь какъ Филипповъ сынъ,
 Ревнивы слѣзы будутъ литься.
 Но твой весельемъ плачь скончится,
 Монархъ: то было лишь починъ.
9. Что сердце такъ мое пронзаеть?
 Не дерзкъ-ли то гигантъ шумить?
 Не горы-ль съ мѣстъ своихъ толкаетъ,

- Холмы сорвавши въ твердь разить?
 Край небесъ ужё трясутся!
 Пути обычны звѣздъ мятутся!
 Никакъ ярится Антей злой!
 Не Пиндъ-ли онъ на Оссу ставить?
 А Этна верхъ Кавказской давить?
 Не солнце-ль хочеть снять рукой?
10. Проклята гордость, злоба, дерзость,
 Въ чудовище одно срослись;
 Высоко имя скрыло мерзость,
 Слепой талантъ пустиль взнестись!
 Велить себя въ неволю славить,
 Престоль себѣ надъ звѣзды ставить,
 Превысить хочеть вышню власть,
 На мой животъ уяъ зубы скалить;
 Злодѣйства кто его не хвалить,
 Погрязнетъ скоро въ мрачну пасть.
11. Но зрю съ весельемъ чудо славно:
 Дивнѣе, нежъ Алцидъ чиниль,
 Какъ онъ лишь былъ рождень недавно,
 Скрутивъ змямъ главы сломилъ.
 Мой императоръ громъ примаеть,
 На гордость свой перуъ бросаетъ;
 Внезапно пала та стремглавъ,
 Съ небесъ какъ древня въ адъ Денница;
 За рай ужъ держитъ ту темница.
 Ну, гдѣ же твой кичливый нравъ?
12. Исчезли всѣ затѣи лишны,
 Ужасныхъ нѣтъ во мнѣ премѣны:
 Вездѣ веселы клики слышны:
 Монархъ нашъ сильныхъ двухъ колѣнъ.
 Одно мое, чѣмъ я толь славна;
 Россіянь храбрость гдѣ не явна?
 Друго германско, съ коимъ Римъ
 Войну едва дерзалъ начати.
 Весь свѣтъ побивъ, не могъ стояти
 Въ бою, Тейтонъ, съ полкомъ твоимъ.
13. Разумный Гостомыслъ при смерти
 Крѣпилъ князей совѣтомъ сборъ:
 Противныхъ чтобъ вамъ силу стерти,
 Живите въ дружбѣ, бойтесь ссоръ.
 Къ брегамъ Варяжскихъ водъ сходите,
 Мужей премудрыхъ тамъ просите,

- Могли бѣ которы править васѣ.
 Послы мои туда сходили,
 Откуда Рурикѣ, Труворѣ были
 Съ Синавомѣ три князья у насѣ.
14. Не славны-ль стали ихѣ потомки?
 Великѣ былѣ Игорь, хотѣ и младѣ;
 Дѣла его при Понтѣ звонки,
 Дрожалѣ предѣ нимѣ и самѣ Царьградѣ.
 Устроилѣ внукѣ меня краснѣе,
 Открылѣ мнѣ полдня свѣтъ яснѣе,
 Кумировѣ мерзкихѣ мракѣ прогналѣ.
 Ревнивѣ Донской что Дмитрій дѣлетѣ?
 Татарска кровь въ Дону багрѣетѣ;
 Мамай куда-бѣ уйти не зналѣ.
15. Молчу заслуги, что недавно
 Чинила царска мнѣ любовь;
 Твое коль, Рурикѣ, племя славно!
 Коль мнѣ твоя полезна кровь!
 Оттуду жѣ нынѣ взошло свѣтило,
 Откуда прежде счастье было.
 Спѣшите скоро тѣ лѣта,
 Когда увижу что желаю.
 О младомѣ свѣтѣ больше чаю,
 Нежѣ предковѣ слава мнѣ дала.
16. Съ желаньемѣ радость чувства долить;
 Пронзаетѣ очи страненѣ лучѣ!
 Незнаемѣ шумѣ мой слухѣ неволить;
 Вручаетѣ вѣчность мнѣ свой ключѣ.
 Отмкнулась дверь, поля открылись,
 Предѣловѣ нѣтъ, гдѣ бѣ тѣ кончились.
 Полковѣ лишѣ нашихѣ слышенѣ плескѣ.
 Отъ устья быстрыхѣ струй Дунайскихѣ
 До самыхѣ узкихѣ мѣстѣ Ахайскихѣ
 Меча російска виденѣ блескѣ.
17. Боязнѣ трясетѣ Хинейски стѣны;
 Геонѣ и Тигрѣ теряютѣ путь,
 Подѣ горы льются полны пѣны.
 Всегдашній встокѣ не смѣетѣ дуть.
 Индійскихѣ трубятѣ водѣ тритоны
 Предѣ тѣмѣ, что имѣ даетѣ законы.
 Онѣ скиптрѣ склонилѣ среди валовѣ,
 Упалѣ предѣ младымѣ ницѣ героемѣ,

- Что молвилъ, войскъ идя предъ строемъ:
Сколь много есть впереди свѣтовъ?
18. Что я пою воински звуки,
Которы быть хотять потомъ?
Пора воздѣтъ на небо руки,
Просить о здравьѣ то драгомъ,
Чего Иоанну я желаю.
Твои щедроты, Боже, знаю,
Что пролилъ ты во мнѣ предъ симъ.
Твоей главу покрой рукою,
Котору ты мнѣ далъ къ покою,
Къ веселью людямъ всѣмъ твоимъ.
19. Надежда, свѣтъ, покровъ, богиня
Надъ пятой частью всей земли,
Велика Сѣвера княгиня,
Языковъ больше двадцати
Премудрой правишь что рукою,
Монарха тѣхъ держишь другою,
Любовь моихъ, противныхъ страхъ,
Возри на то прещедрымъ окомъ,
Въ подданствѣ ревность что глубококомъ
Воспѣтъ дерзнула въ сихъ стопахъ.
20. Хотя бѣ Гомеръ стихомъ парящій,
Что древнихъ Эллинъ мочь хвалилъ,
Ахиллъ въ бою какъ огонь палящій
Искусствомъ чѣмъ описанъ былъ,
Моихъ увидѣлъ дней изрядство,
На Пиндѣ взойти бѣ нашолъ препятство;
Безсловенъ былъ его бѣ языкъ
Къ хвалѣ твоихъ добротъ прехвальныхъ,
И къ славѣ, что въ предѣлахъ дальныхъ
Грemitъ, коль разумъ твой великъ.
21. Торжественъ шумъ мой гласъ скрываетъ,
Скончатъ некрасный стихъ пора.
Однако мысль тебѣ желаетъ
Несчетныхъ благъ отъ всѣхъ Творца
Съ твоимъ свѣтлѣйшимъ вѣкъ супругомъ,
Всего которой свѣта кругомъ
Достоинъ толь, какъ ты, владѣть.
Дай Богъ! драго чтобъ ваше племя
Во мнѣ простерлось въ вѣчно время,
И вамъ сыновнихъ внуковъ зрѣть.

III. Первые трофеи императора Иоанна III. На побѣду надъ шведами августа 23 дня 1741 года.

« Vivite Fortes,
Fortiaque adversis exponite pectora rebus.
Horatius.

1. **Р**оссійскихъ войскъ хвала растеть,
Сердца продерзки страхъ трясеть,
Младой орель ужъ льва терзаетъ;
Прежъ нежелъ ждали, слышимъ вдругъ,
Побѣды знакъ, палящій звукъ.
Россія вновь трофеей вздымаетъ
Въ другой на Финскихъ разъ поляхъ.
Свой ядъ премерзку зависть травить,
Въ неволю тая храбрость славить,
Въ Россійскихъ зрела что полкахъ.
2. Оставивъ шумъ войны, Градивъ *)
Израненъ весь, избить, чуть живъ,
Къ полочнымъ съ южныхъ странъ склонился.
Искалъ къ покою горь, пещерь,
У Финскихъ спать залегъ озеръ.
Тростникъ подславъ, травой покрылся:
Теперь ужъ, молвилъ, я вздохну:
Изойдутъ язвы толь глубоки.
Бѣжите брани прочь жестоки,
Ищите вамъ мою сестру **).
3. Кровавы очи лишь сомкнулъ,
Внезапно тихъ къ себѣ почувъ
Приходъ Венеры и Діаны.
Лилѣи стали въ раны класть,
Впустили въ нихъ лечебну масть,
Смѣшавши ту съ водою Секваны:
Ахъ, встань, прехрабрый воинъ, встань,
О старой нашей вспомни дружбѣ,
Вступи къ твоей некосно службѣ,
Внеси въ Россію тяжку брань.
4. Вскочилъ какъ яръ изъ ложа левъ,
Колелесть странъ предѣлы ревъ.
Не такъ, на верхъ высокой Эты
Поднявшись, братъ его ***) шумѣлъ,
Какъ ядъ внутри его кипѣлъ.

*) Марсъ. **) Беллону. ***) Геркулесь. (*Прим. Ломон.*)

Ужь дѣйства есть его примѣты.
 Мутятся смежны намъ брега.
 Стокгольмъ подобнымъ пьянствомъ шумень,
 Уязвленъ злобой, сталъ безумень,
 Отмкнуть велить войны врата.

5. Но что за вѣтръ съ вечернихъ странъ
 Пронырства васъ закрылъ въ туманъ?
 Не зрела чтобъ того Россія,
 Что вашихъ войскъ приходъ значить?
 Зачѣмъ вашъ сборъ у насъ стоять?
 Въ закрытѣ видны мысли злыя,
 Въ шерсти овечьей знатенъ волкъ.
 Хоть Аннинъ зракъ отъ насъ высоко:
 Вторая есть, которой око
 Зреть, твой къ чему намѣренъ полкъ.
6. Къ предѣламъ нашимъ что жъ пришли?
 Надежда кажетъ что впредь?
 Надежда нынѣ вамъ не лжива!
 Къ себѣ васъ та земля влечетъ.
 Въ которой медъ съ млекою течетъ?
 Ну жъ впредь; пройдите! нѣтъ и дива!
 Вѣдь вы почти ужъ такъ въ раю.
 Коль близко наша къ вамъ столица!
 Но ближе тѣмъ парить орлица,
 Что править свой полѣтъ ко льву.
7. Не самъ ли съ вами есть Нимвродъ,
 Собрался весь гдѣ вашъ народъ?
 Что землю онъ прилежно роетъ?
 Воздвигнуть хочетъ столпъ и градъ?
 Рушить прямой природы рядъ?
 Ужасну въ свѣтѣ вещь откроетъ!
 Всѣ ждутъ, чего не знаютъ ждать.
 Да что жъ увидимъ мы за диво?
 Колѣно хочетъ то кичливо
 Другу Полтаву тутъ создать.
8. Смотри, тяжка коль шведовъ страсть,
 Коль имъ страшна Россійска власть.
 Куда хотятъ, того не знаютъ.
 То тянуть, то втыкаютъ мечъ,
 То нашъ грозятся миръ пресѣчь,
 То оный вѣкъ хранить желаютъ.
 Чинять то умысль намъ жестокъ,
 Хотятъ намъ желчи быть горче,

То воску сердце ихъ мягчѣе;
Однако васъ сыскалъ свой рокъ.

9. Противу вѣтровъ сильныхъ плыть,
Среди несносныхъ бурь вступить
Отважны ихъ сердца дерзнули.
Колочій тернь, сухой тростникъ,
Таился въ конхъ зной великъ,
Теперь ужъ явно всѣмъ вспыхнули.
Войну открыли шведы намъ:
Горять сердца ихъ къ бою жарко;
Гремитъ Стокгольмъ трубами ярко,
Значить въ свѣту свой близкій срамъ.
10. Однако топчуть, рѣжутъ, рвутъ,
Губятъ, терзаютъ, грабятъ, жгутъ,
Склоняютъ насъ враги подъ ноги;
Россійску силу взяли въ плѣнь,
Шурмуютъ близко нашихъ стѣнь,
Считаютъ вотъ добычи многи,
Да гдѣ жъ? въ спѣсивомъ ихъ мозгу.
А въ дѣлѣ ужасъ потомъ мочить,
И явно въ сердцахъ дрожь пророчить,
Что будетъ имъ лежать внизу.
11. Подобно быстрый какъ соколъ
Съ руки ловцовой вверхъ и въ доль
Бодро взираетъ скорымъ окомъ,
На всякой часъ взлгѣтъ готовъ,
Похитить, гдѣ увидитъ ловъ
Въ воздушномъ царствѣ свой ширококъ:
Враговъ такъ смотритъ нашъ солдатъ,
Враговъ, что вѣчной миръ попрали,
Враговъ, что нашъ покой смущали,
Враговъ, что насъ пожрать хотять.
12. Ужѣ ступаетъ въ свой походъ
Къ трудамъ избранный нашъ народъ,
Нагимъ мечемъ на западъ блещетъ,
Который скраситъ шведска кровь,
Что брань начать дерзнула вновь.
Противныхъ ближній край трепещетъ.
На Финскомъ небѣ черный дымъ,
Россійска ревность гдѣ кипѣла.
Сквозь слѣзы видитъ житель села,
Зажгла что мечь огнемъ своимъ.

13. Вспятить не может ихъ гора,
 Металль и пламень что съ верха
 Жарче Геклы къ нимъ рыгаетъ;
 Хоть купно Вильманстрандъ на нихъ
 Ретиво толь со стѣнъ своихъ
 Подобный блескъ и громъ пускаетъ.
 Но искрамъ и огню претятъ
 Полки сильнѣйши горъ палящихъ
 И ярко смертию имъ грозящихъ,
 Стрѣламъ подобно сквозь летятъ.
14. Въ моряхъ какъ южныхъ вѣчный востокъ
 Отъ горъ Атлантскихъ валъ высокъ
 Крутитъ къ берегамъ четвертой части,
 Съ корнемъ вырвавъ лѣсъ валить;
 Пустыня, лугъ и брегъ дрожить,
 Хотятъ подмыты горы пасти.
 Россійскій воинъ такъ врагамъ
 Спѣшитъ отмстить свирѣль грозою,
 Сбиваетъ сильной ихъ рукою.
 Течетъ ручьями кровь къ ногамъ.
15. Вдается въ бѣгъ побитый Шведъ,
 Бѣжитъ Россійской конникъ вслѣдъ
 Черезъ шведскихъ труновъ кучи блѣдны
 До самыхъ Вильманстрандскихъ рвовъ,
 Безъ счету топчетъ тѣхъ головъ,
 Что быть у насъ желали вредны.
 Стигійскихъ *) водъ шумятъ берега,
 Гребутъ по нимъ побитыхъ души,
 Кричатъ тѣмъ, что стоять на сѣши,
 Горька опять коль имъ бѣда.
16. За нами пушки, весь припасъ,
 Прислалъ что самъ Стокгольмъ про насъ:
 Даетъ подарокъ намъ въ неволю.
 При Вильманстрандѣ слышенъ трескъ,
 Мечей кровавыхъ виденъ блескъ.
 Ты будешь скоро равенъ полю,
 Дерзнешь въ упрямствѣ ежели стать.
 Подумать было кратко время,
 Въ моментъ Славенско храбро племя
 Успѣло твой отпоръ поправить.
17. Послѣдній конникъ вспять бѣжитъ,
 Оставшій трупъ и стыдъ смердить.

*) Адскихъ (Пр. Лом.).

- Къ себѣ скорѣе въ домъ спѣшите,
 Скажите тамъ пріятну вѣсть,
 Какую здѣсь достали честь,
 Добычи часть друзьямъ дарите.
 Не Карль ли тутъ же съ вами былъ?
 Въ Москву опять желалъ пробиться?
 Никакъ вамъ это вправду снится.
 Скажите вслѣдъ; онъ кажется тыль.
18. Не то ли вашъ войскою цвѣтъ,
 Выходилъ который двадцать лѣтъ,
 Что долго въ нѣгѣ жилъ спокойной.
 Васъ тѣшилъ миръ, насъ Марсъ трудилъ;
 Солдатъ вашъ спалъ, нашъ въ брани былъ,
 Терпѣлъ Беллоны шумъ нестройной.
 Забыли что вы такъ считать?
 Что десять русскихъ шведъ прогонитъ?
 Предъ нами что колѣни клонитъ,
 Хвастливъ толь, нашей славы тать?
19. Но вотъ вамъ вашихъ бѣдъ починъ:
 Сосѣда въ гнѣвъ ввели безъ винъ,
 Давайте въ томъ другимъ примѣры.
 Избранный воинъ вашъ погранъ.
 Гдѣ вашъ снарядъ, запасы, станъ?
 Никакъ тому не ймете вѣры.
 Хотя и младъ монархъ у насъ,
 Но славны онъ чинитъ побѣды,
 Въ своихъ ступаетъ предковъ слѣды,
 Недавно что карали васъ.
20. Высокой крови царской дщерь,
 Сильнѣйшей что рукою дверь
 Отверзла къ славнѣйшимъ побѣдамъ.
 Тобою нашъ Россійской свѣтъ
 Во всѣхъ земляхъ какъ кринъ цвѣтеть,
 Наводитъ большій страхъ сосѣдамъ.
 Твоя десница въ первый годъ
 Поля багрить чрезъ кровь противныхъ,
 Являетъ намъ въ признакахъ дивныхъ,
 Созрѣетъ колъ преславенъ плодъ.
21. Добротъ чистѣйшій ликъ вознесъ
 Велику Анну въ дверь небесъ.
 Откуда зреть въ Россіи ясно
 Монарха въ лавровыхъ вѣнцахъ,
 На матернихъ твоихъ рукахъ,

Низводитъ веселье взоръ всечасно.
 Къ героямъ держитъ рѣчь сію:
 Вотъ всѣхъ моя громчайша слава!
 Сильна во младыхъ дняхъ держава;
 Взмужавъ, до звѣздъ прославить ту.

22. Отца отечества отецъ!

Вручилъ кому небесъ Творецъ
 Храбрѣйшу въ свѣтѣ силу править.
 Твоихъ премного сколь похвалъ,
 Самъ нашъ завистливъ врагъ позналъ,
 Не можетъ самъ тебя не славить.
 Въ бою російской всякъ солдатъ,
 Лишь только бѣ для Іоанна было,
 Твоей для славы лишь бы слыло,
 Желаетъ смерть снести сто кратъ.

23. Прекрѣпкій Боже, сильный Царь,

Что всю рукою держишь тварь,
 Зришь, что враги встаютъ напрасно.
 Жезломъ карай ихъ мѣсти самъ,
 Подай всегда побѣды намъ,
 Твое что имя славимъ гласно.
 Не хочутъ если брань пресѣчь,
 Подай, чтобъ также въ нихъ вонзился,
 И новой кровью ихъ багрился
 Нагрѣтый въ ней Іоанновъ мечъ.

IV. На восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, въ день рожденія ея, 1741 г. *).

1. Какой утѣхи общей лучъ
 Въ Россійски свѣтитъ къ намъ предѣлы!
 Который свѣтъ прогналъ тьму тучъ?
 По страхѣ музы толь веселы
 Не знаютъ, что за ясность зрятъ.
 Чей толь пріятной свѣтитъ взглядъ.
 Парнасской верхъ въ восторгъ приводитъ,
 Не основатель-ли того приходитъ?
2. Но къ нимъ надежда такъ гласитъ:
 Не дайте тѣмъ себѣ прельстити,
 Мой видъ такой зарей покрыть,
 Чтобъ васъ съ Россіей взвеселиги.
 Здѣсь въ яспомъ я стою свѣту,
 И вамъ тотъ свѣтлый день кажу,
 Опасность къ счастью что сыскала,

*) Переведена съ нѣмецкаго текста, написаннаго академикомъ Штелинномъ.

- Россія-бъ въ коемъ процвѣтала.
3. Опасность можетъ впредь прозреть,
И тое все управить знаетъ,
Въ сей день старалась то чинить,
Въ чемъ счастья верхъ себя являетъ,
Готово что для нашихъ лѣтъ,
Чтобъ намъ уйти отъ дальнихъ бѣдъ,
Въ одномъ лишь только томъ трудилась,
Чтобы Елисаветъ родилась.
 4. Надежда, свѣтъ Россіи всей,
Въ тебѣ щедрота Божья зрится,
Хоть внѣшней красотѣ твоей
Довольно всякъ, кто зрить, дивится;
Душевныхъ ликъ твоихъ добротъ
Краснѣе внѣшнихъ всѣхъ красотъ,
Гдѣ всяки совершенства явны,
Любезны всѣмъ, во всемъ преславны.
 5. Величество являлось всѣмъ
Въ особѣ и во всякомъ дѣлѣ
На полномъ благъ лицѣ твоемъ
И велѣньемъ купно тѣлѣ.
Желааетъ кто Петра смотреть
Или Екатерину чтить
И ихъ добротъ дивиться цвѣту,
Воззреть пусть на Елисавету.
 6. Изволь хоть гдѣ себя прикрыть,
Пріятство будетъ тамъ съ тобою,
И милость вслѣдъ тебя ходить.
Откроютъ намъ тебя собою.
Тебѣ смотрѣть тѣснится всякъ,
Ты всѣмъ твой щедро кажешь зракъ;
Хоть имя-бъ ты твое таила,
Но наша-бъ то любовь открыла.
 7. Надежда долго въ тишинѣ
Съ желаньемъ на тебя взирала,
Любезное твое лице
Какъ ясно солнце почитала,
Которо въ грозныхъ бѣдъ волнахъ
Несносный утоляло страхъ,
Хотѣло изъ погодъ ужасныхъ
Въ мѣстахъ поставить безопасныхъ.
 8. Отеческой земли любовь
Коль долго по тебѣ вздыхала,
Избавь, избавь Россійску кровь
Отъ злаго скорбныхъ дней начала,
Достойна на престолъ вступи,
Къ присягѣ мы готовы вси.
Отдай красу Россійску трону
По крови, правамъ и закону.
 9. Геройска мысль въ тебѣ тогда
Черезъ дивно дѣло всѣмъ открылась,
Въ любовь Петрова кровь когда
Къ твоимъ подданнымъ воспалилась.
Прежь всѣхъ пошла съ крестомъ своимъ,

- Чинилъ что прежде Константинъ,
 Твоимъ всѣхъ духомъ ободрила,
 Лишь чуть пришла, всѣхъ покорила.
10. Никто такихъ не знаетъ дѣлъ
 Твоихъ чтобъ славою превсходили,
 Спасенъ чтобъ былъ какой предѣлъ,
 Гдѣ-бъ крови струй мечи не лили,
 Кто равно какъ Елисаветъ
 Отъ бѣды избавилъ цѣлой свѣтъ,
 Въ единъ часъ сильныхъ побѣдила
 Къ себѣ взяла, на тронъ вступила.
11. Которой такъ веселый часъ
 Приятенъ людямъ быть казался,
 Сердце тебѣ какъ вѣрныхъ гласъ
 И вивать къверху звѣздъ промчался.
 Твоихъ подданныхъ миллионъ
 Имѣли вдругъ согласный тонъ
 Благодарить твоимъ щедротамъ
 И дивнымъ всѣмъ твоимъ добротамъ.
12. Ликуй же свѣтло хоръ наукъ,
 Открылъ что Петръ съ Еватериной.
 Чтобъ слышенъ былъ веселый звукъ.
 Сей день вамъ счастья причиной.
 Великій Петръ что зачалъ самъ,
 Елисаветъ возставитъ намъ:
 Елисаветы долги лѣта
 Прибавятъ отчей славы свѣта.

V. На прибытіе изъ Голштиніи и на день рожденія
 великаго князя Петра Теодоровича, 1742 г. февраля
 10 дня *).

1. Дивится нынѣ вся вселенна
 Премудрымъ Вышняго судьбамъ,
 Что отъ напастей злыхъ спасенна
 Россія зреть конецъ бѣдамъ.
 И что ужé Елисавета
 Златыя въ ону вводитъ лѣта,
 Избавивъ отъ насильныхъ рукъ.
 Красуются Петровы стѣны,

*) Первая редакція той же оды.

1. Дивится нынѣ вся вселенна
 Премудрымъ Вышняго судьбамъ,
 Россія что отъ зла спасенна,
 И зреть конецъ своимъ бѣдамъ,
 Которы нутрь ея терзали,
 И всю въ конецъ пожрать желали,
 Что вмѣсто терну зреть Едемъ,
 Тебя, подданныхъ всѣхъ утѣха,

Что къ нимъ его приходитъ внукъ
Прекрасной Анной днесъ рожденный.

2. Въ сіе благопріятно время,
Когда Всещедрый нашъ Творецъ
Возставилъ намъ Петрово племя,
И нашей скорби далъ конецъ,
Ужь съ радостью любовь согласно
Вездѣ ликуютъ безопасно.
Всего народа весель шумъ
Какъ гласъ водъ многихъ вверхъ восходить,
И мой отрады полный умъ
Восхитивъ тѣмъ, въ восторгъ приводить.
3. Воинскій звукъ оставь Беллона,
И Марсъ вложи свой шумный мечъ,
Чтобъ стройность праздничнаго тона
И музъ поющихъ нынѣ рѣчь
Единая громко разносилась
И нашей радости сравнилась;
Чтобъ воздухъ, море и земля
Елисавету возглашали,
И купно съ ней Петра хваля,
Моей бы лирѣ подражали.
4. Богиня, коей державу

И во младомъ Петрѣ твоємъ
Своей фортуны ждетъ успѣха.

2. Въ сіе благопріятно время,
Въ которо щедрый нашъ Творецъ
Возставилъ намъ Петрово племя
И нашей скорби далъ конецъ,
Не можетъ искренняя ревность
Своей любви таити древность:
Всего народа весель шумъ.
Какъ гласъ водъ многихъ вверхъ восходить.
И мой отрады полный умъ
Восхитивъ тѣмъ въ восторгъ приводить.
3. Воинской звукъ покинь, Беллона,
И жажду крови, Марсъ, оставь,
Спокойно слушай Аполлона,
И тѣмъ веселья намъ прибавь:
Чтобы Елисаветы радость,
Свою лила повсюду сладость,
Чтобъ воздухъ, море и земля
Съ Петромъ блажили ту едину:
Подданна хочеть мысль моя
Воспѣть довольствъ драгихъ причину.
4. Богиня странъ широкихъ, сильныхъ,

Обнять не могутъ семь морей,
И громкую повсюду славу
Едва вмѣстить вселенной всей!
Твоя надежда совершилась,
И радость паки обновилась:
Ты зришь Великаго Петра
Какъ феникса воскресша нынѣ;
Дражайшая твоя сестра
Жива въ своемъ любезномъ сынѣ.

5. О коль велика добродѣтель
Въ Петровыхъ нѣжныхъ дняхъ цвѣтеть!
Коль славенъ Сѣвера владѣтель
Въ тебѣ, Россія, возрастетъ!
Онъ ради твоего блаженства
Даровъ достигнетъ совершенства. *)
И счастье бѣгъ остановить
Любовью оныхъ восхищенно,
Союзъ съ тобою утвердить,
И вѣчно будетъ непремѣнно.
6. О плодъ отъ корене преславна,
Дражайшая Петрова кровь,
Къ тебѣ горитъ уже издавна

Державы коей семь морей,
Премного полъ и рѣкъ обильныхъ
Кругомъ обнять не могутъ всей,
Ты паки зришь любезну Анну
Въ лицѣ Петровомъ свыше данну,
Ты зришь Великаго Петра
Какъ феникса рожденна снова.
Россія, долго что ждала,
Себѣ имѣеть для покровя.

5. Добротъ его дивимся лику,
Ему которой предстоитъ,
Любовь рождаетъ въ насъ велику,
Что купно съ ревностью горитъ,
Для общаго твоихъ блаженства
Цвѣтутъ въ немъ всяки совершенства.
Черезъ тѣ какъ цѣпью счастья кругъ
Привязанъ вѣкъ ко днямъ счастливымъ;
И ради всѣхъ твоихъ заслугъ
Не можетъ быти больше живымъ.
6. Петровой крови плодъ прекрасный,
День твоего прихода къ намъ
Безъ вѣтра и тумана ясный

*) Уже для твоего блаженства
Добротъ въ немъ стѣютъ совершенства.

Россіянь искрення любовь!
 Петрополь по тебѣ терзался,
 Когда съ тобою разлучался
 Еще въ зачатіи твоёмъ.
 Сердца жалвнѣемъ закипѣли,
 Когда подѣ дерзкимъ гораблемъ
 Балтійски волны побѣлѣли.

7. Какъ мать стенаньемъ и слезами
 Крушится о сынѣ своемъ,
 Что онъ противными вѣтрами
 Отгнанъ живеть въ краю чужомъ,
 Она минуты всѣ считаетъ,
 На брегъ повсякой часъ взираетъ,
 И просить щедры небеса;
 Россія такъ тебя желала,
 И чрезъ пучину и лѣса
 Усердны мысли простирала.
8. Но нынѣ радость умножаетъ
 Желанный нами твой приходъ;
 И кротость неба общаетъ
 Возвысить тѣмъ Россійскій родъ.
 Стихи сами предъявляютъ,
 Чего всѣ россы ожидаютъ.
 Здѣсь теплый воздухъ повѣвалъ
 Съ любовью нашею согласно,
 Весну пріятну предвѣщалъ,
 Какъ ждали мы тебя всечасно.
9. Коликой славой днесъ блистаетъ
 Сей градъ въ прибытіи твоёмъ!

Представилъ знакъ талану самъ.
 Стихи сами то являютъ,
 Въ тебѣ сердца что наши чають.
 Со снѣгомъ таялъ купно ледъ
 Съ любовью всѣхъ людей согласно;
 Казалъ весны пріятной слѣдъ,
 Какъ ждали мы тебя всечасно.

7. Санктпетербургъ съ какимъ желаньемъ
 Тебя надежду зрить свою,
 Не можетъ и пространнымъ зданьемъ
 Вмѣстить въ себѣ утѣху всю;
 Но мечеть вверхъ огни горящи,
 И въ самыхъ облакахъ свѣтящи.
 Ахъ, если-бъ жарка мысль къ тебѣ
 Россіянь всѣхъ могла открыться,
 То-бъ солнце и свѣтила всѣ
 За свѣтомъ тѣмъ не стали вряться.

Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаетъ *)
 Въ пространномъ зданіи своемъ;
 Но воздухъ наполняетъ плескомъ,
 И нощи тьму отъемлетъ блескомъ.
 Ахъ если бѣ нынѣ россовъ всѣхъ
 Къ тебѣ горяща мысль открылась;
 То бѣ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
 На вѣчный день перемѣнилась.

10. Намѣстница всевышней власти,
 Что родомъ, духомъ и лицомъ
 Восходитъ выше смертныхъ части,
 Прехвальна, совершенна всѣмъ,
 Въ которой всѣхъ даровъ изрядство,
 Съ величествомъ цвѣтетъ пріятство!
 Кому возможно описать
 Твой доброты всѣ подробну?
 Какъ развѣ только указать
 Въ Петрѣ природу въ томъ подобну.

11. Но спѣшно толь куда восходить
 Внезапно мой плѣненный взоръ?
 Видѣніе мой духъ возводитъ
 Превыше Тессалійскихъ горъ!
 Я дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
 Рукою отрока держащу
 И всѣ страны полночны съ нимъ.
 Украшенна кругомъ звѣздами

8. Намѣстница всевышней власти,
 Что родомъ, духомъ и лицомъ
 Восходишь выше смертныхъ части,
 Прехвальна, совершенна всѣмъ,
 Въ которой всѣхъ даровъ изрядство,
 Съ величествомъ цвѣтетъ пріятство;
 Кто можетъ точно описать
 Твои доброты всѣ подробну?
 Какъ развѣ только указать
 Петра особу въ томъ подобну.

9. Но спѣшно толь куда восходить
 Внезапно мой плѣненный взоръ?
 Пророческъ духъ на мысль наводитъ,
 Паритъ Тессалійскихъ выше горъ:
 Я дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
 Рукою отрока держащу
 И купно всю Россію съ нимъ.
 Украшена вездѣ звѣздами,

*) Онъ всей *отрады* не вмѣщаетъ.

- Разить перуномъ внизъ своимъ,
Гоня противности съ бѣдами.
12. И вѣчность предстоить предъ нею,
Разгнувши книгу всѣхъ вѣковъ,
Клянется небомъ и землею
О счастье будущихъ родовъ,
Что россамъ будетъ непремѣнно
Петровой кровью утверждено.
Отверзлась дверь, не виденъ край,
Въ пространствѣ заблуждаетъ око;
Цвѣтеть въ Россіи красный рай
Простерть во всѣ страны широко.
13. Млекою и медомъ напоены
Тучнѣютъ влажны берега,
И яснымъ солнцемъ освѣщенны
Смѣются злчные луга.
Съ полудни вѣетъ духъ смиренный,
Черезъ плодъ земли благословенный.
Утихъ свирѣпый вихрь въ моряхъ;
Владѣетъ тишина полями;
Спокойство царствуетъ въ градахъ
И миръ простерся надъ водами.
14. Увидѣвъ времена златыя
Среди градовъ своихъ и селъ,

-
- Разить перуномъ внизъ своимъ,
Гоня противности съ бѣдами.
10. И вѣчность предстоить предъ нею,
И въ книгѣ кажетъ то своей,
Клянущись небомъ и землею,
Что послѣ первыхъ свѣта дней
Такого счастья не бывало,
Что намъ чрезъ тую небо дало.
Отверзлась дверь, не виденъ край,
Сыскать конца не можетъ око;
Цвѣтеть въ Россіи красный рай,
Простерть во всѣ страны широко.
11. Текуть млекою и медомъ рѣки,
Собой земля плоды растить,
Златы приспѣли снова вѣки,
Изъ облакъ манна къ намъ росить,
Лишь зефиръ вѣетъ тепль, смиренный
Черезъ плодъ полей благословенный;
Утихъ свирѣпый вихрь въ моряхъ,
Владѣетъ тишина водами,
Спокойство царствуетъ въ брегахъ;
Забавы всѣ ликуютъ съ нами.
12. Гласить стоя предъ ней Россія,
Склонившись къ той верхою своимъ:

Гласить спасенная Россія
 Къ защитницѣ своихъ предѣль:
 Тебѣ я подданныхъ питаю
 И храбру кровь ихъ ободряю,
 Чтобъ тую за тебя пролить.
 Ахъ чтобы къ удивленью свѣта
 Изволилъ Вышній утвердить
 Престолъ Петровъ чрезъ вѣчны лѣта.

VI. Вѣнчанная надежда Россійскія имперіи. На коро- нованіе императрицы Елисаветы Петровны, 1742 г. *)

1. Россія, что тебя за весель духъ живить?
 Какъ можешь рада быть? Европа вся скорбитъ:
 Тебѣ грозитъ раздоръ, лукавство сѣти ставить,
 Продерзкій полкъ земель и моремъ бѣгъ свой править,
 Что мыслью въ твой предѣлъ давно уже вступилъ,
 Пограбилъ всѣ мѣста, твое добро сглотилъ.
 Орлы, какъ вы еще веселой гласъ послали?
 Подкрались тигры къ вамъ, внезапно львы напали.
2. Но радость истинна; уже призналъ весь свѣтъ:
 Какъ ты на тронъ Петровъ взошла, Елисаветъ,
 Чрезъ сильный духъ его въ противныхъ страхъ вложить;
 Онъ будетъ свой трофей, твой щитъ наслѣдство крыти.
 Вступила вольной ты въ стезю его ногой,
 Гдѣ рокъ его вспятилъ, тутъ путь начался твой.
 Ты будешь, такъ какъ овъ, любовь во всей вселенной,
 Князей примѣръ, покровъ земли тебѣ врученной.
3. Велико дѣло въ семь, равно душѣ твоей:
 Какъ онъ отецъ нашъ былъ, ты мать Россіи всей.
 Когда Олимпъ давалъ такихъ монарховъ славныхъ?
 Весь свѣтъ, что чтить его, ему не узреть равныхъ.
 Сквозь всѣ препятства онъ главу свою вознесъ.
 Монархъ здѣсь, тамъ отецъ, хвалою къ верху небесъ.
 Пристойны скажетъ кто къ правленью странъ науки,
 Гдѣ не былъ духъ его и храбры купно руки?
4. Надежда странъ его вѣнчанная днесъ въ тебѣ:
 Понеже всякій чинъ пособы ждетъ себѣ.
 Ты, ты, монархиня, на пользу все исправишь,
 Неполной трудъ его совсѣмъ скончишь, прославишь.
 Ты скиптръ рукой берешь, коварна злость дрожить,

Тебѣ я дамъ плоды земные
 И купно людямъ всѣмъ твоимъ;
 Тебѣ подданныхъ кровь питаю,
 Горячесть въ ихъ сердца вливаю,
 Чтобъ ту за вашу честь пролить,
 И цѣлаго къ веселью свѣта
 Желаю въ радости прожить
 Тебѣ съ Петромъ чрезъ многи лѣта.

*) Ода написана по-нѣмецки почетнымъ членомъ академіи Юнкеромъ и только переведена Ломоносовымъ.

- Хоть тяжко злато въ немъ, любовь тебя крѣпить.
 Счастлива будешь тѣмъ, земель императрица,
 Печаль прогонишь всю, сердець людскихъ царица.
5. Какъ ясный солнца лучъ въ немрачный утра часъ,
 Такъ твой пріятный взоръ отрадой свѣтитъ въ насъ.
 Въ тебѣ съ величествомъ сияетъ къ намъ пріятство,
 Съ небесъ вліянный даръ доброты твоихъ изрядство.
 Къ почтенью насъ ведетъ прекрасный зракъ лица,
 Въ тебѣ дивимся мы премудрости Творца,
 Въ талантахъ что твоихъ вѣнца достойныхъ зрится,
 Черезъ кои мы давно желали вѣкъ плѣниться.
6. Твоя высока мысль цесарску кровь значить,
 Что ты геройска дщерь, твой бодрый духъ гласить,
 И склонность вѣрности чинить всегда награду,
 Невинныхъ брать подь кровь и бѣднымъ дать отраду.
 Коль сильныхъ сихъ добротъ въ тебѣ велика власть?
 Хвалы достойна мысль, и славой полна страсть
 Животъ души твоей, что тшится толь ревниво
 Прилично трону жить, являть породы диво.
7. Тебя къ сему избрать Творецъ изволил Самъ,
 И древо дней твоихъ растить въ цвѣтахъ къ плодамъ.
 Являешь склонность къ намъ, что прежде ты таила,
 Котору съ бодростью стараньемъ ты открыла.
 Твоя десница что на пользу намъ чинить,
 То править зрѣлъ совѣтъ, и добръ успѣхъ скорить.
 Пресильный разумъ твой послѣшно все пронзаеть,
 Намѣренье твое съ желаньемъ всѣхъ кончаеть.
8. Мы можемъ нашъ таланъ уже впередъ прозритъ:
 Духовный будетъ чинъ ученьемъ насъ крѣпить,
 И чисту жизнь блюсти, съ словами оныхъ сходну,
 Съ наукой кроткій нравъ и съ тѣмъ премудрость сродну,
 И мирно въ Божѣ жить и ревность въ томъ казать,
 Чтобъ бѣднымъ помощь дать страстей набѣгъ поправить.
 Они покажутъ всѣмъ промежъ собой согласно,
 Что то сама любовь, что зримъ во оныхъ ясно.
9. Тобою будетъ сей почтенье чинъ имѣть,
 Чего достоинъ онъ, всегда то будетъ зрѣть:
 Чтобы простой народъ пороковъ впредь чужался
 И свято въ мирѣ жить по ихъ словамъ старался.
 Священство въ ревности предъ Божіей станеть тронъ,
 Имѣя чисту мысль, хранивъ его законъ,
 И духъ его готовъ небесну власть склонити,
 Его чтобъ сердце взять, и миръ благословити.
10. Твой вѣры полный умъ умножитъ счастье въ насъ:
 Понеме правда, свѣтъ съ тобой на всякій часъ,
 Что ты чрезъ твой совѣтъ въ единъ союзъ приводишь,
 Черезъ умно слѣдство всѣхъ препятства превосходишь.
 Ты держишь зависть злу и ненависть въ браздахъ,
 И правду съ разумомъ всегда въ твоихъ очахъ,
 И вѣрность истинну и вольну мысль въ совѣтѣ,
 Источникъ толь богатъ къ дѣламъ преславнымъ въ свѣтѣ!
11. Хотя велика толь монаршеска власть твоя;
 Но видимъ правишь какъ самую ты себя.
 Ты мысль твою тогда на иной путь склоняешь,

- Когда другихъ совѣтъ правдивѣ быть познаешь.
Тебѣ сія хвала пребудетъ вѣкъ красой.
Возвысишь твой народъ на счастья верхъ съ собой,
Не зная, что цари съ князьями мимо ходятъ,
Когда тѣ ложну власть какъ сонъ на мысль наводятъ.
12. Тебѣ единой данъ высокой верхъ хвалы,
Твоими должно звать потомъ другихъ труды:
Что острый разумъ твой въ вещахъ отъбѣну знаетъ,
Извѣстное чинить, не то что только чаеть.
За ясный солнца свѣтъ луны не чтишь лучей;
Князей искусство все совѣтъ разборъ вещей,
Различныхъ склонностей въ слугахъ и всей державѣ,
Для счастья ихъ земель и къ большей трона славы.
13. Коль здраво мыслишь ты, толь скоро все кончишь,
Въ чемъ здѣсь совѣтъ даешь, то дѣломъ тамъ велишь
Со пристойной бодростью во всѣхъ дѣлахъ свободно,
Что царску кажетъ кровь, монархамъ что природно.
Ты зришь всегда умомъ, что долга мысль въ дѣлахъ
Дастъ часто худшій плодъ, нежъ жаръ въ крытыхъ сердцахъ
И чрезъ единъ моментъ, излишне что пробавленъ,
Разумный замыслъ прочъ бываетъ такъ отставленъ.
14. Твоя страна и такъ большая свѣта часть,
Разумна храбрость гдѣ надъ злобой держитъ власть.
И звукъ ея хвалы возбуждать что долженъ къ чести,
Какъ терпѣ въ чужихъ ногахъ и ось въ очахъ у лести.
И зависть мѣтитъ въ насъ, гдѣ нѣльзя силой взять,
Тутъ ложной дружбой ковъ желаетъ насъ прельщать.
Державнѣйша! Твоихъ совѣтовъ онъ не знаетъ,
Коль скоро разумъ твой такую сѣтъ терзаетъ.
15. Нынѣ зависть какъ змія ведетъ лукавый взглядъ
И ядомъ полну мысль на ону ночь назадъ,
Когда Россійскій родъ подъ игомъ въ тѣмѣ держался
И злаго Батыя кумиру ницъ склонялся.
Та мыслить паки впредь тому же быть у насъ;
Однако все сіе лишь снится ей на часъ.
Не будетъ съ нами такъ въ бою опять глумиться,
Чтобы противу ста и тысячъ склониться.
16. Нѣтъ, о монархиня, въ томъ разумъ твой во всемъ.
Блещи Петровымъ вверхъ чрезъ равну мочь мечемъ,
Что дерзка гордость вновь себя казнить возбудила;
Онъ вышелъ самъ наружъ, лишь та себя явила.
Постигни сихъ враговъ, побѣду съ ними всю,
Принуди къ миру ихъ чрезъ краткую войну,
Неблагодарность что воздвигнула съ хулою
И мздой завистливъ родъ подкупленный чужою.
17. Покрой твой шлемомъ верхъ, Минерва нашихъ лѣтъ,
Воткни копье твое, твой полкъ готовъ и деть,
Полтавскихъ сѣмя поль, къ побѣдамъ склонны дѣти,
Попранна что врага въ ногахъ обыкли зрѣти,
Отъ коихъ Мелибокъ и Кавказъ самъ дрожалъ
И съ Вислой Чорный понтъ, какъ сильныхъ бурь, бѣжалъ;
Побитыхъ что враговъ принудили къ покою,
И пальмъ снопы несли геройскою рукою.
18. Въ хладу Балтійскихъ водъ ихъ храбрый духъ горить,

- Съ весельемъ какъ на борть такъ въ полѣ быть спѣшить.
 Въ долинахъ и въ горахъ и гдѣ свирѣпы волны
 Поставятъ грудь свою отважныхъ мыслей полны.
 Морской народъ спѣшить, возносить веселье гласъ:
 Что долго ждали толь, уже проходить часъ.
 Каморы полны всѣ, палубы пушки кроютъ,
 Готовы въ путь со всѣмъ, вотъ въ море вдругъ пороютъ.
19. Вели твой флагъ поднять и вымпелъ въ вѣтръ пустить,
 И страшный лѣсъ въ волнахъ россійскихъ мачтъ открыть,
 Пресильный вывести флотъ изъ ледныхъ устій въ море,
 И ночь твоихъ галеръ къ пособію оныхъ вскорѣ,
 Богнали что великъ въ морски заливы страхъ,
 Мутила чѣмъ боязню Евксинской понть въ берегахъ.
 Судамъ на брань бѣжать вели въ ужасномъ видѣ:
 Отецъ твой былъ Нептунъ, ты равна будь Фетидѣ.
20. Дай имъ указъ къ тому; ружье уже остро
 И вѣрность силу дать въ солдатъ твоихъ плечо.
 Съ весельемъ правьте путь въ поля, полки орлины,
 Гдѣ вашъ насмѣшливъ врагъ, пройдите всѣ долины,
 Разroyте гнѣзда ихъ: добыча хоть мала,
 Однако будетъ въ томъ велика вамъ хвала,
 И съ ней довольство намъ чѣмъ вашу храбрость пѣти.
 Не возьмемъ хоть богатствъ, но будемъ миръ имѣти.
21. Пушай, державнѣйша, пушай туда пойдуть,
 Куда собой хотять, гдѣ пальмы ихъ цвѣтуть.
 Безъ страху мы живемъ, чѣмъ Бога врага смущаетъ,
 Онъ рокъ примѣтилъ свой, къ намъ ближе не дерзаетъ.
 Границы съ крѣпостями имѣютъ твердъ покровъ
 Твой храброй полкъ и съ нимъ снарядъ поверхъ валовъ,
 На гору дерзость что, рыгая огонь жерлами,
 Твой грозный мечеть громъ и смерть между врагами.
22. По праву должно такъ ихъ силою смирять,
 Что Богъ изволилъ Самъ тебѣ для насъ послать,
 Твой бодрый духъ спѣшить любви щедроту дати,
 И сильнѣйшимъ ружьемъ тебѣ триумфъ сыскати.
 Тебя прославить то, не помнишь что обидъ,
 И щедро презрела проступокъ гнусный видъ:
 Хотя пріятна мечь, но быть въ тебѣ не смѣеть:
 Что твой высокій духъ собою самъ влаждеть.
23. Я мышлю, что нашъ врагъ въ твоей добротѣ зрѣтъ,
 Что склонна къ милости, хоти полки крѣпить.
 Онъ ставитъ войско въ строй, притомъ и мертвыхъ числитъ,
 То перемирныхъ дней, проситъ то миру мыслить.
 Изволь, державнѣйша: явила ты предъ симъ,
 Что хочешь миловать, нежъ вредна быти имъ.
 Вся власть въ твоихъ рукахъ, когда ихъ просьба нравна,
 Твоя земля и такъ своимъ пространствомъ славна.
24. Какъ Норду миръ подашь, имѣть все будетъ онъ,
 Премудру кажешь мысль на твой восшедши тронъ.
 Подобна ты во всемъ Бриганъ Елисаветѣ,
 Славнѣй что разумомъ была нежъ бранью въ свѣтѣ.
 Ввела науки всѣ, Британъ хвалу взнесла,
 Богатства и ума довольно имъ дала,

- Въ воздержныхъ торжествахъ казну и честь достала,
По-дарски вѣкъ жила, въ побѣдахъ жизнь скончала.
25. Ты видишь равно ей къ талану путь прямой,
Извѣстны будутъ намъ науки всѣ тобой.
Черезъ оны человекъ приходитъ къ совершенству,
Къ сему насъ Богъ избралъ съ натурою блаженству.
Тѣ красятъ нашу плоть, острятъ и разумъ въ насъ;
Безъ нихъ мы мрачны какъ нечищенный алмазъ,
Что въ дикомъ камнѣ скрыты очей людскихъ таятся,
Гдѣ свѣтлость и дѣна въ всегдашней тьмѣ не зрится.
26. Кто имъ добро чинить, воздать тѣ могутъ все,
И дѣломъ кажетъ намъ ихъ свѣтъ лице свое.
Художествъ разныхъ плодъ обильный въ тьмахъ являютъ,
Черезъ прибыль славную своихъ обогащаютъ.
Тиранамъ мерзки тѣ: они враги себѣ.
Монархи любятъ ихъ подобные тебѣ.
Когда спокойно ихъ хранить кака держава,
Бываютъ счастье странъ, коронъ краса и слава.
27. Имперія твоя пространный домъ для нихъ.
Коль много скрытыхъ есть богатствъ въ горахъ твоихъ!
Что прошлый вѣкъ не зналъ, натура что таила,
То все откроетъ намъ твоихъ стараній сила.
Ты помощь въ томъ даешь, какъ самъ родитель твой.
Что намъ прилежность дать, то тратить врагъ собой.
Послѣдню мочь его голодна скудость склонить.
И горду мысль его сильнѣй огня прогонить.
28. Позволь купечеству торгомъ довольну бытъ
Въ излишествѣ твоемъ, и безопасно жить,
Позволь свободный путь, умножь суда, товары
Черезъ кроткіе твои добротъ душевныхъ дары:
Страна какъ человекъ, какъ сердце бьется въ гемъ,
Содержитъ кровь всегда въ прямомъ бѣгу своемъ;
То можетъ каждый членъ напитанъ быть удобно:
Какъ тѣло духъ живить, такъ зѣмли торгъ подобно.
29. Въ дѣлахъ съ рѣчьми людей согласія прибавь,
Съ надеждой вѣрну мысль на равный вѣсъ поставь:
Чтобы въ торгу своемъ никто не зналъ урону;
Гони отъ портовъ прочь обманъ, утрату, спону;
Черезъ вольность къ намъ введи таланъ земель чужихъ.
И для того что всякъ прибытковъ ждетъ своихъ.
Дай большу вольность тѣмъ, что намъ живутъ согласно,
И нашъ товаръ берутъ, какъ мы отъ оныхъ власно.
30. Въ твоей премудрости высокой даръ сей скрять.
Поставь правдивый судъ откуда ложь бѣжить,
Лукаство, ковь и леть низринь изъ мѣстъ судебныхъ.
Вели на правду зрѣть, какъ ты, въ дѣлахъ враждебныхъ
Безъ траты времени въ обидахъ помощь дай,
Коварну зависть, злость по ихъ дѣламъ карай.
Невинныхъ току слезъ пошли твою утѣху.
Избавь отъ хищныхъ рукъ твоихъ людей къ успѣху.
31. Благословенъ будь день, что избранъ былъ къ тому,
Когда склонилась ты къ народу твоему.
О коль предрагъ залогъ отъ сей высокой страсти!
И коль пресладокъ плодъ любовь подданныхъ къ власти!

- Колика радость намъ тебѣ врученными бытъ!
 Велика сладость коль себя любиму зрять!
 Геройска бьется грудь смотря твоихъ забаву,
 А наша, чтобъ твою почитать довольно славу.
32. Господствуй и имѣй надъ счастьемъ полную власть,
 Всевышній дасть тебѣ въ таланѣ лучшу часть:
 Чтобы познать могли въ грядущій вѣкъ потомки,
 Что ты всѣхъ женъ краса, твои дѣла коль громки.
 Желая то гласятъ брега Балтійскихъ водъ,
 До толь, гдѣ кажетъ свой японцамъ солнце всходъ:
 И отъ Каспійскихъ волнъ до горъ, гдѣ мразъ насильный,
 Гдѣ малъ народъ, большихъ звѣрей стада обильны.
33. Востокъ и Западъ весь, большая часть земли
 На промыслъ смотреть зной и чтить дѣла твои.
 И сила войскъ твоихъ и честь отъ многихъ троновъ,
 И оныхъ странъ союзъ и твердь твоихъ законовъ
 Будь какъ начальный лучъ въ срединѣ всѣхъ планетъ,
 Что самъ собой стоитъ и кругъ себя течетъ
 И столько тяжкихъ тѣлъ пространнымъ вихремъ водить,
 Что каждое изъ нихъ чрезъ вѣчный путь свой ходить.
34. Тебя Творецъ для насъ до времени скрывалъ,
 Когда премѣнный рокъ бѣдами насъ смущалъ.
 Въ мятежны тѣ часы и мудры всѣ молчали;
 Что рокъ отнять не могъ, то злы насильно взяли,
 Смугили все въ одно; въ союзѣ силы нѣтъ!
 Политика зреть въ даль; но слабъ ея совѣтъ.
 Ужасна будетъ коль ея потомъ кончина?
 Того намъ нельзи знать, покажетъ впредь година.
35. Довольно, небо, будь потокомъ слезъ людскихъ;
 Поставь ужъ съ нами миръ за кровь рабовъ твоихъ.
 Низвергни мерзкій ковъ, что вводитъ брань въ народы,
 Подай спокойный вѣкъ, сгони отъ насъ погоды.
 Вдыхаетъ вѣрность такъ, того Россія ждетъ.
 Тебѣ Всесильнаго рука вѣнецъ даетъ,
 Гдѣ непорочный лавръ, гдѣ чистъ жемчугъ и ясный,
 Тебѣ, монархиня, нашъ ангелъ мира красный.

VII. На прибытіе императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы въ Санктпетербургъ 1742 года по коронаціи.

1. Какой пріятный зефиръ вѣетъ,
 И нову силу въ чувства льетъ?
 Какая красота яснѣетъ?
 Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
 Мы славу дщери зримъ Петровой,
 Зарей торжество свѣтящу новой.
 Чѣмъ ближе та сіяетъ къ намъ,
 Мрачнѣе ночь грозитъ врагамъ.

- Брега Невы руками плещутъ,
Брега́ Ботнѣйскихъ водъ трепещутъ *).
2. Взлети превыше молній, муза,
Какъ Пиндаръ быстрый твой орель;
Гремящихъ арфъ ищи союза,
И вверхъ пари скорѣ стрѣль;
Сладчайшій нектаръ лей съ Назономъ;
Превысь Парнасъ высокимъ тономъ;
Съ Гомеромъ какъ рѣка шуми,
И какъ Орфей съ собой веди
Въ торжественъ ликъ дрѣва и воды,
И всѣхъ звѣрей пустынныхъ роды.
3. Дерзай ступить на сильны плечи
Атлантскихъ къ небу смежныхъ горъ;
Внушай свой вселенной рѣчи;
Блудись спустить свой въ долы взоръ;
Надъ тучи онымъ простирайся,
И выше облакъ возвышайся,
Спѣши звучащей славѣ вслѣдъ.
Но ею весь пространный свѣтъ
Наполненный страшась чудится:
Какъ въ стихъ возможно ей вмѣститься?
4. Однако ты и тѣмъ счастлива,
Что тщишься имя воспѣвать
Всея земли красы и дива,
И тѣмъ красу себѣ снискать.
Ты твердь оставь, о древня лира,
Взнесенна баснями къ верху міра:
Моя число умножить звѣздъ,
Возвысившись до горнихъ мѣстъ
Палящей славой вознесенна
И новымъ блескомъ освѣщенна.
5. Священный ужасъ мысль объемлетъ!
Отверзь Олимпъ всесильный дверь.
Вся тварь со многимъ страхомъ внемлетъ,
Великихъ зря монарховъ дщерь,
Отъ вѣрныхъ всѣхъ сердець избранну,
Рукою Вышняго вѣнчанну,
Стоящу предъ Его лицомъ,
Котору въ свѣтѣ Онъ Своемъ
Прославивъ, щедро къ ней взираетъ,
Завѣтъ крѣпить и утѣшаетъ.

*) Брега *Балтійскихъ* водъ трепещутъ.

6. Благословенна вѣчно буди:
 Вѣщаетъ Вѣтхій деньми къ ней,
 И всѣ твои съ тобою люди,
 Что ввѣрилъ власти Я твоей.
 Твои любезныя доброты
 Влекутъ къ себѣ Мои щедроты.
 Я въ гнѣвѣ Россамъ былъ Творецъ,
 Но нынѣ паки имъ Отецъ:
 Души твоей кротчайшей сила
 Мой гнѣвъ на кротость преложила.
7. Утѣшилъ Я въ печали Ноя,
 Когда потопомъ міръ казнилъ,
 Дугу поставилъ въ знакъ покоя,
 И тою съ нимъ завѣтъ чинилъ.
 Хотѣлъ Россію бѣдъ водою
 И гнѣвною казнить грозою;
 Однако для заслугъ твоихъ
 Пробавилъ милость въ людяхъ сихъ,
 Тебя поставилъ въ знакъ завѣта
 Надъ знатнѣйшею частью свѣта.
8. Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы,
 И отъ Меня вліянный духъ;
 Въ безчисленны промчится роды
 Добротъ твоихъ неложный слухъ.
 Тобой поставлю судъ правдивый,
 Тобой сотру сердца кичливы,
 Тобой Я буду злость казнить,
 Тобой заслугамъ мзду дарить;
 Господствуй утверждена Мною,
 Я буду завсегда съ тобою.
9. Но что страны вечерни тмятся,
 И дождь кровавыхъ каплей льютъ?
 Что Финскихъ рѣкъ струи дымятся,
 И долы съ влагой пламень пьютъ?
 Тамъ видя выше горизонта
 Входяща Готеска Фазтонта
 Противъ теченія небесъ,
 И вокругъ себя горящій лѣсъ,
 Тюмень въ брегахъ своихъ мутится
 И воды скрыть подъ землю тщится.
10. Претящимъ окомъ Вседержитель
 Возрѣвъ на полкъ вечерній, рекъ:
 О дерзкій мира нарушитель,

- Ты мечь противъ Меня извлекъ;
 Я правлю солнце, землю, море,
 Кто можетъ стать со Мною въ спорѣ;
 Моя десница мечеть громъ,
 Я въ пропасть свергъ за грѣхъ Содомъ,
 Я небо мракомъ покрываю;
 Я Самъ Россію защищаю.
11. Но Вышній зракъ свой отвращаетъ
 Отъ Готескихъ ослѣпленныхъ странъ,
 И тѣмъ продерзость ихъ смущаетъ,
 Трясетъ полки ихъ, флотъ и станъ;
 Какъ сильный вихрь съ полей прахъ гонить,
 И древъ верхи высоки клонить.
 Богинѣ Росской громъ вручилъ,
 Чѣмъ злость разить противныхъ силъ:
 Прими разженны въ мести стрѣлы,
 Разсыпь враговъ своихъ предѣлы.
12. Стокгольмъ глубокимъ сномъ покрытый,
 Проснись, познай Петрову кровь;
 Не жди льстецовъ своихъ защиты,
 Отринь коварну ихъ любовь;
 Ты всеу солнце почитаешь,
 И предъ луной себя склоняешь;
 Цѣлуй Елисаветинѣ мечъ,
 Чтѣ ты принудилъ самъ извлечь:
 Его смягчить одна покорность,
 Остричь кичливая упорность.
13. Примѣры храбрости Россійской
 Представъ теперь въ умѣ своемъ;
 Воззри на Донъ и край Понтійской
 Смиранный мстительнымъ огнемъ.
 Тамъ степи кровью напоенны
 Родили лавры намъ зелены.
 Багорова тамъ земля тряслась,
 И къ небу съ дымомъ пыль вилась;
 Россіянь твердо грудь стояла,
 И слава ихъ во мглѣ блистала.
14. Свою Полтавску вспомни рану,
 Чтѣ знать еще въ груди твоей,
 И гордость при Днѣпрѣ погранну
 И многій плѣнъ твоихъ людей,
 За Обскія брега вселенный,
 Хребтомъ Рифейскимъ заключенный,

За коимъ сильна Росска власть
 Велику держить востока часть,
 Гдѣ орды ей собирають дани,
 По ней всегда готовы къ брани.

15. Какъ нѣльзя лить рѣкамъ къ вершинѣ
 Противъ крутизны водъ своихъ,
 И силы взять огню въ пучинѣ;
 Такъ къ намъ ввести людей твоихъ.
 Орды на тое не взирають,
 Что львовы челюсти зіяють.
 Вотще твой хитрый былъ совѣтъ:
 Россю Самъ Господь блюдетъ;
 Рукою Онъ Елисаветы
 Противныхъ разрушить навѣты.
16. Ужѣ и моремъ, и землею
 Россійско воинство течеть,
 И сильной крѣпостью своею
 За лѣсъ и рѣки готовъ жметъ.
 Огня ревущаго удары
 И свистъ отъ ядръ летящихъ ярый
 Сгущенный дымомъ воздухъ рвутъ,
 И тяжкихъ горъ сердца трясутъ,
 Ужѣ мрачится свѣтъ полдневный,
 Повсюду видъ и слухъ плачевный.
17. Тамъ кони бурными ногами
 Взвивають къ небу прахъ густой,
 Тамъ смерть межъ Готѣскими полкамъ
 Бѣжитъ, ярься, изъ строя въ строй,
 И алчну челюсть отверзаетъ,
 И хладны рѣки простираетъ,
 Ихъ гордый исторгая духъ,
 Тамъ тысячи валятся вдругъ.
 Но если хочешь видѣть ясно,
 Коль Росско воинство ужасно;
18. Взойди на брегъ крутой высоко:
 Гдѣ кончится землею понтъ;
 Простри свое чрезъ воды око,
 Коль много обнялъ горизонтъ;
 Внимай, какъ Югъ пучину давить,
 Съ пескомъ мутить, зыбь на зыбь ставить,
 Касается морскому дну,
 На сушу гонить глубину,

- И съ моремъ дождь и градъ мѣшаетъ;
Тамъ Россѣ противныхъ низлагаетъ.
19. Какъ ежели на Римлянъ злился
Плутонъ, являя гнѣвъ и власть,
И если Градъ тому чудился,
Что Курцій, видя мрачну пасть,
Презрѣль и младость и породу,
Погибъ за Римскую свободу
Съ развѣзду въ оную скочивъ;
То ей! Квириты, Маркъ вашъ живъ
Во всякомъ россѣ, что безъ страху
Черезъ огонь и рвы течетъ сразмаху.
20. Всякъ мнить, что равенъ онъ Алкиду,
И что Немейскимъ львомъ покрытъ,
Или ужасную Егиду
Нося, враговъ своихъ страшить;
Пронзаетъ, рветъ и разсѣкаетъ;
Противныхъ силу презираетъ.
Смѣсившись съ прахомъ кровь кипить;
Здѣсь шлемъ съ головой, тамъ трупъ лежитъ;
Тамъ мечъ съ рукой отбитъ валится.
Коль злоба жестоко казнится!
21. Народы нынѣ научитесь,
Смотря на страшну гордыхъ казнь,
Союзы разрушать блюдитесь,
Храните искренню пріязнь;
На множество не уповайте
И тѣмъ небесъ не раздражайте!
Мечи, щиты и крѣпость стѣнъ,
Предъ Божьимъ гнѣвомъ гниль и тлѣнъ:
Предъ нимъ и горы исчезаютъ,
Предъ нимъ пучины изсыхаютъ.
22. Бѣжитъ въ свой путь съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный Исполинъ,
Ступаетъ по вершинамъ строгимъ,
Презрѣвъ глубоко дно долинъ,
Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;
Подъ сильною его пятою
Кремнистые бугры трещать,
И слѣдомъ дерева лежатъ,
Что множество вѣковъ стояли
И бурей ярость презирали.
23. Такъ флотъ Россійскій въ понть дерзаетъ,

- Такъ роетъ онъ поверхъ валовъ;
 Надменна бездна уступаетъ,
 Стеня отъ тягости судовъ.
 Во слѣдъ за скорыми кормами
 Слѣшеть сѣдая пѣна рвами. *)
 Весельный шумъ, гребущихъ крикъ
 Наносятъ готамъ страхъ великъ;
 Уже надежду отвергають
 И въ мглѣ свой флотъ и стыдъ скрываютъ.
24. Не Шведъ-ли мнилъ, что онъ главою
 Какъ Атласъ держитъ цѣлый свѣтъ,
 И море сильною рукою
 И полной властью въ узахъ жметъ;
 Что твердь съ собой въ союзъ свяжетъ
 И вспять итти лунѣ укажетъ,
 Однако родъ Россійскій зналъ
 И мысленно тогда взираетъ,
 Когда онъ сталъ на насъ грозиться,
 Какъ онъ бѣжитъ, какъ насъ страшится!
25. На нивахъ жатву оставляетъ
 Отъ мести утраченный финнъ,
 И съ горъ оцѣпенѣвъ взираетъ
 На дымъ всходящій изъ долинъ,
 На мечъ на Готовъ обнаженный,
 На пламень въ селахъ воспаленный;
 Тамъ ночью отъ пожаровъ день,
 Тамъ днемъ въ пыли ночная тѣнь;
 Багровый облакъ въ небѣ рдѣетъ.
 Земля подъ нимъ въ крови краснѣетъ.
26. Но холмы и дрѣва скачите,
 Ликуйте множества озеръ,
 Руками рѣки восплещете,
 Петрополь буди вамъ примѣръ:
 Елисавета къ вамъ приходитъ,
 Отраду съ тишиной приводитъ:
 Любя вселенныя покой,
 Уже простертой вамъ рукою
 Даруетъ мирныя оливы,
 Щадить велитъ луга и нивы.
27. Хотя съ вами-бъ, Готы, къ намъ достигли
 Поящи Западъ быстрины,
 Хотя бы вы на насъ воздвигли

*) *Бѣжитъ кипяща пѣна рвами.*

Союзы ваши всё страны;
 Но тщетны были-бъ всё походы:
 Незнаемые вамъ народы,
 Что далъ Сѣвера живутъ,
 Того по вся минуты ждуть,
 Что имъ велить Елисавета,
 Готовы стать противу свѣта.

28. О слава женъ во свѣтѣ славныхъ,
 Россіи радость, страхъ враговъ,
 Краса владѣтельница державныхъ!
 Всякъ кровь свою пролить готовъ
 За многія твои доброты
 И къ подданнымъ твоимъ щедроты.
 Твой слухъ плѣнилъ и тѣхъ людей,
 Что странствуютъ среди звѣрей;
 Что съ лютыми пасутся львами,
 За честь твою возстануть съ нами.
29. Твое прехвально имя ишетъ
 Неложна слава въ вѣчномъ льдѣ,
 Всегда гдѣ хладный сѣверъ дышетъ,
 И только вѣрой теплъ къ тебѣ;
 И стѣпи въ зноѣ отдаленны
 Къ тебѣ любовію возженны
 Еще усерднѣе горятъ.
 Къ тебѣ отъ восточныхъ странъ спѣшать
 Уже Американски волны
 Въ Камчатскій портъ веселья полны.
30. Въ шумящихъ берегахъ Балтійскихъ
 Веселья больше нежели водъ,
 Что видѣли судовъ россійскихъ
 Противъ враговъ счастливый ходъ.
 Коль радостенъ женихъ въ убранствѣ,
 Толь Финскій понтъ въ твоёмъ подданствѣ.
 Въ проливахъ, въ устьяхъ рѣкъ, въ губахъ
 Играя, нимфы выютъ въ рукахъ,
 Монархиня, вѣнцы лавровы,
 И воспѣваютъ пѣсни новы.
31. О чистый Невскій токъ и ясный
 Счастливѣйшій всѣхъ водъ земныхъ!
 Что сей богини ликъ прекрасный
 Кропишь теперь отъ струй своихъ,
 Стремись, шуми, теки обильно,
 И быстриной твоей насильно

- Промчись до Шведскихъ береговъ,
И больше устраши враговъ,
Имъ громкимъ шумомъ возвѣщая,
Что здѣсь зимой весна златая.
32. Какъ лютый мразь она *) прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ,
Вселенну паки воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля цвѣтами красить вновь:
Такъ нынѣ милость и любовь,
И свѣтлый дщери взоръ Петровой
Насъ жизнью оживляетъ новой.
33. Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сонъ?
Еще горитъ во мнѣ охота
Торжественный возвыситъ тонъ.
Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
И купно ясный день сіяетъ!
То сердце сильна власть страшитъ,
То кротость оное живитъ; **)
То бодрость страхъ, то страхъ ту клонитъ,
Противна страсть противну гонитъ! ***)
34. На Западъ смотреть грознымъ окомъ
Сквозь дверь небесну духъ Петровъ,
Во гнѣвѣ сильномъ и жестокомъ
Преступныхъ онъ мятетъ враговъ.
Богиня кротко съ нимъ взираетъ
На Невскій брегъ, и простираетъ
Свой перстъ на дщерь свою съ высотъ:
Возри на образъ твой и плодъ,
Что всѣ дѣла твои возставитъ,
И въ свѣтѣ тѣмъ себя прославитъ.
35. Исполненъ я веселья нынѣ,
Что вновь дѣла мои растутъ:
Вѣщаетъ Петръ къ Екатеринѣ;
Твои совѣты всѣ цвѣтутъ.
Блаженны дщерью мы свою;

*) ...весна

) То кротость *разумъ мой* живитъ.*) Противна *мысль* противну гонитъ.

- Рука Господня буди съ нею,
 Блаженъ тотъ годъ, тотъ день и часть,
 Когда Господь ущедрилъ насъ,
 Подавъ ее намъ на утѣху,
 И всѣхъ трудовъ моихъ къ успѣху.
36. Но рѣчь ихъ шумный вопль скрываетъ:
 Война при Шведскихъ берегахъ
 Съ ужаснымъ стономъ возрыдаетъ,
 Въ угрюмыхъ кроется лѣсахъ.
 Союзъ приходитъ вождѣльный,
 И гласъ возносить къ ней смиренный: *)
 Престань прекрасный вѣкъ мрачить,
 И Фински горы кровавить:
 Се царствуетъ Елисавета,
 Да миръ подастъ предѣламъ свѣта.
37. Хотя твои махины грозны,
 Но сплавлю ихъ въ зваянный видъ:
 Чтобъ знали впредь потомки позны,
 Что нынѣ свѣтъ въ Россіи зреть.
 Я вѣщи учиню премѣны,
 Когда градовъ пространны стѣны
 Безъ нагубы людской сотру,
 Въ огромные столпы сберу;
 Превыше будутъ тѣ Мемфійскихъ
 Монарховъ славою Россійскихъ.
38. Мечи твои и копья вредны
 Я въ плуги и въ серпы скую;
 Пребудутъ всѣ поля безбѣдны,
 Отвергнувъ люту власть твою.
 На мѣстѣ брани и раздора
 Цвѣты свои разсыплетъ Флора.
 Разить не будетъ сѣрный прахъ
 Сквозь воздухъ, огонь и смерть въ полкѣхъ,
 Но озаривъ веселы ночи,
 Восхититъ зрящихъ духъ и очи.
39. Еще плѣненна мысль мутится!
 Я слышу стихотворцевъ шумъ,

*) Но рѣчь ихъ шумный гласъ скрываетъ,
 Война при Готскихъ берегахъ
 Съ угрюмымъ стономъ возрыдаетъ
 И въ дикихъ кроется горахъ.
 Союзъ возлюбленный приходитъ
 И съ кротостью свой гласъ возводитъ:

Которыхъ жарь не погасится,
 И будетъ чтущихъ двигать умъ;
 Завистно на меня взирая
 И съ жалостію воздыхая,
 Ко мнѣ возносять скорбный гласъ:
 О коль ты счастливѣе насъ!
 Нашъ слогъ исполненъ басней лживыхъ.
 Твой сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ.

40. Намъ бы вымышлять намъ ложно
 Безъ вещи имена однѣ,
 Когда бы было намъ возможно
 Рожденнымъ въ Росской быть странѣ,
 Въ сіе благословенно время,
 Въ которое Петрово сѣмя,
 Всѣхъ женъ хвала, Елисаветъ
 Сладчайшій музамъ вѣкъ даетъ.
 Въ ней зрятся истинны доброты,
 Геройство, красота, щедроты.
41. Что толь пріятный сонъ смущаетъ,
 Восторгъ пресладкій гонить прочь,
 И что спокойну брань скрываетъ,
 И отвращаетъ ясну ночь?
 Возносить востокъ и западъ клики!
 Согласно разные языки
 Гласятъ къ монархинѣ своей:
 Господь, ущербомъ нашихъ дней
 Умножь твои дражайши лѣта
 Къ отрадѣ и защитѣ свѣта!
42. Когда бы древни вѣки знали
 Твою щедроту съ красотой,
 Тогда бы жертвой почитали
 Прекрасный въ храмѣ образъ твой *).
 Что жъ будущіе скажутъ роды?
 Покрыты кораблями воды
 И грады, гдѣ былъ прежде лѣсъ,
 Возвысятъ гласъ свой до небесъ:
 Великій Петръ намъ далъ блаженство,
 Елисавета совершенство.
43. Цѣлуй Петрополь ту десницу,

*)

Когда бы древни *лѣта* знали
 Толку бодрость съ красотой,
 То бь храмы въ честь твою создали,
 И жертвой чтили бь образъ твой.

Которой долго ты желалъ:
 Ты паки зришь императрицу,
 Что въ сердцѣ завсегда держалъ.
 Не такъ поля росы желаютъ,
 И въ зной цвѣты отъ жажды таютъ,
 Не такъ способныхъ вѣтровъ ждеть
 Корабль, что въ тихій портъ плыветь:
 Какъ сердце наше къ ней пылало,
 Чтобъ къ намъ лице ея сіяло *).

44. Красуйся духъ мой восхищенный,
 И не завидуй тѣмъ творцамъ,
 Что носятъ лавръ похвалъ зеленый;
 Доволенъ будь собою самъ:
 Твою усерднѣйшую ревность
 Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность
 Въ забвеніи не могутъ скрыть,
 Котору будутъ вѣкъ хранить
 Дѣла Петровой дщери громки,
 Что стануть позны честь потомки.

VIII. На день тезоименитства в. кн. Петра Феодоровича, 1743 года.

1. Ужé врата отверзло лѣто;
 Натура ставитъ общій пиръ;
 Земля и сердце въ насъ нагрѣто;
 Колеблетъ вѣтви тихъ зефиръ;
 Объемлетъ мягкій дугъ крылами;
 Крутится чистый токъ полями;
 Брега питаетъ тучный иль;
 Древа **) и цвѣтъ покрылись медомъ;
 Ведеть своимъ довольство слѣдомъ
 Поспѣшно ясный ***) вождь свѣтилъ.
2. Но о небесъ пресвѣтло око,
 Веселыхъ дней прекрасный царь!
 Какъ наша радость, встань высоко,
 Пролей чистѣйшій лучъ на тварь,
 Въ прекрасну облекись порфиру,
 Явись великолѣпнень міру

*) Какъ сердце наше *ожидало*,
 Чтобъ къ намъ лице *твое* сіяло.

**) Листы.

***) Красный.

- И въ новомъ блескѣ вознесись
 Въ златую сѣдши колесницу,
 Въ зенитъ вступи, прешедъ границу,
 И позже въ Океанъ спустишь.
3. И тѣмъ почти Петрова внука;
 Сіяй, какъ нашъ веселый духъ
 Горитъ отъ радостнаго звука,
 Который въ нашъ внушаетъ слухъ
 Младого шумъ орла паряща
 И предкамъ вслѣдъ взлетѣть спѣшаща;
 На мѣръ возрѣть, искать побѣдъ.
 Онъ выше бурь и тучъ промчится,
 Противъ перуновъ ополчится,
 Однимъ обозреть взглядомъ свѣтъ.
4. Какой веселый ликъ приходитъ?
 Се вѣчность отъ пространныхъ нѣдръ
 Великій рядъ вѣковъ приводитъ,
 Въ нихъ будетъ жить Великій Петръ,
 Тобой, великій князь Россійскій.
 Въ тебѣ весь Нордъ и край Азійскій
 Воскресшу прежню чтить любовь.
 Какъ въ гробъ лицо Петрово скрылось,
 Въ сей день веселья солнце тмилось;
 Но днесъ тобою свѣтитъ вновь.
5. Тебѣ Россія вся открыла,
 Клянущися Вышняго рукой:
 Я въ сердцѣ много лѣтъ таила,
 Что мнѣ достоинъ жить тобой,
 Мнѣ полдень съ утромъ вдругъ вступаетъ,
 Весна цвѣты и плодъ являетъ
 Въ возлюбленной душѣ твоей *).
 Но грудь пронзитъ народовъ лъстивныхъ
 Ужасный лучъ въ полки противныхъ
 Блистая изъ твоихъ очей.
6. Возвысится какъ кедръ высокій
 Надъ сильныхъ всѣхъ твоя глава;
 Ты какъ змію попрешъ пороки,
 Пятой наступишь ты на льва.
 Твоими Самъ Господь устами
 Завѣтъ вовѣкъ поставитъ съ нами;

*) *Намъ полдень съ утромъ вдругъ сіяетъ
 Весна плоды и цвѣтъ являетъ
 Въ дражайшей младости твоей.*

- И крѣпче Мавританскихъ горъ
 Твои плечи Петромъ скрѣпленны
 И силой свыше облеченны
 Надежный будутъ намъ подпоръ.
7. Прострешь свои державны длани
 Ко Вышнему за насъ въ церквахъ,
 Покажешь мечъ и страхъ въ день брани
 Подобно какъ твой дѣдъ въ полкахъ.
 Премудрость сядетъ въ судъ съ тобою,
 Изгонитъ лестъ и ковъ съ хулою.
 И мужество твои чресла
 Скрѣпить для общей нашей чести,
 Защититъ насъ, къ противныхъ мести,
 Дабы исторгнуть корень зла.
8. Подъ инну Трою вновь приступитъ
 Россійскій храбрый Ахиллесъ,
 Продерзкій мечъ враговъ притупитъ,
 Хвалою взойдетъ къ верху небесъ.
 Отрада пойдетъ вслѣдъ отрадѣ
 Въ Петровомъ свѣту страшномъ градѣ,
 И плески плескамъ вѣсть дадутъ:
 Господь щедроты въ насъ пробавитъ,
 И больше насъ тобой прославитъ,
 Какъ съ трепетомъ враги падутъ.
9. Мой духъ течетъ къ предѣламъ свѣта,
 Охотой *) храбрыхъ дѣлъ плѣненъ,
 Въ восторгѣ зреть грядущи лѣта
 И грозный древнихъ видъ временъ:
 Холмовъ Ливанскихъ верхъ дымится!
 Тамъ Навинъ иль Сампсонъ стремится!
 Текуть струи Евфратски вспять!
 Онъ тигровъ челюсти терзаетъ,
 Волнамъ и вихрямъ запрещаешь,
 Велитъ лунѣ и солнцу стать.
10. Фиссонъ шумитъ, Багдадъ пылаетъ,
 Тамъ вопль и звуки въ воздухъ бьютъ,
 Ассирски стѣны огонь терзаетъ,
 И Тавръ и Кавказъ въ понть бѣгутъ.
 Единъ трясетъ свирѣпымъ югомъ
 И дальнымъ восточныхъ странъ округомъ
 Сильнѣйшій горъ, огня, вѣтровъ,

*) Любовью.

Отмститель храбрь враговъ сварливыхъ,
 Каратель странъ въ союзѣ лживыхъ -
 Россійскій родъ и плодъ Петровъ.

11. Однако если врагъ оставитъ
 Коварну зависть самъ собой,
 То насъ желанный миръ прославить
 И тѣмъ возвыситъ насъ герой.
 Стихи ярость укрощайте,
 Туманы въ ясны дни растайте,
 Являй веселый небо зракъ;
 Цѣлуйте громы съ тишиною;
 Упейся молнія росою;
 Стань рядъ планетъ въ счастливый знакъ.
12. Въ брегахъ да лютятъ тихо рѣки,
 Не смѣя чрезъ предѣлъ ступить;
 Да придутъ всѣ страны далеки
 Съ концовъ земныхъ тебѣ служить.
 Воззри на свѣта шаръ пространный *),
 Воззри на понтъ тебѣ подстланный,
 Воззри въ безмѣрный кругъ **) небесъ:
 Онъ зыблется и помаваетъ
 И славу зрѣть твою желаетъ
 Свѣтлѣющихъ тьмами въ немъ очесъ.
13. Воззри на трудъ и громку славу,
 Что свѣтъ въ Петрѣ неложно чтить;
 Нептунъ позналъ его державу,
 Съ Минервой сильный Марсъ гласить:
 Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія,
 Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,
 Сошедъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ;
 Онъ нынѣ въ вѣчности сіяетъ,
 На внука веселозираетъ,
 Среди героевъ, выше звѣздъ.
14. Творецъ и Царь небесъ безмѣрныхъ,
 Источникъ лѣтъ, вѣковъ Отецъ,
 Услыши гласъ Россіянъ вѣрныхъ,
 И чисту искренность сердець!
 Какъ если сей предѣлъ положенъ,
 Что выше степень не возможенъ,
 Куда дѣлами Петръ возшелъ;

*) Воззри на *кругъ земной* пространный
 **) шаръ

Яви сію щедроту съ нами,
 Да превзойдетъ его лѣтами
 Наслѣдникъ имени и дѣлъ.

IX. На день брачнаго сочетанія в. кн. Петра Теодоровича и в. кн-ни Екатерины Алексѣевны, 1745 г.

1. Не садъ ли вижу я священный
 Въ Едемѣ Вышнимъ насажденный,
 Гдѣ первый узаконенъ бракъ?
 Въ чертогъ богиня въ славѣ входитъ,
 Любезнѣйшихъ супруговъ вводитъ
 Плѣняющихъ сердца и зракъ.
 Въ одномъ геройскій духъ и сила
 Цвѣтутъ во дняхъ уже молодыхъ,
 Въ другой натура истощила
 Богатство всѣхъ красотъ своихъ.
2. Исполнилъ Богъ свои совѣты
 Съ желаніемъ Елисаветы:
 Красуйся свѣтло Росскій родъ.
 Се паки Петръ съ Екатериной
 Веселья общаго причиной:
 Ликуйте сонмы многихъ водъ.
 Рифейскихъ горъ верхи неплодны,
 Одѣйтесь въ нѣжный цвѣтъ лилей;
 Пустыни и поля безводны,
 Излейте чистый токъ ключей.
3. На востокъ, западъ и югъ,
 Во всемъ пространномъ свѣта кругъ
 Ужасны Росскіе полки,
 Мечи и шлемы отложите,
 И въ храбры рѣки днесъ возьмите
 Зелены вѣтви и цвѣтки.
 Союзны царства утверждайте
 Въ предѣлахъ вашихъ тишину,
 Вы бурны вихри не держайте
 Подвигнуть нынѣ глубину.
4. Дѣвицъ и юношъ красныхъ лицъ,
 Вносите радостны клики
 По мягкимъ тихихъ рѣкъ брегамъ:
 Пусть гласъ веселый раздается,
 Пусть сей пріятный гласъ промчится

По холмамъ, рощамъ и лугамъ:
 «Къ утѣхѣ Росскаго народа
 Петра съ Екатериной вновь
 Счетаеть счастье и порода,
 Пригожество, младость и любовь.»

5. Какъ сладкій сонъ вливаетъ въ члены
 Чрезъ день трудами изнуренны
 Отраду, легкость и покой;
 Такъ мысль въ весельи утопаетъ.
 О коль прекрасенъ свѣтъ блистаетъ,
 Являя видъ страны иной!
 Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
 Тамъ вихрей нѣтъ ни шумныхъ бурь;
 Между млечными облаками *)
 Сіяетъ злато и лазурь.
6. Кристальны горы окружаютъ,
 Струи прохладны обтекаютъ
 Усыпанный цвѣтами лугъ.
 Плоды румянцемъ испещренны
 И вѣтви медомъ орошенны
 Весну являютъ съ лѣтомъ вдругъ.
 Восторгъ всѣ чувства восхищаетъ!
 Какая сладость льется въ кровь?
 Въ пріятномъ жарѣ сердце таетъ!
 Не тутъ ли царствуетъ любовь?
7. И горлицъ нѣжное вздыханье,
 И чистыхъ голубицъ лобзанье
 Любви являютъ тамо власть.
 Древа листьями помаваютъ,
 Другъ друга вѣтвями обнимаютъ,
 Въ бездушныхъ зрю любовну **) страсть!
 Ручьи во слѣдъ ручьямъ крутятся,
 То гонять, то себя манять,
 То прямо другъ къ другу стремятся,
 И слившись межъ собой журчатъ.
8. Нарциссъ надъ ясною водою
 Плѣненъ своею красотою
 Стоитъ любуясь самъ собой.
 Зефиръ, какъ ты по берегу дуешь,
 Сто кратъ листки его цѣлуешь

*) Надъ бисерными облаками.

**) Въ бездушныхъ тамъ любовна...

И сладкой тѣ кропишь росой.
 Зефиръ сихъ нѣжныхъ мѣстъ хранитель,
 Куда свой правишь съ нихъ полеть?
 Зефиръ кустовъ и роцъ любитель,
 Что прочь отъ нихъ тебя влечетъ?

9). Онъ легкими шумитъ крылами,
 Вздвигается подъ небесами
 И льетъ на воздухъ аромать;
 Царицу мѣстъ любовь срѣтаетъ,
 Порфиру и власы взвѣваетъ;
 Она спѣшитъ въ свой свѣтлый градъ.
 Индійскихъ рѣкъ брега веселы,
 Хоть вѣчна васъ весна пестритъ,
 Не чудны ваши мнѣ предѣлы,
 Мой духъ красу любви зритъ.

10. Какъ утрення заря сіяетъ,
 Когда день ясный общаетъ,
 Румянитъ синій горизонтъ;
 Лицо любви толь прекрасно,
 Въ ночи горятъ коль звѣзды ясно,
 И проникаютъ тихій понтъ;
 Подобно, сей царицы взгляды
 Сквозь души и сердца идутъ,
 Съ надеждой смѣшанны отрады
 Въ объаты страстью мысли льютъ.

11. Бѣлѣйшей мрамора рукою
 Любовь несетъ передъ собою
 Младыхъ супруговъ свѣтлый ликъ.
 Сама смотря на нихъ дивится,
 И полкъ всѣхъ нѣжностей тѣснится,
 И къ онымъ тщательно приникъ.
 Кругомъ ея умилыны смѣхи
 Взвиралющихъ плѣняютъ грудь,
 Пріятности и всѣ утѣхи
 Цвѣтами устилаютъ путь.

12. Усердна вѣрность принимаетъ
 Носимый ликъ и составляетъ
 На крѣпкихъ мраморныхъ столпахъ
 Сребромъ чистѣйшимъ обведенныхъ,
 И такъ отъ вѣка утвержденныхъ,
 Какъ въ тяжкихъ Таврскихъ нутрь горахъ,
 Бурливыхъ вихрей не боится
 И презираетъ молній блескъ,

- Отъ мрачныхъ тучъ ѡбжать не щится,
Въ ничто вмѣняетъ громовъ трескъ.
13. Не самъ ли въ арфу ударяетъ
Орфей, и камни оживляетъ,
И слѣдомъ водить хоръ древесъ?
Любовь, и съ нею восклицаютъ
Лѣса, и громко возвышаютъ
Младыхъ супруговъ до небесъ.
Въ пригоркахъ бьютъ ключи прозрачны,
Сверкая въ солнечныхъ лучахъ,
И сыплотъ черезъ долины злачны,
Чѣмъ блещетъ Ормъ въ своихъ краяхъ.
14. Кастальски нимфы ликовствуютъ,
Съ любовью купно торжествуютъ,
И движутъ плесками Парнассъ;
Надежда оныхъ ободряетъ,
Надежда тверда возбуждаетъ
Возвыситъ громко брачный гласъ.
Надежда общаетъ явно;
Онѣ себѣ съ весельемъ ждуть
Имѣть въ Россіи имя славно,
Щедротой ободренный трудъ,
15. О вѣтвь отъ корене Петрова!
Для всѣхъ полночныхъ странъ покова,
Благополучно возрастай.
О щедрая Екатерина,
Ты процвѣтай краснѣе крина,
И сладки намъ плоды подай.
Отъ васъ Россія ожидаетъ
Счастливыхъ и спокойныхъ лѣтъ,
На васъ по всякій часъ взираетъ
Какъ на всходящій дневный свѣтъ.
16. Теперь во всѣхъ градахъ Россійскихъ
По селамъ и въ степяхъ Азійскихъ
Единогласно говорятъ:
Какъ Богъ продлитъ черезъ вѣчно время
Дражайшее Петрово племя,
Счастлива жизнь и нашихъ чадъ:
Не будетъ страшныя премѣны;
И отъ російскихъ храбрыхъ рукъ
Разсыплотся противныхъ стѣны
И сильныхъ изнеможетъ лукъ.
17. Петръ силою своей десницы

- Россійски распростреть границы
 И въ нихъ спокойство утвердить.
 Дражайшія его супруги
 Вездѣ прославятся заслуги,
 И свѣтъ щедрота удивить.
 Онъ добродѣтель чрезъ награду
 Въ народѣ будетъ умножать;
 Она предстательствомъ отраду
 Потщится бѣднымъ подавать.
18. Отъ Иберовъ до водъ Курильскихъ,
 Отъ вѣчныхъ льдовъ до токовъ Нилскихъ,
 По всѣмъ народамъ и странамъ
 Вашъ слухъ пріятный протекаетъ,
 Языки многи услаждаетъ,
 Какъ благовонный фиміамъ.
 Коль сладко путникъ поживаетъ
 Въ густой травѣ, гдѣ ключъ течетъ;
 Свое такъ сердце утѣшаетъ,
 Смотри на васъ Елисаветъ.
19. Съ горящей, солнце, колесницы,
 Низведъ пресвѣтлыя зѣницы,
 Пространный видишь шаръ земной,
 Въ Россійской ты державѣ всходишь,
 Надъ нею дневный путь преводишь
 И въ волны кроешь пламень свой.
 Ты нашей радости свидѣтель,
 Ты зришь усердіи нашихъ знакъ,
 Что нынѣ намъ послалъ Содѣтель
 Чрезъ сей благословенный бракъ.
20. О Боже, крѣпкій Вседержитель!
 Подай, чтобъ Россовъ обновитель
 Въ потомкахъ вѣчно жилъ своихъ:
 Воспомяни его заслуги,
 И преклонивъ небесны круги,
 Благослови супруговъ сихъ.
 Съ высотъ Твоихъ Елисаветѣ
 Посли святую благодать,
 Сподоби ту въ грядущемъ лѣтѣ
 Петрова первенца лобзать.

Х. На день восшествія на престолъ императрицы
Елисаветы Петровны, 1746 г.

1. На верхъ Парнасскихъ горъ прекрасный
Стремится мысленный мой взоръ,
Гдѣ воды протекають ясны,
И прохлаждаютъ музъ соборъ.
Меня не жажда струй прозрачныхъ,
Но шумъ пріятный въ рощахъ злчныхъ *)
Поспѣшно радостна влечеть:
Тамъ холмы и дрова взываютьъ,
И громкимъ гласомъ возвышаютъ
До самыхъ звѣздъ Елисаветъ.
2. И се ужѣ рукой багряной
Врата отверзла въ міръ заря,
Отъ ризы сыплеть свѣтъ румяной
Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря,
Велитъ ночнымъ лучамъ склониться
Предъ свѣтлымъ днемъ, и въ тверди скрыться,
И тѣмъ почтить его приходъ.
Онъ блескъ и радость изливаетъ,
И въ красны лики созываетъ
Спасенный днесъ Россійскій родъ.
3. Взирая на дѣла Петровы,
На градъ, на флотъ и на полки,
И купно на свои оковы
На сильну власть чужой руки,
Россія ревностно вздыхала,
И сердцемъ всякой часъ вzywала
Къ тебѣ защитницѣ своей:
Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни намъ Петрово племя,
Утѣшь, утѣшь твоихъ людей.
4. Покрой отечески законы,
Полки противныхъ отжени,
И святости твоей короны
Чужимъ коснуться возбранн,

*)

Меня надежда струй прозрачныхъ,
На шумъ пріятный въ рощахъ злчныхъ (Рит.).

Отъ церкви отврати налоги:
 Тебя монарши ждуть чертоги,
 Порфира, скипетръ и престоль;
 Всевышній поидеть предъ тобою,
 И крѣпкою тебя рукою
 Отъ страшныхъ всѣхъ защититъ золь.

5. Какую чувствуетъ премѣну
 Желаніемъ вперенный духъ?
 Се мысль внезапно восхищенну
 Веселый ободряетъ слухъ!
 Уже со многими народы
 Гласить ээирь, земля и воды,
 И камни вопіють теперь!
 Къ намъ щедро небо преклонилось,
 И счастье наше обновилось:
 На тронъ взошла Петрова дщерь.
6. О утра часъ благословенный,
 Дражайшій намъ златыхъ вѣковъ!
 О вѣстникъ счастья вождельный
 Для насъ и будущихъ родовъ!
 Ты коль велику далъ отраду,
 Когда открылъ Петрову граду
 Избавльшія богини зракъ!
 Мы въ скорбной темнотѣ заснули,
 Но въ радости отъ сна вспрынули,
 Какъ ты ночной разсыпалъ мракъ.
7. Уже народъ нашъ оскорбленный
 Въ печальнѣйшей ночи сидѣлъ.
 Но Богъ смотря въ концы вселенны,
 Въ полночный край Свой взоръ возвелъ,
 Взглянулъ въ Россію кроткимъ окомъ,
 И видя въ мракѣ ту глубокомъ,
 Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ.
 И бысть! О твари Обладатель!
 Ты паки свѣта намъ Создатель,
 Что взвелъ на тронъ Елисаветъ.
8. О день блаженный, день избранный
 Для счастья полночныхъ странъ!
 Тобой сугубо осіянный
 Востокъ и льдистый Океанъ
 Свой колѣна преклоняють.
 И жертву нынѣ возжигаютъ
 Усердну въ радостныхъ сердцахъ

- Предъ солнцемъ на землѣ свѣтящимъ,
 Что намъ въ печальной тѣмѣ сидящимъ
 Пролити свѣтъ, отгнало страхъ.
9. Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
 Что море въ ярости своей
 Съ предѣлами небесъ сражалось,
 Земля стенала отъ зыбей,
 Что вихри въ вихри ударялись,
 И тучи съ тучами спирались,
 И устремлялся громъ на громъ,
 И что надуты водъ громады
 Текли покрыть пространны грады,
 Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.
10. Я духомъ зрю минувше время,
 Тамъ грозный злится *) исполнѣ
 Разсыпать земнородныхъ племя,
 И разрушить натуры чинъ!
 Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,
 Лѣсисты съ мѣсть бугры хватаетъ,
 И въ твердь сквозь облака разить.
 Какъ Этна въ ярости дымится,
 Такъ мгла изъ челюстей курится,
 И помрачаетъ солнца видъ.
11. Но о прекрасная планета,
 Любезное свѣтло дней!
 Ты нынѣ чрезъ предѣлы свѣта
 Простерши блескъ твоихъ лучей,
 Спасенный Сѣверъ освѣщаешь,
 И къ намъ веселый видъ склоняешь,
 Взирая на Елисаветъ
 И купно на ея доброты:
 Отъ ней текутъ на всѣхъ щедроты,
 Какъ твой повсюду ясный свѣтъ.
12. О вы, недремлющія очи,
 Стрегущія небесный градъ!
 Вы бодрствуя во время ночи,
 Когда покоясь смертны спятъ,
 Взираете сквозь тѣнь густую
 На цѣлу широту земную.
 Но чаю, что вы въ оный часъ,
 Впротивъ естественному чину,

- Петрову зрѣли дщерь едину,
 Когда пошла избавить насъ.
13. Сладка плодамъ во время зноя
 Прохлада влажныя росы,
 И сонъ подъ тѣнью дровъ густою
 Пріятень въ жаркіе часы;
 Но вящшу радость ощущаетъ
 Мой духъ, когда воспоминаетъ
 Россійскія отрады день.
 Еще приходитъ плескъ во уши!
 Плѣняюща сердца и души
 Тогдашней нощи зрится тѣнь!
14. По стогнамъ шумный гласъ несется
 Елисаветиныхъ похвалъ,
 Въ полкахъ стократно раздается:
 Великій Петръ изъ мертвыхъ всталъ!
 Мы пройдемъ съ нимъ сквозь огонь и воды,
 Преодолимъ бури и погоды,
 Поставимъ грады на рѣкахъ,
 Мы дерзкій взоръ враговъ потупимъ,
 На горды выи ихъ наступимъ,
 На грозныхъ станемъ мы валахъ.
15. Коль наша радость справедлива!
 Насъ красить сладостный покой;
 О коль, Россія, ты счастлива
 Елисаветиною рукою!
 Противны силъ ея страшатся.
 И купно милости чудятся.
 Таковъ Екатерининъ ликъ
 Былъ щедръ и кротокъ и прекрасенъ;
 Таковъ былъ Петръ врагамъ ужасенъ,
 Своимъ отецъ, вездѣ великъ.
16. Что вы, о поздніе потомки,
 Помыслите о нашихъ дняхъ?
 Дѣла Петровой дщери громки
 Представивъ въ мысленныхъ очахъ,
 И видя зракъ изображенный
 Среди героевъ вознесенный,
 Что молвите между собой?
 Не всякъ ли скажетъ быть чудесно,
 Увидѣвъ множество совмѣстно
 Съ толикой купно красотой?
17. Велико дѣло есть и знатно

Сердца народовъ привлеци,
 И странно всёмъ и непонятно
 Поль-свѣта взять въ одной нощи!
 Но кое сердце толь жестоко,
 Которо бѣ сей богини око
 Не сильно было умягчить?
 И кая можетъ власть земная
 На дщерь и духъ Петровъ смотря
 Себя противу ополчить?

18. Пять кратъ подѣ счастливой державой

Цвѣтами красилась земля;
 Стократной облеклися славой
 Россійски грады и поля:
 Стоять трофеи вознесенны,
 Цвѣтутъ оливы насажденны
 Елисаветиною рукой,
 Что новыхъ свѣтовъ досягаетъ;
 Отъ той Европа ожидаетъ,
 Чтобъ въ ней возставленъ былъ покой.

19. Хотя отъ смертныхъ сокровенно

Грядущихъ бытіе вещей;
 Однако сердце просвѣщенно
 Величествомъ богини сей
 На будущіе дни смотряеть,
 И больше счастье предвѣщаетъ.
 Конецъ увидимъ оныхъ дѣлъ:
 Что ради нашего блаженства
 На верхъ поставить совершенства
 Входящій въ небо Петръ велѣлъ.

20. Кто можетъ всё хвалы достойно

Сея монархини сказать;
 Чья муза толь красно и стройно
 Предъ нею можетъ возыграть?
 Я лиру нынѣ подвергаю
 Стопамъ ея, и возглашаю:
 Подаи, о сильно Божество!
 Да узрять многихъ лѣтъ округи
 Ея къ отечеству заслуги,
 И свѣтло днешне торжество.

21. Да возрастетъ ея держава,

Богатство, счастье и полки,
 И купно дѣлъ геройскихъ слава,
 Какъ токѣ великія рѣки

Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ;
 Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ,
 И множество градовъ поить;
 Разлившись на поля восходить;
 Обильный тукъ на нихъ наводитъ,
 И жатвы щедро богатить.

XI. На день рожденія императрицы Елисаветы
 Петровны, 1746 года.

1. Въ сей день, блаженная Россія,
 Любезна небесамъ страна,
 Въ сей день отъ высоты святя
 Елисаветъ тебѣ дана,
 Воздвигнуть намъ Петра по смерти,
 Гордыню сопостатовъ стерти
 И въ ужасъ оныхъ привести,
 Отъ грозныхъ бѣдъ тебя избавить,
 Судей надъ царствами поставить
 И выше облакъ вознести.
2. О дочь Гремящаго надъ нами,
 О мати всѣхъ племенъ земныхъ,
 Натура чудная дѣлами,
 Какъ если тайнъ ты своихъ
 Меня достойнымъ быть судила,
 И если слаба мыслей сила
 Проникнуть можетъ въ твой чертогъ;
 Представь мнѣ оную годину,
 И купно бѣгъ свѣтилъ по чину,
 Какъ Вышній далъ намъ сей залогъ.
3. Сквозь тучи бывшія печали,
 Что лютый рокъ на насъ навелъ,
 Какъ горы о Петрѣ рыдали
 И понтъ въ брегахъ своихъ ревѣлъ,
 Сквозь страшны Россамъ перемѣны,
 Сквозь прахъ войнами возмущенный
 Я вижу тотъ пресвѣтлый часъ:
 Тамъ вокругъ молодой Елисаветы
 Сіяютъ счастливы планеты,
 Я слышу тамъ природы гласъ.
4. Сѣдя на блещущемъ престолѣ
 Составленномъ изъ твердыхъ горъ,
 Въ пространномъ всѣхъ твореній полѣ

Между стихій смиряетъ споръ;
 Сосцами рѣки проливаетъ,
 И тѣми всяку тварь питаетъ.
 Зелену ризу по лугамъ
 И по долинамъ расширяя,
 Изъ устъ зефирами дыхая,
 Съ веселіемъ вѣщаетъ къ намъ.

5. Я съ вами нынѣ торжествую,
 Мнѣ сихъ часовъ краснѣе нѣтъ,
 Что героиню таковую
 Въ сей день произвела я въ свѣтъ.
 Въ ней хитрость вся моя и сила
 Возможность крайню положила:
 Я избрала счастливый знакъ
 Надежду показать нелестну:
 Въ пространну высоту небесну
 Прилежно возведите зракъ.

6. Се солнце бѣгъ свой премѣняетъ,
 И къ вамъ течетъ умножить день;
 На сѣверъ взоръ свой обращаетъ,
 И онымъ прогоняетъ тѣнь,
 Являя что Елисавета
 Въ Россіи усугубить свѣта
 Державой и вѣнцомъ своимъ.
 Ерміи наукамъ предводитель
 И Марсъ на брани побѣдитель
 Блещаютъ совокупно съ нимъ.

7. Тамъ мужъ звѣздами испещренный
 Свой свѣтлый напрягаетъ лукъ,
 Діана стрѣлы позлащенны
 Съ нимъ мечетъ изъ прекрасныхъ рукъ.
 Се небо показываетъ ясно,
 Коль то съ добротами согласно
 Рожденныя въ признакахъ сихъ:
 Отъ ней геройство съ красотою
 Повсюду миромъ и войною
 Лучи пускаютъ дней златыхъ.

8. Сіе предвѣстіе природы
 Хотя представило тогда,
 Что ты возвеселишь народы,
 О главъ вѣнчанныхъ красота!
 Но вѣща радость восхищала
 Взвиряющихъ и оживляла,

Когда даровъ твоихъ признакъ
 Надежиѣ въ лицѣ открылся,
 Что точно въ немъ изобразился
 Родителей великихъ зракъ.

9. Въ тебѣ прекрасный домъ создали
 Душъ великой небеса,
 Свое блистаніе вліяли
 Въ твои пресвѣтлы очеса:
 Лице всходящія денницы,
 И бодрость быстрыя орлицы
 И въ нѣжнѣйшихъ являлись дняхъ;
 Уже младенческіе взгляды
 Предвозвѣщали тѣ отрады,
 Что бѣднымъ нынѣ отъемлютъ страхъ.
10. Ты судъ и милость сопрягаешь,
 Повинныхъ съ кротостью казнишь,
 Безъ гнѣва злобныхъ исправляешь,
 Ты осужденныхъ кровь щадншь.
 Такъ Нилъ смиренно протекаетъ:
 Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
 Но пользой выше прочихъ рѣкъ:
 Своею сладкою водою
 Въ лугахъ зеленыхъ пролитою *)
 Златой даетъ Египту вѣкъ.
11. Какъ ясно солнце возсіяло
 Свой блескъ впервые на тебя,
 Ужъ счастье руку простирало
 Твои пріятности любя,
 Вѣнецъ держало надъ главою,
 И возвышало предъ тобою
 Трофеи отческихъ побѣдъ
 Преславныхъ чрезъ концы земные:
 Коль счастлива была Россія
 Когда воззрѣла ты на свѣтъ!
12. Тогда отъ радостной Полтавы
 Побѣды Росской звукъ гремятъ;
 Тогда не могъ Петровой славы
 Вмѣстить вселенныи предѣлы;
 Тогда вандалы побѣжденны
 Главы имѣли преклоненны
 Еще при пеленахъ твоихъ;

*) Свою тихую водю
 Въ брегахъ зеленыхъ пролитою

- Тогда предъявлено судьбою,
 Что съ трепетомъ передъ тобою
 Падутъ полки потомковъ ихъ.
13. О сладкой нѣжности обитель!
 О вы блаженныя мѣста!
 Гдѣ храбрый Готовъ побѣдитель
 Лобзаль и въ очи и въ уста
 Впервые плодъ свой возделѣнный,
 Свой плодъ межъ лаврами рожденный:
 Васъ оныхъ радостныхъ временъ
 Любезна память услаждаетъ,
 И оный день вамъ пребываетъ
 Въ безсчетны вѣки незабвенъ.
14. Но се различные языки
 Отъ рѣкъ великихъ и морей
 Согласные возносятъ клики;
 Къ тебѣ монархинѣ своей
 Сердца и руки простираютъ,
 И многократно повторяютъ:
 Да здравствуетъ Елисаветъ
 Для Росской славы днесъ рожденна,
 Да будетъ свыше укрѣпленна
 Чрезъ множество счастливыхъ лѣтъ.
15. Сіе гласитъ тебѣ Россія
 И купно съ ней наукъ соборъ.
 Предвѣдущая Уранія
 Возводитъ кверху быстрый взоръ,
 Небесны бѣги наблюдаетъ,
 И съ радостію составляетъ
 Вѣнецъ тебѣ изъ новыхъ звѣздъ.
 Тебѣ искусство землемѣрно
 Пространство показать безмѣрно
 Незнаемыхъ желаетъ мѣсть.
16. Парящей поэзіи ревность
 Дѣла твои превознесетъ;
 Ни гнѣвъ стихій, ни ветха древность
 Похвалъ твоихъ не пресѣчетъ.
 Открыты естества уставы
 Твоей умножать громкость славы.
 Но все художество свое
 Тебѣ Иппократъ посвящаетъ,
 И усугубить тѣмъ желаетъ
 И вѣкъ и здравіе твое.

17. Да будетъ тое невредимо,
 Какъ верхъ высокія горы
 Взираетъ непоколебимо
 На мракъ и вредныя пары;
 Не можетъ вихрь его достигнуть,
 Ни громы страшныя подвигнуть,
 Вознесенъ къ безоблачнымъ странамъ,
 Ногами тучи попираетъ,
 Угрюмы бури презираетъ,
 Смѣется скачущимъ волнамъ.

XII. На день восшествія на престолъ императрицы
 Елисаветы Петровны, 1747 г.

1. Дарей и царствъ земныхъ отрада,
 Возлюбленная тишина,
 Блаженство сѣль, градовъ ограда,
 Коль ты полезна и красна!
 Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
 И класы на поляхъ желтѣютъ;
 Сокровищъ полны корабли
 Дерзаютъ въ море за тобою;
 Ты сыплешь щедрою рукою
 Свое богатство по земли.
2. Великое свѣтило міру,
 Блистая съ вѣчной высоты
 На бисеръ, злато и порфиру,
 На всѣ земныя красоты,
 Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
 Но краше въ свѣтѣ не находить
 Елисаветы и тебя.
 Ты кромѣ той всего превыше;
 Душа ея зефира тише,
 И зракъ прекраснѣе рай.
3. Когда на тронъ она вступила
 Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ,
 Тебя въ Россію возвратила,
 Войнѣ поставила конецъ;
 Тебя пріавъ обლობызала:
 Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
 Для коихъ крови льется токъ.
 Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
 Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь

На цѣлый Западъ и Востокъ.

4. Божественнымъ устамъ приличень,
 Монархія, сей кроткій гласъ:
 О коль достойно возвеличенъ
 Сей день и тотъ блаженный часъ,
 Когда отъ радостной премѣны
 Петровы возвышали стѣны
 До звѣздъ плесканіе и кликъ!
 Когда ты Крестъ несла рукою,
 И на престоль взвела съ собою
 Добротъ твоихъ прекрасный ликъ!
5. Чтобъ слову съ оными сравняться,
 Достатокъ силы нашей малъ;
 Но мы не можемъ удержаться
 Отъ пѣнія твоихъ похвалъ:
 Твой щедроты ободряютъ
 Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
 Какъ въ поитъ пловца способный вѣтръ
 Черезъ яры вѣдны порываеъ;
 Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
 Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
6. Молчите пламенные звуки
 И колсбать престаньте свѣтъ;
 Здѣсь въ мирѣ расширять науки
 Изволила Елисаветъ.
 Вы нагмы вихри не держайте
 Ревѣть, но кротко разглашайте
 Прекрасны наши времена,
 Въ безмолвіи внимаи вселенна:
 Се хочетъ лира восхищенна
 Гласить велики имена.
7. Ужасный чудными дѣлами
 Зиждитель міра искони
 Своими положилъ судьбами
 Себя прославить въ наши дни;
 Послалъ въ Россію человѣка,
 Каковъ неслыханъ былъ отъ вѣка.
 Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
 Главу побѣдами вѣнчанну,
 Россію грубостью погранну
 Съ собою возвысилъ до небесъ.
8. Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
 Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,

И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
 Взирая на Россійскій флагъ.
 Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
 И зданіями окруженна
 Сомнѣнная Нева рекла:
 Или я нынѣ позабылась
 И съ онаго пути склонилась,
 Которымъ прежде я текла?

9. Тогда божественны науки
 Черезъ горы, рѣки и моря
 Въ Россію простирали рѣки,
 Къ сему монарху говоря:
 Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
 Подать въ Россійскомъ родѣ новы
 Чистѣйшаго ума плоды.
 Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
 Уже Россія ожидаетъ
 Полезны видѣть ихъ труды.
10. Но ахъ жестокая судьбина!
 Безсмертія достойный мужъ,
 Блаженства нашего причина,
 Къ несносной скорби нашихъ душъ,
 Завистливымъ отторженъ рокомъ
 Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
 Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
 Верхи Парнасски возстенали,
 И музы воплемъ провождали
 Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
11. Въ толикой праведной печали
 Сомнѣнный ихъ смущался путь;
 И токмо шествуя желали
 На гробъ и на дѣла взглянуть.
 Но кроткая Екатерина
 Отрада по Петрѣ одина
 Приемлетъ щедрой ихъ рукой.
 Ахъ если бѣ жизнь ея продлилась;
 Давно бѣ Секвана постыдилась
 Съ своимъ искусствомъ предъ Невою!
12. Какая свѣтлость окружаетъ
 Въ толикой горести Парнассъ?
 О коль согласно тамъ бряцаетъ
 Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
 Всѣ холмы покрываютъ лики;

- Въ долинахъ раздаются клики:
 Великая Петрова дочь,
 Щедроты отчи превышаетъ,
 Довольство музъ усугубляетъ,
 И къ счастью отверзаетъ дверь.
13. Великой похвалы достоинъ,
 Когда число своихъ побѣдъ
 Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
 И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
 Но ратники ему подвластны
 Всегда хвалы его причастны,
 И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
 Звучащу славу заглушаетъ,
 И грому трубъ ея мѣшаетъ
 Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
14. Сія тебѣ единой слава,
 Монархиня, принадлежитъ,
 Пространная твоя держава
 О какъ тебѣ благодарить!
 Возри на горы превысоки,
 Возри въ поля свои широки,
 Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течеть;
 Богатство въ оныхъ потаенно
 Наукой будетъ откровенно,
 Что щедростью твоей цвѣтеть.
15. Толикое земель пространство
 Когда Всевышній поручилъ
 Тебѣ въ счастливое подданство,
 Тогда сокровища открылъ,
 Какими хвалится Индія;
 Но требуетъ къ тому Россія
 Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
 Сіе злату очистить жилу,
 Почувствуютъ и камни силу
 Тобой возставленныхъ наукъ.
16. Хотя всегдашними снѣгами
 Покрыта сѣверна страна,
 Гдѣ мерзлыми Борей крилами
 Твой взвѣваетъ знамена;
 Но Богъ межъ льдистыми горами
 Великъ своими чудесами:
 Тамъ Лена чистой быстриной
 Какъ Ниль народы напояетъ

- И брѣги наконецъ терять,
Сравнившись морю шириной.
17. Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творить натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоять глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стучомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.
18. Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желаю пакн возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.
19. Се мрачной вѣчности заповѣну
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажный флота путь облѣтеть
И море тщится уступить:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣститъ.
20. Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкъ подобенъ Океанъ;
Небесной спинею одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
21. И се Минерва ударяетъ

- Въ верхи Рифейски копѣемъ,
 Сребро и золото истекаетъ
 Во всемъ наслѣдїи твоемъ.
 Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
 Что Россамъ въ руки передается
 Драгой его металлъ изъ горъ,
 Который тамъ натура скрыла;
 Отъ блеску дневнаго свѣтила
 Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.
22. О вы, которыхъ ожидаетъ
 Отечество отъ нѣдръ своихъ,
 И видѣть таковыхъ желаетъ,
 Какихъ зоветь отъ странъ чужихъ,
 О ваши дни благословенны!
 Дерзайте нынѣ ободренны
 Раченьемъ вашимъ показать,
 Что можетъ собственныхъ Платоновъ
 И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
 Россійская земля рождать.
23. Науки юношей питають,
 Отраду старымъ подаютъ,
 Въ счастливой жизни украшаютъ,
 Въ несчастной случай берегутъ;
 Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
 И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
 Науки пользуютъ вездѣ,
 Среди народовъ и въ пустынѣ,
 Въ градскомъ шуму и наединѣ,
 Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.
24. Тебѣ, о милости источникъ,
 О ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
 Всевышній на того помощникъ,
 Кто гордостью своей дерзнетъ,
 Завидя нашему покою
 Противъ тебя возстать войною;
 Тебя Зиждитель сохранить
 Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну,
 И жизнь твою благословенну
 Съ числомъ щедротъ твоихъ сравнить.

XIII. На день восшествія на престолъ императрицы
Елисаветы Петровны, 1748 г.

1. Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебѣ, богиня, возсіяло.
И нашихъ искренность сердець
Предъ трономъ Вышняго пылаеть,
Да счастиемъ твоимъ вѣнчается
Его средину и конецъ.

2. Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Въ Тебѣ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злость да истребится,
И огнь и мечъ да удалится
Отъ странъ твоихъ и всякій вредъ;
Весна да размѣется нѣжно,
И земледѣлецъ безмятежно
Сторичный плодъ да собереть.

3. Съ способными вѣтрами споря,
Терзать да не дерзнетъ Борей
Покрывшаго судами моря
Плывущими къ землѣ твоей.
Да всѣхъ глубокой миръ питаетъ;
Жельзо броней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ сель.
Да злобна зависть постыдится,
И славѣ свѣтъ да удивится
Твоихъ великодушныхъ дѣль.

4. Священны да хранить уставы
И правду на судѣ судьи,
И время твоя державы
Да улаживать рабы твои.
Сосѣды да блюдутъ союзы;
И вамъ, возлюбленные музы,
За горьки слезы и за страхъ,

За грозно время и плачевно,
 Да будетъ радость повседневно,
 При Невскихъ обновясь струяхъ.

5. Годину ту вспоминая,
 Среди утѣхъ мятется умъ!
 Еще крутится мгла густая,
 Еще наносить страшный шумъ!
 Тамъ буря искры завиваетъ,
 И алчный пламень пожираетъ
 Минервишь съ громкимъ трескомъ храмъ!
 Какъ мѣдь въ горнилѣ, небо рдится!
 Богатство разума стремится
 Нанизъ къ трепещущимъ ногамъ!

6. Дражайши музы, отложите
 Взводить на мысль печали тѣнь;
 Веселымъ гласомъ возгремите,
 И пойте сей великій день,
 Когда въ отеческой коронѣ
 Блеснула на Россійскомъ тронѣ
 Яснѣе дня Елисаветъ;
 Какъ ночь на полдень премѣнилась,
 Какъ осень намъ съ весной сравнилась
 И тьма произвела намъ свѣтъ.

7. Въ луга усыпанны цвѣтами
 Царица трудолюбныхъ ичель,
 Блестящими шума крылами
 Летитъ между прохладныхъ селъ;
 Стекается оставивъ розы
 И сотомъ напоенны лозы
 Со тщаніемъ отвсюду рои,
 Свою царицу окружаетъ,
 И тѣсно влѣдъ ся летаетъ
 Усердіемъ вперенный строй.

8. Подобнымъ жаромъ воспаленный
 Стекался здѣсь Россійскій родъ,
 И радостію восхищенный
 Тѣснясь взиралъ на твой приходъ.
 Младенцы купно съ сѣдиною
 Слѣшили слѣдомъ за тобою.
 Тогда великій градъ Петровъ
 Въ едину стогну умѣстился.
 Тогда и вѣтръ остановился
 Чтобъ плескъ всходилъ до облаковъ.

9. Тогда во всё предѣлы свѣта
 Какъ молнія достигнулъ слухъ,
 Что царствуетъ Елисавета,
 Петровъ въ себѣ имѣя духъ.
 Тогда нестройные сосѣды
 Отчаялись своей побѣды,
 И въ мысли отступали вснять.
 Монархиня, кто россовъ знаетъ,
 И ревность ихъ къ тебѣ внимаешь,
 Помыслить ли противу стать?
10. Что Марсъ кровавый не дерзаетъ
 Руки своей простерти къ намъ,
 Твои онъ силы почитаетъ
 И власть подобну небесамъ.
 Левъ нынѣ токмо зреть ограду,
 Чѣмъ путь ему пресѣченъ къ стаду.
 Но море нашей тишины
 Уже предѣлы превосходить,
 Своимъ избыткомъ миръ наводитъ,
 Разлившись въ западны страны.
11. Европа утомлена въ брани,
 Изъ пламени поднявъ главу,
 Къ тебѣ свой простерла длани
 Сквозь дымъ куреніе и мглу.
 Твоя кротчайшая природа,
 Чѣмъ для блаженства смертныхъ рода
 Всевышній нашъ украсилъ вѣкъъ,
 Склонилась для ея защиты,
 И мечъ твой лаврамъ обвитый
 Не обнаженъ войну пресѣкъъ.
12. Европа и весь міръ свидѣтель,
 Народовъ разныхъ миллионъ,
 Колика нынѣ добродѣтель
 Россійскій украшаетъ тронъ.
 О какъ сіе насъ улаждаетъ,
 Что вся вселенна возвышаетъ,
 Монархиня, твои дѣла!
 Народовъ твоя державы
 Различна рѣчь, одежда, нравы,
 Но всѣхъ согласна похвала.
13. Единымъ гласомъ всё взываемъ,
 Что ты защитница и мать,
 Твои доброты исчисляемъ;

Но всёхъ не можемъ описать.
 Когда воспѣть щедроты тщимся,
 Безгласны красотѣ чудимся.
 Побѣды ль славить мысль течеть,
 Какъ пали Готы предъ тобою?
 Но больше мирною рукою
 Ты цѣлый удивила свѣтъ.

14. Весьма необычайно дѣло,
 Чтобъ всѣми кто дарами цвѣль:
 Тотъ крѣпкое имѣеть тѣло;
 Но слабъ въ немъ духъ и умъ не зрѣль.
 Въ другомъ блистаетъ умъ небесный,
 Но домъ себѣ имѣеть тѣсный,
 И духу силъ недостаетъ.
 Иной прославился войною;
 Но жизнью миръ порочить злою,
 И самъ съ собою войну ведетъ.

15. Тебя, богиня, возвышаютъ
 Души и тѣла красоты,
 Что въ многихъ раздѣлясь блистають,
 Едина всё имѣешь ты.
 Мы видимъ, что въ тебѣ единой
 Великій Петръ съ Екатериной
 Къ блаженству нашему живеть.
 Похваль пучина отворилась!
 Смущенна мысль остановилась,
 Что словъ къ тому недостаетъ!

16. Однако духъ еще стремится,
 Еще кипить сердечный жаръ,
 И ревность умолчать стыдится:
 О муза, усугубь твой даръ,
 Гласи со мной въ концы земные,
 Коль нынѣ радостна Россія.
 Она коснувшись облаковъ,
 Конца не зреть своей державы;
 Гремящей насыщенна славы
 Покоится среди луговъ.

17. Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
 Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ *)
 Своими чистыми струями
 Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,

*) Въ *лугахъ* исполненныхъ плодами,
 Гдѣ Волга, Днѣпръ, *Двина* и Донъ

Сидитъ и ноги простираетъ
 На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
 Пространная стѣна отъ насъ;
 Веселый взоръ свой обращаетъ
 И вокругъ довольства исчисляеть,
 Возлегиши локтемъ на Кавказъ.

18. Се нашею, рекла, рукою
 Лежитъ поверженный Азовъ;
 Рушитель нашего покою
 Огнемъ казненъ среди валовъ.
 Се знойные Каспійски бреги,
 Гдѣ варварски презрѣвъ набѣги,
 Сквозь степь и блата Петръ прошелъ,
 Въ средину Азій достигнулъ,
 Свои знамена тамъ воздвигнулъ,
 Гдѣ день скрывали тучи стрѣль.

19. Въ моей послушности крутятся
 Тамъ Лена, Обь и Енисей,
 Гдѣ многіе народы тщатся
 Драгихъ мнѣ въ даръ ловить звѣрей;
 Едва покровъ себѣ имѣя,
 Смѣются лютости Борея;
 Чудовищамъ дерзаютъ вслѣдъ,
 Гдѣ верхъ до облакъ простираетъ,
 Угрюмы тучи раздираетъ,
 Поднявшись съ дна морскаго ледъ.

20. Здѣсь Днѣпръ хранить мой границы,
 Гдѣ Готь горящійся упалъ
 Съ торжественныя колесницы,
 При коей въ узахъ онъ держалъ
 Сарматовъ и саксоновъ плѣнныхъ,
 Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ
 Единой обращалъ рукой.
 Но палъ, и звукъ его достигнулъ
 Во всѣ страны, и страхомъ двигнулъ,
 Съ Дунайской Вислу быстринной.

21. Въ стѣнахъ Петровыхъ протекаетъ
 Полна веселья тамъ Нева,
 Вѣнцомъ, порфирию блистаетъ;
 Покрыта лаврами глава.
 Тамъ равной ревностью пылаютъ
 Сердца, какъ стогны всѣ сіяютъ
 Въ исполненной утѣхъ ночи.

- О сладкій вѣкъ! о жизнь драгая!
Петрополь небу подражая
Подобны испустиль лучи.
22. Сіе Россія восхищенна
Въ веселіи своемъ гласить:
Москва едина на колѣна
Упавъ, передъ тобой стойтъ,
Власы сѣдые простираетъ,
Тебя, богиня, ожидаетъ,
Къ тебѣ единой вопія:
Возри на храмы опаленны,
Возри на стѣны разрушенны;
Я жду щедроты твоя.
23. Гряди, краснѣйшая Денницы,
Гряди и свѣтлостью лица
И блескомъ чистой багряницы
Утѣшь печальныя сердца,
И время возврати златое.
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ трудамъ.
Отсутствуя ты будешь съ нами:
Покрытымъ орлими крылами
Кто смѣетъ прикоснуться намъ?
24. Но если гордость ослѣплена
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть роги;
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ къ тебѣ преклонить,
И тучи страшныя нагонить
Во срутенье врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предъидеть ужасъ предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

XIV. На монаршую милость, оказанную въ Царскомъ
Селѣ, 1850 г.

1. Какую радость ощущаю?
Куда я нынѣ восхищенъ?
Небесну пищу я вкушаю,
На верхъ Олимпа вознесенъ!
Божественно лице сіяетъ
Ко мнѣ, и сердце озаряетъ

Блистающимъ лучомъ щедротъ!
 Коль нѣжно Флоры здѣсь богатство!
 Коль сродно воздуха пріятство
 Богинѣ красныхъ сихъ высотъ!

2. Что-жь се? Діанѣ я прекрасной
 Уже послѣдую въ лѣсахъ,
 Отъ коей хитростью напрасной
 Укрыться хочетъ звѣрь въ кустахъ!
 Уже и купно со Денницей
 Великолѣпной колесницей
 Въ безоблачныхъ странахъ несусь!
 Блаженство мыслямъ непонятно!
 Благополученъ многократно,
 Когда нетщетнымъ сномъ я льщусь!
3. Престань сомнѣньемъ колебаться,
 Смятенный духъ мой, и повѣрь:
 Неложны то мечтанья зрятся,
 Но истинно Петрова дщерь
 Къ наукамъ матерски снисходить,
 Щедротою въ восторгъ приводить.
 Ты муза, лиру прими,
 И чтобъ услышала вселенна,
 Коль жизнь наукамъ здѣсь блаженна,
 Возникни, вознесись, греми.
4. Гдѣ древнимъ именемъ Славѣна
 Гордяся пролились струи,
 Тамъ видя нимфа изумленна
 Украшенны луга свои,
 Златые кровы окомъ мѣрять,
 И въ ужасѣ себѣ не вѣрять.
 Но каждую обозрѣвши часть,
 Съ веселиемъ сіе вѣщаетъ:
 То само небо созидаетъ,
 Или Петровой дщери власть.
5. Рекла, и влагу разсѣкая
 Пустилась тщательно къ Невѣ;
 Волна во бреги ударяя,
 Клубится пѣною въ травѣ.
 Во храмъ сіяющій металломъ,
 Предъ тронъ украшенный кристалломъ
 Поспѣшно простираетъ ходъ;
 Вѣнцомъ зеленымъ увязенной
 И въ виссъ вѣщаетъ облеченной

- Владычицѣ Россійскихъ водъ.
6. Рѣка, которой проливаютъ
 Великія озера дань,
 И кою громко прославляютъ
 Во всей вселенной миръ и брань!
 Ты счастлива трудомъ Петровымъ;
 Тебя и нынѣ красить новымъ
 Раченіемъ Елисаветъ.
 Но малые мои потоки
 Прими въ себя какъ Ниль широкій,
 Который изъ рая течетъ.
7. Мои источники вѣнчаетъ
 Едемской равна красота,
 Гдѣ садъ богиня насаждаетъ,
 Прохладны возлюбивъ мѣста;
 Поля гдѣ небу подражаютъ,
 Себя цвѣтами испещряютъ.
 Не токмо нѣжная весна,
 Но осень тамо юность года;
 Всегда роскошествуетъ природа
 Искусствомъ рукъ побуждена.
8. Когда заря багрянымъ окомъ
 Румянецъ умножаетъ розъ,
 Тогда на вѣтви высококъ
 И посредѣ зеленыхъ лозъ
 Со свистомъ птицы воспѣваютъ,
 Отъ сна къ веселью возбуждаютъ,
 Чтѣ царствуетъ въ моихъ лугахъ.
 И солнце восходя дивится,
 Цвѣты, межъ коихъ Индъ крутится,
 Увидѣвъ при моихъ ключахъ.
9. Въ срединѣ жаждущаго лѣта,
 Когда томить протяжный день,
 Отъ знойной теплоты и свѣта
 Прохладна покрываетъ тѣнь,
 Гдѣ вѣтви преклонясь зелены
 Въ союзъ взаимной сопряженны
 Отводятъ жаркіе лучи.
 Но коль великая отрада
 И томнымъ чувствамъ тутъ прохлада,
 Какъ росу пьютъ цвѣты въ ночи!
10. Елисаветинымъ добротамъ
 Вездѣ подобна красота;

- Примѣра многимъ лишь щедротамъ
 Не смѣть скудна дать вода,
 И орошать скаканьемъ поля;
 Однако ежели оной воля
 Охоту ободритъ мою,
 Великою въ похвалу богинѣ;
 Я воды обращаю къ вершинѣ;
 Речеть, и къ небу устремлю.
11. Коль часто доли оживляетъ
 Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ.
 Когда богиня понуждаетъ
 Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!
 Ей вѣтры вслѣдъ не успѣваютъ;
 Коню бѣжать не воспящаютъ
 Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связъ:
 Крутить главой, звучитъ браздами,
 И топчетъ бурными ногами
 Прекрасной всадницей гордясь!
12. Какъ если зданіемъ прекраснымъ
 Умножить должно звѣздъ число;
 Созвѣздіемъ являться яснымъ
 Достойно Сарское село.
 Чудовища, что легковѣрнымъ
 Раченъ древность и безвѣрнымъ
 Поднявъ на твердь, вмѣстила тамъ,
 Укройте за предѣлы свѣта:
 Се зиждетъ здѣсь Елисавета
 Красу приличну небесамъ.
13. Великія Семирамиды
 Разсыпана окружность стѣнъ,
 И вы, о горды пирамиды,
 Чѣмъ Нильскій берегъ отягощенъ,
 Хотя бы чувства вы имѣли
 И чудный трудъ лѣтъ малыхъ зрѣли,
 Вамъ не было-бы тяжело то,
 Что строены вы цѣлы вѣки:
 Васъ созидали человѣки,
 Здѣсь созидаетъ божество.
14. Великолѣпными верхами
 Восходятъ храмы къ небесамъ;
 Изъ нихъ пресвѣтлыми очами
 Елисаветъ сіяетъ къ намъ;
 Изъ нихъ во всѣ страны взираетъ,

- И на единѣ представляетъ
 Врученный свѣтъ подь скипетръ свой.
 Подобно какъ орель парящій
 Отъ самыхъ облакъ зреть лежащи
 Поля и грады подь собой.
15. О коль правдиво возвышаетъ.
 Монархия, сей нимфа гласъ!
 Коль взоръ твой далеко блистаетъ,
 То нынѣ чувствовалъ Парнассъ,
 Какъ ты отъ мѣстъ преиспещренныхъ
 И лѣтней ивгѣ посвященныхъ
 Воззрѣла матерски къ нему.
 Являя такову щедроту,
 Колику къ знаніямъ охоту
 Даешь народу твоему!
16. Что дымъ и пепель отрыгая
 Мрачилъ вселенну Енцеладъ,
 Реветь подь Этною рыдая,
 И тѣломъ наполняетъ адъ;
 Зевесовымъ пронзенъ ударомъ,
 Въ отчаяннѣ трясется яромъ,
 Не можетъ тяготу поднять,
 Великою покрыть горою,
 Безъ пользы движется подь тою,
 И тщетно силится возстать.
17. Такъ варварство твоимъ Перуномъ
 Уже повержено лежитъ,
 Когда при шумѣ сладкострунномъ
 Поющихъ музъ твой слухъ звучить,
 Востокъ и Западъ наполняетъ
 Хвалою твоею и возвышаетъ
 Твои щедроты выше звѣздъ.
 О вы счастливыя науки!
 Прилежны простирайте руки
 И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.
18. Пройдите землю и пучину
 И степи и глубокий лѣсъ
 И нутрь Рифейскій и вершину
 И саму высоту небесъ.
 Вездѣ изслѣдуйте всечасно
 Что есть велико и прекрасно,
 Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
 Трудами вѣки удивите,

И сколько можетъ, покажите,
Щедрою Елисаветъ.

19. Изъ горъ изсѣченны колоссы,
Механика, ты въ честь возвысь
Монархамъ, отъ которыхъ Россы
Подъ солнцемъ славой вознеслись;
Наполни воды кораблями,
Моря соедини рѣками,
И рвами блата засуши,
Военны облегчи громады,
Петромъ основанные грады
Подъ скиптромъ дщери соверши.
20. Въ земное нѣдро ты, Химія,
Проникни взора остротой,
И что содержитъ въ немъ Россія,
Драги сокровища открой.
Отечества умножить славу
И вящше укрѣпить державу
Спѣши за хитрымъ естествомъ,
Подобнымъ облакаясь цвѣтомъ;
И что прекрасно токмо лѣтомъ,
Ты сдѣлай вѣчно мастерствомъ.
21. Въ небесны, уранія, круги
Возвыси посредѣ лучей
Елисаветины заслуги,
Чтобъ тамо въ вѣчну славу ей
Сіяла новая планета.
Россійскаго пространство свѣта
Собравъ на малы чертежи,
И грады оною спасенны,
И села ею же блаженны,
Географія, покажи.
22. Наука легкихъ метеоровъ
Премѣны неба предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Черезъ вѣрны знаки предъявляй:
Чтобъ земледѣлецъ выбралъ время,
Когда земли повѣрнуть сѣмя,
И дать когда покой браздамъ;
И чтобы не боясь погоды,
Съ богатствомъ дальны шли народы
Къ Елисаветиннымъ брегамъ.
23. А ты, возлюбленная лира

Правдивымъ счастьемъ веселись,
 Къ блистающимъ предѣламъ мира
 Шумящимъ звономъ вознесись,
 И возгласи, что нѣтъ на свѣтъ,
 Кто-бъ равенъ былъ Елисаветъ
 Такимъ блистаніемъ хвалы.
 Но что за громы ударяють?
 Се гласъ мой звучно повторяють
 Земля и вѣтры и валы!

XV. На день восшествія на престолъ императрицы
 Елисаветы Петровны, 1752 года.

1. Россійско солнце на восходѣ,
 Въ сей обще вождедѣнный день,
 Прогнало въ ревностномъ народѣ
 И ночи и печали тѣнь.
 Воспомянувъ часы веселы,
 Красуйтесь, счастливы предѣлы,
 Въ сердцахъ усугубляйте жарь.
 Поля и горы восклицайте,
 И совокупно возвышайте
 Усердіемъ небесный дарь.
2. Что часто солнечнымъ сравниемъ
 Тебя, монархиня, лучамъ;
 Отъ нужды дѣль не прибѣгаемъ
 Къ однѣмъ толь много кратъ рѣчамъ:
 Когда ни начинаемъ слово,
 Сіяніе въ тебѣ зримъ ново,
 И нову красоту добротъ.
 Лишь только умъ къ тебѣ возводимъ,
 Мы ясность солнечну находимъ,
 И многихъ теплоту щедротъ.
3. Когда премудростью Своею
 Всевышній солнце сотворилъ,
 Пути различны надъ землею
 Въ теченіи опредѣлилъ.
 Согрѣвъъ полночну часть Европы,
 Сіяеть въ южны Еоіоны,
 И наки къ намъ приходитъ вспять;
 Полсвѣта дневной теплотою,
 Полсвѣта тучной въ ночь рососою
 Премѣнно тѣнится оживлять.
4. Такъ ты, монархиня, сілешь

- Въ концы державы твоея,
 Когда по онымъ протекаешь,
 Отраду, радость, жизнь дая.
 Отъ славныхъ водъ Балтійскихъ края
 Къ востоку путь свой простирая,
 Являешь полдень надъ Москвой.
 Ты многимъ какъ заря восходишь,
 Инымъ прохладну тѣнь наводишь,
 И обще всѣмъ даешь покой.
5. Въ пути, которымъ пролетаешь,
 Какъ быстрый въ высотѣ орелъ,
 Куда свой зракъ ни обращаешь,
 По множеству градовъ и селъ;
 Отъ всѣхъ къ тебѣ простерты взоры,
 Тобой всѣхъ полны разговоры,
 Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ трудъ.
 Дитя родившихъ вопрошаетъ:
 Не тая ли на насъзираеть,
 Что матерію всѣ зовутъ?
6. Иной отъ старости нагбенный
 Простерть старается хребетъ,
 Главу и очи утомленны
 Возводитъ, гдѣ твой блещетъ свѣтъ.
 Тамъ видя возрастъ безсловесный,
 Монархиня, твой зракъ небесный,
 Любезну оставляетъ грудь;
 Чего языкъ не изъясняетъ,
 Усмѣшкой то изображаетъ,
 Послѣдуя очами въ путь.
7. Среди наслѣдныя державы,
 На древней предковъ высотѣ,
 Во громкомъ звукѣ вѣчной славы,
 Въ любезной мира красотѣ,
 Надвѣясь твоего прихода,
 Колико множество народа
 Тебѣ во срѣтенье течетъ!
 Встаютъ верхи Рифейски выше:
 Течетъ Двина, Днѣпръ, Волга тише,
 Желая твой увидѣть свѣтъ.
8. Но вы, о коль благополучны,
 Москву поящія струи!
 Вы ударяючи во бреги тучны
 И проходя поля свои,

- Ликуйте, свѣтло веселитесь:
 Вы скоро скоро насладитесь
 Богини щедрья очей.
 Здѣсь нимфы Невской Ипокрены
 Видѣнія ея лишены,
 Сердцами пойдуть вслѣдъ за ней.
9. Сердцами пойдуть, и устами
 Въ восторгѣ сладкомъ возгласять,
 Коль славными она дѣлами
 Петровъ распространила градъ;
 И какъ о свѣтломъ оной взорѣ
 Возвеселясь, подвиглось море,
 И къ звуку приложило шумъ.
 Какимъ необычайнымъ трескомъ,
 Какимъ молніевиднымъ блескомъ
 Восхитился внезапно умъ.
10. Кто въ громѣ радостные клики
 И огонь отъ многихъ водъ даетъ?
 И кто ведетъ въ перунахъ лики?
 Великая Елисаветъ
 Дѣла Петровы совершаетъ
 И глубинѣ повелѣваетъ
 Въ средину нѣдръ земныхъ вступать!
 Отъ гласа Росскія Паллады
 Подвиглись сильныя громады
 Врата пучинѣ отворить!
11. О полны чудесами вѣки!
 О новость непонятныхъ дѣлъ!
 Текуть изъ моря въ землю рѣки,
 Натуры нарушивъ предѣлъ!
 Уже въ нихъ корабли вступаютъ,
 Отъ конхъ волны отбѣгаютъ,
 И стонетъ страшный Океанъ.
 Помысли, земнородныхъ племя,
 Бываль ли гдѣ въ минувше время
 Примѣръ сего чуднѣе данъ?
12. Помысли, зря дѣла толики
 И трудъ, что можемъ понести,
 Что можетъ нынѣ Петръ Великій
 Черезъ дщерь свою произвести!
 Напрасно строгая природа
 Отъ насъ скрываетъ мѣсто входа
 Съ береговъ вечернихъ на востокъ.

- Я вижу умными очами:
Колумбъ Россійскій между льдами
Слѣшить, и презираетъ рокъ.
13. Тамъ счастье Елисаветы
Предходить кораблямъ въ пути,
Отводитъ всѣхъ стихій навѣты,
И вслѣдъ себѣ велить итти.
Ни бури мразомъ изощренны,
Ни волны льдомъ отягощенны
Противъ его не могутъ стать!
Божественны ея щедроты
Къ чему не могутъ намъ охоты
И силъ непобѣдимыхъ дать?
14. О вы Россійски героини,
Что въ вѣчности превыше звѣздъ
Сіяете уже богини,
Земныхъ оставя низкость мѣстъ!
Вы пола превышая свойство,
Явили мужеско геройство,
Черезъ славныя свои дѣла.
Возрите съ высоты святыя,
Коль свѣтло въ наши дни Россія
Петровой дочерью процвѣла!
15. Супружню, Ольга, смерть отмщая,
Казнишь искусствомъ Искорѣсть,
И тьмы невѣрства избѣгая,
Слѣшишь до просвѣщенныхъ мѣстъ.
Премудрость, храбрость и святыня
Тобой, блаженная княгиня,
Изъ древности сіяетъ къ намъ.
Твои въ дѣлахъ святыя вѣры
Даетъ Петрова дочь примѣры;
Но мститъ умѣренно врагамъ.
16. Елена *), грознаго героя
Великая дѣлами мать,
Среди враговъ ты грады строя
Россію тщилаась защищать.
Напрасно дерзки сопостаты,

*) Великая княгиня московская Елена Васильевна, супруга великаго князя Василія Іоанновича, рожденіемъ княжна Глинская, мать великаго государя царя Іоанна Васильевича, правила съ нимъ въ его младенчество Россійское государство по завѣщанію супруга своего четыре года съ половиною. (Пр. Л.).

Свирѣпы орды и сарматы,
 Стремились на твое вдовство:
 Сыновняя тобою младость
 Была странамъ Россійскимъ радость,
 Врагамъ ужасно сиротство.

17. Ты многой силой защищаясь,
 Сдержала злость враговъ твоихъ;
 Елисавета возвышаясь
 На тронъ, низвергнула своихъ;
 И нынѣ посредѣ покоя
 Прекрасны храмы, грады строя,
 Россію тщится украшать.
 Однѣ Россійскихъ воинствъ слѣды
 И чудныя ея побѣды
 Противныхъ могутъ устрашать.

18. И ты въ женахъ благословенна,
 Черезъ кою храбрый Алексѣй
 Намъ далъ монарха несравненна,
 Чтò свѣтъ открылъ Россіи всей,
 Велика тѣмъ, что ты родила;
 Но больше, что намъ сохранила
 Петра отъ внутреннихъ враговъ!
 Мы нынѣ въ страхѣ обмираемъ,
 Когда злодѣевъ представляемъ
 Рыкающихъ, какъ лютыхъ львовъ!

19. Возри на вѣнценосну внуку,
 Чтò злыхъ совѣты раззора,
 Приемлетъ скиптръ въ геройску руку,
 Другую движеть черезъ моря;
 Противныхъ силы устрашаетъ,
 Петра въ Россію возвращаетъ,
 Коварства ихъ рассыпавъ мракъ;
 Путемъ приводитъ безопаснымъ;
 Съ плесканіемъ вездѣ согласнымъ
 Крѣпнитъ наслѣдіе и бракъ.

20. О ты, котораго Россія
 Давно отъ чреслъ Петровыхъ ждетъ,
 Для коего мольбы святя
 Елисавета къ Богу льетъ,
 Гряди, гряди, гряди поспѣшно:
 О семъ единомъ безутѣшно
 Вдыхаютъ Россы всякій часъ!
 О Небо, предвари судьбину,

- Снабди плодомъ Екатерину,
Внуши народовъ многихъ гласъ!
21. Великихъ, славныхъ, несравненныхъ
Участница Петровыхъ дѣлъ
Екатерина, погруженныхъ
Насъ въ горести, какъ онъ отшелъ,
Утѣшила ты въ слезно время,
Нося толь тягостное бремя,
Что самъ онъ на тебя взложилъ.
Возвеселися нынѣ тою,
Котору онъ для насъ тобою
Подобну обоимъ родилъ.
22. Что должно оной по наслѣдству,
Геройствомъ возмогла дойти.
Какому ты подверглась бѣдству,
Монархиня, чтобъ насъ спасти.
Мы часъ тотъ нынѣ представляемъ;
Представивъ, внѣ себя бываемъ:
Надежда, радость, страхъ, любовь,
Живить, крѣпить, печалить, клонить,
Противна страсть противну гонить,
Густветъ и кипить въ насъ кровь!
23. Однако въ силахъ Богъ Великій
Тебѣ вѣнецъ, намъ радость далъ;
Въ тебѣ одной хвалы толики
Россійскихъ героинь послалъ.
Въ тебѣ одной всѣхъ почитаемъ;
И къ Вышнему всегда взываемъ:
Подай Елисаветѣ вѣкъ
Обилень, радостень, покоень,
Таковъ, коль долго жить достоень
Тебѣ подобный человѣкъ!

XVI. На рожденіе в. кн. Павла Петровича, 1754 г.

1. Надежда наша совершилась,
И слава въ путь свой устремилась:
Спѣши, спѣши, о муза, вельдъ,
И лиру согласивъ съ трубою,
Греми, что Вышняго рукою
Обрадованъ Россійскій свѣтъ!
На гласъ себя онъ нашъ склоняеть,
На жаръ, что въ искреннихъ сердцахъ:

Петрова первенца лобзаетъ
Елисавета на рукахъ.

2. Се радость возвѣщаютъ звуки!
Воздвигъ Петрополь къ небу рѣки,
Веселыми устами рекъ:
«О Боже, буди препрославленъ:
Сугубо нынѣ я возставленъ,
Златой мнѣ усугубленъ вѣкъ!»
Безмѣрна радость прерывала
Его усерднѣйшую рѣчь,
И нѣжны слезы испускала,
Въ восторгѣ принуждая течъ.
3. Когда на холмѣ кто высокомъ
Сидя, вокругъ объемлетъ окомъ
Поля въ прекрасный лѣтній день,
Сады, долины, рощи злачны,
Шумящихъ водъ ключи прозрачны
И дровъ густыхъ прохладну тѣнь,
Стада ходящи межъ цвѣтами,
Обильность сельскаго труда,
И желты класы межъ браздами;
Что чувствуетъ въ себѣ тогда?
4. Такъ нынѣ градъ Петровъ священный,
Толикимъ счастьемъ восхищенный
Восшедь отрадь на высоту,
Вокругъ веселія считаетъ,
И края имъ не обрѣтаетъ;
Какую зреть онъ красоту!
Тамъ многіе народа лики
На стогнахъ ходятъ и брегахъ;
Шумятъ тамъ праздничные клики,
И раздаются въ облакахъ.
5. Тамъ слышны разны разговоры.
Иной взводя на небо взоры:
Великъ Господь мой! говоритъ:
Мнѣ видѣть въ старости судилось,
И прежде смерти приключилось,
Что въ радости Россія зреть!
Иной, я стану жить дотолѣ,
(Гласить, молодой свой зная вѣкъ)
Чтобы служить подъ нимъ мнѣ въ полѣ,
Огонь пройти и быстроту рѣкъ!
6. Уже великими крылами

- Парящая надъ облаками
 Въ предѣлы слава странъ звучить.
 Труды народы оставляютъ,
 И гласу новому внимаютъ,
 Что Промыслъ имъ чрезъ то велить?
 Пучина преклонила волны,
 И на берегахъ умолкнулъ шумъ;
 Безмолвія всѣ зѣмли полны;
 Внимаетъ славѣ смертныхъ умъ.
7. Но грады Россіе въ надеждѣ,
 Котора ихъ питала прежде,
 Подвиглись слухомъ паче тѣхъ,
 Верхами къ высотѣ несутся,
 И тщатся облакамъ коснуться.
 Москва стоя въ срединѣ всѣхъ,
 Главу великими стѣнами
 Вѣнчанну взводитъ къ высотѣ,
 Какъ кедръ межъ низкими древами,
 Пречудна въ древней красотѣ.
8. Едва желанную отраду
 Великому внушилъ слухъ граду;
 Отверстіемъ священныхъ устъ
 Трясущи сѣдиной, вѣщаетъ:
 «Теперь мнѣ небо утверждаетъ,
 Что домъ Петровъ не будетъ пустъ!
 Онъ въ немъ вовѣки водворится;
 Премудрость, мужество, покой
 И судъ и правда воцарится;
 Онъ рогъ до звѣздъ возвыситъ мой».
9. Сіе всѣ грады велегласно,
 Что время при тебѣ прекрасно,
 Монархиня, живутъ и чтятъ;
 Сіе всѣ грады повторяютъ,
 И рѣчи крупно сообщаютъ,
 И съ ними сѣла всѣ гласятъ.
 Какъ громъ отъ тучей удаленныхъ
 Въ горахъ раздавшись, множитъ слухъ;
 Какъ брегъ шумитъ отъ волнъ надменныхъ
 По бурѣ укротившей вдругъ.
10. Ты, слава, далъ простираясь,
 На западъ солнца устремляясь,
 Гдѣ Висла, Рень, Секвана, Тагъ,
 Гдѣ славны войскъ Россійскихъ слѣды.

Гдѣ ихъ еще гремятъ побѣды,
 Гдѣ вѣрный другъ, гдѣ скрытый врагъ,
 Вездѣ разсыпleshь слухи громки,
 Коль много насъ ущедрилъ Богъ!
 Петра Великаго потомки
 Даются въ милости залогъ.

11. Что Россювъ мужество крѣпится;
 И нынѣ кто лишь возгордится,
 Сугубо ревность ощутить!
 Не будетъ никому измѣны:
 Падуть въ дыму противныхъ стѣны,
 Погибнетъ въ прахъ древній видъ.
 Ты скажешь, слава справедлива,
 Во весь сіе вострубишь свѣтъ;
 Меня любовь нетерпѣлива
 Обратю въ градъ Петровъ зоветь.
12. Богиня власти несравненной,
 Хвала и красота вселенной,
 Отрада Россювъ и любовь!
 Въ восторгъ нынѣ мы безмѣрномъ,
 Что въ сердцѣ ревностномъ и вѣрномъ
 И въ жилахъ обновилась кровь.
 Велика радость намъ родилась!
 Но больше съ радостью твоей.
 О какъ ты симъ возвеселилась!
 Коль ясенъ былъ твой свѣтъ очей!
13. Когда ты на престоль достигла,
 Петра Великаго воздвигла,
 И жизнь дала ему собой.
 Онъ паки нынѣ воскресаетъ,
 Что въ правнукѣ своемъ дышаетъ,
 И родъ въ немъ возставляетъ свой.
 Мы долго обоихъ желали!
 Лишались долго обоихъ!
 Но къ общей радости пріяли,
 О небо, отъ щедротъ твоихъ!
14. А вамъ, дражайшіе супруги!
 Вамъ плещуть нынѣ лѣсъ и дуги,
 Вамъ плещуть рѣки и моря.
 Представьте радость внѣ и въ градѣ,
 Взаимно на себя въ отрадѣ
 И на младаго Павла зря.
 Зачни, дитя! зачни любезно

- Усмѣшкой рождшихъ познавать:
 Боговъ породѣ бесполезно
 Не должно сроку ожидать.
15. Расти, расти, расти, крѣпится,
 Съ великимъ прадѣдомъ сравнися,
 Съ желаньемъ нашимъ восходи.
 Велики суть дѣла Петровы,
 Но многіе еще готовы
 Тебѣ остались напереди.
 Когдазираемъ мы къ востоку,
 Когда посмотримъ мы на югъ,
 О коль пространность зримъ широку,
 Гдѣ можетъ загремѣть твой слухъ!
16. Тамъ въ кругъ облегъ Драконъ ужасныѣ
 Мѣста святы, мѣста прекрасны,
 И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
 Весь свѣтъ чудовица страшится,
 Единъ лишь смѣло устремиться
 Россійскій можетъ Геркулесъ.
 Единъ сто острыхъ жалъ притупить,
 И множествомъ низвержетъ ранъ,
 Единъ на сто головъ наступить,
 Возоставитъ вольность многихъ странъ.
17. Пространными Китай стѣнами
 Закрытъ быть мнится передъ нами,
 И что пустой земли хребетъ,
 Отъ странъ Россійскихъ отдѣляетъ,
 Онъ гордымъ окомъ къ намъзираетъ:
 Но въ нихъ ему надежды нѣтъ.
 Внезапно ярость возгорится
 И огонь и месть между стѣнной.
 Сіе все можетъ совершиться
 Петрова племени рукой.
18. Въ своихъ увидишь предкахъ явны
 Дѣла велики и преславны,
 Что могутъ духъ природѣ дать.
 Уже младаго Михаила
 Была къ тому довольна сила
 Упадшую Москву поднять,
 И послѣ страшной перемѣны
 Въ предѣлахъ удержать враговъ,
 Собрать разсыпанные члены
 Такого множества градовъ.

19. Сармать съ свирѣпостію своею
 Трофеи отдалъ Алексѣю.
 Онъ судъ и правду положилъ,
 Онъ войско правильное вскорѣ,
 Онъ новый флотъ готовилъ въ море;
 Но все то Богъ Петру судилъ.
 Сего къ отечеству заслуги
 У всей подсолнечной въ устахъ;
 Его и кроткія супруги
 Примѣръ зримъ въ нашихъ временахъ.
20. Примѣръ въ его великой дщери.
 Широки та отверзла двери
 Наукамъ, счастью, тишинѣ.
 Склоняясь къ общему покою,
 Щедротой больше какъ грозою
 Въ Россійской царствуетъ странѣ.
 Но ты, о гордость вознесенна!
 Блудися съ хитростію своею.
 Она героями рожденна;
 Геройскій духъ извѣстенъ въ ней.
21. Но нынѣ мы не зная брани,
 Простремъ сердца и мысль и длани
 Съ усерднымъ гласомъ къ Небесамъ.
 О Боже, крѣпкій Вседержитель,
 Предѣловъ Росскихъ расширитель,
 Коль милостивъ бывалъ Ты намъ!
 Чрезъ семьсотъ лѣтъ едино племя
 Ты съ Росскимъ скиптромъ сохранилъ:
 Продли сему по мѣрѣ время,
 Какъ нынѣ Россію расширилъ.
22. Возри къ намъ съ высоты святія,
 Возри, коль широка Россія,
 Которой далъ Ты власть и цвѣтъ.
 Отъ всѣхъ полей и рѣкъ широкихъ,
 Отъ всѣхъ морей и горъ высокихъ
 Къ Тебѣ зывали девять лѣтъ.
 Ты подаль отрасль намъ едину;
 Умножа благодать послѣ,
 И впредь съ Петромъ Екатерину
 Рожденіемъ возвесели.
23. Предъ мужемъ нѣкогда избраннымъ
 Ты свѣтомъ клялся несозданнымъ,
 Хранить вовѣкъ престолъ и плодъ.

Исполни то надъ позднымъ свѣтомъ,
 И таковымъ святымъ обѣтомъ
 Благослови Россійскій родъ.
 Для толь великихъ странъ покою,
 Для счастья множества вѣковъ,
 Поставь какъ солнце предъ Тобою
 И какъ луну престоль Петровъ.

XVII. На день рожденія императрицы Елисаветы Петровны, 1757 года, и на рожденіе великой княгини Анны Петровны.

1. **К**расуйтесь многіе народы:
 Господь умножилъ домъ Петровъ.
 Поля, лѣса, брега и воды!
 Онъ живъ, надежда и покровъ;
 Онъ живъ, во всѣ страны взираетъ,
 Свою Россію обновляетъ;
 Полки, законы, корабли
 Самъ строить, править и предводитъ,
 Натуру духомъ превосходитъ
 Герой въ моряхъ и на землі.
2. О божескій залогъ! О племя!
 Чѣмъ наша жизнь обновлена,
 Возвращено Петрово время.
 О вы любезны имена!
 О твердь небеснаго завѣта
 Великая Елисавета,
 Екатерина, Павелъ, Петръ,
 О новая намъ радость Анна,
 Россіи свыше дарованна,
 Божественныхъ порода нѣдръ!
3. Смотрите въ солнцевы предѣлы
 На ранней и вечерней домъ;
 Смотрите на сердца веселы.
 Внемлите обшихъ плесковъ громъ.
 Устами цѣлая Россія
 Гласить: о времена златяя!
 О мой всевождебный вѣкъ!
 Прекрасна Анна возвратилась,
 Я съ нею разлучась крушилась,
 И слезъ моихъ источникъ текъ!

4. Здѣсь нимфы съ воплемъ провожали
 Багиню родомъ, красотой.
 Но нынѣ громко восплескали,
 Младая Анна! предъ тобой;
 Тебѣ пѣснь звучну восигъвають,
 Героя въ мужа предвѣщаютъ,
 Геройскихъ всѣхъ потомковъ плодъ,
 Произошли бѣ земны владыки,
 Родились бы Петры Велики,
 Чтобъ просвѣтитъ весь смертныхъ родъ
5. Умолкни нынѣ брань кровава.
 Намъ всѣхъ пріятнѣ побѣды;
 Намъ больше радость, больше слава,
 Что Петръ въ наслѣдін живеть,
 Что дщерь на тронѣ зритъ Россія.
 На что державы ей чужія?
 Ей жалобъ былъ наполненъ слухъ.
 Послушайте концы вселенной,
 Что нынѣ въ брани воспаленной
 Вѣщаль ея на Небо духъ:
6. Великій Боже Вседержитель,
 Святый Твой промысль и совѣтъ,
 Имѣя въ сердцѣ мой родитель
 Вознесъ подъ солнцемъ Россій свѣтъ.
 Меня оставлену судьбою
 Ты крѣпкою возвелъ рукою,
 И на престолѣ посадилъ.
 Шестнадцать лѣтъ нося порфиру,
 Европу я склоняла къ миру
 Союзамъ и страхомъ силъ.
7. Какъ славны далъ Ты намъ побѣды,
 Всего превыше было мнѣ,
 Чтобъ родъ Россійскій и сосѣды
 Въ глубокой были тишинѣ.
 О безмятежной жизни свѣта
 Я всѣ усердствовала лѣта:
 Но нынѣ я скорблю душой,
 Зря бури царствамъ столь опасны;
 И вижу, что тѣ несогласны
 Съ святой правдивостью Твоей.
8. Присяжны преступивъ союзы,
 Поправши нагло святость правъ,
 Царямъ навергнуть тѣются узы

- Желаніе чужихъ державъ.
 Творецъ, воззри въ концы вселенны,
 Воззри на земли утѣсенны,
 На помощь страждущимъ возстань,
 Позволь для общаго покою,
 Подъ сильною Твоею рукою
 Воздвигнуть противъ брани брань.
9. Сіе рекла Елисавета,
 Геройскій свой являя видъ,
 Небеснаго очами свѣта
 На сродное имъ небо зрить.
 Надежда къ Богу въ нихъ сіетъ,
 И гнѣвъ со кротостью блистаетъ,
 Какъ видится зарница намъ.
 Что громко въ слухъ мой ударяетъ?
 Земля и море отвѣчаетъ
 Елисаветинымъ словамъ!
10. Противныя страны трепещуть,
 Вопль, шумъ вездѣ и кровь и звукъ,
 Ужасныя перуны мещуть
 Размахи сильныхъ русскихъ рукъ.
 О ты союзна героиня
 И сродна съ нашею богиня!
 По вась поборникъ Вышній Богъ.
 Онъ правду вашу защищаетъ,
 Обиды наглыя отмщаетъ;
 Надъ злобою возвысилъ рогъ.
11. Когда въ Немъ милость представляемъ,
 Ему подобныхъ видимъ вась;
 Какъ гнѣвъ Его изображаемъ,
 Оружій вашихъ слышимъ гласъ;
 Когда неправды Онъ караетъ:
 То силы ваши ополчаетъ:
 Его земля и небеса,
 Законъ и воля повсемѣстна.
 Поколь намъ будетъ неизвѣстна
 Его щедрота и гроза.
12. Правители, судьи внушите,
 Услыши вся словесна плоть,
 Народы съ трепетомъ внемлите:
 Сіе глаголетъ вамъ Господь
 Святымъ Своимъ въ Пророкахъ духомъ;
 Впери всякъ умъ и внигни слухомъ:

Божественный пѣвецъ Давидъ
Священными шумить струнами,
И Бога полными устами
Исайя восхищенъ гремитъ.

13. Храните праведны заслуги,
И милуйте сиротъ и вдовъ;
Сердцамъ неживымъ будьте други
И бѣднымъ истинный покровъ;
Присягу сохраняйте вѣрно
Пріязнь къ другамъ нелицемѣрно;
Отверзите просящимъ дверь;
Давайте страждущимъ отраду
Трудамъ законную награду,
Взирайте на Петрову дочь.
14. Въ сей день для общаго примѣра
Ее на землю Я послалъ.
Въ ней бодрость, кротость, правда, вѣра;
Я самъ въ ея лицѣ предсталъ.
Содѣлалъ знаменіе ново,
Украшивъ торжество Петрово
Наслѣдницей великихъ дѣлъ.
Мои къ себѣ щедроты знайте,
Но твердо все то наблюдайте
Что Петръ, она и Я велѣлъ.
15. Въ моря, въ лѣса, въ земное нѣдро
Прострите вашъ усердный трудъ,
Повсюду награжду васъ щедро
Плодами, паствой, блескомъ рудъ.
Пути всѣ отворю къ блаженству
Къ желаній вашихъ совершенству.
Я кроткимъ окомъ къ вамъ воззрю.
Женихъ какъ идетъ изъ чертога,
Такъ взойдетъ съ солнцемъ радость многа,
Враговъ совѣты раззрю.
16. Ликуй страна благословенна,
Всевышняго обѣтамъ вѣрь;
Пребудешь онымъ покровенна,
Его щедротой счастье мѣрь;
Взирай на нивы изобильны,
Взирай въ полки велики сильны
И на размноженный народъ:
Подобно какъ въ Ливанѣ кедры,
Къ трудамъ ихъ крѣпки мышцы, бедра

- Среди жаровъ, морозовъ, водъ.
17. Свирѣпый Марсъ въ минувши годы
 Въ Россіи по снѣгамъ ступаль,
 Мечемъ и пламенемъ народы
 Въ срединѣ самой устрашалъ:
 Но нынѣ и во время зноя
 Не можетъ нарушить покоя;
 Какъ сверженный гигантъ реветъ:
 Попранъ Россійскою ногою,
 Стѣсненъ какъ страшною горою,
 Напрасно тяжки узы рветъ.
18. Тамъ мракъ Божественнаго гнѣву
 Подвергнулъ грады и полки
 На жертвѣ алчной смерти зѣву,
 Терзанью хладныхъ рукъ:
 Тамъ слышенъ вой въ окружномъ трескѣ;
 Изъ тучъ при смертоносномъ блескѣ
 Кровавы трупы множатъ страхъ.
 А ты отечество драгое
 Ликуй при внутреннемъ покоѣ
 Въ Елисаветиныхъ лучахъ.

XVIII. На день коронаціи императрицы Елисаветы Петровны, 1758 года *).

1. Натуры хитрыя возможныхъ опытъ силъ.
 Къ которому свой взоръ весь смертныхъ родъ вперилъ,
 Россіи счастливой богиня просвѣщенна,
 Ты восхищаешь умъ, какъ солнце, вознесенна;
 Корона съ твоея главы ліюща свѣтъ
 Златыхъ округъ въ твоемъ наслѣдствѣ значить лѣтъ.
 И тѣмъ побуждены подсолнечной всѣ части
 Усердность жертвуютъ твоей кротчайшей власти.
2. Кто странъ твоихъ предѣлъ и множество позналъ,
 Твою великость тотъ по власти измѣрялъ;
 Я мѣру праведну не въ силахъ полагаю,
 Души величество за ону признаваю:
 Ему принадлежать обширныя страны,
 Что Вышнимъ Промысломъ тебѣ подарены.
 Открыть къ щедротамъ путь ты на престолъ вступила;
 Высокъ онъ, но твоихъ даровъ превыше сила.
3. Съ державою равно любленье щедрыхъ дѣлъ,
 И кротость изъ нея преходитъ за предѣлъ.
 Ты больше тщишься быть прямымъ добромъ вселенной,
 Какъ слыть монархиней надъ всѣми вознесенной;

*) Ода написана Іоанномъ Боккомъ и только переведена съ нѣмецкаго Ломоносовымъ.

- И злато надъ тобой не знаетъ власти взять:
 Величествомъ твоимъ что можетъ обладать?
 Твое богатство вѣмъ на счастье и отраду,
 Къ почтенію наукъ, художествамъ въ награду.
4. Отеческій твой градъ премудрости есть храмъ,
 Сокровище твоимъ нескрытое странамъ:
 Тамъ лира бодрая веселы водить лики,
 И струны онѣ суть радостей языки.
 Парнасъ въ очахъ твоихъ не холмъ лишень красы,
 Что можетъ расцвѣсти безъ солнца и росы.
 Какъ на главѣ твоей Минервинъ шлемъ сіяетъ,
 Ея щитомъ рука Науки покрывается.
5. Хотя душъ твоей несносны злы дѣла;
 Но казней строгаая жестокость тяжела:
 Прискорбнымъ сердцемъ ты повинныхъ осуждаешь,
 И вмѣсто крови ихъ щедроты проливаешь.
 Правдивый судъ тебѣ притень въ тѣ часы,
 Когда уставлены наградами вѣсы.
 Драгими камнями иныхъ вѣнцы сіяютъ;
 Тебя лучи доброты отвсюду окружаютъ.
6. Монархи, что добро, не рѣдко признаютъ;
 Но медленно къ тому употребляютъ трудъ.
 Твой просвѣщенный умъ соединиень съ радѣньемъ,
 Какъ скипетръ сопряженъ съ монаршескимъ владѣньемъ.
 Ты путь открыла тѣмъ къ пріятнымъ должностямъ
 Оружіемъ твоимъ подверженнымъ рабамъ:
 И власть, чѣмъ по вѣнцу, по крови ты сіяешь,
 Растетъ, что оную дѣлами укрѣпляешь.
7. Въ владѣтельствѣ твоемъ умѣренность должить,
 Что должность новую исполнить всякъ спѣшить;
 И сердце матерне собѣ тѣмъ утѣшаетъ,
 Довольствуясь, что долгъ всякъ вѣрно признаваетъ.
 Живемъ не чувствуя, что къ страху нудитъ дуть,
 Но именемъ твоимъ свой услаждаемъ слухъ.
 Младенцы слышать то, и нѣжно повторяютъ,
 И дѣтскія уста съ улыбкой обращаютъ.
8. Пускай чрезъ хитрости представляются лучи,
 И радость общую изобразятъ въ ночи,
 Пусть мрачность пламеннымъ размахомъ раздѣлится;
 Усердіе въ сердцахъ ярче воспалится?
 Цвѣтами разными возженныя свѣщи
 Являютъ каждыя веселіе душѣ.
 Когда блистанія составы вверхъ возводятъ,
 То значать, что къ звѣздамъ желанія восходятъ.
9. Богиня, коей блескъ вседневно возстаетъ,
 Достойный плодъ Петровъ вѣнца отъ нѣжныхъ лѣтъ,
 Отъ жизни онъ отшелъ; геройскихъ мыслей сила
 Иренсена въ тебѣ Петра возстановила.
 Всевышній дай тебѣ святую благодать
 Достоинствамъ твоимъ вѣкъ равный обладать:
 Да въ сей толь кратко день на тронѣ возсіяешь,
 Какъ веселишь народъ, щедротой побѣждаешь.

ХІХ. На день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны, 1759 года, и на побѣды надъ королемъ Прусскимъ.

1. Щедротъ источникъ, ангель мира,
 Богиня радостныхъ сердець,
 На коей какъ заря порфира,
 Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ:
 О мыслей нашихъ райъ прекрасный,
 Небесъ безмрачныхъ образъ ясный,
 Гдѣ видимъ кроткую весну,
 Въ лицѣ, въ устахъ, въ очахъ и нравѣ!
 Возможно-ль при твоей державѣ
 Въ Европѣ страшну зрѣть войну?
2. Позволь, мнѣ жаръ велить сердечный,
 Монархиня, въ сей свѣтлый день,
 Какъ въ имени твоемъ Предвѣчный
 Поставилъ намъ покоя сѣнь,
 Безмолвно предвѣщая царство,
 Чтобъ миромъ свергла ты коварство;
 Позволь мнѣ духа взоръ простерть
 На брань и сродство милосердо,
 Гдѣ кротости жилище твердо,
 Жалка и сопостатовъ смерть.
3. О коль мечтанія противны
 Объемлютъ совокупно умъ!
 Доброты вижу здѣсь предивны!
 Тамъ пламень, звукъ и вопль и шумъ!
 Здѣсь полдень милости и лѣто,
 Щедротой общество нагрѣто;
 Тамъ смертну хлябъ разинулъ адъ!
 Но Промыслъ мракъ сей разгоняетъ,
 И волны въ мысляхъ укрощаетъ:
 Отверзся въ славу Божій градъ.
4. Эфиръ, земля и преисподня
 Зиждителя со страхомъ ждуть!
 Я вижу отрока Господня
 Приемлюща небесный судъ.
 Всесильный властію Своею
 Вѣщаетъ свыше къ Моисею:

«Я въ ярости ожесточу
Египту сердце вознесенно;
Израиля neodолжно
Пресвѣтлой силой ополчу».

5. Сие-жь явилъ Богъ въ наши лѣта,
Неистову воздвигнувъ рать,
Дабы тебѣ, Елисавета,
Вѣнцы побѣдъ преславныхъ дать.
Позволилъ вознестись гордынѣ,
Чтобъ нашей кроткой героинѣ
Быль жребій выша въ славу часть;
Чтобъ врагъ дѣламъ російскимъ вѣрилъ,
И опытомъ своимъ измѣрилъ,
Каковъ нашъ родъ, мочь, вѣрность, власть.
6. Парящей слыша шумъ орлицы,
Гдѣ пышный духъ твой, Фридерикъ?
Прогнанный за свой границы,
Еще ли мнишь, что ты великъ?
Еще ль смотря на рокъ саксоновъ,
Всеобщимъ дателемъ законовъ
Слывешь въ желаніи своемъ!
Лишенный собственныя власти,
Еще ль стремишься въ буйной страсти
Вселенной наложить яремъ?
7. Взирая на пожаръ Кистрина,
На протчи грады оглянись:
Что имъ не равная судьбина;
Не храбростью своей гордись.
Что земли, гдѣ твоя корона,
Не слышать гибельнаго стона,
Не видятъ пламенной зари,
Дивятся и въ войнѣ покою:
Побѣдоносной надъ тобою
Монархинѣ благодари.
8. Велика божествомъ природнымъ,
Восходитъ выше тишиной;
Чтобъ жить союзникамъ свободнымъ,
Жалѣя, двинулась войной;
Узрѣвъ растерзанны союзы,
Наверженныя скиптрамъ узы,
Рекла: какъ злыхъ не укрочу?
Алчбѣ ихъ свѣта не достанетъ:

- Пускай на гордыхъ гнѣвъ мой грянетъ,
Сobleщеть молнія мечу.
9. Отъ странъ родящихъ градъ и снѣги,
Съ Атлантской буря высоты
Стремится чрезъ бугристы брѣги,
Являя страшныя слѣды.
Съ дубами камни похищаетъ,
И горы двигнувъ раздираетъ.
Налегши на морской хребетъ
Волнамъ встрѣчается волнамъ,
Песокъ валить со дна съ китами;
Тамъ въ пѣнѣ стонетъ новой свѣтъ.
10. Какъ Россю мужество въ походы
Течетъ противниковъ терзатъ,
И роетъ чрезъ поля и воды,
Услышавъ щедрю въ гнѣвѣ мать!
Гдѣ нынѣ королевско слово,
Что страшно воинство готово
На западъ путь нашъ прекратить?
Ужѣ окровавленна Прѣгла
Крутятся въ твоей землѣ пробѣгла
Россійску силу возвѣститъ.
11. Тамъ Мемель въ видѣ Фаетонта
Стремглавъ летя, нимфѣ прослезиль,
Въ янтарнаго заливахъ Понта
Мечтанье въ правду претвориль.
За Вислой и за Вартою грады
Паденія или отрады
Отъ воли Росской власти ждуть;
И сердце гордаго Берлина,
Неистоваго исполина,
Перуны, близъ гремя, трясутъ.
12. Еще не допуста до року
Съ отвагой сопрягнись таланъ
Гиганту приложили сроку,
Дабы ему умножить ранъ.
Цорндорфскіе пески глубоки,
Его и нашей крови токи
Соединясь, кипѣли въ васъ!
Намъ правда отдаетъ побѣду;
Но врагъ такого послѣ вреду,
Еще дерзаетъ противъ насъ.
13. Богини нашей важность слова

- Къ безсмертной славѣ совершить,
 Стремится сердце Салтыкова,
 Дабы коварну мочь сломить.
 Ни польскіе лѣса глубоки,
 Ни горы Шлонскія высоки,
 Въ защиту не стоятъ врагамъ;
 Напрасно путь намъ возбраняютъ:
 Россійски стѣпы досягаютъ
 Черезъ трупы къ Франкфуртскимъ стѣнамъ.
14. Съ трофея на трофей ступая,
 Геройство Росское спѣшить.
 О муза, къ облакамъ взлетая,
 Представь ихъ раздраженный видъ!
 Съ желѣзомъ сердце раскаленнымъ,
 Съ Перуномъ руки устремленнымъ,
 Съ зарницей очи равны зрю!
 Противникъ слѣдуя Борею,
 Сказалъ: я буйностью своею
 Ударъ ударомъ предварю.
15. Подобно граду онъ густому
 Летяще воцѣство стѣснилъ,
 Искаль со стороны пролomu,
 И рвался въ сердце нашихъ силъ:
 Но вихря крутость прежестока,
 Въ стремленьи вѣчнаго востока,
 Колю долго простираетъ ходъ?
 Обрушась тягостнымъ урономъ,
 Внезапно съ шумомъ, ревомъ, стономъ,
 Преобразился въ сонмы водъ.
16. Бѣгущихъ горды пруссовъ плечи
 И обращенные хребты
 Подвержены кровавой сѣчи.
 Главы валяются какъ листы.
 Теперь съ готовыми трубами
 Передъ Берлинскими вратами
 Побѣды нашей дайте звукъ.
 Что вашъ король, полки, снаряды,
 Не могутъ вамъ подати отрады,
 Разсыпаны отъ нашихъ рукъ.
17. О честь Россійскаго народа
 Въ дни наши воиновъ примѣръ,
 Что силой перваго похода
 Двукратно сопостатовъ стеръ!

- Тебѣ тотъ лавры уступаетъ,
 Кто прочимъ храбро исторгаетъ,
 Кто виѣ привыкнулъ побѣждать,
 При дверяхъ домъ свой защищая
 И крайни силы напрягая,
 Не могъ противъ тебя стоять.
18. Такіе у тебя герои,
 Монархиня, въ златой твой вѣкъ,
 Такіе Богъ полковъ даль строи,
 Какъ царствовать тебя нарекъ.
 Во всемъ послалъ тебѣ успѣхи,
 И въ мирѣ и въ войнѣ утѣхи:
 О коль блаженны мы тобой!
 Искусства, нивы, торгъ, науки,
 Побѣдоносны слыша звуки,
 Блажать свой внутренній покой.
19. Какого свѣтлость зрю собора?
 Подвижники межъ звѣздъ стоятъ,
 Петрова наслаждаясь взора,
 «Красуйтесь», къ сродникамъ гласятъ:
 «Мы стерли мужествомъ гордыню,
 Мы смерть пріяли за богиню,
 Что мертвымъ отдаетъ животь,
 Отъ казни винныхъ освобождая,
 Щедротой бѣдныхъ воскрешая,
 И духъ вливая тѣмъ въ народъ.
20. «Ревнуйте нашему примѣру:
 Поможетъ Богъ, какъ намъ помочь.
 Ее, отечество и вѣру
 Представивъ, презирайте рокъ.
 Не ускорять вамъ дни спокойны?
 Явитесь въ брани насъ достойны,
 И дѣтямъ сей внушите гласъ.
 Герои сѣмени Петрова
 На зависть устремляясь снова,
 Въ потомкахъ нашихъ спросятъ насъ».
21. Воздвигнися въ сей день Россія,
 И очи окрестъ возведи;
 Къ тебѣ гласятъ концы земные:
 «Межъ нами распри ты суди
 Елисаветиной державой:
 Ея великолѣпной славой
 Вселенной преисполненъ слухъ.

- Мы равно нынѣ восклицаемъ,
Желаній жертву возсылаемъ,
Какъ вѣрныхъ ей Россіянъ духъ.
22. «Ея неодолимо войско
По правдѣ ходить поборать;
И сердце съ кротостью геройско
Съ пощадой знаетъ побѣждать.
Коль тщетно пышное упорство,
Надѣясь на свое проворство
Сбираетъ бѣглые полки;
Въ предѣлы кроткаго зефира
Златаго не приѣмлетъ мира:
Еще кровавой ждетъ рѣки».
23. Съ верховъ цвѣтущаго Парнасса
Смотря на рвеніе сердець,
Мы ждемъ желаемаго гласа:
«Еще побѣда и конецъ,
Конецъ губительныхъ брани».
О Боже! мира Богъ, возстани,
Всеобщу къ намъ любовь пролей,
По имени Петровой дщери
Военны запечатай двери,
Питай насъ тишиной Твоей.
24. Иль мало смертны мы родились,
И должны удвоить свой тлѣнь?
Еще ль мы мало утомилсь
Житейскихъ тягостью бремень?
Возри на плачъ осиротѣвшихъ,
Возри на слѣзы престарѣвшихъ;
Возри на кровь рабовъ Твоихъ.
Къ Тебѣ, любовь и радость свѣта,
Въ сей день зоветъ Елисавета:
Низвергни брань съ концовъ земныхъ.

XX. На день восшествія на престолъ императрицы
Елисаветы Петровны, 1761 года.

1. Владѣешь нами двадцать лѣтъ;
Иль лучше, льешь на насъ щедроты,
Монархиня, коль благъ совѣтъ
Для Россовъ вышнія доброты!
О коль къ намъ склонны небеса!

О коль преславны чудеса!
 Геройскаго восхода слѣды
 Пріосвѣняетъ благодать;
 Война и миръ дають побѣды:
 О Боже, чѣмъ Тебѣ воздать?

2. Еще, еще бодрись, воспой
 Златая лира дщерь Петрову,
 Гласи и брани и покой;
 И силу воспріавши нову,
 Въ преклонный вѣкъ мой возлетай,
 Младя лѣта превышай.
 Она щедроты умножаетъ,
 Ты возноситься не престань;
 Ей свѣтъ довольства посвящаетъ:
 И ты сугубъ желаній дань.

3. Красуйся въ сей блаженный часъ,
 Какъ вдругъ триумфы возсіяли;
 Тѣмъ вѣще озарили насъ,
 Чѣмъ были мрачнѣе печали.
 О радость, дай вспомянуть!
 О радость, дай на нихъ взглянуть!
 Мы больше чувствуемъ отрады,
 Какъ скорби видимъ за тобой:
 Злосчастья ненавистны взгляды
 Любезный красятъ образъ твой.

4. Безгласна видя на одрѣ
 Защитника, отца, героя,
 Рыдали Россы о Петрѣ;
 Вездѣ наполненъ воздухъ воя,
 И сѣтовали всѣ мѣста:
 Земля казалася пуста:
 Взглянуть на небо, не сіяетъ;
 Взглянуть на рѣки, не текутъ,
 И горь высокость осѣдаетъ;
 Натуры всей пресѣкъся трудъ.

5. Екатеринѣ скиптръ вручень
 Отечествомъ и домою править!
 Народъ нашъ тщиля ободренъ
 Трудовъ Петровыхъ не оставитъ.
 Но ахъ, свирѣпа наша часть!
 Любезная намъ жизнь и власть
 И мужескъ полъ за ней пресѣкъся;
 И унывающій народъ

- Въ печали вретнице облекся,
 Что отлученъ Петровъ былъ плодъ.
6. Ужасны хляби, стремнины
 Стоять противъ Петровой дщери,
 И твердость тяжкія стѣны,
 И вѣкъ заклепанныя двери
 И не проходныхъ странъ морей
 Лишаютъ насъ надежды всей;
 Нѣтъ способа и нѣтъ совѣта!
 Но Вышній нашъ услышалъ гласъ:
 Великая Елисавета
 Се царствуетъ и щедритъ насъ.
7. Поставилъ Богъ и Россовъ духъ,
 И не подвигнется во-вѣки.
 Какая рѣчь плѣняетъ слухъ:
 Гласятъ моря, лѣса и рѣки,
 Тамъ нимфы повторяютъ рѣчь,
 Какъ встрѣчу ей спѣшили течь:
 «Кто ты? Минерва, иль Діана?
 Кто мать тебѣ и кто отецъ?
 Богиней въ свѣтѣ быть избрана,
 Достойная носить вѣнецъ!
8. «Не ты ли, коей долго ждемъ,
 Желаемъ, льемъ потоки слезны?
 Она и станомъ и лицомъ,
 Екатерининъ взоръ любезный,
 Подобіе и духъ Петровъ,
 Отрада наша и покровъ.»
 О дщери росскія играйте!
 Надежда ваша васъ не льститъ,
 И съ удовольствіемъ внимайте,
 Что вамъ богиня говоритъ.
9. «На отческій престолъ всхожу
 Спасти отъ злобы утѣсенныхъ,
 И щедрой властью покажу
 Свой родъ, умножу просвѣщенныхъ.
 Моей державы кротка мочь
 Отвергнетъ смертной казни ночь;
 Владѣть хочу зефира тише;
 Мои всѣ мысли и залогъ
 И воля данная мнѣ свыше
 Въ устахъ прошенъ, въ сердцахъ Богъ».
10. О дѣломъ совершенный гласъ!

- Благодѣянiя твоя держава,
Щедротъ исполненъ всякiй часъ!
Едина токмо брань кровава
Принудила правдивый мечъ
Противу гордости извлечь,
Какъ стѣну Росску грудь поставитъ
Въ защиту дружескихъ державъ,
И отъ насильныхъ рукъ избавитъ
Въ союзъ вѣрность показавъ.
11. Какъ вождѣнный солнца лучъ,
Хотя не престоая сiяетъ,
Скрывается отъ мрачныхъ тучъ,
И не повсюду согрѣваетъ.
Подобно милосерда власть
Любя себѣ врученну часть,
Сiяние даетъ всечасно,
Чтобъ грѣть и освѣщать народъ:
Но тернить дѣйствiе прекрасно
Уронъ отъ бранныхъ непогодъ.
12. Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли водамъ равны,
Что вокругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спятъ,
И подъ лѣнивыми листьями
Презрѣнный производятъ гадъ.
13. Война плоды свой раститъ,
Героевъ въ мiръ рождаетъ славныхъ,
Обширныхъ областей есть щитъ,
Могущество крѣпитъ державныхъ.
Возримъ на древни времена;
Россiйска повѣсть тѣмъ полна,
Ужѣ изъ тьмы на свѣтъ выходитъ,
За ней великихъ полкъ мужей,
Что на театрѣ всесвѣтнiй взводитъ
Одѣтыхъ солнечной зарей.
14. Се бодрый воинъ Святославъ
Славянъ и Скиновъ съ Печенѣги
И Болгаръ съ Туркамн собравъ,
Дунайски наполняетъ бреги;

И побѣдитель всѣмъ гласить:
 «Здѣсь сердце странъ моихъ лежитъ:
 Смарагды, шолкъ дають мнѣ Греки,
 Вино и злато Угровъ трудъ,
 Народъ и хлѣбъ велики рѣки
 Что въ отчествѣ моемъ текутъ.»

15. Ему геройствомъ равный сынъ
 Владиміръ, превосходный вѣрой,
 Войной и миромъ исполинъ,
 Отмстивъ за брата равной мѣрой,
 Съ Дунайскихъ и до Камскихъ водъ
 Вливаешь свѣтъ Христовъ въ народъ;
 Считаешь съ любовью постоянство,
 Густую разбиваешь тѣнь;
 На Перунѣ и на поганство
 Ступивъ, восшедшій кажетъ день.
16. Не то ли храбрый Мономахъ?
 Онъ мечъ вознесъ на Византію,
 И Комнинъ облеченный въ страхъ
 Вѣнецъ взолагаетъ на Россію.
 Тамъ плещутъ Невски берега:
 Низвергнувъ дерзкаго врага
 Петрова мужествомъ предтечи,
 Отъ Запада защитникъ онъ.
 Се Дмитріевы сильны плечи
 Густятъ татарской кровью Донъ.
17. Тезоименны дѣдъ и внукъ *)
 Разбитыя бросаютъ узы,
 И кажутъ всей вселенной вкругъ,
 Державу, права, мечъ, союзы;
 Тамъ равный сродникъ Алексѣй,
 О Висла, до твоихъ зыбей
 Границы дѣлъ своихъ поставилъ,
 Прошелъ бы дальій; мало жилъ!
 Но плодъ геройскихъ дѣлъ оставилъ,
 Какого сына онъ родилъ!
18. Бодрись мой духъ, смотри, внимай:
 Сквозь дымъ небесный лучъ блистаетъ!
 Сквозь волны, пламень, вижу рай;
 Тамъ Богъ десницу простираетъ,
 И крѣпость неизмѣрныхъ силъ

*) Государи: великій князь Иванъ Васильевичъ и царь Иванъ Васильевичъ.

Петру на свѣтѣ поручилъ.
 «Низвергни храбростью коварство,
 Войнами укроти войны,
 Одѣнь оружіемъ новымъ царство,
 Полночны оживи страны.»

19. Ведеть Творецъ, онъ идетъ вслѣдъ;
 Воздвигъ насъ. Россы ускоряйте
 На образъ въ знакъ его побѣдъ
 Рифейски горы истощайте:
 Дабы его безсмертный ликъ,
 Какъ солнце, свѣтель и великъ
 Сіяль во всѣ концы земные,
 Отъ неизвѣстныхъ зримъ былъ мѣсть,
 И небу равная Россія
 Казала дѣль, коль много звѣздъ.
20. Посмотримъ въ западны страны:
 Отъ стрѣлъ Россійскія Діаны,
 Изъ превеликой вышины
 Стремглавно падаютъ Титаны.
 Ты Мемель, Франкфуртъ и Кистринь,
 Ты Швейдницъ, Кенигсбергъ, Берлинъ.
 Ты звукъ летающаго строя,
 Ты Шпрея хитрая рѣка,
 Спросите своего героя:
 Что можетъ Росская рука?
21. Великая Елисаветъ,
 И силу кажетъ и державу;
 Но въ сердцѣ держитъ сей совѣтъ:
 Размножить миромъ нашу славу,
 И выше, какъ военный звукъ,
 Поставитъ красоту наукъ.
 По мнѣ хотя бь руно златое
 Я могъ какъ Язонъ получить;
 То бь музамъ, для житья въ покоѣ,
 Не усумнился подарить.
22. Въ войну кипитъ съ землею кровь,
 И суша съ моремъ негодуеть;
 Владѣть въ мирны дни любовь,
 И вся натура торжествуеть.
 Тамъ заглушаютъ мысли шумъ;
 Здѣсь красить всѣ довольства умъ.
 Се милость истинну срѣтаеть,
 Воззрите, смертны, въ высоту!

- И правда тишину лобзаетъ,
 Я вижу вѣчну красоту.
23. Среди разгнанныхъ мрачныхъ бурь
 Всего пресвѣтлѣе сіяетъ,
 Вокругъ и злато и лазурь:
 Всесильный миръ себя являетъ:
 Оливна вѣтвь, лавръ, слава, мечъ!
 Внимай, подсолнечная, рѣчь:
 «Петрова дщерь вамъ ввѣкъ залогомъ.
 Я живъ и обладаетъ Петръ,
 Пребуду вѣчно вашимъ Богомъ,
 И, какъ Елисавета, шедръ.»

XXI. Императору Петру Теодоровичу на восшествіе
 на престолъ, и на новый 1762 годъ.

1. Сіяи, о новый годъ, прекрасно,
 Сквозь густоту печальныхъ тучъ:
 Прошло затменіе ужасно,
 Умножь, умножь отрады лучъ.
 Уже плачевная утрата
 Дражайшая сокровищъ злата
 Сугубо намъ возвращена.
 Благополучны мы стократно:
 Петра Великаго обратно
 Встрѣчаетъ Росская страна.
2. Петра воздвигъ съ Екатериной
 И съ Павломъ; о драгой залогъ!
 Послалъ намъ радость за судьбиной
 Въ щедротахъ неизмѣрный Богъ.
 Орель великій обновился,
 На высотъ своей явился,
 И надъ Европою паритъ.
 Россіане руками плещуть,
 Враги въ уныніи трепещуть,
 Познавъ, кто носить скиптръ, мечъ, щитъ.
3. Премудрая Елисавета
 На отческій престолъ восшедь,
 Движеньемъ Вышняго совѣта
 Блюла отечество отъ бѣдъ.
 Достигнувъ мужескимъ геройствомъ,
 Отсюду облекла спокойствомъ

Свое наслѣдство утвердивъ,
 Чтобъ былъ для Россовъ счастья, славы,
 Безъ пресѣченія державы,
 Великій Петръ вовѣки живъ.

4. Ея совѣты совершились:
 На тронъ наслѣдный ты вступилъ,
 Монархъ: мы вѣкъ ея лишились;
 Но ты восходомъ оживилъ.
 Приемлешь скиптръ, она вручаетъ,
 И въ вѣчность отходя вѣщаетъ:
 «Владѣй, храни, возвысь народъ,
 Моей опасностью спасенный,
 Увѣрь всѣхъ, мной благословенный,
 Что ты Петровъ и Аннинъ плодъ.»
5. «Когда я съ нею разлучалась
 И въ ложеснахъ ея съ тобой,
 Коль горестно тогда терзалась,
 Отчаянна въ судьбинѣ злой.
 Но больше ощущала радость,
 Твою возлюбленную младость
 Въ объятія свои принявъ.
 И нынѣ отхожу съ покоемъ,
 Отечество тобой героемъ
 Превыше будетъ всѣхъ державъ».
6. Уже ко предстоящимъ слезнымъ
 Отъ облакъ обратила видъ,
 И умиленіемъ любезнымъ
 Озрѣвшись, къ высотѣ слѣштить.
 Освободясь отъ части тлѣнной,
 Восходить къ жизни непремѣнной.
 Молчите горы и лѣса,
 Моря и вѣтры безпокойны,
 Внимайте мнѣ и будьте стройны:
 Мой умъ вперился въ небеса.
7. Отворенный Елисаветѣ
 Ея преславныхъ предковъ храмъ
 Сіяетъ въ безконечномъ свѣтѣ
 По звѣзднымъ распростертъ полямъ.
 Среди геройскаго собора
 Лучемъ божественнаго взора
 Яснѣйшій прочихъ духъ Петровъ
 При входѣ свѣтозарной двери
 Десницу простирая дщери,

- Къ себѣ въ небесный вводитъ кровь.
8. «Гряди къ блаженному покою,
Гряди къ намъ въ вѣчно торжество,
Гряди и царствуй здѣсь со мною,
Такъ хочеть Вышне Божество.
Ты жить съ безсмертными достойна;
Россія по тебѣ спокойна:
Ты возвратила въ ней уронъ:
Ты кровь мою возобновила,
Въ наслѣдствѣ внука утвердила;
Тобою онъ восшелъ на тронъ.
9. «Великодушія, щедроты
И мужества дала примѣръ:
Чтобъ руку онъ къ своимъ для льготы,
И мечъ противъ враговъ простеръ.
Тобой цвѣтеть мой градъ любезный,
Петрополь славный и полезный.
Но будетъ выше древнихъ дивъ.
Предѣлы ты распространила;
Его благословенна сила
Поставить, вѣчно утвердивъ.
10. «За истинную добродѣтель
Земля тебѣ давала плодъ;
Всегда преклоненъ былъ Содѣтель,
Въ довольствѣ множилъ твой народъ.
Наслѣдникъ тою же стезею
Ступая ревностью своею,
Преклонить вышнее добро.
Была, какъ ты, натура щедра,
Открыла горь съ богатствомъ нѣдра;
Ему сторично дастъ сребро.
11. «Ты награждала всѣмъ науки;
И онъ щедротой оживить,
Искусствомъ обученны руки
Снабдить, умножить, просвѣтитъ.
Онъ постыдитъ, какъ ты, злодѣевъ.
Оставленъ посреди трофеевъ,
До облакъ оны вознесетъ;
И на пространной свѣта части
Конецъ своей положить власти,
Гдѣ знакъ стоять твоихъ побѣдъ.
12. «Но больше чту сію заслугу,
Что ты усердствуя къ нему,

- Достойную дала супругу,
 Любезну отчеству всему.
 Уже изъ общей ихъ любви
 Цвѣтетъ отъ нашей отрасли крови
 Дражайшій Павелъ правнукъ мой.
 Продлить Господь его потомки;
 Дѣла ихъ возвеличить громки,
 Прославить брани и покой».
13. Богиня новыми лучами
 Красуется окружена,
 И звѣзды видитъ подъ ногами
 Свѣтлѣе оныхъ какъ луна.
 Уже торжественные лики
 И радостныхъ героевъ клики
 И браннымъ нестерпимый свѣтъ
 Всю силу ока притупляютъ;
 Вниманье слуха заглушаютъ:
 Видѣнія закрылся слѣдъ.
14. Оставивъ высоту прекрасну
 Я небо вижу на земли:
 Народовъ ревность всѣхъ согласну,
 Какъ въ вѣки всѣ свѣтила шли.
 Отъ юга, запада, востока
 Полями, славою широка
 Россія кажетъ вѣрный духъ.
 И какъ Елисаветъ твердо
 Петру вдаетъ себя усердо,
 Едва лишь гдѣ достигнулъ слухъ.
15. Хребты полей прекрасныхъ, тучныхъ,
 Гдѣ Волга, Донъ и Днѣпръ текутъ,
 Дѣлъ послуши Петровыхъ звучныхъ
 Съ весельемъ поминая трудъ,
 Тебѣ обильны движуть воды,
 Тебѣ, монархъ, плодятъ народы,
 Несутъ довольство всѣхъ потребъ,
 Что воздухъ и вода рождаетъ,
 Что мягкая земля питаетъ,
 И жизни главну крѣпость хлѣбъ.
16. Тамъ мерзлыми шумитъ крылами
 Отецъ густыхъ снѣговъ борей,
 И отворяетъ ходъ межъ льдами
 Дать волѣ путь въ востокъ твоей:
 Чтобъ Хины, Инды и Японы

Подверглись подъ твои законы.
 Тебѣ отъ вѣрной глубины
 Руками плещуть воды бѣлы;
 Ликують западны предѣлы;
 Предвидя счастье войны.

17. Европа нынѣ восхищенна
 Внимая смотреть на востокъ,
 И ожидаетъ изумленна,
 Какой опредѣлитъ ей рокъ.
 То видитъ зракъ твой предъ полками
 Подобный Марсу межъ врагами;
 То представляетъ общій пиръ,
 Отрады ради утомленныхъ
 Избавы ради раззоренныхъ,
 Тобою обновленный миръ.
18. Когда по глубинѣ невѣрной
 Къ невѣдомымъ брегамъ пловещъ
 Спѣшитъ по дальности безмѣрной,
 И не является конецъ;
 Прилежно смотреть птицъ полеты,
 Въ водѣ и въ воздухѣ примѣты.
 И какъ ужъ томную главу
 На брегъ желанный полагаетъ,
 Въ слезахъ отъ радости лобзаеть
 Песокъ и мягкую траву.
19. Германія сему подобно
 По собственной кровѣ плыветъ,
 Во время смутно, неспособно,
 Конца своихъ не видитъ бѣдъ;
 На Фаросъ силъ твоихъ взираетъ,
 Къ тебѣ дорогу направляетъ
 Тебѣ себя въ покровъ отдать.
 Въ согласіи желаетъ стройномъ,
 Въ твоемъ пристанищѣ спокойномъ,
 Оливны вѣтви цѣловать.
20. Тогда по славнѣйшихъ побѣдахъ,
 Какъ общій ускоришь покой,
 Пребудешь знатнѣйшій въ сосѣдахъ,
 Прехваленъ миромъ и войной.
 Тогда въ трудахъ тебѣ любезныхъ,
 Россійскимъ областямъ полезныхъ,
 Все время будешь провождать;
 И каждый день златаго вѣку,

- Коль долго можно челоѡѡку,
Благодѡяньями вѡнчать.
21. Когда пучину не смущаетъ
Стремленіе насильныхъ бурь;
Въ зеркалѣ жидкомъ представляетъ
Небесной ясности лазурь,
И солнце съ высоты дивится,
Что само толь глубоко зрится.
Такъ ты, о нашихъ дней вѡнецъ,
Во внутреннихъ грудяхъ сіяешь,
И свѣтлый ликъ изображаешь
Въ спокойной радости сердець.
22. Великолѣпно облекися
Россійскій радостный Сіонъ,
Главой до облакъ вознесися:
Самсонъ, Давидъ и Соломонъ
Въ Петрѣ тобою обладаютъ,
И Голиаѡвъ презирають.
Сильнѣе тигровъ онъ и львовъ,
Геройска бодрость въ немъ избрана.
Изсохнеть на земли попоранна
Свирѣлость змѣевыхъ головъ.
23. Голштинія возвеселися,
Что отъ тебя цѣвтеть нашъ крикъ.
Ты къ морю въ празднествѣ стремися,
Цѣвтущій славою Цвейтинъ.
Хотя не силенъ ты водою;
Но радостью сравнись съ Невою,
До Зунда шумъ твой распростри.
Соединенныя россійскимъ
Поставь по берегамъ Балтійскимъ
Желаній вѣрныхъ алтари.
24. Спѣши, спѣши, весна золотая,
Умножь отраду теплотой;
И новы вѣки начиная
Стихи здравіемъ напои;
Вели благоухать зефиру;
Съ Петромъ поля одѣнь въ порфиру,
И всѣмъ пріятностямъ твоимъ
Подобную Екатерину
Надежды наша причину
Снабди, снабди плодомъ драгимъ.
25. Небесъ и всѣхъ вѣковъ Зиждитель,

Источникъ всякаго добра,
Царей и царствъ земныхъ Правитель,
Ты оправдалъ владѣть Петра
Подсолнечной великой частью,
Утѣшь его народы властью,
Преславный вѣкъ ему подай,
Супругъ, вѣтви вождельнннй,
И больше какъ во всей вселенной
Въ Петровѣ домѣ обитай.

XXII. На день восшествія на престолъ императрицы
Екатерины Второй, юня 28 дня 1762 г.

1. **В**немлите всѣ предѣлы свѣта,
И вѣдайте, что можетъ Богъ!
Воскресла намъ Елисавета:
Ликуетъ церковь и чертогъ.
Она, или Екатерина?
Она изъ обѣихъ едина!
Ея и бодрость и восходъ
Златой наукамъ вѣкъ возставить,
И отъ презрѣннй избавить
Возлюбленный Россійскій родъ.
2. Россійскій родъ, коль ты ужасенъ
Въ поляхъ противъ своихъ враговъ;
Толь домъ твой въ нѣдрахъ безопасенъ.
Ты внѣ гроза, ты внутрь покровъ.
Полки сражая, внѣ воюешь;
Но внутрь безъ крови торжествуешь.
Ты буря тамъ, здѣсь тишина.
Умѣренность тебѣ въ кровь бранну,
Въ главу побѣдами вѣнчанну
Отъ трехъ въ сей вѣкъ богинь дана.
3. Петра Великаго супруга
Взведенная самимъ на тронъ,
Краса и честь земнаго круга
И слава скипровъ и коронъ,
Прехраброму сему герою
Среди пылающаго строю
Даетъ спасительный совѣтъ,
Военно сердце умягчаетъ;
И миръ пріавъ облобызаетъ

- Разженный яростью Магметъ.
4. Елисавета царствомъ мирнымъ
 Россійскія смягчить сердца,
 И какъ дыхавіемъ зефирнымъ,
 Взираньемъ кроткаго лица
 Вливаешь благосклонность въ нравы,
 Въ войнахъ не умаляя славы.
 Возложенной себѣ вѣнецъ
 Побѣдой, миромъ украшаетъ,
 Трофеями превозвышаетъ
 Державы своей конецъ.
5. Въ сіи прискорбны дни природнымъ
 Россійскимъ истиннымъ сынамъ,
 Ослабу духомъ благороднымъ
 Даетъ Екатерина намъ.
 Мы кротости богинь навыкнувъ
 И въ счастье ими данно выикнувъ,
 Судьбину тщимся отвратить.
 Уже для обществу покрова,
 Согласно всѣхъ душа готова
 Въ ней дщерь Петрову возвратить.
6. Слыхаль-ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
 Чтобъ торжествующій народъ
 Предался въ руки побѣжденныхъ?
 О стыдъ, о странный оборотъ!
 Чтобъ кровью купленны трофеи
 И побѣдителей злодѣи
 Приобрѣли въ напрасный даръ,
 И данную залогомъ вѣру.
 Въ тебѣ Россія нѣтъ примѣру;
 И нынѣ отвращенъ ударъ.
7. Любовь твоя къ Екатеринѣ,
 Екатеринина къ тебѣ
 Побѣду даровала нынѣ;
 И Небо вѣрной сей рабъ,
 Безъ раздробляющаго звуку,
 Крѣпится благословенну руку
 На нашихъ буйныхъ сопостать.
 О коль видѣніе прекрасно!
 О коль мечтаніе ужасно!
 Что смотритъ сей, что слышитъ градъ?
8. Не мракъ-ли въ облакахъ развился?
 Или открылся гробъ Петровъ?

Онъ взоромъ смутенъ пробудился
И произносить гласъ таковъ:
«Я мертвъ терплю несносну рану!
На то ли вселюбезну Анну
Въ супружество я поручилъ,
Дабы чрезъ то моя Россія
Подъ игомъ области чужія
Лишилась власти, славы, силъ?»

9. «На то ль, чтобъ всё труды несчетны
И приобрѣтены плоды
Разрушились и были тщетны,
И новы возросли бѣды?
На то ль воздвигъ я градъ священный,
Дабы врагами населенный
Россіянамъ ужасенъ былъ,
И вмѣсто радостной столицы
Тревожилъ дальнія границы,
Которы я распространилъ?»

10. О тѣнь великая, покойся!
Мы помнимъ тѣмы твоихъ заслугъ;
Безмолвна въ вѣчности устройся:
Твой трудъ межъ нами живъ вокругъ.
Не предадимъ твоей любви,
Не пощадимъ послѣдней крови.
Сигѣшимъ отечество покрыть
Вослѣдъ премудрой героинѣ,
Любезной всѣмъ Екатеринѣ,
Любезны ей и вѣрны быть.

11. Что чаяли вы невски музы,
Въ великій оный громки часъ?
«Согласны мыслей всѣхъ союзы
Веселыйъ возвышали гласъ.»
Какъ звали ревностну присягу?
«Благословенную отвагу.»
Что зрѣли, какъ закрылся день?
«Намъ здѣшніе брега и волны
Величества, пріятства полны
Сквозъ тонкую казались тѣнь.»

12. «Среди избраннѣйшихъ героевъ
Между блистающимъ ружьемъ,
Среди непобѣдимыхъ строевъ
Сверкаетъ красота мечемъ,
И нѣжность пола уважаетъ,

- И тою храбрость украшаетъ:
Объими сердца влечеть.
Всякъ видя, слѣдую за нею,
Гласить устами и душею:
Такъ шла на тронъ Елисаветъ!»
13. Гряди Россійская отрада,
Гряди желаніе сердець,
И буди отъ враговъ ограда,
Поставь опасностямъ конецъ:
И оправдай Елисавету,
Всему доказывая свѣту,
Что полная триумфовъ брань
Постыждена поносимъ миромъ,
И сопостать почтенъ кумиромъ
Отъ насъ пріемлетъ въ жертву дань.
14. Уже намъ дневное свѣтило
Свое пресвѣтлое лице
Всерадостнымъ очамъ явило
Лучей прекрасныхъ во вѣнцѣ.
Туманы, мраки разгоняя,
И радость нашу предваряя,
Поля, лѣса, брега живить;
Въ росѣ, въ струяхъ себя являетъ.
Ему подобный къ намъ сіяетъ
Избавившей богини видѣ.
15. Въ удвоенномъ Петрополь блескѣ
Торжественный подъемлетъ шумъ,
При громкомъ восхищаясь плескѣ
Отрадой возвышаетъ умъ.
Взирая на свою избаву,
На мысль приводитъ прежню славу.
Въ церквахъ, по стогнамъ, по домамъ,
Несчетно множество народу
Гремящу представляетъ воду,
Что гласъ возносить къ небесамъ.
16. Теперь злоумышленье въ ямѣ
За гордость свержено лежитъ;
Екатерина въ Божьемъ храмѣ
Съ благоговѣніемъ стоитъ.
Хвалу на Небо возсылаетъ,
И купно сердце всѣхъ пылаетъ
О цѣлости ея и насъ;
Что Вышній крѣпкою десницей,

- Богиню намъ подавъ царицей,
 Отъ гибели невинныхъ спасъ.
17. Услышьте судіи земные,
 И всѣ державные главы:
 Законы нарушать святые
 Отъ буйности блюдитесь вы,
 И поданныхъ не презирайте:
 Но ихъ пороки исправляйте
 Ученьемъ, милостью, трудомъ.
 Вмѣстите съ правдою щедроту,
 Народну наблюдайте льготу;
 То Богъ благословитъ вашъ домъ.
18. О коль велико, какъ прославятъ
 Монарха вѣрные рабы!
 О коль опасно, какъ оставлять,
 Отъ тѣсноты своей, въ скорби!
 Внимайте нашему примѣру,
 Любите ихъ, любите вѣру.
 Она свирѣпости узда,
 Сердца народовъ сопрягаетъ
 И вамъ ихъ вѣрно покоряетъ,
 Твердѣ всякаго щита.
19. А вы, которымъ здѣсь Россія
 Даетъ ужё отъ древнихъ лѣтъ
 Довольство вольности златыя,
 Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
 Храня къ своимъ сосѣдамъ дружбу
 Позволила по вѣрѣ службу
 Безпреткновенно приносить:
 На то ль склонились къ вамъ монархи
 И согласились іерархи,
 Чтобъ древній нашъ законъ вредить?
20. И вмѣсто, чтобъ вамъ быть межъ нами
 Въ предѣлахъ должности своей,
 Считать насъ вашими рабами
 Въ противность истины вещей.
 Искусство нынѣшне доводомъ,
 Что было надъ Россійскимъ родомъ
 Умышлено отъ вашихъ главъ,
 Къ поправню нашего закона,
 Россійскаго къ паденью трона,
 Къ рушенію народныхъ правъ.
21. Обширность нашихъ странъ измѣрьте,

Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
 И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
 Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ.
 Исчислите тѣмъ сильныхъ боевъ,
 Исчислите у насъ героевъ
 Отъ земледѣльца до царя,
 Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
 Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
 И у святаго олтаря.

22. О коль монархъ благополученъ,
 Кто знаетъ Россами владѣть!
 Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
 И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть.
 Тебя толь счастливу считаемъ,
 Богиня, въ коей признаваемъ
 Въ единой всѣ доброты вдругъ,
 Шедроты, вѣру, справедливость,
 И съ постоянствомъ прозорливость,
 И истинный геройскій духъ.

23. Осьмнадцать лѣтъ ты украшала
 Благословенный домъ Петровъ;
 Елисаветѣ подражала
 Въ монаршихъ высотѣ даровъ.
 Освобождая утѣсненныхъ,
 И ободряя оскорбленныхъ,
 Склонила высоту небесъ,
 Отъ злой судьбы тебя избавить,
 Надъ нами царствовать поставить,
 И отереть намъ токи слезъ.

24. Науки нынѣ торжествуйте:
 Взошла Минерва на престоль.
 Пермесски воды ликовствуйте,
 Шумя крутитесь въ злачный долъ.
 Вы въ рѣки и въ моря спѣшите,
 И вашу радость возвѣстите
 Лугамъ, горамъ и островамъ.
 Скажите, что для просвѣщенья
 Повсюду утвердить ученья,
 Создавъ прекрасны храмы вамъ.

25. А ты, о отрасль вождельнна,
 Спасенная отъ сильныхъ рукъ,
 Будь жизньъ твоя благословенна,
 Прекрасна посредѣ наукъ!

Дражайшій Павелъ нашъ, мужайся,
 Въ объятяхъ рождшей утѣшайся,
 И бывши скорби забывай.
 Она всѣ бури успокоитъ;
 Щедротой, ревностью устроить
 Тебѣ и намъ прекрасный рай.

26. Герои храбры и усерды,
 Которымъ Промыслъ положилъ
 Пріять намѣренія тверды
 Противу незаконныхъ силъ,
 Въ защиту нашей героинѣ,
 Красуйтесь, веселитесь нынѣ.
 На васъ лавровые вѣнцы
 Въ несчетны вѣки не увянутъ,
 Доколѣ Россы не престанутъ
 Гремѣть въ подсолнечной концы.

XXIII. На новый 1764 годъ, императрицѣ Екатеринѣ Второй.

1. Люю наставшій годъ: онъ славенъ,
 Онъ будетъ красота вѣковъ,
 Твоимъ намѣреніямъ равенъ,
 Богиня, радость и покровъ!
 Не обинуюсь предвѣщаю,
 Что гласъ мой править поручаю
 Послушницѣ твоей судьбѣ;
 И можно ль, чтобы наши дѣта
 Россійскаго отрадѣ свѣта
 Не уподобились тебѣ?
2. Геройскихъ подвиговъ хранитель
 И проповѣдатель Парнассъ,
 Временъ и рока побѣдитель,
 Возвыси нынѣ свѣтлый гласъ,
 Приблужи къ небесамъ вершины;
 И для похвалъ Екатерины,
 Какъ наша радость, распѣтай.
 Шуми ручьями съ гласомъ лиры,
 Бореи преврати въ зефиры,
 Представъ зимой въ полночи рай.
3. Среди торжественнаго звуку
 О ревности моей увѣрь,

- Что нынѣ чтя Петрову внуку,
 Пою, какъ пѣль Петрову дщерь.
 Ни моего преклонность вѣка,
 Чтò слабитъ духъ у человѣка,
 Нижѣ гонящій въ гробъ недугъ.
 Нижѣ завистливы злодѣи
 Чрезъ вредны воспятыя затѣи
 Почтительный къ монархамъ духъ.
4. Усыновленна добродѣтель
 Россійскій украшаетъ свѣтъ:
 Тому начало и свидѣтель
 Избраніемъ Елисаветъ.
 Усердіе всего народа
 Крѣпитъ, какъ кровная природа.
 О скиптръ, вѣнецъ, о тронъ, чертогъ,
 Сужденны вновь Екатеринѣ,
 Красуйтесь о второй богинѣ!
 Той Петръ вручилъ, сей ввѣрилъ Богъ!
5. Самъ Богъ ведетъ, и кто противу?
 Кто ходъ его остановить?
 Какъ океанскихъ водъ разливу
 Навстрѣчу кто поставитъ щитъ?
 Гдѣ звуки? гдѣ огни и страхи?
 Гдѣ, гдѣ всегдашній дымъ и прахи?
 Въ нихъ Вышній не благоволилъ,
 Въ свою не принялъ благостыню:
 Но щедря кротку героиню,
 Покрылъ, воздвигъ, вѣнцемъ почтилъ.
6. Превыше облакъ восходящій
 Недвижно зреть отъ звѣздъ Атлантъ
 На вихрь въ подножіяхъ шумящій:
 Такъ блещущій ея талантъ
 Душій и тѣла красотою
 Надъ мрачною налоговъ мглою
 Въ лучахъ небесныхъ вознесенъ,
 Туманы, бури презираетъ,
 И дни нестройны премѣняетъ
 На ясность радостныхъ временъ.
7. О ты пресвѣтлый предводитель
 Отъ вѣчности текущихъ лѣтъ,
 Цвѣтущихъ, дышущихъ живитель,
 Ты око и душа планетъ,
 Позволь ко твоему мнѣ дому,

- Ко храму твоему златому,
 Позволь приблизившись воззрѣть!
 Уже изъ свѣтлыхъ вратъ сафирныхъ
 Направилъ коней ты эфирныхъ,
 Ржутъ, топчуть твердь, спѣшать летѣть.
8. Ты съ новымъ торжествуя годомъ,
 Между блистающихъ колесъ
 Лазуревымъ пустился сводомъ,
 Течешь на крутизну небесъ;
 Стремясь къ пріятствамъ внешней нѣги,
 Одолѣваешь зиму, снѣги.
 Таковъ Екатерининъ нравъ:
 Народну грубость умягчаетъ
 И всѣхъ къ блаженству приближаетъ
 Теченьемъ обновленныхъ правъ.
9. Потомъ сильнѣйшими лучами
 Сіяя въ большей высотѣ,
 Прольешь источники полями
 Въ цвѣтущихъ злаковъ красотѣ;
 Листами увѣнчаешь лѣсы;
 Въ кустахъ кругомъ молодой Цересы
 Возбудишь сладкогласныхъ птицъ.
 Туда растущимъ сель богатствомъ,
 Туда ты привлечешь пріятствомъ
 Поющихъ юношъ и дѣвицъ.
10. Екатерининны доброты
 Сіяли къ намъ изъ мрачныхъ тучъ;
 Но больше тѣмъ ея щедроты,
 Чѣмъ выше и яснѣ лучъ:
 Державы свояя весною
 Къ довольству, славѣ и покою
 Обильно сыплетъ сѣмена,
 Печется, ограждаетъ, грѣеть.
 О коль богатый плодъ поспѣетъ
 Въ тебѣ, Россійская страна!
11. Когда съ превыспреннихъ несносный
 Приблизится на землю жаръ;
 То дождь прольешь намъ плодоносный
 Поднявъ, сгустивъ во облакъ паръ.
 Умѣришь тѣмъ прекрасно лѣто,
 Какъ сердце Росское нагрѣто
 Екатерининымъ лучемъ.
 Ты сладостной росой прохладу,

- Она щедротою отраду
 Подасть и удовольство всѣмъ.
12. Украсить тѣхъ лице земное,
 Ночную сокращаешь тѣнь;
 Она о подданныхъ покоѣ
 Печется, ночь вмѣняя въ день.
 Россіяне, народъ послушный
 Монархинѣ великодушной,
 Примѣромъ неусыпныхъ пчелъ
 Въ трудахъ царицѣ подражайте,
 И сладость счастья умножайте
 Успѣхами полезныхъ дѣлъ!
13. Ужѣ по изобильномъ лѣтѣ
 Достигнетъ солнце, гдѣ Вѣсы
 Равняютъ день и ночь на свѣтѣ,
 И слѣдомъ лѣтнія красы
 Приспѣетъ по трудахъ отрада,
 Какъ сладостный изъ винограда
 Потоками прольется сокъ.
 Тогда дыханія способны
 Съ богатствомъ пристани удобны
 Поставятъ корабли на срокъ.
14. Я слышу нимфѣ поющихъ гласы,
 Носящихъ сладкіе плоды,
 Тамъ въ гумнахъ чистятъ тучны класы:
 Шумятъ огромныя скирды.
 Среди охотничей тревоги
 Лѣсами раздаются роги,
 Въ покоѣ представляя брань.
 Сіе Богинѣ несравненной
 Въ избытокъ принесутъ осенной
 Земля, вода, лѣсъ, воздухъ дань.
15. Въ сіи часы благословенны,
 Когда Всевышній оградилъ
 Помазаньемъ твой верхъ священный,
 И славою вѣнца покрывъ;
 Когда по ожиданьи многомъ
 Снабдилъ дражайшимъ насъ залогомъ,
 Младаго Павла даровавъ;
 Какого мы добра представить
 Не можемъ, и Творца прославить,
 Толикіе дары пріявъ.
16. На тронъ взошла Екатерина

Не токмо, чтобъ себя спасти
 Отъ бѣдъ, что ближила судьбина;
 Но чтобъ Россiянъ вознести.
 Предвидя общiя напасти,
 Чѣмъ угрожали вредны страсти,
 Готова съ нами пострадать,
 Черезъ отмѣненное геройство
 Себѣ и намъ дала спокойство,
 Какъ истинная чадамъ мать.

17. Блаженны мы, что ей послушны:
 Покорность наша къ счастью путь!
 О вы страны единокорны,
 Согласiемъ едина грудь
 Обыкши жить въ монаршей волѣ,
 Ликуйте: правда на престолѣ,
 И ей премудрость присѣдить,
 Небесными блеснувъ очами,
 Богини наша устами
 Законы вѣчныя гласить.
18. «Цвѣтутъ во славу мною царства,
 И пишутъ правой судъ цари;
 Гнушаясь мерзостью коварства,
 Рѣшу нелицемѣрно при.
 Могу дѣла исчислить задни,
 И что рождается повсядни;
 О будущемъ предвозвѣщу;
 Мои полезны всѣмъ совѣты;
 Отъ читателей моихъ навѣты
 Предупреждая отвращу.
19. «Господь творенiя начало
 Премудростию положилъ;
 При мнѣ впервые возсияло
 На тверди множество свѣтилъ;
 И въ нѣдрахъ неизмѣрной бездны
 Назначилъ словомъ бѣги звѣздны.
 Со мною солнце онъ возжегъ,
 Въ стихiяхъ прекратилъ раздоры,
 Унизилъ долъ, возвысилъ горы,
 И предписалъ пучинѣ брегъ». *)
20. Премудрый гласъ сей Соломоновъ,
 Монархиня, сей гласъ есть твой.
 Пребудеть твердь твоихъ законовъ

*) Притчей, гл. 8.

Ограда истины святой.
 Онъ предварилъ тебя вѣками,
 Превзойдешь ты его дѣлами,
 Въ чемъ власть господствуетъ ума;
 По ясныхъ знанія восходахъ
 Въ повѣренныхъ тебѣ народахъ
 Невѣжества исчезнетъ тьма.

21. Твой трудъ для насъ обогащенье,
 Мы чтимъ стѣною подвигъ твой;
 Твой разумъ наше просвѣщенье,
 И неусыпность нашъ покой.
 О Пиндаръ, если-бъ въ оны вѣки
 Подъ сею властью жили Греки,
 То-бъ пѣлъ ты о своихъ богахъ,
 Что могутъ всегда въ забавѣ,
 Не мысля о земной управѣ,
 Свой нектаръ пить на небесахъ.
22. Какіе представляетъ виды
 Отрадой восхищенный умъ?
 Не вы угрюмые Друиды,
 Не мрачный лѣсъ, не грозный шумъ;
 Не изъ дымящейся пещеры
 Звѣрообразны изувѣры
 Даютъ глухимъ вытьемъ отвѣтъ:
 Ко мнѣ пророчицы согласны,
 Кастальскія сестры прекрасны
 Съ Парнасса льютъ и гласъ и свѣтъ.
23. «Смотри, смотри, внимай», вѣщаютъ,
 «Въ обширны Росскіе края,
 Гдѣ сильны рѣки протекають,
 Народы многіе поя;
 Изъ нихъ черезъ горъ хребты высоки
 Прольются новые потоки
 Екатерининою рукой,
 Дабы черезъ сочетанны воды
 Другъ другомъ пользуясь народы
 Размножили избытокъ свой.
24. «Дабы сердцецъ какъ струй союзы
 Удобны намъ отверзли ходъ,
 Дабы усердныя мы музы
 Повсюду преносили плодъ.
 И се богиня несравненна
 Возлюбленна и просвѣщенна

- Сіяеть радостнымъ лицомъ,
 Обитель нашу посвящаетъ
 И дверь ученьямъ отверзаетъ
 Во всемъ владычествѣ своемъ.
25. «На полночь кажетъ Уранія:
 Се здѣсь сквозь холмы льдовъ, сквозь градъ
 Руно златое взять Россія
 Десницы достигаетъ вратъ;
 Язоны, Тифсы и Алкиды,
 Въ Россійской волю Амфитриды
 Отдавшись, какъ въ способный вѣтръ,
 Препятства, страхи презирають
 И счастьемъ Павловымъ кончаютъ.
 Чего желалъ Великій Петръ.
26. «Озрися на страну десную,
 Гдѣ напыщенный исполинъ
 Сѣдитъ и чаеть, что земную
 Рукою держать власть единъ;
 Толстыми окружень стѣнами
 И отдаленными морями,
 Въ ничто вмѣняетъ прочій свѣтъ;
 Не зная, что обширны силы
 Безъ храбраго искусства гнилы,
 Какимъ Европы край цвѣтеть.
27. «Китай! предупреждая бѣдство,
 Не тратя времени, блюдись
 Гордыней раздражить сосѣдство,
 И гнѣву Роскаго страшись.
 Бесплодны степи и пустыя,
 И тучи стрѣлъ твоихъ густыя
 Послужать въ неизбѣжный стыдъ.
 И сей послушный нашъ любитель,
 Каковъ твой бѣгъ и побѣдитель,
 Съ Парнасса свѣту возвѣститъ».
28. Сін желанія сердечны
 Героевъ духъ и судъ небесъ
 Исполнить и поставить вѣчны.
 Въ надеждѣ таковыхъ чудесъ,
 Россія окомъ умиленнымъ
 И сердцемъ въ счастье услажденнымъ
 Какой въ восторгѣ кажетъ видъ!
 Взирая какъ на нѣжны крины
 Въ объятіяхъ Екатерины

- Младому Павлу говорить.
29. «О ты, цвѣтущая отрада,
 О вѣрность чаяній моихъ,
 Тебя родила мнѣ Паллада
 Для продолженья дней златыхъ;
 О плодъ Божественныя крови,
 Расти, крѣпись въ ея любви,
 Во слѣдъ трудовъ ея взирай,
 Какъ съ радостью носить державу,
 Хранить свою съ моею славу
 Ея примѣрамъ подражай.
30. «О чада ревностны, усерды,
 Славеновъ въ свѣтѣ славный родъ,
 О корень вѣрностию твердый,
 Владѣтель многихъ царствъ и водъ,
 Покрытый орлими крылами,
 Украшенный ея дѣлами,
 Чѣмъ долгъ богинѣ возвратить?
 Въ трудахъ полезныхъ обращайся
 Въ сей годъ, и завсегда старайся
 Достоинства ея почитать».
31. Таланъ высокое рожденье,
 Дала натура красоту,
 Елисавета присвоенье,
 Какъ небо духа высоту,
 Планета быть любезной міру,
 Судьба корону и порфиру;
 Что-жь, Россы, посвятимъ ей въ даръ?
 За нашъ покровъ, за царство стройно
 Что можемъ принести достойно?
 Усердія безсмертный жаръ!
32. Катитесь счастливы свѣтила
 Во весь Екатерининъ вѣкъ;
 Живительная вапа сила
 Съ пріятностью Едемскихъ рѣкъ
 Вливайся въ сердце ей и въ члены
 И въ очи духомъ ободренны
 И на прекрасное чело:
 Чтобъ здравіе ея безцѣнно
 Для нашей пользы безпремѣнно
 Какъ вѣчная весна цвѣло!

III.

НАДПИСИ.

1. На иллюминацію въ день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны, 1747 г.

(Изображена была Минерва въ храмъ, значащая премудрость императрицы, по сторонамъ символическія изображенія мира и войны).

Ты миромъ и войной въ подсолнечной сіяешь,
И тѣмъ людей своихъ веселье умножаешь.
Тебѣ съ усердіемъ Минервѣ мы своей
Приносимъ радостныхъ сіяніе огней.
Но если бѣ съ нашею любовью то сравнилось,
То бѣ солнце передъ нимъ въ полудни устыдилось.

2. На иллюминацію въ день восшествія на престоль, 1747 года.

(Изображена была кристалльная гора, а на ней престоль съ около стоящими императорскими на столпахъ признаками, а надъ треномъ вензелевое имя императрицы).

Какъ вѣчная гора стоитъ блаженство наше,
Крѣпче мрамора, рубина много краше.
И твой, монархія, престоль благословень,
На нашей вѣрности недвижно утверждень.
Пусть мнимая другихъ свобода угнетаешь,
Нашъ рабство подъ твоей державой возвышаешь.

3. На иллюминацію въ день коронованія императрицы Елисаветы Петровны.

(Представляя былъ въ храмъ алтарь изъ сердецъ сложенный, на верху императорскій вѣнецъ, по сторонамъ галереи къ восходящему и заходящему солнцу).

I.

Во храмъ ревности на алтарѣ сердецъ
Къ подавшему тебѣ съ высотъ своихъ вѣнецъ
Отъ подданныхъ твоихъ чистѣйшій огонь пылаешь,
Да счастьемъ твоимъ Россію увѣнчаешь,
Да солнце восходя и заходя дивится,
Что всюду красота твоихъ триумфовъ зрится.

II.

Твоей короны зданіе, монархія, пускай стоитъ
Тебѣ къ веселію и намъ къ блаженству твердо,
Какъ наша вѣрность ожидать отъ Неба намъ того велить
И ревность уповать всегда тебѣ усердно.

4. На иллюминацію въ день тезоименитства импе-
ратрицы, 1748 года.

(Изображенъ былъ фонтанъ, а по сторонамъ храмы мира и войны).

Богиня красотой, породой ты богиня,
Повсюду громкими дѣлами героиня,
Ты мать щедротами, ты именовъ покой:
Смущенный бранью міръ мирить Господь тобой.
Россійска тишина предѣлы превосходить
И льеть избытокъ свой въ окрестныя страны:
Воюеть воинство твое противъ войны;
Оружіе твое Европѣ миръ приводитъ.

5. На иллюминацію въ день восшествія на престолъ
Елисаветы Петровны.

Явивъ счастливую премѣну,
Чего желалъ Россійскій свѣтъ,
Прешла препятствій многихъ стѣну
Восшедъ на тронъ Елисаветъ.
На память дня того и оной ночи въ честь
Мы тщимся праздничны сіи огни принесть.

6. На иллюминацію и фейерверкъ на новый 1749 г.

I.

Взираетъ вѣрность на тебя
Во храмъ полнаго блаженства;
Пространная твоа земля
Того-жъ достигнетъ совершенства.

II.

Такъ нынѣ новый годъ къ намъ счастье приводитъ.
Съ твоею славою таланъ нашъ вверхъ восходитъ.

7. Эпиграфъ къ придворному календарю на 1749 г.

Ты войско, ты совѣтъ
Даешь своимъ сосѣдамъ.
Твоимъ дивится свѣтъ
Безпагубнымъ побѣдамъ.

8. На иллюминацію въ день рожденія великой кня-
гини Екатерины Алексѣевны, 1749 г.

Коль много за тебя сердце пылаетъ къ Богу;
И радость чувствуютъ въ сей свѣтлый день толь многу.

Гласять, чтобъ съ тою онъ стократно возвратился
 Какъ красный Амаранѣ твой вѣкъ бы процвѣталъ
 Морозы лютые и бури презиралъ
 Чтобъ Россій родъ твоимъ плодомъ возвеселился.

9. На иллюминацію въ день коронаванія императрицы Елисаветы Петровны, 1749 г.

Коль счастлива земля, коль счастливы вѣнды
 Что подъ твоимъ вѣнцомъ прославлены въ покоѣ.
 Въ семъ счастья гласить усердіе святое,
 Да Росски ввѣкъ тобой утѣшить Богъ концы.

10. На спускъ корабля „Александръ Невскій“, въ 1749 г.

Гора, что горизонтъ на сушѣ закрывала,
 Внезапно съ берегу на быстрину сбѣжала,
 Между палатъ стоитъ, гдѣ былъ недавно лѣсъ;
 Мы веселимся здѣсь въ срединѣ тѣхъ чудесъ.
 Но мы бы въ лодочкѣ на лужѣ чуть сидѣли,
 Когда бъ великаго Петра мы не имѣли.

11. На иллюминацію въ день восшествія на престолъ Елисаветы Петровны, 1749 г.

Россія посмотри на ту счастливу ночь
 Что радость привела, печаль отгнала прочь.
 Когда по ревности и истинному праву
 Изволила принять Петрова дщерь державу
 Съ собою и тебя до облакъ вознесла.
 Добротъ прекрасный ликъ ко трону привела,
 Которыя его всечасно окружаютъ
 И счастье твое вѣвки сохраняютъ.

12. На прибытіе императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы въ Санктпетербургъ, 1749 г.

Поднявшись солнце вверхъ, возводитъ взоръ по свѣту,
 Спѣшащу зрить во градъ Петровъ Елисавету,
 Дивится что зима покорна ей и снѣгъ,
 И что по оному толь быстрый видитъ бѣгъ;
 На коней пламенныхъ зардѣвшись негодуеть
 И огненнымъ бичемъ за лѣность наказуеть.
 О солнце, не стыдись: краснѣйшая луны
 Богиня къ намъ грядеть Россійскія страны:
 Мы блеску твоего не столько ожидаемъ,
 Какъ видѣть свѣтлое лице ея желаемъ.

13. Надписи къ статуѣ Петра Великаго.

ПЕРВАЯ.

Се образъ изваянь премудраго героя,
 Что ради подданныхъ лишивъ себя покоя,

Послѣдній принялъ чинъ и царствуя служилъ,
 Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
 Рожденны къ скипетру простеръ въ работу руки,
 Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.
 Когда онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ войнахъ,
 Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ моряхъ,
 Художниковъ собиралъ и обучалъ солдатовъ,
 Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ сопостатовъ:
 И словомъ се есть Петръ отечества отецъ;
 Земное божество Россія почитаетъ,
 И столько олтарей предъ зракомъ симъ пылаетъ,
 Коль много есть ему обязанныхъ сердець.

ВТОРАЯ.

Елисавета здѣсь воздвигла зракъ Петровъ
 Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ: но кто онъ былъ таковъ,
 Гласить сей градъ и флотъ, художества и войски,
 Гражданскіе труды и подвиги геройски.

ТРЕТЬЯ.

Металль, что пламенемъ на брани устрашаетъ,
 Въ Петровѣ градѣ се Россіянъ утѣшаетъ,
 Изобразивъ въ себѣ лица его черты:
 Но если бы его душевны красоты
 Изобразить могло притомъ раченье наше,
 То былъ бы образъ сей всего на свѣтѣ краше.

ЧЕТВЕРТАЯ.

Званіимъ образамъ, что въ древни времена
 Героямъ ставили за славные походы,
 Невѣжествомъ вѣковъ честь божеска дана,
 И чтли жертвой ихъ послѣдовавши роды,
 Что вѣра правая творить всегда претить.
 Но вамъ простительно, о поздые потомки,
 Когда услышавъ вы дѣла Петровы громки,
 Поставите алтарь предъ сей геройскій видъ:
 Мы васъ давно своимъ примѣромъ оправдали:
 Чудясь дѣламъ его превышимъ смертныхъ силъ,
 Не вѣрили что онъ одинъ отъ смертныхъ былъ,
 Но въ жизнь его уже за бога почитали.

ПЯТАЯ.

Гремящія по всѣмъ концамъ земнымъ побѣды,
 И Россовъ чрезъ весь свѣтъ торжествовавшихъ слѣды,
 Собраніе наукъ, исправленны суды,
 Премѣнное въ рѣкахъ теченіе воды,
 Покрытый флотомъ понтъ, среди волкъ грады новы,
 И прочія дѣла увидѣвъ смерть Петровы,
 Рекла, сей человекъ предѣлъ мой нарушилъ
 И долъ въ мірѣ семъ Маѹсаила жилъ.
 Такъ лѣта по дѣламъ считая, возгласила,
 И въ гробъ великаго сего героя скрыла.
 Но образомъ его красуется сей градъ.
 Взиралъ на него Персъ, Турокъ, Готъ, Сарматы,
 Величеству лица геройскаго чудится,
 И мертваго въ мѣди безчувственной страшится.

14. На серебряной ракъ Святому, благовѣрному и великому князю Александру Невскому, въ Александроневскомъ монастырѣ.

Святой и храбрый Князь здѣсь тѣломъ почиваетъ;
 Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призываетъ,
 И на брега, гдѣ Онъ противныхъ побѣждалъ,
 И гдѣ невидимо Петру споспѣшествовалъ.
 Являя дочь Его усердіе святое,
 Сему Залитнику воздвигла раку въ честь
 Отъ перваго сребра, что нѣдро ей земное
 Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть.
 (1750).

15. На иллюминацію въ Ораніенбаумѣ 1750 г., 31 іюля, императрицѣ отъ великаго князя Павла Петровича и Екатерины Алексѣевны.

(Изображены были два соединенныя сердца, пылающія на алтарѣ къ сияющему надъ ними солнцу, по сторонамъ молодой мѣсяцъ и восходящая денница).

Какъ солнце съ высоты, богиня, къ намъ сіяешь,
 И въ нашихъ жаръ сердцахъ усерднѣйшій рождаетъ.
 Мы оба чувствуя любовь твою къ себѣ,
 Приносимъ ревности взаимно жаръ тебѣ.
 Монархія, ты всѣмъ единъ источникъ свѣта,
 Россійскій горизонтъ тобою освѣщенъ,
 Тобою нашъ восходъ на ономъ озаренъ.
 Мы свѣтъ заимствуемъ, даетъ Елисавета.

16. На иллюминацію въ день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны, 1750 г.

Съ младыми пальмами спокойныхъ нашихъ дней
 Возвышено твое преславно имя въ свѣтѣ.
 Россія и пріявь покой Европа съ ней,
 Похваль вѣнцы за то плетутъ Елисаветѣ.

17. На иллюминацію въ день коронаванія императрицы Елисаветы Петровны, 1750 г.

Четыре родъ вѣнца Елисаветѣ дать
 И пятымъ тую свѣтъ лавровымъ увѣнчалъ,
 И счастье имя тѣмъ преславно обвиваетъ
 Кротчайшій нравъ ея то пальмой украшаетъ.
 И въ славі каждый годъ и въ радости своей
 Торжественны врата изображаетъ ей.

18. На иллюминацію въ день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны,
1750 г.

(Изображенъ былъ вавилонъ, окруженный зеленѣющимъ садомъ; а по сторонамъ торжественныя столпы).

Во время твоея, монархия, державы,
Сугубой счастливы мы лѣта красотой.
Одну даетъ намъ Богъ округъ вѣковъ создавый,
Другую дарствуетъ приходи, богиня, твой.
Изъ вавилона бѣдъ изведены тобою,
Вошли спокойствія въ прекрасныя сады.
И ставя нынѣ столпы съ твоею похвалою,
Вкушаемъ радости пріятныя плоды.

19. На иллюминацію въ день рожденія императрицы
Елисаветы Петровны, 1750 года.

(Изображена была сіяющая звѣзда надъ алтаремъ, на которомъ пылаетъ сердце, по сторонамъ храмы).

Счастливая звѣзда на горизонтъ блистала,
Когда Елисаветъ Россіи возсіяла.
Монархия, твой къ намъ сверкнулъ пресвѣтлый лучъ,
Возжегъ и освѣтилъ всѣхъ сердце послѣ тучъ.
Единымъ сердцемъ всѣ равно къ тебѣ пылаемъ,
И тое на алтарь усердій возлагаемъ.
Изъ храмовъ ревности желанія гласятъ.
Да Вышній дастъ сей день торжествовать стократъ.

20. На иллюминацію въ новый 1751 годъ передъ
ЗИМНИМЪ ДОМОМЪ.

(Изображенъ былъ земной глобусъ, на которомъ стояло вензелевое имя императрицы и число новаго года; по сторонамъ отверстыя храмы и алтари съ возженнымъ на нихъ пламенемъ).

Отверсты храмы всѣ и алтари дымятся,
Желанья всѣхъ къ тебѣ, монархия, стремятся,
И ревность подданныхъ со временемъ растетъ,
И оныхъ счастье съ числомъ восходить лѣтъ,
Полсвѣта, что твои десница управляетъ,
Согласный шумъ до звѣздъ усердно возвышаетъ,
Да Вышній новый годъ съ тобою благословитъ,
И слухъ твой и другу полсвѣта удивитъ.

21. На иллюминацію въ день коронаванія императрицы Елисаветы Петровны, 1751 года.

(Изображена въ амфитеатрѣ окруженная сіяніемъ императорская корона и скипетръ на украшенномъ постаментѣ съ вензелевымъ именемъ императрицы; по обѣимъ сторонамъ два портала далече простирающихся аллей, при которыхъ поставлены грудныя изображенія четырехъ частей свѣта).

Лучи отъ твоего, монархиня, вѣнца
Въ четыре разлились вселенныя конца:

Европа, Африка, Америка, Азія
 Чудятся ясности, отъ коея Россія
 Сіяетъ чрезъ концы земны просвѣщена.
 О ты блаженная въ подсолнечной страна,
 Взведи свой умный взоръ къ Божественному свѣту,
 Дабы вѣнчанную въ сей день Елисавету
 На много лѣтъ своимъ блистаньемъ окружилъ,
 И съ нами Сѣверъ весь спокойствомъ озарилъ.

22. Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ на маскарады 1751 года.

ПЕРВАЯ.

Природа какъ тебя на свѣтъ производила,
 На то истощена была ея вся сила,
 Дабы ни одного таланта не отнять.
 Великъ былъ твой отецъ, была прекрасна мать;
 Герой тебя родилъ, носила героиня:
 Какой быть долженъ плодъ? не иной какъ богиня.
 Но сколько смертныхъ ты превыше почтена,
 Ты столько сердцемъ къ нимъ и щедро и склонна.
 И въ тѣ часы, когда лице свое скрываешь,
 Къ народу своему щедротою сіяешь.

ВТОРАЯ.

Увидѣвъ множество одеждъ и лицъ отмѣнныхъ,
 Я въ мысляхъ нынѣ зрю восторгомъ восхищенныхъ,
 Монархиня, концы державы твоя,
 И въ оныхъ нахожу утѣхи видъ сея.
 Отъ тихихъ восточныхъ водъ до береговъ Балтійскихъ,
 Отъ непроходныхъ льдовъ до теплыхъ странъ Каспійскихъ
 Въ одеждахъ много коль и въ лицахъ перемѣнъ!
 Сугубымъ нынѣ я видѣнемъ удивлень!
 Я слышу тамъ, какъ здѣсь, пріятную музыку:
 Тамъ отъ усерднаго народовъ разныхъ клику
 Чрезъ горы, чрезъ поля согласный шумъ течеть,
 Что ты едина всѣмъ покровъ, отрада, свѣтъ.

23. На день тезоименитства императрицы Елиса- веты Петровны, 1751 года.

Мовсюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣтеть,
 Лежитъ оружіе и съ кровью слезъ не льетъ;
 И земледѣлецъ плугъ выносить безопасно:
 Спокойство съ именемъ твоимъ вездѣ согласно.
 По правдѣ Божій миръ, монархиня, слывешь,
 Когда ты тишину Европѣ всей даешь.
 Съ почтеніемъ она главу свою склоняетъ,
 И славы храмъ тебѣ безсмертный возвышаетъ.
 Напрасно лютаѣ война шумѣтъ спѣшить,
 Гдѣ имя кроткія богини въ свѣтъ гремитъ.

24. На спускъ корабля „Іоаннъ Златоустъ“.

Сойди къ намъ, Златоустъ, оставивъ небеса:
 Достойна твоего здѣсь зрѣнія краса.
 Петрова дщерь тебѣ корабль сей посвящаетъ,
 И именемъ твоимъ все море наполняетъ.
 Когда ты пойдешь въ путь на немъ между валовъ,
 Грѣми противъ ея завистливыхъ враговъ,
 Златыми прежде ты гремѣлъ въ церквахъ устами,
 Но пламенными впредь звучи въ водахъ словами.

25. На иллюминацію въ день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, 1751 года.

Желая къ храму насъ блаженства возвести,
 Ты трудный путь сама должна была пройти,
 Тамъ горы, хляби тамъ, бугры, стремнины, рѣки,
 Препятствія вездѣ неслыханны вовѣки.
 Но что, монархиня, могло твой духъ сдержать?
 Какъ Промыслъ самъ тебя воздвигнулъ насъ спасать?
 Внезапно возсиялъ твой лучъ всѣхъ бѣдствій выше,
 И трудной толь восходъ минулъ зефира тише.
 Надежда, вѣрность намъ и радость и любовь,
 Тотъ день приводятъ въ умъ и представляють вновь,
 Коль счастлива твоимъ восшествіемъ Россія,
 Что съ онымъ привела ты дни въ нее златыя.

26. На иллюминацію въ день рожденія императрицы Елисаветы Петровны, 1751 года.

Среди прекраснаго Россійскаго рай,
 Монархиня, цвѣтетъ дражайша жизнь твоя,
 Рукою Вышняго насъ ради насажденна
 И силою Его отвсюду покровенна.
 Мы сердце возводя и очи къ небесамъ,
 Согласно просимъ всѣ: подай о Боже намъ,
 Да солнце милости сіять къ ней не престанетъ
 И толь дражайшій плодъ вовѣки не увянетъ.

27. На новый 1752 годъ.

Веселиемъ сердца годъ новый оживляетъ,
 И ново счастье въ Россіи утверждаетъ.
 Довольство, здравіе и счастье цвѣтеть.
 Гдѣ свѣтитъ именемъ своимъ Елисаветъ.
 Россія веселясь, блажитъ ея державу,
 Что каждый годъ свою растущу видитъ славу.

28. На иллюминацію въ день коронованія, 1752 г.

(Изображенъ былъ зодіакъ съ вешними зодіями и съ текущимъ по-
 среди его солнцемъ, внизу межъ обелисками алтарь съ пламенемъ).

Монархиня, нося порфиру десять лѣтъ,
 Гремящей славой ты наполнила весь свѣтъ.
 Геройскій былъ восходъ, и слѣдствіе побѣды:

Тобой побѣждены и спасены сосѣды.
 Тобою ускоренъ во всей Европѣ миръ;
 Тобою дышетъ въ ней спокойствія зефиръ.
 Во упокоенномъ ты свѣтъ нынѣ сіяешь,
 И славу дѣль своихъ съ числомъ лѣтъ умножаешь.
 Державства твоего свѣтлѣйшій зодіакъ
 По вся дни кажетъ намъ благополучный знакъ.
 И нынѣ празднуя, какъ ты вѣнчанна Богомъ,
 Вѣнчанну зришь тебя спокойствія залогомъ.
 Намъ радуга твое пріятіе вѣнца.
 Поставлена весной въ созвѣздіе Тельца,
 Довольство и покой и радость изъясляетъ,
 И здравіе тебѣ и крѣпость обѣщаетъ.
 Ликуи, веселясь мы празднествомъ твоимъ,
 Усердно всѣ въ тебѣ усердно сердце чтимъ.

29. На иллюминацію въ тезоименитство императрицы Елисаветы Петровны, 1752 года.

(Изображена была пристань съ Колоссомъ наподобіе Родосскаго).

Желая нѣкогда преславный островъ Родъ
 Пловущихъ по морю спасать отъ непогодъ,
 Себѣ хвалу снискать, другимъ давать отраду,
 Поставилъ на брегѣ пречудную громаду;
 Великій исполинъ семьдесятъ локтей
 Свѣтильникъ чрезъ всю ночь держалъ поверхъ зыбей,
 Далече блескъ пускалъ чрезъ море не устроено,
 И корабли вводилъ въ пристанище спокойно.
 Ты именемъ и всѣмъ, монархія, покой,
 Твой слухъ, какъ исполинъ, касаясь звѣздъ главою,
 Лучемъ доброты твоихъ вселенну освѣщаетъ,
 И именемъ Востокъ и Западъ наполняетъ.
 Спасайтесь здѣсь отъ бурь, у насъ Елисаветъ
 Отраду въ тишинѣ съ довольствомъ подаетъ.

30. На иллюминацію въ день восшествія Елисаветы Петровны на престолъ, 1752 года.

(Изображено было восходящее солнце и вазы съ чувствительными травами).

Когда ночная тьма скрываетъ горизонтъ,
 Скрываются поля, лѣса, брега и понтъ.
 Чувствительны цвѣты во тьмѣ себя сжимаютъ,
 Отъ хладу кроются и солища ожидаютъ.
 Но только лишь оно въ дуга свой лучъ прольетъ,
 Открывшись въ теплотѣ сіяетъ каждый цвѣтъ,
 Богатство красоты предъ онымъ отверзаетъ,
 И свой пріятный духъ, какъ жертву, проливаетъ.
 Подобенъ солнцу твой, монархія, восходъ,
 Который освѣтилъ во тьмѣ Россійскій родъ.
 Усердны предъ тобою сердца мы отверзаемъ
 И жертву вѣрности тебѣ всѣ изливаемъ.

31. На иллюминацію въ Москвѣ на новый 1753 годъ.

(Изображенъ былъ орелъ, прилетающій отъ Санктпетербурга къ Москвѣ, и на востокъ и на западъ взирающій).

Въ любезной тишинѣ наставшій новый годъ
И твой, монархиня, всерадостный приходъ
Сугубой радостью сей городъ оживляетъ,
Сугубо счастье Россіи общаетъ.
Военный укротивъ во всей Европѣ шумъ.
Къ однимъ вперяешь намъ божественный твой умъ.
Подобиемъ орла, на высоту восходишь,
Повсюду отъ среды свой быстрый взоръ возводишь,
На сѣверъ и на югъ, на западъ и востокъ,
Гдѣ Волга, Двѣпръ, Двина, гдѣ чистый Невскій токъ
Между Петровыхъ стѣнъ ликуя протекаетъ;
Въ отсутствіи тебя, богиня, ощущаетъ.
Россія вся твоей щедротой такова,
Какъ нынѣ зря тебя, красуется Москва,
Гласить: о Боже дай, чтобы Елисавета
Съ усердемъ нашимъ къ ней свои сравнила лѣта!

32. На иллюминацію въ Москвѣ въ день коронаванія, 1753 года.

(Изображено было вѣнчанное вензелевое имя императрицы на торжественной колесницѣ, въ триумфальныя ворота въѣзжающей).

Побѣдѣ слѣдуетъ весело торжество,
Герой пріемлетъ честь и жертву божество.
Звучать въ полкахъ трубы, на плѣнникахъ оковы,
Въ противничей крови несутъ щиты багровы.
Побѣда твой восходъ, триумфъ твой праздникъ сей,
Монархиня, мы что явимъ къ хвалѣ твоей?
Не городъ ты одинъ, ниже едино войско
Въ свою пріяла власть чрезъ мужество геройско;
Но царство многихъ царствъ, порфиру и вѣнецъ
И многи тьмы къ тебѣ пылающихъ сердецъ.
Не кровію земля кипящей обагрилась;
Но въ радости струяхъ Россія насладилась.
Не ярый насъ страшилъ пожаръ горящихъ стѣнъ,
Но ревностью пылалъ народъ къ тебѣ возженъ.
Не тяжкія на насъ въ плѣну звучали узы;
Но съ плескомъ ставили мы вѣрности союзы.
Когда толь радостно тобой плѣненнымъ быть,
Коль громка похвала побѣду получать!
Богиня, торжествуй тѣмъ долѣе надъ нами,
Чѣмъ выше смертныхъ ты безсмертными дѣлами.
Торжественны врата, трофея, колесница,
Въ насъ вѣрныя сердца и радостныя лица.

33. На день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны, 1753 года. Россійскій покой уподобляется прекрасному селенію съ великолѣпными зданіями.

Хотя счастливыя военныя дѣла
 Монархамъ громкая на свѣтѣ похвала;
 Но въ ясной тишинѣ возлюбленнаго мира
 Прекраснѣе ко всѣмъ сіяеть ихъ порфира.
 Велико дѣло въ томъ, чтобъ часто побѣждать;
 Но болѣе того всегдашній миръ держать.
 Въ побѣдахъ надлежитъ полкамъ большая доля,
 Въ побѣдахъ счастію почти дана вся воля.
 Спокойный миръ хранить одна премудра власть,
 Не можетъ войску быть, ни счастію въ томъ часть.
 Производить плоды природно только лѣту,
 И кроткій миръ единъ даетъ богатство свѣту;
 То правда, надлежитъ и зиму тѣмъ хвалить,
 Что можетъ суровство повѣтрій отвратить,
 И вредны умертвить въ лѣсахъ и нивахъ гады:
 Подобныя даетъ счастлива брань отрады.
 Но какъ между стихій съ зимой минеть война,
 И намъ является прекрасная весна;
 Отъ ней неистовы бореи убѣгають:
 Отъ ней пріятные зефиры вылетаютъ,
 Дыхая по землѣ, дыхая по водамъ,
 Велятъ всходить цвѣтамъ, велятъ унасть волнамъ.
 Ведуть суда въ моря и земледѣльца въ нивы,
 Готовятъ сладкій плодъ и въ пристань путь счастливый.
 Льютъ радость въ понть, въ луга, и въ воздухъ, и въ зѣри:
 Толь счастливы мѣста, гдѣ домъ имѣеть миръ.
 Но гдѣ прекраснѣе селеніе покою,
 Какъ то, монархія, что даль намъ Богъ тобою?
 Поставлена чужимъ тобою тишина:
 То коль спокойна быть должна твоя страна!
 Ты твердость общему покою положила:
 Не можетъ онаго подвигнуть вредна сила.
 Подобенъ крѣпости великихъ пирамидъ,
 Среди счастливыхъ мѣсть недвижимо стойтъ:
 Возлеги на него блаженная Россія,
 Подъ скипетромъ твоимъ считаетъ дни златые.
 Въ довольствѣ спѣеть трудъ, довольствіе въ трудѣ,
 Взаимно другъ другу способствуя вездѣ:
 Какъ вьется виногради на илимѣ высокомъ,
 Держась ихъ, и его питая сладкимъ сокомъ:
 Толикимъ множествомъ божественныхъ даровъ
 Довольствуемся мы, имѣя всѣмъ покровъ
 Въ тебѣ монархинѣ отъ Бога просвѣщенной,
 Къ нему и къ отчеству любовію возженной.
 Въ сей праздникъ веселясь веселіемъ твоимъ,
 Съ торжественнымъ огнемъ мы къ Вышнему горимъ,
 Да продолжитъ тобой дни мирны и прекрасны,
 Со кротостью твоей и съ именемъ согласны.

34. На день восшествія на престолъ императрицы
Елисаветы Петровны, 1753 года. Императрица
уподобляется Минервѣ, молніею поражающей дра-
кона многоглавнаго.

О древность славная пречудными дѣлами,
Что Пиндаръ до небесъ трубящими устами
Черезъ множество вѣковъ въ концы земны гремитъ,
Геройскихъ подвиговъ изображая видъ.
И вы великаго амфитеатры града,
Народа по войнахъ Латинскаго отрада,
Въ сей день скончайте вашъ доннынъ слышный плексъ:
Яснѣ возсіялъ Елисаветинъ блескъ.
Не зубы стерь боецъ предъ Римлянами львицъ,
Ниже кто облетѣлъ всѣхъ прочихъ въ колесницѣ:
Но мужествомъ прешла мужей Елисаветъ,
И подвига ея смотритель цѣлый свѣтъ!
Седьмъ главъ зіяли на тѣлѣ вдругъ единомъ,
Гдѣ зависть въ жалѣ ядъ носящая змѣиномъ,
И злобы мерзкія свирѣпый крокодилъ,
И вепръ неистовства неодолимыхъ силъ.
Съ языкомъ лисіямъ пронырливое лыщенье.
Зѣвъ волчія алчбы, тигръ ярый похищенье.
И львины челюсти рыкающей войны
Въ одномъ чудовищѣ на дерзость рождены.
Взирая на сего Елисаветъ дракона
Лежащаго кругомъ отческаго трона,
Рекла: что сей мнѣ врагъ препятствуетъ восходъ,
Котораго давно желаетъ мой народъ.
Не мой ли сей вѣнецъ? не я ли дщеръ Петрова?
И Россы моего всѣ требуютъ покрова:
Ничто не можетъ мнѣ путь къ славѣ пересѣчь.
Сію геройскую оканчивая рѣчь,
Сіяніемъ вокругъ небеснымъ просвѣтилась,
И выше смертныя величествомъ явилась:
Минервы чудный въ ней изображался видъ.
Петровъ духъ былъ ей шлемъ, любовь Россіянъ щитъ.
Безъ грому молнія изъ ясности блистая,
Въ драконовы главы и въ сердце ударяя,
Смутила горду кровь, пронзила грозный взоръ:
Сраженъ, прогнанъ, убѣгъ Рифейскихъ далѣ горъ.
Угасла молнія, одни лучи сіили:
Вселенныя концы руками всплескали.
Тогда красуясь Россъ главу свою вознесъ:
Петрополь мнилъ себя превыше быть небесъ.
Мы нынѣ празднуя той часъ благословенный,
Огнями кажемъ огнь во всѣхъ сердцахъ возженный.
О если бъ съ внутреннимъ огнь вѣшній равенъ былъ,
Онъ выше бы восшелъ въ ночь блещущихъ свѣтилъ.
Монархія, тобой любовь есть въ насъ рожденна:
Какая жъ въ свѣтѣ вещь съ ней можетъ быть сравненна?

35. На день рожденія императрицы Елисаветы Петровны. Оно восходящей зарѣ уподобляется, во время торжественнаго вѣзда Петра Великаго отъ Полтавы.

О вы, которы все по разсужденю злomu
Обыкли случаю приписывать слѣпому,
Увѣрьтесь нынѣшнимъ превожделѣннымъ днемъ,
Что Промыслъ Вышняго господствуетъ во всемъ.
Когда готовилъ Онъ блаженство нашихъ лѣтъ,
Отъ чреслъ Петровыхъ намъ послалъ Елисаветъ.
И знаки предъявилъ, которы отъ Полтавы
Тогда наполнили весь свѣтъ Петровой славы.
Съ рожденіемъ ея торжественный былъ вѣздъ.
Тогда взнесла свой гласъ и духъ Москва до звѣздъ.
Младенца въ пеленахъ трофеи окружали,
И воплю первому войскъ плески отвѣчали.
Подвиглись радостью земля, моря, эфиръ.
Петръ шествовалъ во градъ, Елисавета въ миръ.
Низвергнувъ Петръ враговъ; она въ Петровы слѣды
Ко одержанію подобныя побѣды.
Коль явственно тогда Самъ Промыслъ предъявилъ,
Что послѣ къ радости всеобщей совершилъ!
Родясь, какъ ясная заря намъ возсіяла
И царства своего день свѣтлый предвѣщала.
Монархиня, мы тѣмъ освѣщены всегда
Избавились во тѣмъ сокрытаго вреда;
И радостнымъ въ ночи огнемъ тебѣ являемъ,
Что ночи мы въ сердцахъ и темноты не знаемъ.

36. На новый 1754 годъ. Время уподобляется великому зданію.

Взирая вѣчности на зданіе обширно,
На множество вѣковъ, на житіе всемирно,
Мы видимъ разность дѣлъ со разностію лѣтъ:
Тамъ брань горитъ, тамъ миръ возлюбленный цвѣтетъ;
Тамъ вѣки ясностью ученой просвѣщенны:
То въ мракъ варварства глубоко погруженны:
Терзаетъ смертныхъ тамъ гоненіе и гладь:
Тамъ всѣ довольствія безчисленныхъ оградъ.
Сии неравности прилежно разсуждая,
Зримъ ясно, отчего премѣна таковая.
Монарховъ милости, премудрость, бодрый духъ
О счастье многихъ странъ простерли вѣчный слухъ.
Благополучны ихъ державы были лѣта;
Но лучше нынѣ намъ даетъ Елисавета.
Подобясь время ей въ божественныхъ дѣлахъ,
Являетъ образъ намъ во всѣхъ своихъ частяхъ.
Весна красясь всегда пріятными цвѣтами,
Равнится съ лющими отраду всѣмъ устами;
И лѣто съ осенью обильные плоды
Намъ сыплетъ, какъ она съ избыткомъ за труды.

Зима въ спокойствіи довольствомъ улаждаетъ,
 Какъ миромъ всёмъ она богатымъ украшаетъ:
 И тщится ускорить щедротой всходъ науки,
 И хитрость разную художественныхъ рукъ.
 Россія, ликовствуй и числи лѣта новы
 Счастливы счастьемъ наслѣдницы Петровы.
 Проси, какъ просишь ты, отъ Вышняго проси,
 И громкій къ Небу гласъ и сердце вознеси:
 Да здравіемъ ея всегда пребудемъ здравы,
 И громкихъ дѣлъ ея да насладимся славы.

37. На день коронованія императрицы Елисаветы Петровны, 1754 года. Добродѣтели ея прекрасной и великой горѣ уподобляются.

Кто знатныя дѣла въ натурѣ разсуждаетъ,
 Петровой дщери въ нихъ примѣры обрѣтаетъ.
 Посмотримъ въ понгъ, въ поля, во весь посмотримъ свѣтъ;
 Чтò славно найдемъ въ нихъ, въ чемъ къ ней примѣра нѣтъ?
 Коль всёхъ красота число въ натурѣ есть пространно,
 Толь множество добротъ въ ней видимъ несказанно;
 Нельзя представить всёхъ предъ мысленный нашъ взоръ:
 И такъ представимъ съ ней едину славу горъ.
 Онѣ за облака, онѣ къ звѣздамъ восходятъ:
 Онѣ намъ щить, когда войну враги наводятъ:
 Пловущимъ въ глубинѣ онѣ являютъ ходъ:
 Изъ нихъ шумятъ ключи и токи многихъ водъ:
 Поятъ лице земли, плодомъ обогащаютъ:
 Пріятны сады и долы орошаютъ.
 Не въ сихъ ли образъ всёхъ Елисаветы зримъ?
 Она взшла къ звѣздамъ величествомъ своимъ:
 Мы крѣпостью ея отъ сопостать покрыты,
 И въ бѣдствія волнахъ бѣжимъ къ ней для защиты:
 Отъ ней на подданныхъ течетъ щедротъ потокъ,
 И разливается на западъ и востокъ.
 Прекрасная гора отъ Бога утверждена,
 Елисаветъ вънемъ и славою увязенна:
 Среди Россійскаго рай недвижно стой;
 Сіе гласитъ любовь и вѣрность предъ тобой.
 И удовольствіе съ надеждой несомнѣнной
 Подъ тѣнію твоей щедроты несравненной.
 Покровъ твой смежный пребудутъ небеса:
 Къ намъ снидетъ отъ тебя всегда оградъ роса.
 Коль чудныя дѣла Елисаветъ являетъ:
 Черезъ прохлажденіе въ насъ пламень возбуждаетъ.

38. На иллюминацію въ день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны, 1754 г.

(Изображенъ былъ храмъ Россійскаго благополучія, передъ которымъ на вратахъ обелискъ съ вензелевымъ именемъ императрицы, притомъ сѣдющая въ радости Россія).

Россія вознося главу на высоту,
 Взираетъ на своихъ предѣловъ красоту:

Чудится въ радости обильному покою.
 Что въ оной утверждёнъ, монархиня, тобою.
 Считаю многія довольства, говорить:
 Коль сладкое меня блаженство веселить!
 Противники къ моимъ предѣламъ не дерзають,
 И алчны мытари внутрь торгу не смущають,
 Сталь тѣсенъ къ злобѣ путь коварникамъ въ судахъ.
 Свобода съ тишиной и въ селахъ и въ градахъ;
 Пристанищъ, крѣпостей и храмовъ всходятъ стѣны,
 И знавія цвѣтутъ щедротою снабденны.
 Что я монархинѣ своей могу воздать?
 И въ славу имени ея мнѣ что создать?
 Какія радости въ сей день представлю виды?
 Низкі тѣсны храмы всѣ и низкі пирамиды.
 Ахъ, если бѣ ревности сравнилась крѣпость силъ!
 То бѣ Кавказъ на хребтѣ Рифейскомъ нынѣ былъ:
 Поставила бѣ ей въ честь пречудны обелиски
 Превыше облаковъ, къ предѣламъ звѣзднымъ близки.

39. На день восшествія на престолъ императрицы
 Елисаветы Петровны, 1754 года. Оно уподобляется
 великому свѣтильнику, возженному огнемъ небес-
 нымъ и лучи свои простирающему на театръ, на-
 полненный изображеніями дѣлъ Петра Великаго.

Отца отечества Великаго Петра
 Положены труды для общаго добра:
 Ужасные врагамъ полки вооруженны
 И флотами моря велики покровенны:
 Полезные вездѣ обряды и суды,
 Художествъ и наукъ всходящіе плоды
 Отъ сѣмени его отъяты, колебались,
 И темной зависти во мракѣ покрывались.
 Но Богъ ихъ осіялъ неизреченнымъ чудомъ,
 Не поустивъ стоять свѣтильнику подъ спудомъ.
 Елисаветины доброты какъ свѣчи
 Открылъ; и день блеснулъ пресвѣтлый намъ въ ночи.
 На тронъ возвышена, монархиня, сіяешь,
 И просвѣщеніе Петрово умножашь,
 И Вышній утвердилъ чрезъ Павла намъ завѣтъ,
 Что племени подастъ неугасимый свѣтъ.

40. На рожденіе в. кн. Павла Петровича, 1754 г.

Подъ славнымъ скипетромъ твоимъ, Елисавета,
 Къ блаженству Роскаго не доставало свѣта,
 Въ потомкахъ одного наслѣдія Петру.
 Сего всѣ подданны въ усердѣйшемъ жару,
 Сего единого чрезъ девять лѣтъ желали,
 И гласы къ Вышнему и очи возвышали.
 «Когда Ты чрезъ Петра и чрезъ Петрову дочь
 Благоволилъ отверсть къ довольствамъ нашимъ дверь:
 О Боже! призи къ намъ единого лишеннымъ,
 И успокой нашъ духъ довольствомъ совершеннымъ:

Великіе труды Петровы помяни,
 Со славою его наслѣдіе сравни».
 Сей гласъ, монархія, съ твоимъ соединенный
 Достигнулъ къ небесамъ, и Богъ имъ преклоненный
 Возвеселилъ Петровъ благословенный домъ,
 И съ нимъ Россію всю желаемымъ плодомъ,
 Къ его же щедрости съ усердною мольбою
 Зовемъ, да подъ твоей счастливою рукою
 Младаго Павла вѣкъ до зрѣлости взраститъ.
 Тебя, родителей и насъ возвеселитъ;
 Да племенемъ его, какъ нынѣ мы сердечно,
 Возрадуются всѣ потомки безконечно.

41. На рожденіе его высочества.

Мы радость отъ небесъ, щедроты, благодать
 Приемлемъ чрезъ тебя, Россіянь вѣрныхъ мать.
 Въ тринадцать лѣтъ твоей божественной державы
 Мы наслаждались всѣ, щедротъ, покоя, славы.
 Но нынѣ Промыслъ намъ сугубо доказалъ,
 Что бодрствуетъ для насъ, какъ Павла намъ послалъ.
 Что для твоихъ добротъ, богиня, несравненныхъ
 Довольство удвоить во дняхъ благословенныхъ.
 О счастливый народъ! блаженная страна!
 Которой такова монархія дана!

42. На маскарадъ 24 октября 1754 г., въ домѣ И. И. Шувалова.

Европа что родить, что прочи части свѣта,
 Что осень, что зима, весна и кротость лѣта,
 Что воздухъ и земля, что море и лѣса:
 Все было у тебя, довольство и краса.
 Вчера я видѣлъ все, и нынѣ вижу духомъ.
 Музыку, громъ и трескъ еще внимаю слухомъ.
 Я вижу скачуци различны красоты,
 Которыхъ, меценатъ, подвиглъ къ веселью ты.
 Отраду общую своею умножаешь,
 И радость внутренню со всѣми сообщаешь.
 Красуемся среди обильныхъ райскихъ рѣкъ.
 Коль счастливы, коль красенъ Елисаветинъ вѣкъ!

43. На иллюминацію и маскарадъ графа П. И. Шу валова, 1754 г.

Россія нѣкогда чрезъ грозную судьбину
 Поверженна свою близъ видѣла кончину!
 Что Рурикъ съ скипетромъ монаршескимъ пріялъ,
 Что Ольга, Святославъ, Владиміръ Россамъ далъ;
 Что Ярославомъ мы и храбрымъ Мономахомъ
 Достигли, какъ враги взирали къ намъ со страхомъ:
 Потомъ, что Александръ отъ бѣды геройствомъ спасъ;
 Что отъ враговъ покрылъ Димитрій въ страшный часъ;
 И чѣмъ насъ вознесли два строги Іоанны,
 Всѣ славны ихъ труды оплакала попраины.
 Едва главу свою изъ пепла подняла,

И въ прадѣдѣ твоёмъ помощника нашла.
 Монархія, онъ стѣнь развалины возставилъ;
 Нестройства прекратилъ, и отъ враговъ избавилъ,
 Твой дѣдъ на высшую степень Россію взвелъ,
 И свѣту показалъ хвалу преславныхъ дѣлъ.
 Великій твой отецъ широкими стопами
 Входя, возвысилъ насъ надъ прочими странами;
 Но не дошедъ верха, по общей всѣхъ судьбѣ,
 Весь трудъ свой совершить препоручилъ тебѣ.
 И бодрости твоей Всевышній споспѣшаетъ,
 На верхній насъ степень тобою поставляетъ.
 Что вѣчно въ насъ Его пребудеть благодать,
 Младшій въ томъ Павелъ данъ залогъ намъ и печать.
 О предковъ красота, Петрова дщерь и слава!
 Пріята мужествомъ твоимъ его держава,
 Чрезъ снисхожденіе твое къ намъ возстаетъ;
 И жертва искреннихъ желаній вопіетъ:
 Да милости свои всевидящее око
 Поставитъ надъ тобой, какъ верхъ небесъ высоко.

44. На раку Св. кн. Александра Невского.

Богу Всемогущему, и Его Угоднику Благовѣрному и Великому Князю Александру Невскому, Россю усердному защитнику, презрѣвшему прешеніе мучителя, тварь благотворить повелѣвшаго, укротившему варварство на Востокѣ, низложившему зависть на Западѣ, по земномъ княженіи въ вѣчное царство преселенному въ лѣто 1263. Усердіемъ Петра Великаго на мѣсто древнихъ и новыхъ побѣдъ пренесенному 17-го года. Державнѣйшая Елисавета отеческаго ко святымъ почитанія подражательница къ Нему благочестіемъ усердствуя, сію мужества и святости Его дѣлами украшенную раку изъ первообрѣтеннаго при ея благословенной державѣ сребра соорудить благоволила. Въ лѣто 1752.

45. На новый 1755 годъ. Владѣніе ея величества уподобляется пристани съ храмомъ упокоенія и съ входящими и исходящими кораблями.

По правдѣ вѣчность есть пространный Океанъ,
 Что вихрямъ завсегда на колебане данъ.
 Въ ней лѣта, корабли, что скоро пробѣгаютъ,
 И въ дальности себя безвѣстной закрываютъ.
 Кто рока злобнаго въ лучинѣ погружень,
 Или волненіемъ боязней утомлень,
 Тотъ черезъ стремнины и жерла бѣдъ глубоки
 Не можетъ видѣть ихъ сквозь горькихъ слезъ потоки.
 Но какъ пристанища чрезъ ихъ въ себя приходъ
 Богатствомъ веселятъ и зрѣніемъ народъ;
 Подобно кроткая и намъ Елисавета
 Въ пристанищѣ щедротъ являетъ долги лѣта.
 Сіи наполнены довольствомъ корабли
 Мы видимъ веселясь со счастливой земли.
 По многимъ радостямъ мы долготу лѣтъ считаемъ,
 И милости ея ихъ мѣрой признаваемъ.
 Пускай мимо другихъ среди валовъ летятъ;

Отъ нашей тишины отъѣздомъ не спѣшать.
 Въ прекрасномъ островѣ державы вождѣльной
 Препровождаемъ вѣкъ спокойный, несравненной.
 Исшедшимъ наслаждаясь обильнымъ кораблемъ,
 Что насъ увеселить въ пристанищѣ твоемъ,
 И новаго дождавъ, монархиня, прихода,
 Прими желанія отъ вѣрнаго народа:
 Дабы среди твоихъ спокойныхъ царства водъ,
 Великъ былъ счастьемъ корабль сей новый годъ;
 Да многіе по томъ довольствъ увидимъ полны,
 Не вѣдая, что вихрь, не вѣдая, что волны.

46. На конное литое изъ мѣди изображеніе императрицы Елисаветы Петровны въ амазонскомъ уборѣ.

Увидѣвъ Аполлонъ въ мѣди изображенный
 Богини Росскія великолѣпный видъ,
 И бодростью того металлъ одушевленный,
 Со тщаніемъ спѣшилъ къ нему съ Парнаскихъ горъ:
 Промолвилъ восхищенъ къ строителю перуновъ:
 Стоялъ бы и поднесъ мой городъ и Нептуновъ.
 Когда бы защищать Пріамовъ скиптръ и тронъ
 Пришла подобна сей царица Амазонъ.
 И тшетна бъ вся была коварныхъ Грековъ сила,
 Елисавета бъ ихъ въ одинъ часъ низложила.

47. На то же изображеніе.

Великаго отца и матери прекрасной,
 Обнимъ подобну дочь металлъ изобразивъ,
 Геройской бодростью и кроткимъ взоромъ живъ.
 Вѣщаешь, кажется, отъ вещи къ намъ безгласной
 Надежду, мужество, щедроты, милость, миръ.
 Приятна какъ весна, летаетъ какъ зефиръ.
 Свѣтлѣ злата мѣдъ въ семь образъ сіяеть,
 Что толь великую богиню представляеть.

48. На отъѣздъ изъ Санктпетербурга въ Москву ея величества, 1752 г.

Что воздухъ тихъ стоитъ по толь бурливыхъ дняхъ?
 Простерся мягкій снѣгъ въ спокойствѣ на поляхъ?
 Елисавета въ путь прещедра поспѣшасть.
 Монархиня, твой взоръ къ тебѣ все привлекасть.
 Не токмо на земли твоя любезна власть;
 Но небо шлетъ свою тебѣ подъ ноги часть.

49. На оказаніе высочайшей милости ея величества въ Москвѣ, 1753 г.

Монархиня, твоя прещедрая рука
 Обиліе намъ льетъ и радость, какъ рѣка;
 Сильнѣе, нежели ключей Кастальскихъ токи.
 Стремленіе къ стихамъ и духъ даетъ высокій.
 О радостный восторгъ, куда я полечу?
 Но большее языкъ богатство словъ являеть,

Когда умѣренно веселіе бываетъ;
Веселіе мое безмѣрно, я молчу.

50. На новое строеніе Царскаго Сѣла.

Хотя по царствамъ Римъ поверженнымъ ступаль,
Однако семь вѣковъ и больше возставалъ;
Скорѣ кроткой ты, монархиня, рукою
Россію безъ войны возводишь за собою,
И щедролубіемъ возносишь насъ своимъ,
Не разрушая царствъ въ Россіи строишь Римъ.
Примѣръ въ томъ Сарскій домъ; кто видитъ, всякъ чудится,
Сказавъ: что скоро Римъ предъ нами постыдится.
Ни время, ни труды, ни подданной весъ свѣтъ
Тамъ такъ не успѣваль, какъ здѣсь Елисаветъ.

51. Къ ракъ Святаго Димитрія митрополита Ростовскаго.

Всемогущій и Непостижимый Богъ, чудными искони дѣлами, явилъ
Святую Свою великолѣпную славу и во дни наши. Въ благословен-
ное государствованіе благочестивѣйшія, самодержавнѣйшія, великія
государыни императрицы Елисаветъ Петровны, самодержицы Все-
россійскія, новыми чудотвореніями въ Россіи просіявшаго, здѣсь по-
чивающаго святаго мужа, преосвященнаго митрополита Димитрія
Ростовскаго и Ярославскаго, отдавшаго Божіи Богови: вѣрою, крото-
стію, воздержаніемъ, ученіемъ, трудолюбіемъ. Кесарево Кесареви:
ревностію и терпѣніемъ, поборствуя Петру Великому, противъ сует-
мудраго раскола. Въ Богоспасасомомъ градѣ Кіевѣ родился сей жи-
тель небеснаго Іерусалима декабрѣ, 1651 года. Ангельскій образъ
принялъ 18-ти лѣтъ. На святительскій престолъ возведенъ марта 23
дня, 1701 года. Пасъ церковь Божию 7 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 26 дней.
Живъ 58 лѣтъ. Въ вѣчной покой переселился 1709 года. Написавъ
житія святыхъ, самъ въ ликѣ оныхъ вписанъ быть удостоился въ
лѣто 1754, апрѣля 9 дня.

О вы, что Божество въ предѣлахъ чтите тѣсныхъ,
Подобіе его мня быть въ частяхъ тѣлесныхъ.
Вперите въ мысль, чему Святитель сей училъ!
Что нынѣ вамъ гласить отъ лика горнихъ силъ?
На милость Вышняго, на истину склонитесь,
И къ матери своей вы церкви примиритесь.

52. Напечатана въ уставѣ воспитательнаго въ Москвѣ дома, 1763 г.

Блаженство общества вседневно возрастаетъ,
Монархиня труды къ трудамъ соединяетъ,
Стараясь о добрѣ великихъ намъ отрадъ,
О воспитаніи печется малыхъ чадъ,
Дабы, что въ отчествѣ оставлено презрѣнно,
Приобрѣло ему сокровище бездѣнно;
И чтобъ изъ тяжкаго для общества числа
Воздвигнуть съ нравами похвальны ремесла.
Рачители добра грядущему потомству!

Внемлите съ радостью полезному питомству;
 Похвально дѣло есть убогихъ призирать,
 Сугуба похвала для пользы воспитать:
 Натура то гласить, повелѣваетъ вѣра.
 Внемлите важности монаршаго примѣра:
 Екатерина васъ предводитъ къ чести сей,
 Спѣшите щедростью, какъ вѣрностью за ней.

53. На Царское Село, августа 24 дня 1764 г.

Луга, кустарники, пріятны высоты,
 Примѣръ и образецъ Едемской красоты,
 Достойно похвалить я нынѣ васъ желаю,
 Но выше по чему почтить, еще не знаю,
 Не тѣмъ-ли, что вездѣ пріятности въ садахъ
 И нѣжны зефиры роскошествуютъ въ цвѣтахъ?
 Или что ради васъ художествъ славныхъ сила
 Возможность всю свою и хитрость истожила?
 Или что мешеть съ васъ золотая блескъ гора,
 Откуда видимъ градъ Великаго Петра?
 Гора, или то домъ богамъ земнымъ пристойный,
 Къ отдохновенію величества спокойный?
 Всѣхъ больше красить сей Екатерина край:
 При ней здѣсь вѣкъ золотой и расцвѣтаетъ рай;
 Она всѣ красоты присутствомъ оживляетъ,
 Какъ свѣтъ добротами и славой восхищаетъ.

54. На изобрѣтеніе роговой музыки.

Ловцовъ и пастуховъ межъ селами отрада,
 Одни ловятъ звѣрей, другіе смотрять стада.
 Охотникъ въ рогъ реветъ, пастухъ свиститъ въ свирѣль.
 Тревожить оной нимфѣ; пріятна тиха трель.
 Тамъ шумной песій ревъ; а здѣсь у тихой рѣчки
 Молоденьки блеютъ по матери овечки.
 Здѣсь нѣжность и покой, здѣсь царствуетъ любовь,
 Охотнической шумъ, какъ Марсовъ, движетъ кровь.
 Но нынѣ къ обоямъ, вы нимфы, собирайтесь:
 И равно обоей музыкой усладитесь:
 Что было грубости въ охотничьихъ трубахъ,
 Нарышкинъ умягчилъ при нашихъ берегахъ;
 Чего и дикія животны убѣгали.
 Въ томъ слухи нѣжные пріятности сыскали.

55. Се Елисавета Петра Великаго великая дочь, благочестивая,
 щедрая, мужественная, великодушная, всемилостивѣйшая самодержи-
 ца; моя избавительница, защитница, просвѣтительница; слава моя,
 вознесшая главу мою, во гробъ спешодитъ! Рыдайте области насладив-
 шіяся кроткою ея державою, въ слезы обратитесь великія мои моря
 и рѣки! всѣ вѣрныя мои чада къ Богу возопійте!

Упокой Спасе въ вѣрѣ къ Тебѣ представляющуюся,
 И царствія Твоего сопричастницу сотвори.
 На Тя бо упованіе возложи, человѣкомлюбе.

IV.

СТИХОТВОРНЫЯ ПОСЛАНИЯ И ПИСЬМА.

ПОЛИДОРЪ.

(Графу К. Г. Разумовскому).

ИДИЛЛІЯ,

ВЪ КОТОРОЙ РАЗГОВАРИВАЮТЬ:

Калліона муза.

Левкія Днѣпрская нимфа.

Дафнисъ тамошній пастухъ.

Калліона.

Между прохладными Днѣпровыми струями,
Между зелеными и мягкими кустами
Тебя я посѣтить пришла съ Кастальскихъ горъ,
Чтобъ радость мнѣ свою соединить съ твоею;
Едино счастье съ тобою я имѣю:
Единъ у насъ теперь предстатель Полидоръ.
Богиня, что поля пространны управляетъ
И щедрою Парнассъ рукою украшаетъ,
Ему вручила жезлъ, чтобъ въ сихъ лугахъ пасти.

Левкія.

Доколь будетъ Днѣпръ въ берегахъ своихъ крутиться,
Дотолъ алтари здѣсь будутъ ей куриться,
И лавры всегда торжественны цвѣсти.
Здѣсь плески на лугахъ повсюду раздаются,
И съ шумомъ радостнымъ въ порогахъ воды льются,
Избыточно цвѣты даютъ свой нѣжный духъ,
И вѣтвymi дерева красуясь качаются,
И горы и лѣса богиню возвышаютъ,

Что къ ихъ желанію склонила щедрый слухъ.
Тебя здѣсь, Полидоръ, желали рощи злачны,
Долины тучныя, источники прозрачны,
Тебя желали здѣсь обильныя поля.

Калліопа.

Тебя мы, Полидоръ, имѣемъ тамъ ограду;
И чрезъ тебя Парнассъ почувствовалъ отраду
Какъ влагу получивъ изсохшая земля.

Левкія.

Ты, муза, прохладись подъ тѣнію густою.

Калліопа.

Ты, нимфа, уклонись со мной сюда отъ зною;
Мы сядемъ при водѣ на мягкую траву.
Теперь пристоешь часъ сплетать вѣнки прекрасны,
И Полидору пѣть здѣсь пѣсни намъ согласны.

Левкія.

Я вѣтвей и цвѣтковь, Калліопа! нарву.
Смотри, какъ зеленюю вездѣ покрылись нивы,
И тихій Днѣпръ въ себѣ изображаетъ пивы,
Что густо по крутымъ краямъ его растутъ.
Играютъ зефиры кудрявыхъ дровъ листьями,
И вѣжатъ теплыми душистый цвѣтъ крылами,
Съ котораго шума свой пчелы медъ несутъ.

Калліопа.

Пріятный день теперь намъ радость умножаетъ,
Подъ вѣтвями соловей свой свистъ усугубляетъ,
Завидуя въ лугахъ поющимъ пастухамъ.
И овцы ужъ траву съ ручьями позабыли,
И слухъ къ веселой ихъ игрѣ поворотили,
И козы прыгаютъ по звонкимъ ихъ струнамъ.
Иной кладетъ пучки, иной въ свирѣлку свищетъ,
Иной любезныя межъ деревьями ищетъ,
Иной самъ прячется отъ ней въ зеленый кустъ.

Левкія.

Хотя довольно насъ пріятность услаждаетъ;
Однако больше всѣхъ меня увеселяетъ
О Полидорѣ пѣснь изъ Дафнисовыхъ устъ.
Я вижу, онъ идетъ украшенъ весь цвѣтами,
Цвѣты на головѣ, цвѣты между перстами,
Цвѣтами ѳвить вокругъ и носохъ и свирѣль.
Не такъ любезно мнѣ по камнямъ водѣ журчанье,

Не столько голубицъ мнѣ мило воркотанье,
И сладкихъ соловьевъ не такъ пріятна трель,
Какъ голосъ Дафнисовъ здѣсь рощи оживляетъ,
И имя, Полидоръ, стократно повторяетъ.
Ахъ, Дафнисъ! пѣніемъ своимъ насъ улади.

Калліопа.

Хотя геройскихъ лиръ мнѣ больше шумъ угоденъ:
Однако сельскихъ струнъ мнѣ сладокъ звонъ и сроденъ.
Ты, Дафнисъ, звонкихъ птицъ въ лугахъ здѣсь постыди.

Дафнисъ.

Ты, муза, мнѣ вдохни, что нынѣ пѣть пристойно,
Что слуху вашего, и что сихъ дней достойно.
Ты, нимфа, ласковымъ мнѣ взглядомъ силу дай.

Калліопа.

Зачни великія богини добродѣтель.
Которой я сама и весь Парнассъ свидѣтель;
Потомъ и сихъ долинь довольства воспѣвай.

Левкія.

Запой, что видѣлъ ты, какъ былъ въ великомъ градѣ,
И что при нимфахъ пѣлъ въ Палемоновомъ стадѣ.
Мы станемъ пестрые вѣночки завивать,
И въ голосъ къ твоему напѣву приставать.

Дафнисъ.

Молчите шумные пороги
И слушайте мой новый стихъ;
Усыпьте, нимфы, здѣсь дорогѣ
Лилеями изъ рукъ своихъ;
Вездѣ вѣнками украшайте
Пригорки, доли и ручьи.

Калліопа.

Верхи Парнасски расцвѣтайте.

Левкія.

Красуйтесь Днѣпрскія струи.

Дафнисъ.

Великой будетъ пусть богинѣ
Вездѣ прилична красота.
О какъ я веселюся нынѣ
Что видѣлъ очи и уста,
Отъ коихъ радость почерпають
Широки сѣверны поля.

Калліопа.

Верхи Парнасски расцвѣтають.

Левкія.

Красуется сія земля.

Дафнись.

При ней я видѣлъ Полидора,
Онъ предъ лицемъ ея стоялъ
Среди геройскаго собора,
И ласково ко мнѣ взиралъ.
О тихи вѣтры, развѣвайте
По всѣмъ лугамъ слова мои.

Калліопа.

Верхи Парнасски расцвѣтайте.

Левкія.

Красуйтесь Днѣпрскія струи.

Дафнись.

Вчера съ меня кругомъ обстали
Пастушки съ красныхъ нашихъ горъ,
И съ жадностію понуждали:
Каковъ, скажи намъ, Полидоръ?
Я далъ отвѣтъ: онъ превышаетъ
Собой всѣхъ здѣшнихъ пастуховъ.

Калліопа.

Верхи Парнасски украшаетъ.

Левкія.

Онъ здѣшнихъ будетъ честь луговъ.

Дафнись.

Онъ одна передъ другою:
Скажи, скажи о нимфѣ намъ,
Которой Полидоръ красою
Плѣнившись торжествуетъ самъ.
Я имъ сказалъ: вы залетите
Нарвавши съ розами лилей.

Калліопа и Левкія.

На нихъ любуясь поглядите,
И думайте притомъ объ ней.

Дафнись.

Лозѣ подобно плодовой
Она возлюбленнымъ плодомъ
Благословеніемъ покрытой
Наполнить Полидоровъ домъ.

Пребудеть радость вѣкъ отнынѣ
На каждый умножаясь часъ.

Калліопа и Левкія.

Хвала безсмертная богинѣ
Украшившей его и насъ.

Дафнисъ.

Ему поспѣшно наливайтесь
Пріятной сладостью плоды,
Сторично овцы размножайтесь
И лѣтніе воловъ труды.
Вы сладку росу поспѣшайте.
Сбирать, прилежные рои.

Калліопа.

Верхи Парнасски расцвѣтайте.

Левкія.

Красуйтесь Днѣпрскія струи.

(1759.)

Письмо къ И. И. Шувалову.

Прекрасны лѣтні дни сія на исходѣ,
Богатство съ красотой обильно сыплютъ въ міръ;
Надежда радостью кончается въ народѣ;
Натура смертнымъ всѣмъ открыла общій пиръ;
Созрѣлые плоды древа отягощаютъ
И кажутъ солнечнымъ румянецъ свой лучамъ!
И руку жадную пригожествомъ привлекаютъ;
Что снять своей рукой, тотъ слаще плодъ устамъ.
Сіе довольствіе и красота всемістна
Не токмо жителямъ обильнѣйшихъ полей
Полезной роскошью является прелестна,
Богинѣ влечетъ она пріятностью своей.
Чертоги свѣтлые, блистаніе металловъ
Оставивъ, на поля спѣшитъ Елисаветъ;
Ты слѣдуешь за ней, любезный мой Шуваловъ,
Туда, гдѣ ей Цейлонъ и въ сѣверѣ цвѣтеть,
Гдѣ хитрость мастерства преодолѣвъ природу,
Осеннимъ днямъ даетъ весны прекрасный видъ,
И принуждаетъ вверхъ скакать высоко воду,
Хотя ей тягость внизъ и жидкость течъ велить.

Толь многи радости, толь разныя утѣхи
 Не могутъ отъ тебя Парнасскихъ горъ закрыть.
 Тебѣ пріятны коль Россійскихъ музъ успѣхи,
 То можно изъ твоей любви къ нимъ заключить.
 Ты будучи въ мѣстахъ, гдѣ нѣжность обитаетъ,
 Какъ взглянешь на поля, какъ взглянешь на плоды,
 Воспомани, что мой покоя духъ не знаетъ,
 Воспомани мое раченье и труды.
 Межъ стѣнъ и при огнѣ лишь только обращаюсь;
 Отрада вся, когда о лѣтѣ я пишу;
 О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
 И радости въ одномъ мечтаніи ищу.
 Однако лѣто мнѣ съ весною возвратится,
 Я оныхъ красотой и въ зиму наслажусь,
 Когда мой духъ твоимъ пріятствомъ ободрится,
 Которое взнести я на Парнассъ потщусь.

(1750).

Письмо о пользѣ стекла И. И. Шувалову.

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
 Которые стекло чтутъ ниже минераловъ
 Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
 Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
 Не рѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь;
 И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь,
 Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
 Не камнямъ дорогимъ, ни злату, но стеклу.
 И какъ я оное хвала воспоминаю,
 Не ломкость лживаго я счастья представляю.
 Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
 Чего и сильный огонь не можетъ разрушить,
 Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель;
 Стекло имъ рождено; огонь его родитель.
 Съ натурой нѣкогда онъ произвествъ хотя
 Достойное себя и оныя дитя,
 Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
 Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
 Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ.
 Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ.
 Напрягся мышцами и рамена подвинулъ,

И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
 Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь,
 И въ ночь ужасную перемѣнился день.
 Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
 Двѣ ночи сложены въ одну отъ Зевеса;
 Но Этна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
 Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.
 Изъ ней разженная рѣка текла въ пучину,
 И свѣтъ отчаясь, мнилъ, что зрять свою судьбину!
 Но ужасу тому послѣдовали конецъ:
 Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
 Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
 И солнцу ясному рожденіе открыли.
 Но что-жь отъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
 Любезное дитя, прекрасное стекло.
 Увидѣвъ смертные, о какъ ему дивилсъ!
 Подобное тому сыскать искусствомъ тщились.
 И было въ дѣлѣ семь удачно мастерство:
 Превысило своимъ раченьемъ естество.
 Тѣмъ стало житіе на свѣтѣ намъ счастливо;
 Изъ чистаго стекла мы пьемъ вино и пиво,
 И видимъ въ немъ примѣръ безхитростныхъ сердець,
 Кого лъзя видѣть сквозь, тотъ подлинно не лъстець.
 Стекло въ напиткахъ намъ не можетъ скрыть примѣсу;
 И чиста совѣсть рветъ притворствъ гнилу завѣсу.
 Но столько-ли ужѣ, стекло, твоихъ похваль,
 Что намъ въ тебѣ вино и медь самъ слаще сталь?
 Никакъ! сіе твоихъ достоинствъ лишь начало,
 Которы мастерство тебѣ съ природой дало.
 Исполненъ слабостями нашъ краткій въ мѣрѣ вѣкъ;
 Не рѣдко впадаетъ въ болѣзни человекъ!
 Онъ ищетъ помощи, хотя спасенъ отъ муки,
 И жизнь свою продлить, врачамъ дается въ руки.
 Не рѣдко намъ они отраду могутъ дать,
 Умѣвъ приличныя лѣкарства предписать;
 Лѣкарства, что въ стеклѣ хранятъ и составляютъ,
 Въ стеклѣ одномъ онѣ безвредны пребываютъ.
 Мы должны здравія и жизни часть стеклу:
 Какую надлежитъ ему принести хвалу!
 Хотя вмѣсто онаго замысловаты Хины
 Сосуды составлять нашли изъ чистой глины;
 Огромность тяжкую плода лишенныхъ горъ
 Художествомъ своимъ преобративъ въ фарфоръ,

Красой его къ себѣ народы привлекають,
 Что плавая, морей свирѣпость презирають.
 Однако былъ бы онъ почти простой горшокъ,
 Когда-бы блескъ стекла дать помощи не могъ.
 Оно входъ жидкихъ тѣлъ отъ скважинъ отвращаетъ,
 Вещей прекрасныхъ видъ на немъ изображаетъ.
 Имѣеть отъ стекла часть крѣпости фарфоръ;
 Но тое, что на немъ увеселяетъ взоръ,
 Сады, гульбы, пиры, и все что есть прекрасно,
 Стекло являетъ намъ пріятно, чисто, ясно.

Искусство, коимъ былъ прославленъ Апеллесъ,
 И коимъ нынѣ Римъ главу свою вознесъ,
 Коль пользы отъ стекла пріобрѣло велики,
 Доказываютъ то финифти, мозаики,
 Которы вѣкъ хранятъ геройскихъ бодрость лицъ,
 Пріятность нѣжную, и красоту дѣвиць;
 Чрезъ множество вѣковъ себѣ подобны зрятся,
 И ветхой древности грызенья не боятся.

Когда неистойой свирѣпствуя Борей,
 Стисняетъ мразомъ насъ въ упругости своей;
 Великой не терпя и строгой переменъ,
 Скрываетъ человекъ себя въ толстыя стѣны.
 Онъ былъ-бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ сидѣть;
 Или съ дрожаніемъ несносный хладъ терпѣть.
 Но солнечны лучи онъ сквозь стекло впускаетъ,
 И лютость холода чрезъ то же отвращаетъ.
 Отворенному вдругъ и запертому быть,
 Не то ли мы зовемъ, что чудеса творить?
 Потомъ какъ человекъ зимой сталъ безопасенъ;
 Еще при томъ желалъ, чтобъ цвѣлъ всегда прекрасенъ
 И въ сѣверныхъ странахъ въ снѣгу зеленый садъ,
 Цейлонъ-бы посрамилъ, пренебрегая хладъ.
 И удовольствовалъ онъ мысли прихотливы:
 Зимой за стекломъ цвѣты хранятся живы;
 Даютъ пріятный духъ, увеселяютъ взоръ,
 И вамъ, красавицы, хранятъ себя въ уборъ.
 Позволь, Любитель музъ, я рѣчь свою склоняю,
 И къ нѣжнымъ симъ сердцамъ на время обращаю.
 И музы съ оными единого сродства;
 Подобна въ нихъ краса и нѣжныя слова.
 Счастливой младостью твои цвѣтущи годы
 И склонной похвала и ласковой природы
 Мой стихъ отъ оныхъ къ симъ пренести не возбранять.

Прекрасный полъ, о коль любезенъ вамъ нарядъ!
 Дабы прельстить лицомъ любовныхъ суетъровъ,
 Какое множество вы знаете манеровъ;
 И коль искусны вы уборъ перемѣнять,
 Чтобъ въ каждый день себѣ пріятность нову дать.
 Но было-бъ ваше все старанье безъ успѣху,
 Наряды ваши-бы достойны были смѣху,
 Когда-бъ вы въ зеркалѣ не видѣли себя.
 Вы вдвое пригожи, стекло употребля.
 Когда блестятъ на васъ горящіе алмазы,
 Двойной кипитъ въ насъ жаръ сугубыя заразы!
 Но больше красоты и больше въ нихъ цѣны.
 Когда кругъ нихъ стекломъ цвѣтки наведены.
 Вы кажетесь намъ въ нихъ пріятною весною,
 Въ цвѣтахъ наряженной усыпанныхъ росю.

Во свѣтлыхъ зданіяхъ убранства таковы.
 Но въ чемъ красуетесь, о сельски нимфы, вы?
 Природа въ васъ любовь подобную вложила,
 Желанья нѣжны въ васъ подобна движеть сила;
 Вы также украшать желаете себя.
 За тѣмъ прохладны поля свои любя,
 Вы рвете розы въ нихъ, вы рвете въ нихъ лилеи,
 Кладете ихъ на грудь, и вяжете кругъ шеи.
 Таковъ уборъ даетъ вамъ нѣжная весна!
 Но чѣмъ вы краситесь въ другія времена,
 Когда лишася цвѣтовъ, поля у васъ блѣднѣютъ,
 Или снѣгами вокругъ глубокими бѣлѣютъ,
 Безъ оныхъ чтобы вамъ въ нарядахъ помогло,
 Когда-бы бисеру вамъ не дало стекло?
 Любовниковъ онъ къ вамъ не меньше привлекаетъ,
 Какъ блестящій алмазъ богатыхъ уязвляетъ.
 Или еще на васъ въ немъ больше красота,
 Когда любезная въ васъ свѣтитъ простота!

Такъ въ бисерѣ стекло подобая жемчугу,
 Любимо по всему земному ходить кругу.
 Имъ красится народъ въ полунощныхъ степяхъ,
 Имъ красится Арапъ на южныхъ берегахъ.
 Въ Америкѣ живутъ, мы чаемъ, простаки,
 Что тамъ драгой металлъ изъ серебряной рѣки
 Даютъ Европскому купечеству охотно,
 И бисеру берутъ количество несчетно;
 Но тѣмъ, я думаю, они разумнѣй насъ,
 Что гонять отъ своихъ бѣдамъ причину глазъ.

Имъ оны времена не будутъ вѣкъ забвенны,
 Какъ пали ихъ отцы для злата побѣенны.
 О коль ужасно зло! На то-ли челоуѣкъ
 Въ незнаемыхъ моряхъ имѣлъ опасный бѣгъ,
 На то-ли разрушивъ естественны предѣлы,
 На утломъ деревѣ обшемъ кругомъ свѣтъ цѣлый,
 За тѣмъ-ли онъ сошелъ на красны берега,
 Чтобъ тамъ себя явить свирѣпаго врага?
 По тягостномъ трудѣ снесенномъ на пучинѣ,
 Гдѣ предалъ онъ себя на произволь судьбинѣ,
 Едва на твердый путь отъ бурь избытъ успѣлъ,
 Военной бурей онъ внезапно зашумѣлъ.
 Уже горять царей тамъ древнія жилища;
 Внѣцы врагамъ корысть, и плоть ихъ врагамъ пища!
 И кости предковъ ихъ изъ золотыхъ гробовъ
 Чрезъ стѣны падаютъ къ смердящимъ трупамъ въ ровъ!
 Съ перстнями руки прочь и головы съ убранствомъ
 Сѣкутъ насытые и златомъ и тиранствомъ.
 Иныхъ свирѣпствуя въ средину гонять горь,
 Драгой металлъ изрыть изъ преглубокихъ норъ.
 Смятеніе и страхъ, оковы, гладь и раны,
 Что наложили имъ въ работѣ ихъ тираны,
 Препятствовали имъ подземну хлѣбъ крѣпить,
 Чтобъ тягота надъ ней могла недвижна быть.
 Обрушилась гора: лежать въ ней погребенны,
 Безсчастные! или поистинѣ блаженны,
 Что вдругъ избѣгли всѣ безчелоуѣчныхъ рукъ,
 Работы тяжкія, ругательства и мукъ!
 Оставивъ Кастиланъ невинность такъ погранну,
 Съ богатствомъ въ отчество спѣшить по Океану,
 Надѣясь онымъ всю Европу вдругъ купить.
 Но златомъ волнъ морскихъ не можно утолить.
 Подобный ихъ сердцамъ Борей поднявъ пучину,
 Навель ихъ животу и варварству кончину,
 Погрязли въ глубинѣ, съ сокровищемъ своимъ,
 На пищу преданы чудовищамъ морскимъ.
 То бури, то враги толь часто ихъ терзали,
 Что рѣдко до береговъ желанныхъ достигали.
 О коль великой вредъ! отъ зла рождалось зло!
 Виною толикихъ бѣдъ бывало-ли стекло?
 Никакъ! Оно вездѣ нашъ духъ увеселяетъ:
 Полезно молодымъ и старымъ помогаетъ.
 По долговременномъ теченіи нашихъ дней,

Тупѣть зрѣніе ослабленныхъ очей.
 Померкшее того не представляетъ чувство,
 Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и искусство.
 Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ;
 Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
 Тогда противенъ день, веселіе досада!
 Одна лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада.
 Оно способствіемъ искусства руки
 Подать намъ зрѣніе умѣть чрезъ очки!
 Не даръ-ли мы въ стеклѣ божественный имѣемъ?
 Что честь достойную воздать ему коснемъ?

Взирая въ древности народы изумленны,
 Что грѣть, топить, леть и свѣтитъ огонь возженный,
 Иные божеску ему давали честь;
 Иные знать хотя, кто съ неба могъ принести,
 Представили въ своемъ мечтаніи Прометея,
 Что многи на земли художества умѣя,
 Различныя казалъ искусствомъ чудеса:
 За то Минервою былъ взятъ на небеса!
 Похитилъ съ солнца огонь и смертнымъ отдалъ въ руки.
 Зевесъ воздвигъ свой гнѣвъ, воздвигъ ужасны звуки,
 Продерзкаго къ горѣ великой приковалъ.
 И сильному орлу на растерзанье далъ.
 Онъ сердце завсегда коварное терзаетъ,
 На коемъ снова плоть на муку вырастаетъ.
 Тамъ слышенъ страшный стонъ, тамъ тяжка цѣпь звучитъ;
 И кровь чрезъ камни внизъ текущая шумитъ.
 О коль несносна жизнь! позорище ужасно!
 Но въ просвѣщенны дни сей вымысль видимъ ясно.
 Пѣнты украшать хотя свои стихи,
 Описывали казнь за мнимые грѣхи.
 Мы пламень солнечный стекломъ здѣсь получаемъ,
 И Прометею тѣмъ безбѣдно подражаемъ.
 Ругаясь подлости нескладныхъ оныхъ вракъ,
 Небеснымъ безъ грѣха огнемъ куримъ табакъ;
 И только лишь о томъ мы думаемъ, жалѣя,
 Не свергла-ль въ пагубу наука Прометея?
 Не злясь-ли на него невѣждъ свирѣпыхъ полкъ,
 На знатны вымыслы сложилъ неправый толкъ?
 Не наблюдали-ли звѣздъ тогда сквозь телескопы,
 Что нынѣ воскресилъ трудъ счастливой Европы?
 Не огонь-ли онъ стекломъ умѣлъ сводить съ небесъ,
 И пагубу себѣ отъ варваровъ нанесъ,

Что предали на казнь, обнесши чародѣемъ?
 Коль много таковыхъ примѣровъ мы имѣемъ,
 Что зависть скрывъ себя подъ святости покровъ,
 И груба ревность съ ней на правду строя ковъ,
 Отъ самой древности воюють многократно,
 Чѣмъ много знанія погнѣло невозвратно!
 Коль точно знали-бъ мы небесныя страны,
 Движеніе планетъ, теченіе луны,
 Когда-бы Аристархъ завистливымъ Клеантомъ
 Не названъ былъ въ судѣ неистовымъ Гигантомъ,
 Дерзнувшимъ землю всю отъ тверди потрясти,
 Кругъ центра своего, кругъ солнца обнести;
 Дерзнувшимъ научать, что всѣ домашніи боги
 Терпятъ великій трудъ всегдашнія дороги;
 Вертится вокругъ Нептунъ, Діана и Плутонъ:
 И страждутъ ту-же казнь, какъ дерзкой Иксіонъ;
 И неподвижная земли богиня Веста
 Къ упокоенію сыскать не можетъ мѣста.
 Подъ видомъ ложнымъ сихъ почтенія боговъ
 Закрытъ былъ звѣздный міръ чрезъ множество вѣковъ.
 Боясь паденія неправой оной вѣры,
 Вели всегдашню брань съ наукой лицемѣры:
 Дабы она, открывъ величество небесъ,
 И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,
 Не показала всѣмъ, что непостижна сила
 Единого Творца весь міръ сей сотворила.
 Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище боговъ
 Не стоятъ тучныхъ жертвъ, ниже подъ жертву дровъ;
 Что агнцовъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно;
 Сіе одно, сіе казалось быть опасно.
 Оттолѣ землю всѣ считали посредѣ.
 Астрономъ весь свой вѣкъ въ безплодномъ былъ трудѣ,
 Запутанъ циклами, пока возсталъ Коперникъ.
 Презритель зависти и варварству соперникъ.
 Въ срединѣ всѣхъ планетъ онъ солнце положилъ,
 Сугубое земли движеніе открылъ.
 Однѣмъ кругъ центра путь всеневный совершаетъ,
 Другимъ кругъ солнца годъ теченьемъ составляетъ,
 Онъ циклы истинной системой растерзалъ,
 И правду точною явленій доказалъ.
 Потомъ Гугеніи, Кеплѣры и Невтоны,
 Преломленныхъ лучей въ стеклѣ познавъ законы,
 Разумной подлинно увѣрили весь свѣтъ,

Коперникъ что училъ, сомнѣнія въ томъ нѣтъ.
 Клеантовъ не боясь мы пишемъ всѣ согласно,
 Что истинѣ они противятся напрасно.
 Въ безмѣрномъ углубя пространствѣ разумъ свой,
 Изъ мысли ходимъ въ мысль, изъ свѣта въ свѣтъ иной.
 Вездѣ божественну премудрость почитаемъ,
 Въ благоговѣннй весь духъ свой погружаемъ.
 Чудимся быстринѣ, чудимся тишинѣ,
 Что Богъ устроилъ намъ въ безмѣрной глубинѣ.
 Въ ужасной скорости и купно быть въ покоѣ,
 Кто чудо сотворить кромѣ Его такое?
 Намъ больше таковы идеи веселятъ:
 Какъ Божій нѣкогда описывая градъ
 Вечернй Августинъ *) душою веселился.
 О коль великимъ онъ восторгомъ-бы плѣнился,
 Когда-бъ разумну тварь толь тѣсно не включалъ
 Подъ нами-бъ жителей какъ здѣсь не отрицалъ,
 Безъ математики вселенной-бы не мѣрилъ!
 Что есть Америка, напрасно онъ не вѣрилъ:
 Доказываетъ то подземный католикъ,
 Кады златой его въ костелахъ новыхъ ликъ.
 Уже Колумбу вслѣдъ, ужé за Магелланомъ
 Кругъ свѣта ходимъ мы Великимъ океаномъ;
 И видимъ множество божественныхъ тамъ дѣлъ,
 Земель и острововъ, людей, градовъ и сель,
 Незнаемыхъ предъ тѣмъ и странныхъ намъ животныхъ,
 Звѣрей и птицъ и рыбъ, плодовъ и травъ несчѣтныхъ.
 Возьмите сей примѣръ, Клеанты, ясно внявъ,
 Коль много Августинъ въ семь мнѣннй неправъ;
 Онъ слово Божіе употреблялъ **) напрасно.
 Въ системѣ свѣта вы тожъ дѣлаете власно.
 Во зрительныхъ трубахъ стекло являетъ намъ,
 Колико далъ Творецъ пространство небесамъ.
 Толь много солнцевъ въ нихъ пылающихъ сіяеть.
 Недвижныхъ сколько звѣздъ намъ ясна ночь являетъ.
 Кругъ солнца нашего, среди другихъ планеть,
 Земля съ ходящею кругъ ней луной течеть,
 Которую хотя весьма пространну знаемъ,
 Но къ свѣту примѣнивъ, какъ точку представляемъ.
 Коль созданныхъ вещей пространно естество!

*) О градѣ Божіи, книга 16, гл. 9.

**) Тамъ-же.

О коль велико ихъ создавше Божество!
 О коль велика къ намъ щедроть Его пучина,
 Что на землю послалъ возлюбленнаго Сына!
 Не погнушался Онъ на малый шаръ сойти,
 Чтобы погибшаго страданіемъ спасти.
 Чѣмъ меньше мы Его щедроть достойны зримся:
 Тѣмъ больше благности и милости чудимся!
 Стекло приводитъ насъ чрезъ оптику къ сему,
 Прогнавъ глубокую невѣдѣнія тьму!
 Преломленныхъ лучей предѣлы въ немъ не ложны,
 Поставлены Творцомъ; другіе невозможны.
 Въ благословенный нашъ и просвѣщенный вѣкъ
 Чего не могъ дойти по онымъ челоуѣкъ?

Хоть острыми взоромъ насъ природа одарила;
 Но близокъ онаго конецъ имѣеть сила.
 Кромѣ, что вдаль не кажетъ намъ вещей,
 И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
 Коль многихъ тварей онъ еще не достигаетъ,
 Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
 Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микроскопъ открылъ,
 Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ!
 Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
 И нервы, что хранять въ себѣ животны силы!
 Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
 Насъ малый червь частей сложениемъ дивитъ.
 Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
 Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
 Стекломъ познали мы толики чудеса,
 Чѣмъ Онъ наполнилъ понть, и воздухъ, и лѣса.
 Прибавивъ ростъ вещей оно коль намъ потребно,
 Являетъ травъ разборъ, и знаніе врачебно.
 Коль много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
 Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!

Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ барометры
 Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры,
 Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
 Иль облаки прогнавъ ихъ солнце осушитъ.
 Надежда наша въ томъ обманами не льстится:
 Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
 Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
 Чрезъ то-жъ откроется въ погодахъ разность силъ.
 Коль могутъ счастливы селяне быть оттолѣ,
 Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!

Какой способности ждть должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семь и горь златыхъ достойно!

Далече до конца стеклу достойныхъ хвалъ,
На кон цѣлый годъ едва-бы мнѣ досталъ.
За тѣмъ ужé слова похвалны оставляю,
И чтó объ немъ писалъ, то дѣломъ начинаю:
Однако при концѣ не можно прѣминуть,
Чтобъ новыхъ мнѣ его чудесъ не помянуть.

Что можетъ смертнымъ быть ужаснѣе удара,
Съ которымъ молнія изъ облакъ блещеть яра?
Услышавъ въ темнотѣ внезапный трескъ и шумъ,
И видя быстрый блескъ, мятется слабый умъ;
Отъ гнѣвнаго часа желаетъ гдѣ-бъ укрыться;
Причины онаго изслѣдовать страшится;
Дабы истолковать, что молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозить Отецъ намъ яростью Своею.
Но какъ Онъ насъ казнить, поднявъ въ пучинѣ валь,
То грѣхъ-ли то сказать, что вѣтромъ Онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ-ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?
Подобно надлежитъ о громѣ разсуждать.
Но блескъ и звукъ его не давъ главы поднять,
Держалъ ученыхъ смыслъ въ смущеніи толикомъ,
Что въ заблужденіи теряли нуть великомъ,
И истинныхъ причинъ достигнуть не могли,
Поколѣ дѣйствъ въ стеклѣ подобныхъ не нашли.
Вертясь стеклянный шаръ, даетъ удары съ блескомъ,
Съ громовымъ сходственнымъ сверканіемъ и трескомъ.
Дивился сходству умъ; но видя малость силъ,
До лѣта прошлаго сомнителенъ въ томъ былъ;
Довольствуя однѣ чрезъ любопытство очи,
Искалъ въ томъ перемѣнъ пріятныхъ дни и ночи;
И больше въ томъ одномъ раченія имѣлъ,
Чтобъ силою стекла болѣзни одолѣлъ,
И видѣлъ часто въ томъ успѣхи вождельныи.
О коль со древними дни наши несравненны!
Внезапно чудный слухъ по всѣмъ странамъ течеть,
Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ,
Что та-же сила тучъ гремящихъ мракъ наводитъ,

Котора отъ стекла движеніемъ исходить,
 Что зная правила изысканны стекломъ,
 Мы можемъ отвратить отъ хранинъ нашихъ громъ.
 Единство оныхъ силъ доказано стократно:
 Мы лѣта нынѣ ждемъ пріятнаго обратно.
 Тогда о истинѣ стекло увѣритъ насъ,
 Ужасный будетъ-ли безбѣденъ грома гласъ?
 Европа нынѣ въ то всю мысль свою вперила,
 И машины ужé пристойны учредила.
 Я слѣдую за ней, съ Парнаскихъ горъ схожу,
 На время ко стеклу весь трудъ свой приложу.

Ходя за тайнами въ искусствѣ и природѣ,
 Я слышу восхищенъ веселый гласъ въ народѣ.
 Елисаветина повсюду похвала
 Гласить премудрости и щедрости дѣла.
 Златыя времена! О кроткіе законы!
 Народу своему прощаетъ миллионы;
 И пользу общую отечества прозря,
 Ученію велитъ расшириться въ моря,
 Умноживъ бодрость въ немъ щедротою своею!
 А ты, о меценатъ, предстательствомъ предъ нею,
 Какой наукамъ путь стараешься открыть,
 Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрный быть.
 Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,
 Чтò тщатся постигать ученія полезны.
 Мои посильные и малые труды
 Коль часто передъ ней воспоминаешь ты!
 Услышанному быть ея кротчайшимъ слухомъ,
 Есть новымъ въ бытіи животвориться духомъ!
 Кто кажетъ старыхъ смыслъ во дняхъ еще младыхъ,
 Тотъ будетъ всѣмъ примѣръ, доживъ власовъ сѣдыхъ.
 Кто склонность въ счастья и доброту являетъ,
 Тотъ счастье себѣ недвижно утверждаетъ.
 Всякъ чувствуетъ въ тебѣ и хвалить обое,
 И небо чаемыхъ покажетъ сбытіе.

(1752).

Въ честь императрицы Елисаветы Петровны.

(Кн. М. И. Воронцову).

I.

Фортуна вижу я въ тебѣ или Венеру
 И древняго дивлюсь художества примѣру

Богиня, по всему, которая ты ни будь:
 Ты руку щедрую потщилась протянуть.
 Когда Венера ты, то признаю готову
 Любителю наукъ и знаній Воронцову
 Златое яблоко отдать за доброту,
 Что присудилъ тебѣ Парисъ за красоту.
 Когда жъ Фортуна ты, то вѣрю несумнѣнно,
 Что счастье его пребудетъ непременно;
 Что такъ недвижно ты установила кругъ,
 Коль истиненъ патронъ и коль онъ вѣренъ другъ.

II.

Оставь, смущенный духъ, презрѣнїе суетъ
 И представляй себѣ благополучнымъ свѣтъ;
 Смотри, коль ясный день среди его сіяетъ,
 И очи и сердца и мысли восхищаетъ.
 Ты въ близости его межъ множествомъ отрадъ:
 Тамъ волны, тамъ ключи, тамъ дръвь листы шумять,
 У храма, у цвѣтовъ, у счастливаго лѣса
 Ты видишь щедрю дщерь Россійскаго Зевеса.
 Минерва по всему: въ ней всѣхъ добротъ союзъ
 Привѣтствуетъ Парнасъ и похваляетъ музъ.
 О, вселюбезный гласъ, животворяще слово!
 Я чувствую къ стопамъ въ себѣ стремленье ново.
 Коль сильно Инокренъ въ Россіи потечетъ,
 Когда напишется надъ нимъ Елисаветъ.

(1753).

Стихи на всенародное объявленіе о превосходствѣ
 новоизобрѣтенной артиллеріи предъ старую, генераль-
 фельдцейхмейстеромъ и кавалеромъ, графомъ
 Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ.

Для пользы общества коль радостно трудиться!
 Отъ зависти притомъ коль скучно борониться!
 Ты въ исправленіи гранадъ, доходовъ, правъ,
 Самъ дѣломъ испыталъ, трудолюбивый графъ!
 Тожь чувствуютъ въ себѣ рачители и други,
 Которы чтутъ въ тебѣ къ отечеству заслуги.
 Стараться о добрѣ, коль дозволяетъ мочь,
 День въ пользѣ проводить и безъ покоя ночь,
 И слышать о себѣ недоброхотны рѣчи

Не легче какъ стоять противъ кровавой сѣчи.
 Кто оны побѣдитъ, тотъ подлинно герой.
 Всѣмъ должно поставлять въ примѣръ поступокъ твой,
 Раченіямъ твоимъ споспѣшникъ самъ Содѣтель,
 И правдѣ въ свѣтѣ ихъ монархія свидѣтель.
 Намъ слава, страхъ врагамъ въ полкахъ твои огни;
 Какъ прежде, такъ и впредь пали, рази, гони.
 Велико дѣло есть повелѣвать полками,
 Торжественно стоять противныхъ надъ тѣлами,
 И слышать радостный побѣдоносцевъ кликъ,
 Презрѣвъ съ нимъ смѣшанный и стонъ и плачь великъ;
 Стремиться къ будущей и брани и побѣдѣ,
 И тѣмъ упорство все искоренить въ сосѣдѣ;
 Покой отечеству со славою принести,
 Дабы могло потомъ въ безмолвіи цвѣсти.
 Великой похвалы и тотъ въ войнѣ достоинъ,
 Кто мыслью со врагомъ сражается спокоенъ;
 Спокоенъ брань ведетъ искусствомъ хитрыхъ рукъ,
 Готова страхъ врагамъ и смертоносный звукъ.
 Не можетъ безъ того ни мужество героическо,
 Ни твердостію силъ безчисленное войско
 Противъ упорнаго противника стоять.
 Тутъ нужда требуетъ громъ громомъ отражать,
 Чтобъ прежде мы, не насъ противны досягали,
 И мы бы ихъ полки на части раздробляли;
 И пламень бы враговъ въ скоропостижный часъ
 Отъ Росской арміи не разродясь погасъ.
 И такъ что вымысломъ одинъ изобрѣтаеть,
 Съ разумной храбростію другой употребляетъ.
 Похвальны обоихъ въ семъ подвигѣ труды
 Намъ мира принесутъ желанные плоды.
 Уже весну ведетъ къ намъ свѣтлый предводитель,
 И ждетъ вселенная, кто будетъ побѣдитель.
 Тамъ Варта съ Одрєю струи свои крутитъ,
 И кажетъ влажности огней ужасный видъ,
 Что яростно при нихъ изъ Русскихъ рукъ звучали,
 И такъ ихъ кровію противниковъ сгущали.
 Секвана и Дунай подъемяютъ вверхъ главы,
 Чтобъ слышать громъ и стукъ ишедшій отъ Невы.
 Тамъ Одра, Темза, Рейнъ кровавы движутъ волны;
 Мутятся во брегахъ съ надеждой страха полны.
 Всѣ ждуть, въ который край надежда полетитъ.
 Мнѣ весь Парнассъ сказалъ: туда полкомъ стоитъ

Съ Елисаветой Богъ и храбрость генераловъ,
 Россійска грудь, твои орудія, Шуваловъ.
 (1787).

Посвященіе «Краткаго Россійскаго Лѣтописца»
 вел. кн. Павлу Петровичу.

Россію предпринявъ ущедритъ Небеса
 Являютъ твоя порода чудеса.
 Младый великій князь, ты восходя сіяешь,
 И вѣку своего свѣтъ полный обѣщаешь.
 Чудимся радуясь природной остротѣ,
 Пристойной праотцевъ пресвѣтлыхъ высотѣ.
 Предвидимъ, разсудивъ мы дѣтски разговоры,
 Отрадою ко всѣмъ сіяющіе взоры,
 Что будешь подданныхъ веселіе, покровъ,
 Въ правленіи примѣръ, во брани страхъ враговъ.
 Изобразивъ твоихъ Россійскихъ предковъ славныхъ
 Геройски подвиги, и вкратцѣ видъ дѣлъ главныхъ,
 Я обращаю взоръ къ вечернимъ сторонамъ,
 Въ наукахъ и въ войнахъ героевъ вижу тамъ.
 Для малости сихъ строкъ я ихъ не исчисляю,
 И вмѣсто всѣхъ Петра со Карломъ представляю.
 Сей шель какъ Александръ вселенной потрясти,
 Но онъ побѣдами пресѣкъ его пути.
 Одинъ насъ просвѣтитъ ученіями чтился,
 Другой въ сраженіяхъ взять первенство стремился.
 Хотя соперники, но прадѣды твои;
 Веди въ сей жизни брань: но въ вѣчности своя.
 Въ тебѣ ихъ обоихъ предвидимъ духъ военный,
 Какъ знаемъ твоему родителю врожденный.
 Съ восторгомъ радостнымъ Нева внимаетъ звукъ,
 Чтѣ на противниковъ Петровъ готовитъ внукъ,
 Елисаветины побѣды представляетъ,
 И сердцемъ и умомъ враговъ ея терзаетъ.
 Раченъ, ревность, жаръ являетъ внѣшній видъ.
 Коль тяжкая вамъ казнь, завистники, грозитъ!
 Сии дары ему въ добротну грудь даны;
 Примѣрны, государь, смотри съ другой страны.
 Екатеринины, и щедрыхъ дочерей свойства
 Источники ко всѣмъ отрады и спокойства
 Представь, и вмѣсто всѣхъ почти Елисаветъ,
 Которую воздвигъ Всевышняго совѣтъ,

Воздвигъ и укрѣпилъ, возвысилъ и прославилъ
 И съ нею домъ Петровъ залогъ намъ вновь поставилъ.
 Родившій тебя, о свѣтлый ликъ доброты!
 Въ младенчествѣ твоёмъ достойный видимъ плодъ.
 Расти, и восходи, крѣпись къ трудамъ преславнымъ,
 Съ прагматическими великостію равнымъ.
 Достигни позднихъ лѣтъ, какъ можетъ человекъ;
 Дополни Богъ тебѣ неполный предковъ вѣкъ.
 Гряди по ихъ стопамъ, во Елисаветѣ:
 Ты будешь, какъ они великъ, возлюбленъ въ свѣтѣ.
 Доброты вкоренишь, исторгнувъ смертныхъ зло,
 Умножишь чрезъ моря богатаго Офира;
 Откроешь Россамъ путь кругомъ земнаго міра,
 Поставишь всѣмъ странамъ недвижимый законъ;
 Науки лишь пройди, и будь намъ Соломонъ.

(1760).

Просительные стихи къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Богиня дщерь божествъ науки основавшихъ;
 И оныя растить тебѣ въ наслѣдство давшихъ,
 Ты шествуешь по ихъ божественнымъ стопамъ,
 Распростираючи щедроты свѣтлость намъ;
 Мы признаваясь, что едва того достойны,
 Остались бы всегда въ трудахъ своихъ спокойны;
 Но только къ славѣ сей того недостаетъ,
 Чтобъ милость къ намъ твою увидѣлъ ясно свѣтъ,
 Дабы признали всѣ народы и языки,
 Коль мирныя твои дѣла въ войну велики;
 Дабы украшенный твоей рукой Парнасъ,
 Любителей наукъ призвать возвысилъ гласъ,
 И славнымъ именемъ гремя Елисаветы,
 При ликѣ ихъ расторгъ завистниковъ навѣты.
 Теперь Германія войной возмущена,
 Рыданія и слезъ и ужаса полна;
 За собственныхъ сыновъ съ Парнасскими цвѣтами,
 Питаетъ сопостать съ кровавыми мечами.
 Любитель тишины, соборъ драгихъ наукъ,
 Защиты крѣпкія отъ бранныхъ ищетъ рукъ;
 О коль велики имъ отрады и утѣхи,
 Возслѣдуютъ и намъ въ ученіяхъ успѣхи;
 И славный слухъ, когда твой университетъ,

О имени твоемъ подь солнцемъ процвѣтеть!
 Тобою данными красуюсь вѣчно правы,
 Для истинной красы Россійскія державы;
 И юношество къ намъ отвсюду притекутъ,
 Къ наукамъ прилагать въ Петровѣ градѣ трудъ.
 Петрова ревность къ намъ, любовь Екатерины,
 И щедрости твои воздвигнуть здѣсь Аѳины.
 Мы сооружимъ похвалъ тебѣ Минервы храмъ,
 Въ приличность по твоимъ божественнымъ дѣламъ;
 Въ Россіи древности, въ природы тайны вникнемъ,
 И тьмами устъ твои достоинства воскликнемъ!
 Коль счастливъ оный день, коль счастливъ буду я,
 Когда я среди Россійскихъ музъ стоя,
 Благодѣяніе твое представлю ново,
 Великостью его о какъ возвышу слово!
 Тогда мой средственный въ Россійской рѣчи даръ
 Въ благодареніи сугубой приметъ жаръ;
 Приемлемые въ нихъ учены пришлецы,
 Расширютъ о тебѣ въ подсолнечной концы,
 Коль милосерда ты, коль счастлива Россія,
 Что царствуютъ съ тобою въ ней времена златыя!
 Рушитель знанія свирѣпой брани звукъ,
 Подъ скипетромъ твоимъ защитникъ сталь наукъ;
 Что выше мнѣнія сквозь дымъ, сквозь прахъ восходятъ,
 Ихъ къ удивленію, насъ къ радости приводятъ.
 Сіе исполнится немногими чертами,
 Когда рука твоя ущедрится надъ нами;
 Для славы твоя, для общаго плода,
 Не могутъ милости быть рано никогда.
 (1761).

Послѣ посѣщенія императрицею Екатериною II
 лабораторіи Ломоносова.

Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты,
 Соединенныя монаршески доброты,
 Въ благоговѣніи, въ восторгѣ зреть сей домъ,
 Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ:
 Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
 Великому Петру во слѣдъ Екатерина
 Величествомъ своимъ снисходить до наукъ
 И славы праведной усугубляетъ звукъ.

Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель,
 Богиня, коль твоя велика добродѣтель!

(1764).

Письмо поздравительное на возвращеніе изъ Лифляндіи графу Г. Г. Орлову, іюля 19 дня, 1764 г.

Любитель чистыхъ музъ, защитникъ ихъ трудовъ,
 О взоромъ, бодростью и мужествомъ Орловъ,
 Позволь простерть имъ гласъ изъ мѣстъ уединенныхъ
 На встрѣчу, гдѣ отъ странъ богиня оживленныхъ
 Всѣхъ щедря и любя, спѣшитъ къ Невы струямъ,
 Отрады обновить, покой умножить намъ;
 Гдѣ ты усердіе и вѣрность къ ней являешь,
 И сродно съ именемъ, раченьемъ возлетаешь,
 Предвидишь издали благоугодность ей,
 Минервѣ тысячи достойной алтарей.

Куда ни посыпчатъ стопы ея достигнуть,
 Тамъ должно храмы въ честь для вѣчности воздвигнуть.
 Лишь только начнется пребыстрыхъ мыслей бѣгъ,
 Предводитъ польза ихъ и слѣдуетъ успѣхъ.
 Стократно счастливы ея подъ кровомъ нивы,
 Гдѣ лавры собралъ Петръ, она садитъ оливы.
 Возносятся грады тамъ въ веселіи главы;
 О какъ красуетесь Балтійски бреги, вы!
 Тритоны съ нимфами тамъ громко восклицаютъ
 И Амфитриты путь Россійской прославляютъ.
 Кронштадтскихъ вобразивъ за лѣто шумъ валовъ,
 Какъ радовались тѣ схожденію боговъ,
 Екатеринину приходу въ длани плещутъ;
 Торжественны огни среди нѣдръ влажныхъ блещутъ;
 Сугубымъ ревомъ тамъ и пѣною порогъ
 Стремится книзу, чтя монаршихъ святость ногъ.
 Противны нѣкогда, но нынѣ Россамъ святы
 Ликують въ торжествѣ Ливонскіе раскаты.
 Крутится веселясь въ струяхъ своихъ Двина,
 Отрадой болѣе какъ влагою полна.
 Не страшны тамъ отвиѣ грозящи исполны:
 Крѣпитъ премудрыя рука Екатерины.
 Для безопасности обильныхъ Росскихъ нѣдръ
 Хранить преемница, что намъ устроилъ Петръ.
 Крѣпитъ на западѣ, въ востокъ распространяетъ,
 Судьба широки гдѣ врата ей отверзаютъ,

Народы многіе сыскавъ, отъ зла покрыть,
И знаніемъ добра и пользы просвѣтить.

Здѣсь тверды крѣпости, здѣсь пристани и флоты,
Прибѣжище своимъ, и отъ враговъ оплоты.
Снаряды значать всѣ противнымъ страхъ, не вредъ,
И въ безопасности чтобъ мирный былъ сосѣдъ.
Въ покоѣ богатить монархія насъ мыслить,
Что общее добро своимъ, довольствомъ числить,
Во всемъ отечествѣ поставить правый судъ
И щедро награждать усердныхъ вѣрныи трудъ,
Блаженство подданныхъ возвыситъ чрезъ науки,
Наградой ободрятъ художественны руки;
Спасать несчастливыхъ, счастливыхъ умножать,
И быть рабовъ своихъ возлюбленная мать.

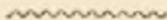
Подобно какъ весны благопріятно время
Живить по всей земли и въ морѣ всяко племя,
Владычица красотъ, природы щебра дщерь,
Когда богатствъ своихъ отверзетъ только дверь;
Зефиры нѣжные на воздухъ вылетаютъ,
Утѣху, здравіе повсюду разливаютъ,
И пчелы пестрыя сосутъ въ лугахъ цвѣты,
Сбирая сладостны себѣ и намъ соты.
Поля, стада, лѣса даютъ вездѣ надежду,
Готова намъ покровъ и пищу и одежду;
И все, что видимо въ богатомъ естествѣ,
Живетъ и движется въ трудѣ и въ торжествѣ.
Неиначе народъ въ блаженствѣ успѣваетъ,
Что просвѣщенная богиня покрываетъ;
Въ числѣ монаршескихъ считаетъ вѣвшихъ дѣлъ
Внутрь области снабдить и укрѣпить предѣлъ.

Се слава по путямъ Ливонскимъ разглашаетъ:
Монархія лицемъ къ Петрополю сіяетъ.
Въ восторгѣ онъ пріявъ желаемый сей слухъ,
Отъ чистыхъ Невскихъ струй возводитъ взоръ и духъ.
И солнца своего привѣтствуетъ восходу,
Откуда блещетъ свѣтъ Россійскому народу.
Желанія во всѣхъ, какъ тихихъ волнъ игра
Пріемлющихъ лучи чистѣйшіе сребра,
Повсюду блещущихъ отъ одного свѣтила;
Такъ дѣйствуетъ въ сердцахъ добротъ монаршихъ сила!

Я зрю здѣсь въ радости довольствіи общихъ видъ,
Гдѣ Рудица, выючись сквозь каменья, журчитъ,
Гдѣ дѣйствуетъ вода, гдѣ дѣйствуетъ и пламень,

Чтобы составить мнѣ, или превысить камень,
 Для сохраненія геройскихъ славныхъ дѣлъ,
 Что долгъ къ отечеству изобразить велѣлъ.
 Гдѣ дщерь Петрова мнѣ щедротною рукою
 Награду воздала между трудовъ къ покою.
 Трудовъ, что ободрилъ Екатерининъ гласъ,
 И взоръ жизнь нову влилъ, и воскресилъ Парнассъ!

Онъ будетъ сихъ даровъ безсмертнѣй проповѣдникъ.
 А ты, о храбрыхъ дѣлъ отеческихъ наслѣдникъ,
 Ты знаешь съ мужествомъ пріятность сопрягать,
 Блюсти величество и подданныхъ спасать;
 Великія дѣла соединять къ отрадѣ,
 И Марсу слѣдовать и угождать Палладѣ.
 Блаженъ родитель твой такихъ намъ давъ сыновъ,
 Не именемъ однимъ но свойствами Орловъ.
 Онъ храбростію Петру усердствовалъ на брани:
 Ты вѣрны отчеству распростирая длани,
 Екатерининъ рокъ и общій отвратилъ,
 Покой и вѣкъ златой наукамъ обновилъ.
 Ликують Сѣверны страны въ премудрой волѣ,
 Что правда съ кротостію сіяетъ на престолѣ.
 О коль прекрасны дни! о коль любезна власть!
 Герой! мы должны въ томъ тебѣ велику часть.

V.

ТРАГЕДІИ.

ТАМИРА и СЕЛИМЪ.

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(1750).

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ: Въ сей трагедіи изображается стихотворческимъ вымысломъ позорная гибель гордаго Мамаю царя Татарскаго, о которомъ изъ Россійской исторіи извѣстно, что онъ будучи побѣжденъ храбростію Московскаго государя, великаго князя Димитрія Іоанновича на Дону, убѣжалъ съ четырьмя князьми своими въ Крымъ, въ городъ Кафу, и тамъ убитъ отъ своихъ. Въ дополненіе сего представляется здѣсь, что въ нашествіе Мамаево на Россію, Муметь царь Крымскій обѣщавъ дочь свою Тамирю въ супружество Мамаю, послалъ сына своего Нарсима съ нѣкоторымъ числомъ войска на вспоможеніе оному. Въ его отсутствіе Селимъ царевичъ Багдатскій по повелѣнію отца своего перешедъ черезъ Натолію, посадилъ войско на суда, чтобы очистить Чорное море отъ Крымскихъ морскихъ разбойниковъ, грабившихъ Багдатское купечество. Сіе учинивъ, приступилъ подъ Кафу, въ которой Муметь будучи осаждаемъ, и не имѣя довольныхъ силы къ сопротивленію, выпросилъ у Селима на нѣкоторое время примиренія, въ томъ намѣреніи, чтобы между тѣмъ дожидаться обратно съ войскомъ сына своего Нарсима. Послѣ сего перемирія въ первый день слѣдующее происходитъ въ Кафѣ, знатнѣйшемъ приморскомъ городѣ Крымскомъ, въ царскомъ домѣ.

Дѣйствующія лица.

Муметь царь Крымскій.

Мамай царь Татарскій.

Тамира царевна Крымская, дочь Муметова.

Селимъ царевичъ Багдатскій.

Нарсимъ царевичъ Крымскій, братъ Тамиринъ.

Надиръ братъ Муметовъ.

Зайсанъ визирь Муметовъ.

Клеона мамка Тамирна.

Два вѣстника.

Воины.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Тамира и Клеона.

Тамира.

Насталъ ужасный день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи,
Даетъ печальный знакъ къ военной непогодѣ;

Любезна тишина минула въ сей ноцѣ.
 Отецъ мой воинству готовится къ отпору,
 И на стѣнахъ стоять уже вчера велѣлъ.
 Селимъ полкѣи свои возвелъ на ближню гору,
 Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ.
 На гору какъ орелъ всходя онъ возносился,
 Который съ высоты на агнца хочетъ пасть;
 И быстрый конь подъ нимъ какъ бурный вихрь крутился,
 Селимово казалъ проворство тѣмъ и власть.
 Онъ ѣздилъ по полкамъ, пока тѣнь мрачной ночи
 Закрыла отъ меня полѣ, его и строй.
 Потомъ и томныя хотя сомкнулись очи,
 Однако видѣла его передъ собой;
 Во снѣ ли было то, или то было въ-явѣ:
 Смущался мыслями сонъ, смущались мысли сномъ;
 Селимъ казался мнѣ великолѣпенъ въ славу,
 Таковъ осанкою, Клеона, и лицомъ,
 Какъ въ перемирны дни скакалъ передъ стѣнами,
 Искусствомъ всѣхъ другихъ и взоромъ превышалъ,
 И стрѣлы пущенны уже подъ облаками
 Направленными вслѣдъ стрѣлами разсѣкалъ.

Клеона.

Багатско воинство умножилось безъ счета!
 При всходѣ свѣтлыя я видѣла луны,
 Что мосты и пути и городски ворота
 Противныхъ силою вездѣ осажены.
 Ночно молчаніе боязнъ усугубляло,
 И слезы по лицу блѣднѣющихъ лились.

Тамира.

Теперь сраженіе конечно ужъ настало;
 Клеона, посмотри, и скоро возвратись.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамира одна.

О какъ смущень мой духъ! я знаю и заочно,
 Селимъ противу стѣнъ стоитъ напередѣ.
 Боюсь, чтобъ кто его не ранилъ ненарочно,
 И не вонзилъ стрѣлы отъ насъ въ его груди!
 Я ей не чаю быть такого кровопивца,
 Кто-бъ съ умыслу хотѣлъ направить лукъ въ него!
 О небо, отврати свирѣпаго убивца,
 И сокрушить не дай тѣмъ сѣрдца моего!
 Ахъ что я дѣлаю? что въ мысли я имѣю?
 Я тѣмъ родителя и Бога прогнѣвлю,
 Что общаго врага отечеству жалѣю!
 Никакъ Селимомъ я плѣнилась и люблю?
 Однакъ и безъ любви ему-ль желать мнѣ року?
 Тотъ злою львицею въ пустыхъ горахъ рождень,
 Кто видя съ младостью природу въ немъ высокоу,
 Къ жалѣнію по немъ не будетъ побуждёнъ.
 Что онъ противу насъ вооружился въ полѣ,
 Сыновняя любовь и должности велятъ.
 И какъ родительской не согласиться волѣ?
 Отецъ его, отецъ, не онъ намъ сопостать.

Онъ счастливъ, что ему есть въ старости замѣна.
 Благополучна мать, что въ свѣтъ произвела!
 И ежели есть сестра, то коль она блаженна,
 Что съ лѣтъ младенческихъ съ нимъ купно возросла!
 Но коль родилась та на свѣтъ благополучно,
 Которой щедрая устроила судьба,
 Чтобы съ Селимомъ жить до смерти неразлучно!
 О какъ волнуюсь я! какая внутри борьба!
 Теперь я признаю, что нѣкотора сила
 Неосторожный духъ ужё взяла во власть,
 И сердце нѣжное къ Селиму преклонила:
 Къ нему я чувствую въ себѣ любовну страсть!
 Любовь меня влечетъ его смотрѣть на стѣны.
 Куда? и какъ? или на стрѣлы устремлюсь,
 Что нынѣ противъ насъ шумятъ какъ градъ сгущенный?
 Но я уязвлена, и стрѣлъ ужё не боюсь.
 Ахъ что терзаюсь я несчастная, не зная;
 Селиму можетъ быть въ отечествѣ своемъ
 Любима и любви залогъ взяла иная;
 О чемъ крушуся я не разсудя, о чемъ?
 Суровая война, тобою учинилось,
 Что тотъ противникъ нашъ, котораго люблю!
 Однако гдѣ бы мнѣ видать его случилось?
 Я время суетнымъ мечтаніемъ гублю.
 Не лучше-ли просить отъ вѣрныхъ совѣту,
 И способовъ скорѣй къ отрадѣ мнѣ искать?
 Однако ждать могу-ль утѣшнаго отвѣту?
 И какъ осмѣлюсь я Клеонѣ все сказать?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамира и Клеона.

Клеона.

Грестань себя смущать, дражайшая царевна.
 Какія вижу я премѣны на лицѣ!
 Оставь боязнь: въ сей часъ минетъ судьбина гнѣва;
 Весь страхъ мнѣ кажется при самомъ быть концѣ.

Тамира.

Никакъ ужъ ворвались къ намъ въ городъ сопостаты,
 И превратился страхъ въ отчаянну печаль?

Клеона.

Теперь всходила я въ высокія палаты,
 И на Багдатскіе полки смотрѣла вдаль.

Тамира.

Ты видѣла полки? ты видѣла Селима?

Клеона.

Я видѣла, что онъ отшелъ ужё отъ стѣны,
 И кажется, что прочь совсѣмъ идетъ отъ Крыма,
 Невѣдомо какой причиною побужденъ;
 Я чаю, утомясь, не хочетъ больше бою.

Тамира.

Никакъ ему какой предатель измѣнилъ;
 Или отецъ объять нечаянно войною,
 И требуетъ себѣ его на помочь силь.

Я чаяла конца, и по паденьи мнимомъ,
Оплакавъ кровь гражданъ и стѣнъ оставшій прахъ,
Мнѣ будетъ слѣдовать во узахъ за Селимомъ,
И при Евфратскихъ жить невольницей брегахъ.

Клеона.

Тотъ ужасъ миновалъ: военные снаряды
Противники всходя на корабли несутъ,
Кафа избавилась отъ грозныхъ осады.
Что слезы по лицу, дражайшая, текутъ?
Никакъ отъ радости? однако воздыханья
И твой прискорбный взоръ иное кажутъ мнѣ.
Или ужасныя и грозныя мечтанья
Обезпокоили младую мысль во снѣ?
Или враги въ ночномъ призракѣ побѣдили?
Никакъ представилось падение сихъ стѣнъ?
Что Крымски города и села пусты были,
Что царь и домъ его былъ взятъ въ поносной плѣнъ?

Тамира.

Ахъ если-бъ то былъ сонъ, то-бъ съ мракомъ разрушился!
Однако бы и сонъ такой меня плѣнилъ!

Клеона.

Или твой нѣжный духъ любовью уязвился?
Но кто же бы тебя въ любовь нынѣ уловилъ?
Скажи, царевна, мнѣ; или тому быть можно,
Чтобъ тайны мнѣ твоей не должно было знать?

Тамира.

Что хочешь слышать ты, то странно и безбожно,
Нигдѣ не слыхано и ужасно сказать!

Клеона.

Для сихъ ослабшихъ рукъ, которыми носила
Тебя въ младенчествѣ, смущенье отложи,
И вспомнивъ какъ тебѣ я искренне служила,
Не обинуясь мнѣ тоску свою скажи.
Чѣмъ долѣе она въ закрытіи таится,
Тѣмъ духъ терзается сильнѣе отъ нея:
Но если объявишь, то можетъ утолиться,
Иль быть умѣренна потѣмъ печаль твоя.

Тамира.

Любезная моя и вѣрная Клеона,
Коль тяжело мучусь я!

Клеона.

О небо!

Тамира.

Ахъ Селимъ!

Противница отцу, преступница закона!
Врагомъ отечества, и можетъ быть, своимъ...

Клеона.

О Боже мой! никакъ ты тайно согласилась
И хочешь для любви отечество предать!

Тамира.

То небо отврати! довольно что прельстилась;
Преступно и любви противницей желать.
Я бодрость и лицо, Клеона, представляя,
Горю, и пламень мой гашеніемъ растеть.

Не знаю что начать! Скажи мнѣ, дорогая,
 Что дѣлать мнѣ теперь, когда онъ прочь идетъ?
 Уже всѣ мысли съ нимъ на берегъ обратились;
 Я съ нимъ, я съ нимъ среди морскихъ валовъ плыву,
 И горы крымскія отъ насъ изъ виду скрылись.
 Какой объемлетъ хладъ и мракъ мою главу!
 Уѣдетъ о моей любви неизвѣстенъ,
 И слезъ моихъ себѣ не будетъ представлять!
 За тѣмъ ли ты, Селимъ, казался мнѣ прелестенъ,
 Чтобъ вѣчно по тебѣ безъ пользы вздыхать?

Клеона.

Царевна, ты тоску напрасно умножаешь.
 Послѣдуй моему совѣту и забудь
 Пусты мечтанія, чѣмъ мысль отягощаешь,
 И кровь кипящую къ спокойствію принудь.
 Селимъ, я слышала, о нѣжности не знаетъ,
 Онъ въ полѣ только жить и на стану привыкъ,
 За полное свое блаженство почитаетъ,
 Когда оружный трескъ и въ войскѣ слышать крикъ,
 Какъ стѣны падаютъ и города дыматся,
 Когда мечи блестятъ, течетъ по копьямъ кровь.
 Ты сердцу дай покой и полно сокрушаться:
 Не могутъ вмѣстѣ быть свирѣпство и любовь.

Тамира.

За нимъ бы слѣдовать ни горы мнѣ высоки,
 Ни конскимъ топотомъ смущенный въ полѣ прахъ,
 Ни копыя ни мечи ниже кровавы токи,
 Ниже какой иной не возбранилъ бы страхъ.
 Любовью горятъ нерѣдко и герои;
 Отъ ней избавиться не можно никому.
 Кому любезнѣ сраженія и бои
 И жить всегда въ шатрахъ, какъ брату моему?
 Однако нынѣ онъ послѣдуя Мамаю,
 Хотя въ Россійской край пошелъ вооруженъ;
 Но мысли всѣ свои, Клеона, вѣрно знаю,
 Всѣ мысли клонить къ той, которой уязвленъ.
 Возлюбленный мой братъ! когда-бъ ты здѣсь былъ нынѣ,
 То я-бъ въ отчаяннѣ толикомъ не была;
 Ты сдѣлалъ-бы конецъ жестокой сей судьбинѣ,
 Или-бъ не допустилъ сего въ началѣ зла.
 Ты даль-бы способъ мнѣ увидѣться съ Селимомъ;
 Или-бы къ симъ его не допустилъ стѣнамъ;
 И я-бы не была въ мученьи нестерпимомъ,
 Не показавъ такой пріятности очамъ.
 Теперь послушенъ ты неистовому звѣрю,
 Въ которомъ варварство и гордость мнѣ гнуса,
 Кичливому ни въ чемъ Мамаю я не вѣрю,
 Ему вселенная къ владѣнію тѣсна.
 Подумавъ о своемъ возлюбленномъ Нарсимѣ,
 Боюсь, чтобъ не постигъ такой его конецъ,
 Что плачь-бы произвелъ и нестроенье въ Крымѣ.

Клеона.

Царевна, вотъ идетъ дражайшій твой отецъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Муметь, Тамира и Клеона.

Муметь.

Прошла военная гроза и неустройство,
 Желанный мир насталь, возлюбленная дочь,
 И утверждается надежное спокойство:
 Въ союзъ со мной вступивъ, Селимъ отходить прочь.
 Поставленный сей миръ мнѣ больше тѣмъ приятень,
 Что выгоды онъ мнѣ нечаянны принесъ.
 Сначала случай сей едва мнѣ былъ понятень,
 Что радость намъ пришла внезапно вмѣсто слезъ.
 Однако нынѣ я причину вижу ясно,
 Зачѣмъ спѣшить въ союзъ со мной вступить Селимъ;
 Ему прибытіе Нарсимова ужасно,
 Что скоро съ воинствомъ назадъ придетъ моимъ.
 Къ Селиму какъ ко мнѣ, конечно уповаю,
 Пришла, мнѣ радостна, ему печальна вѣсть,
 Что Росская страна подверглась вся Мамаю,
 И сынъ мой поспѣшить полки сюда привести.
 Сего дня лишь заря намъ свѣтъ предвозвѣстила,
 Съ поспѣшностью гонецъ прибѣгъ съ Донскихъ полей,
 И вѣсть принесъ, что вся Ордынска къ бою сила
 Противу Россовъ шла, и Россы противъ ней.
 Но Ольгъ Рязанскій князь, и князь Олгердъ Литовскій
 Свои къ Мамаевымъ поставили полки,
 И съ малымъ воинствомъ Дмитрій князь Московскій
 Противу стать дерзнулъ, оставшись близъ рѣки.
 Какъ буря шумная поднявшись послѣ зною,
 Съ свирѣпой яростью въ зажженный дуетъ лѣсъ,
 Дымъ, пепель, пламень, жаръ восхитивъ за собою,
 И въ вихрь крутой завивъ, возносить до небесъ,
 И нивы на поляхъ окрестныхъ подаесть,
 И села и кругъ ихъ растущіе плоды;
 Надежды селянинъ лишившись оставляетъ
 Ревущему огню вселѣтные труды.
 Подобно такъ Мамай единымъ вдругъ ударомъ
 Противъ Дмитрія ордамъ летѣть велѣлъ,
 И въ мужествѣ стремясь на полкъ противный яромъ,
 Скакаль съ мечемъ своимъ черезъ блѣдны кучи тѣлъ.
 Россійскія въ крови повержены знамена,
 И князь Московскій былъ отвсюду окруженъ,
 И сила войскъ его слабѣла утѣшенна:
 Сомнѣнья нѣтъ, что онъ Мамаемъ побѣжденъ.

Тамира.

Мнѣ равно какъ тебѣ, родитель мой, пріятно.
 Что радостная вѣсть пришла въ спасенный градъ:
 Однако будетъ мнѣ утѣшнѣе стократно,
 Когда прійдетъ здравъ возлюбленный мой братъ.
 Ахъ небо помоги желаннаго достигнуть,
 И поспѣши къ концу намѣреній моихъ!

Муметь.

Я къ большей радости могу тебя подвинуть,
 Возлюбленная дочь: Мамай тебѣ женихъ.

Тамира.

Мамай! о Боже мой!

Муметь.

Востока обладатель

И побѣдитель всѣхъ полочныхъ нынѣ странъ,
Союзникъ искренній и вѣрный мнѣ пріятель
Судьбой и мной тебѣ въ супружество избранъ.
Имѣя многіе подъ областью народы,
Тамира, будетъ онъ тобою жить плѣнень,
И станеть оный плѣнъ дороже чтить свободы,
Хотя ему Востокъ и Сѣверъ покорень.
Возлюбленная дочь, что очи потупляешь?
Я стыдъ дѣвической въ тебѣ весьма хвалю:
И что вздыхаючи ты брата ожидаешь,
Природную къ нему любовь твою люблю;
Однако нынѣ ты похвальную стыдливость
И мысли смутныя о братѣ отложи,
И на отеческу смотря нетерпѣливость,
Согласна-ли ты, мнѣ немедленно скажи.

Тамира.

Что я съ младенчества родительскую волю
Привыкла исполнять, довольно знаешь самъ;
Своею почитать не отрицаюсь долю,
Которую мнѣ дать угодно небесамъ.
Однако разсуди мои младыя лѣта,
И въ возрастъ мнѣ придти въ дому твоемъ позволъ.
Я буду почитать, что я живу внѣ свѣта,
Какъ если безъ тебя я буду жить средѣ поля!
И какъ подумать мнѣ, что я мила Мамаю?
И какъ могу сказать, чтобы онъ мнѣ былъ милъ,
Когда лица его и нравовъ я не знаю?
И какъ его мой взоръ заочно-бы плѣнилъ?

Муметь.

Оставь о семъ ты мнѣ, Тамира, попеченье,
И вѣрь, что будетъ толь межъ васъ крѣпка любовь,
Что лишь твое со мной минуетъ разлученье,
То будетъ къ одному кипѣть Мамаю кровь.
Ты долженствуешь мой въ Востокѣ родъ возставить
И дружбу чрезъ родство съ Мамаемъ утвердить,
Умножить нашу мочь, и съ нимъ себя прославить;
Мнѣ польза, честь тебѣ велить его любить.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тамира и Клеона.

Тамира.

Война и миръ противъ моеи любви воюеть!
Противилась моимъ желаніямъ война;
Но нынѣ, Клеона, миръ свирѣпѣе враждуетъ;
Меня сильнѣе бурь колеблетъ тишина!
Сугубымъ бременемъ зачто отягощаюсь?
Въ супружество дѣлуютъ тому, кто мнѣ постылъ!
Довольно-ль что того, кого люблю, лишаюсь?
О небо, не нашли мнѣ казни выше силъ!

Когда-бъ еще война понинѣ продолжалась,
 То мучилъ-бы меня одинъ лишь только страхъ,
 Мнѣ лучше, если-бъ я Селиму въ плѣнъ досталась
 Какъ славно царствовать въ Мамаевыхъ странахъ.
 Ахъ если-бъ было то, и я бы вѣрно знала,
 Что равнымъ пламенемъ Селимъ ко мнѣ горить;
 То слезъ потокъ проливъ, отцу-бы все сказала,
 Что духъ мой и языкъ съ тобою говорить.
 Онъ видя искренность, на плачъ-бы преклонился,
 И нашу можетъ быть любовь-бы утвердилъ.
 Или-бъ и мой животъ съ надеждой прекратился,
 Въ спокойствѣ, что уже Селимъ меня любилъ.
 Но нынѣ ненависть въ одну страну склоняетъ,
 Въ другую отчаянне несчастную влечетъ.
 Какъ на морѣ корабль, то буря похищаетъ,
 То водъ стремленіе противъ нея несетъ;
 Такъ я противными страстями вдругъ боряма,
 Не чая одолѣть, должна противъ стоять.
 Отчаявшись имѣть въ супружествѣ Селима,
 Отчаявшись любить Мамаю, что начать.

Клеона.

Ахъ лучше то избрать, что подлинно извѣстно,
 Какъ онаго желать, чему не можно быть.
 Хотя Селимово лицо тебѣ прелестно;
 Но праву слѣдуя, старайся позабыть.

Тамира.

Довольно-бы того, что права и законы
 Во обузданіи любовну страсть крѣпятъ;
 Довольно отъ стыда любовникамъ препоны,
 Когда взаимный жаръ другъ въ другѣ знать хотять.
 Но развращенный вѣкъ насильства умножаетъ;
 Отеческа гроза, богатство, родъ и честь
 Коль многихъ въ вѣчное несчастье погружаетъ,
 Любви желающихъ достатки предпочеть.
 Какая польза въ томъ, что златомъ испещренный
 И камнемъ драгимъ въ глазахъ блеститъ чертогъ,
 Когда мой будетъ духъ отъ оныхъ отвращенный
 Къ тому всегда вперенъ, чего имѣть не могъ.
 Дабы на мало лѣтъ возстановить союзы,
 Родители даютъ свою залогомъ кровь,
 На дѣтскія сердца кладутъ несносны узы:
 Въ какой неволѣ ты, дражайшая любви!
 Я вамъ завидую, которы отдаленно
 Отъ гордыхъ сихъ палатъ живете въ тишинѣ:
 У васъ веселіе равно и непремѣнно,
 И прямо счастливы лишь только вы однѣ,
 У васъ вольна отъ узъ живетъ любовь святая;
 У васъ не для отцовъ, но любятъ для себя,
 Союзовъ никакихъ ни выгодъ не считая,
 Но склонность лишь своихъ сердецъ употребя.
 Коль счастлива была бъ, коль счастлива Тамира!
 Когда бъ съ ней былъ Селимъ въ одномъ лугу пастухъ:

Не злато, не вѣнды, не царская порфира,
Но вѣрная бѣ любовь соединила двухъ.

Клеона.

Одно тебѣ еще прибѣжище осталось.
Ты дядѣ мысль сию, царевна, объяви;
Спѣши, пойдемъ пока совсѣмъ не основалось
Супружество твоей противное любви.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Селимъ и НаDIRь.

НаDIRь.

Мнѣ радостенъ сей миръ; но на тебя взирая,
Сугубо чувствую веселіе въ себѣ.
Таковъ его былъ взоръ и бодрость въ немъ такая,
И именемъ и всѣмъ подобенъ былъ тебѣ
Селимъ, котораго любовь и добродѣтель
Къ Нарсиму и ко мнѣ коль искренна была,
Тому прекрасный берегъ Геонскихъ водъ свидѣтель.

Селимъ.

Сѣдины вижу тѣ, и тѣ черты чеда!
Теперь мнѣ небеса надежду укрѣпляютъ!
Возлюбленный НаDIRь, тебя здѣсь вижу я,
Котораго понынѣ мѣста вспоминаютъ,
Гдѣ праведна еще цвѣтеть хвала твоя,
Хотя и никому твой царскій родъ незнаемъ,
Который и друзьямъ твоимъ былъ потаенъ?
Но гдѣ твой сынъ, мой другъ?

НаDIRь.

На брань пошелъ съ Мамаемъ.
Однако онъ царемъ не мной на свѣтъ рожденъ.
Родившись отъ одной съ Муметомъ я утробы,
Нарсима сыномъ звалъ, онъ звалъ меня отцомъ;
И не хотя какъ ты открыть своей особы
Высочество тайлъ въ названіи простомъ.

Селимъ.

О щедрая судьба! Нарсимъ! онъ братъ Тамиръ!
Пріятель искренній! когда бы здѣсь онъ былъ,
То можетъ быть при семъ возобновленномъ мирѣ
Въ желаніи моемъ мнѣ Промыслъ споспѣшилъ.

НаDIRь.

Его обратно царь всечасно ожидаетъ.

Селимъ.

Однако и твоя поможетъ мнѣ пріязнъ.
Позволь мнѣ объявить, чего мой духъ желаетъ;
Узнаешь нынѣшнихъ отъ прежнихъ мыслей разнь.
Тебѣ всѣ склонности и жизнь моя извѣстна,

Какъ былъ я въ Инди съ Нарсимою и съ тобой;
 Бывала ль красота очамъ моимъ прелестна?
 Бываль ли нарушенъ любовью мой покой?
 Всегда исполненъ тѣмъ, что мудрые брамины *)
 Съ младенчества въ моей оставили крови,
 Напасти презирать, безъ страху ждать кончины,
 Имѣть недвижимъ духъ и бѣгать отъ любви;
 Я больше какъ рабовъ имѣлъ себя во власти,
 Мой нравъ былъ всегда уму порабощенъ,
 Преодолены я имѣлъ подъ игомъ страсти,
 И мраку ихъ не зналъ наукой просвѣщенъ.
 Другихъ волненія всегда смотрѣлъ со брегу.
 Но нынѣ подъ общій я подверженъ сталъ законъ
 И мыслей быстро сдержатъ не силенъ бѣгу,
 Я имъ послѣдую и отдаюсь въ полонъ.
 Не ради слабыхъ силъ оставилъ я осаду
 Любовь исторгнула изъ рукъ военныхъ мечъ;
 Тамира, не полки была защита граду,
 Она мнѣ шлемъ съ главы, броню сложила съ плечъ.
 Надиръ.

Что слышу я? и какъ?

Селимъ.

Сквозь самы тверды стѣны,
 Межъ копей межъ щитовъ любви свободенъ путь.
 Я въ перемирны дни на градъ сей утѣсненный,
 Приблизившись ко рву едва успѣлъ взглянуть,
 Прекрасны очи грудь пронзили изъ бойницы.
 Смущенъ и изумленъ спросилъ, какъ ѣхалъ прочь:
 Мнѣ плѣнникъ объявилъ, что смотреть тутъ дѣвицы,
 И что Муметова въ срединѣ оныхъ дочъ.
 Съ того часа война въ крови моей возстала;
 Я вамъ спокойство давъ, съ собою брань имѣлъ:
 Любовь поставитъ миръ, честь къ бою побуждала.
 Вчера любовну страсть мой разумъ одолѣлъ.
 Я въ руки принялъ мечъ; но сердце вопіяло:
 Селимъ, на то ли ты дерзаешь устремленъ,
 Чтобъ око нѣжное на кровь гражданъ взирало,
 Которое меня въ пріятный взяло плѣнъ,
 И чтобъ въ слезахъ лицо Тамирино прекрасно
 Отъ падающихъ стѣнъ покрылъ сгущенный прахъ.
 Я симъ движеніямъ противился напрасно,
 И удержать не могъ оружія въ рукахъ.
 Дражайшій мой Надиръ, познавъ причину мира,
 И дружбу вспомнивъ потщисъ мнѣ пособить.
 Царю напомни, что можетъ лишь Тамира
 Триумфъ мой и сихъ стѣнъ мнѣ цѣлость заплатить.
 Надиръ.

Твои заслуги мзды толикія достойны,
 Достойны качества, и славный царскій родъ:
 Ты мысли между тѣмъ имѣй, Селимъ, покойны,
 Когда твой объявлю царю сюда приходъ.

*) Индѣйскіе философы. (Прим. Л.).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тамира, Селимъ и Клеона.

Тамира.

Отраду можетъ быть въ моей печали крайней
Второй мнѣ дать отецъ... кого я вижу здѣсь?
Клеона, ахъ! куда?

Клеона.

О случай невзначайный!

Селимъ.

О радостный восторгъ! я цѣпенью весь!
Драгая, не мятись симъ взоромъ необычнымъ,
Но слуху своего гласъ слезный удостой,
И красотѣ твоей воззрѣниемъ приличнымъ
Трепещущую кровь и сердце успокой.
Хотя учтивость мнѣ и скромность возбраняетъ
Продерзостную мысль нечаянно открыть;
Но время краткое отнюдь не позволяетъ
И сердце не даетъ движенія таить.

(Становится на колѣна).

Ты видишь предъ собой, прекрасная царевна,
Тобой плѣннаго презрителя любви;
Тобой мнѣ будетъ жизнь блаженна, иль плачевна.
Коль хочешь оживи, коль хочешь умертви.

Тамира.

Какимъ смущаюсь я внезапно разговоромъ!
Тебя, Селимъ, тебя могу я умертвить?
Коль странна рѣчь!

(Поднимаетъ его).

Селимъ.

Твоимъ пронзенно сердце взоромъ.

Бунтующей душѣ велить твоею быть.
Вотще противъ тебя противъ себя воюю:
У стѣнъ, въ полкахъ, въ поляхъ твою срѣтаю тѣпъ,
И въ трубный шумъ твое я въ мысли имя чую,
Тебя мнѣ мракъ ночной и ясность кажетъ въ день.
Пріятностей твоихъ вездѣ мнѣ блескъ сіяетъ;
Тобой исполненъ я и въ явѣ и во снѣ.
Недвижимый мой духъ и крѣпость оставляетъ.
Я больше ужъ себя не нахожу во мнѣ.
На горькое смотря, дражайшая, мученье,
Повѣрь, что мой животъ въ любезной сей рукѣ.

Тамира.

Какое дать могу тебѣ я облегченье,
Въ лютѣйшей будучи погружена тоскѣ?

Селимъ.

Дражайшая, какой свирѣпости возможно
Тебѣ малѣйшую противность учинить?
Какое сердце есть на свѣтѣ толь безбожно,
Которое тебя дерзаетъ оскорбить?
Тебя, предъ кою жаръ бранный погасаетъ
И падаютъ изъ рукъ и копья и щиты,

Геройскихъ мыслей бѣгъ насильный утихаетъ
 Удержанъ силою толикой красоты!
 Но если ты меня, драгая, удостоишь
 Причину твоего смущенія узнать;
 То свой ты черезъ то и мой духъ успокоишь:
 Во всемъ любовь моя возможетъ помощь дать.
 На все любовь моя готова устремиться,
 Готова всѣ бѣды и смерть въ ничто вмѣнить;
 Лишь только бы твоей отрадой веселиться,
 И чтобъ любовь твою взаимно заслужить.

Тамира.

Ахъ тщетны всѣ слова! напрасны обѣщанья!
 Гонимой отъ своихъ помочь ли чужой?
 Однѣ остались мнѣ со плачемъ воздыханья:
 Не множь ихъ, и себя отъ глазъ моихъ укрой.
 Меня судьба зоветъ и должность понуждаетъ
 Оставить здѣшній градъ и въ дальный край спѣшить,
 Престань того желать, что небо запрещаетъ,
 Такъ Промыслъ положилъ, и нельзя премѣнить.

Селимъ.

Поспѣшно твоему отшествію иль косно,
 Черезъ море должно быть, или пространствомъ поль;
 То, ежели тебѣ мое присутствие сносно,
 Дражайшая, себѣ послѣдовать позволь.
 И удостой меня взирать слезящимъ окомъ
 На знаки нѣжные возлюбленныхъ слѣдовъ.
 Но ежели не дано тебѣ предѣла рокомъ,
 Гдѣ должно странствовать, оставя домъ отцовъ;
 Послѣдуй мнѣ въ дуга Багатскіе прекрасны,
 Гдѣ въ срѣтенье тебѣ Евфратъ прольетъ себя,
 Гдѣ вѣшніе всегда господствуютъ дни ясны,
 Пріятность воздуха достойная тебя.
 Царицу воспріять великую стекаясь,
 Богинею почитать чудящійся народъ,
 И красотѣ твоей родитель удивляясь,
 Превыше всѣхъ торжество поставитъ твой приходъ.

Тамира.

Хотя такихъ, Селимъ, даровъ не презираю;
 Но выше въ нихъ твоимъ достоинствомъ цѣна.
 Ахъ что прельщаюсь тѣмъ, чья быть не уповаю?
 Какъ сердце я отдамъ, въ которомъ невольна?
 Велика держитъ внутри мой робной голосъ сила;
 Но большая тоя отъ сердца гонитъ вонь!
 Когда противъ твоей я воли возлюбила,
 О небо! то скончай ударомъ громнымъ стонь!
 Ужь долѣе таить мой духъ не позволяетъ,
 И толь великихъ бурь не можетъ грудь вмѣстить.
 Селимъ, любовь моя равно къ тебѣ пылаетъ,
 Которую судьба стремится погасить.
 Отецеская власть желаніямъ противна
 Иному отдаетъ тобою полную грудь,
 И съ коимъ жизнь моя была-бы неразрывна.
 Едва я на того дерзаю и взглянуть.

Селимъ.

О радостныя вдругъ минуты и плачевны!
 Я вознесенъ до звѣздъ и въ бездну погруженъ!
 На что соединилъ сердца, о Промыслъ гнѣвный,
 Когда союзъ ихъ вѣкъ тобой не утвержденъ?
 Но нынѣ о твоей любви я увѣренъ,
 Дражайшая, противъ судьбы вооружусь.
 Мой духъ такъ напряженъ, коль пламень мой безмѣренъ;
 Умру, или съ тобой въ триумфѣ возвращусь.

Тамира.

Я сердце ужъ тебѣ, любезный, поручаю,
 И вѣрность данную пребуду вѣкъ храня.
 Къ неистовому я не преклонюсь Мамаю.
 Пустьъ весь свѣтъ побѣдитъ, не побѣдитъ меня.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Селимъ одинъ.

Мама! Тиранъ во плѣнъ толику добродѣтель,
 Чудовище влечетъ толику красоту?
 О солнце, ты сего можешь быть свидѣтель,
 И свѣта не лишишь такую срамоту!
 Я коль великимъ то и славнымъ почитаю,
 Чтобъ вѣкъ Тамириной любовію горѣть;
 Толь напротивъ того позорно быть вмѣняя
 Такого варвара соперникомъ имѣть.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Муметь, Селимъ, Надиръ и Заисанъ.

Селимъ.

Спокойствомъ пользуясь я нынѣ безопаснымъ,
 Тебя пришелъ почтить и видѣть, государь,
 И договоромъ миръ возобновить согласнымъ,
 Къ чему мнѣ даль всю власть меня родившій царь.
 По волѣ я его Таврійскую вершину
 Прешель и воинствомъ наполнилъ корабли,
 Отъ страху свободилъ Евксинскую пучину,
 Что ваши подданны разбоемъ навели.
 Отмстивъ купечества грабежъ, я миръ даль граду,
 Имѣя громъ въ рукѣ, ударить не хотѣлъ:
 За домъ, за Крымъ, за жизнь желанну дай награду,
 Которой я свою побѣду предпочелъ.

Муметь.

Причину твой отецъ имѣлъ вооружиться,
 Какую завсегда къ войнѣ легко сыскать.
 Котора можетъ власть на свѣтѣ похвалиться,
 Чтобъ такъ всѣхъ подданныхъ могла она держать,
 Какъ мирны требуютъ отъ оныхъ договоры,
 И многи-бъ тысячи имѣли мысль одну?
 И кто угодитъ тѣмъ, что будто-бъ рѣшить ссоры,
 Наносятъ для хвалы неправедну войну?
 Хоть наша жизнь кратка, и оныя прибавить

Чрезъ храбрыя дѣла героямъ долгъ велить;
 Но мѣру праведну желаніямъ поставить,
 Въ томъ больше похвала чрезъ дѣлый свѣтъ гремитъ.
 Тебѣ довольно быть, Селимъ, я уповаю,
 Когда повиннымъ казнь достойну наложу.

Селимъ.

Спокойство утвердивъ, я больше не желаю,
 Но токмо дружество взаимно предложу.
 На свѣтлое лицо взирая восхищаюсь,
 Что въ ономъ начертанъ любезный мой Нарсимъ,
 И та, которою пылаю и терзаюсь,
 Пльняетъ красота воззрѣніемъ твоимъ.
 Союза нашего залогъ и совершенство
 И вѣчная печать быть можетъ дочь твоя.
 Тамира дасть одна и сохранишь блаженство,
 Котораго вовѣкъ лишился безъ нея.
 Какъ если данный миръ земли твоей полезень,
 За тое надлежитъ воздать моей любви.
 И буде, государь, твой сынъ тебѣ любезень,
 То друга ты его себѣ усынови.

Муметь.

Что сынъ мой другъ тебѣ, то мнѣ весьма пріятно.
 Онъ такъ-же какъ и я за счастье почтеть,
 Что въ городъ сей пришедъ съ побѣдою обратно,
 Тебя союзникомъ, а не врагомъ найдетъ.
 При немъ намъ небеса помогутъ все устроить,
 Его къ отрадѣ я по вся минуты жду.

Селимъ.

Надѣясь чрезъ него я сердце успокоить,
 На Понтски берега съ веселіемъ пойду,
 И прежде дружняго потщусь сюда приходу
 Все воинство свое на корабли вмѣстить.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Муметь, Надиръ и Заисанъ.

Муметь.

Взирая на любовь, особу и породу,
 Не въ силѣ мыслей я своихъ соединить.
 Примѣтивъ ненависть Нарсиму къ Мамаю,
 Союзъ къ супружеству съ Тамирою таилъ.
 Но нынѣ большія препятствія срѣтаю:
 Нарсимъ Селиму другъ, а ей Мамай постылъ.
 Не должно царское царю быть слово ложно;
 Но какъ я кровь свою тиранствовать могу?

Заисанъ.

Того ужъ, государь, перемѣнить не можно:
 Кто другомъ былъ, тому открыто все врагу.
 Когда кто сильному, что долженъ, отрицаетъ,
 Тотъ будетъ принужденъ, что и не долженъ, дать.
 И долгъ къ отечеству царямъ повелѣваетъ
 Блаженство онаго родству предпочитать.
 Помысли, государь, коль будетъ дерзновенно

Вооруженнаго Мамаю раздражить;
И коль полезно вамъ, похвально, несравненно
Владѣніе такимъ союзомъ укрѣпить.

Надирь.

Что мѣру превзошло, стойтъ надъ стремниною;
Чтобъ гордости примѣръ паденьемъ звучнымъ дать.
Безумна власть падеть своею тяготою;
Что срамно приобрѣсть, срамнѣе потерять.
Видалъ я быстрыя уже изсохши рѣки,
Засыпанны пескомъ, что рвали съ береговъ.
Такъ царства, что цвѣли во славѣ многи вѣки,
Упали тягостью поверженныхъ враговъ.
Нарочно Богъ во тмѣ грядущее скрываетъ,
Чтобъ смертныхъ гордые совѣты разорить.
Мамай полъ свой людьми опустошаетъ,
Дабы ихъ трупами Россійскій край покрыть.
Насильна власть стоять не можетъ долговѣчно.
Кто гонить одного, тотъ всякому грозить.
Россію варварство его безчеловѣчно
Изъ многихъ областей въ одну совокупить.
На плачь, на шумъ, на дымъ со всѣхъ сторонъ стекутся;
Разсыпанныхъ враждой сберетъ послѣдній страхъ.
Какою силою въ единствѣ облечутся,
Владимиръ намъ примѣръ и храбрый Мономахъ.
Сей вредные своей земли отмстивъ набѣги,
Лавровымъ верхъ вѣнцомъ и царскимъ увѣнчалъ,
А оный здѣшніе покрывъ полками бреги,
Супругу въ сихъ стѣнахъ и вѣру воспріялъ.

Заисанъ.

Мамаю слѣдуетъ вездѣ съ побѣдой слава:
Онъ съ нею къ намъ спѣшитъ Россіей овладѣвъ.
Великостію силъ военны мѣрятъ права
Великіе цари и областію гнѣвъ.

Надирь.

Великодушный левъ жаръ тотчасъ утоляетъ,
Коль скоро видитъ онъ, что врагъ его лежитъ;
Но хищный волкъ пота противника терзаетъ,
Пока послѣдняя въ немъ кровь еще кипитъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Вѣстникъ и прежніе.

Вѣстникъ.

Съ придонскихъ, государь, полей я отъ Нарсима
Къ тебѣ пріятную несу поспѣшно вѣсть,
Что къ радости твоей и къ утѣшенію Крыма
Велику заслужилъ онъ храбростію честь.
Побитыхъ кровію Непрядвы токъ ступился,
И грабятъ Россій станъ Херсонскіе полки,
И ранами покрытъ отъ бою уклонился
Димитрій бѣгая Нарсямовой руки.
Одно несчастіе Мамаю сокрушаетъ,
Что сильный Челубѣй пронзенъ въ крови лежалъ,

Лежить и поля часть велику покрываетъ!
 Но намъ послѣдую побѣда ужъ гремитъ.
 Оставшимъ Россамъ путь пресѣченъ къ бѣгу Дономъ,
 Или въ бою падуть или дадутся въ плѣнъ.
 Мамаю малымъ толь людей своихъ урономъ
 Пространный Сѣверъ весь подь область покоренъ.

Муметь.

Мамаю небеса Тамиру поручаютъ,
 И слово данное сама судьба крѣпить.
 Хоть нравы разные съ Нарсимою раздѣляютъ:
 Но обще счастье ихъ въ любовь соединить.
 Ты вѣрный Заисанъ, и ты мой братъ любезный,
 Подумавай межъ собой, придите въ мой чертогъ,
 Союзы утвердить и дать совѣтъ полезный,
 Дабы доволенъ быть Селимъ отказомъ могъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мамай одинъ.

Еще великій страхъ меня не оставляетъ!
 Еще я слышу крикъ враговъ гонящихъ вслѣдъ!
 И блѣдныхъ лицъ меня мечтаніе смущаетъ!
 Здѣсь съ паромъ кровь изъ мурзъ разсѣченныхъ течеть,
 Здѣсь тѣнь Нарсимова послѣдую за мною,
 Уже въ глазахъ моихъ отмищеніемъ грозить!
 Крѣпись, мой духъ, крѣпись, бѣду скривай бѣдою,
 И въ горести кажи на мнѣ геройскій видъ.
 Отъ Россовъ побѣжденъ хотя я ужасаюсь
 Въ отечествѣ свой стыдъ и слабость показать;
 Но съ войскомъ погубивъ Нарсима утѣшаюсь.
 Что не остался, кто бъ здѣсь могъ о томъ сказать.
 Мамай ты будь себѣ и въ пагубѣ подобенъ,
 Мумета ложною побѣдою увѣрь.
 На дѣлѣ испытай коль къ умысламъ способенъ,
 И ковъ составленной напастью нынѣ мѣрь.
 Тамиру давай въ жену, мнѣ дасть Муметь и войско.
 Я орды по степямъ разсыпаны сберу;
 Искусство покажу коварствомъ симъ геройско,
 Внезапно набѣжавъ, Москву въ ногахъ попру.
 На плачъ тамъ премѣню я торжество спокойно,
 И покажу врагамъ каковъ мой гнѣвъ и власть.
 Въ конецъ отчалтъся Мамай недостойно;
 Безумно всѣхъ путей не испытавъ пропасть.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Мамай, Муметь, Надиръ и Заисанъ.

Муметь.

Какое счастье мнѣ небо посылаетъ,
 Великій государь, пришествіемъ твоимъ!
 Нечаянный твой взоръ тѣмъ больше восхищаетъ,

Чѣмъ больше нуженъ онъ смятеніямъ моимъ.
Я радуюсь твоей побѣдѣ въ свѣтѣ звучной,
И скорому дивлюсь прїѣзду твоему.

Мамай.

Не можетъ торжества Мамай благополучный
Себѣ къ веселію оставить одному;
Но хочетъ онаго имѣть и ту причастну,
Которую къ сему блаженству ты родилъ.
Имѣя всю страну Россійскую подвластну,
Я радость сообщить изъ устъ своихъ спѣшилъ.
Сугубымъ торжествомъ украсить ускоряю
И славою мой вѣздъ въ великую орду.
Но славнѣе я быть Тамирою желаю,
Какъ тѣмъ что Дмитрія въ оковахъ приведу.
Ужѣ все воинство со плескомъ ожидаетъ
Съ прекрасною меня царицею къ себѣ.

Муметь.

Побѣда мужество геройское вѣнчаетъ;
Любовь и дружество Тамиру дасть тебѣ.
Нарсимъ помощникъ твой, въ семь градѣ вождельный
Украститъ брачный день, со славою возвратясь,
И храбрымъ воинствомъ херсонскимъ окруженный...

Мамай.

Онъ нынѣ на поляхъ Россійскихъ веселясь,
Сокровища себѣ съ побитыхъ собираетъ,
Съ которыми тогда обратно придетъ въ домъ,
Какъ даннымъ отъ меня онъ краемъ завладеетъ,
Лугами тучными межъ Дономъ и Днѣпромъ.

Заисанъ.

О счастливый успѣхъ! о коль мѣста прекрасны!
(Къ *Надиру*).

Не мнѣ ли въ честь конецъ прїяла наша пря?

Надиръ.

Но сердца моего съ симъ чувства не согласны!

Муметь.

Достоинъ даръ таковъ великаго царя!

Мамай.

Любезный государь! Нарсима оставляя,
Я слышалъ въ радостныхъ изъ устъ его слезахъ,
Что въ сердцѣ ненависть искоренилась злая,
И общимъ счастіемъ вражды развѣянъ прахъ.
Прости, сказалъ онъ мнѣ; я нынѣ признаваюсь,
Что злобой я тебя не разсудя гнѣвилъ.
Я храбрости твоей и духу удивляюсь,
Чѣмъ ты Дмитрія и гнѣвъ свой побѣдилъ.
Геройства твоего я бывши самъ свидѣтель,
Завистниковъ твоихъ отвергнулъ клеветы.

Заисанъ.

Превыше зависти восходить добродѣтель,
И презираетъ ту спокойна съ высоты!

Мамай.

Услышавъ таково Нарсимова прїятство,
Немедля брачный я союзъ ему открылъ.

Онъ въ радости сказалъ: о коль любезно братство,
 Въ которомъ Промыслъ мнѣ съ героемъ быть судилъ!
 Благополученъ Крымъ, и счастлива Тамира,
 Тобой возвышенны, прославленны тобой!
 Но ты подобяся дыханію зефира,
 Поспѣшно въ Крымъ пришедь Мумета успокой.
 Скажи ему, коль мнѣ съ тобою быть полезно;
 И будущей твоей царицѣ объяви,
 Что мнѣ толикое супружество любезно;
 И о моей къ тебѣ увѣрь ее любви.
 Величество свое и неисчетны орды
 Тамирѣ покажи, со славой возвратясь;
 И торжествуй, ступивъ врагамъ на выи горды,
 Что будутъ ницъ лежать, предъ нею преклонясь.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тамира, Клеона и прежніе.

Тамира.

Ужель возлюбленный Нарсимъ къ намъ возвратился?
 Дражайшій мой отецъ!

Муметь.

Ты видишь здѣсь его,
 Предъ коимъ Сѣверъ весь пространный преклонился;
 Мамаю почитай за сына моего.

Тамира.

О строги небеса!

Мамай.

Ты видишь братня друга,
 Который хочеть вѣкъ къ тебѣ одной горѣть.

Муметь.

Имѣешь жениха; а скоро и супруга
 Въ немъ будешь отческимъ раченіемъ имѣть.
 (Къ Мамаю).

Любовь и я даю тебѣ рожденну мною,
 Съ тобою царствовать и искренне любить.

Мамай.

Вторымъ я нынѣ отцемъ рожденъ на свѣтъ тобою,
 Когда ты предпріялъ меня усыновить.

Муметь. (Къ Тамиру).

Нарсима и меня люби ты въ немъ единомъ
 И царствуй счастливо въ обширной той странѣ.
 Блистая на землѣ пресвѣтлымъ царскимъ чиномъ,
 Ему послушна будь, какъ нынѣ послушна мнѣ.

Тамира.

Ты воленъ, государь! законы и природа
 Велятъ тебѣ имѣть въ Тамирѣ полну власть.
 Какъ спорить я могу? коль не дана свобода
 По волѣ избирать пристойну въ жизни часть.
 Но если смѣю я....

Муметь.

Младые не радѣютъ
 О томъ, чрезъ что бы имъ ко счастію дойти:

Затѣмъ родители рожденными владѣютъ,
 Дабы поставить ихъ на истинномъ пути.
 Любовью будешь звать, что нынѣ зовешь грозою,
 И станешь строгости моей благодарить.
 Ты слѣдуй въ мой чертогъ, любезный братъ, за мною,
 Дабы мнѣ скорый бракъ съ тобой расположить.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамира, Мамай, Зайсанъ и Клеона.

Мамай.

Несносной горестью смятенный примѣчаю,
 Что все таковымъ и пламенемъ горю!
 Тамира, ненависть имѣешь ты къ Мамаю?
 И смѣешь согрубить великому царю?
 Однако принужду свои къ покоюству мысли,
 И младости твою противность припишу.
 Царевна, истиннымъ своимъ блаженствомъ числи,
 Что сердце я свое тебѣ въ даръ приношу.
 Цари съ концовъ земныхъ сродства со мной желаютъ;
 И каждая красоту приносятъ мнѣ страна.
 Коль многія по мнѣ царевны въздыхаютъ!
 Ты можешь получить желанья всѣхъ одна.
 Ты можешь получить великаго героя,
 Которой мужествомъ вселенну удивилъ,
 Превысилъ славою Чингиса и Хозроя,
 И праждѣ въ себѣ Батыя воскресилъ.
 Представь мой славной родъ, и кто Мамаю дѣды,
 Отъ коихъ онъ тебѣ къ супружеству рождень.
 Россія не мои, но ужъ твои побѣды,
 Когда я красотой твоей самъ побѣждень.
 Толикимъ государь народамъ покореннымъ,
 Не обинуюсь быть просителемъ твоимъ.
 Я счастье свое почелъ бы несравненнымъ,
 Когда бы оное считала ты своимъ.

Тамира.

Когда ты многіе привелъ подъ власть народы,
 То славы, государь, толикой не теряй,
 И слабый женскій полъ лишивъ драгой свободы,
 Великихъ дѣлъ своихъ чрезъ то не помрачай.

Мамай.

Тебя свободы я могу лишить, Тамира?
 Котору возвести съ собой на тронъ спѣшу,
 Поставить госпожей мнѣ подданнаго міра,
 И будучи царемъ, быть плѣнникомъ ищущу?

Тамира.

Среди довольствій всѣхъ, среди великой славы,
 Сидя на царскаго престола высотѣ,
 Что пользы, если въ насъ различны будутъ нравы?
 Я все равно почту послѣдней нищетѣ!
 Какая польза въ томъ, что рокъ свой проклиная,
 Не бракомъ буду бракъ, но плѣномъ называть;
 И на оковы толь несносныя взирая,
 Тебѣ послѣдовать, а о иномъ въздыхать!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Мамай, Клеона, Заисанъ.

Мамай. (Клеонѣ).

Что слышу я еще! любовница иному
 Тамира можетъ быть, и мнѣ притомъ жена?
 И кто Мамаева не устрашайся грому,
 Дерзнулъ взглянуть на ту, что мнѣ обручена?
 Тебѣ всѣ склонности и нравъ ея извѣстенъ,
 Ты можешь нынѣ честь и милость заслужить.
 Скажи, скажи, кто есть Тамирѣ толь прелестень,
 Кого бы мнѣ она хотѣла предпочтуть?
 Когда открытіемъ смущеніе прогонишь,
 Дабы соперника узнать и отвратить;
 Когда Тамиринъ духъ ко мнѣ въ любовь преклонишь,
 Какую мзду за то ты можешь получить!
 Ты знаешь власть мою и отческую волю:
 Старайся обязать великихъ двухъ царей.
 Я царску честь тебѣ давать своимъ позволю,
 И матери равно тебя почту своей.

Клеона.

Я знаю, государь, коль власть твоя велика,
 И коль должна царю послушна быть раба!
 Но помощи подать не можетъ мзда толика,
 Когда имѣетъ брань съ любовію судьба.
 Не можетъ воинство съ концемъ всея вселенны
 Противу твоего стать гнѣвнаго лица;
 Но силой покорять пристойно крѣпки стѣны,
 А нѣжны ласкою дѣвически сердца.
 Чѣмъ больше ты къ любви Тамиру принуждаешь,
 Тѣмъ больше будешь ей противень и посылъ.

Заисанъ.

Великому царю толь дерзко отвѣчаешь?

Мамай.

О какъ напрасно я къ ней щедръ и ласковъ былъ!
 Оковы, мѣки, гладь и вѣчная темница,
 И смерть сама легка такую змѣю карать.

Клеона.

Тамирѣ было бъ то ужѣ живой гробница,
 Селиму сердце давъ, Мамаю присягать.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Мамай и Заисанъ.

Мамай.

Селимъ! и кто?

Заисанъ.

Селимъ! О счастливъ недостойно:
 О общая печаль! о страсти слѣпота!
 Селимъ, что не хотя въ Багдатѣ жить спокойно,
 Разбоємъ утѣснялъ предъ градомъ симъ мѣста.

Но страхомъ спль твоихъ смятенъ склонился къ миру,
И въ городъ сей вошедъ Мумету предлагалъ,
Дабы онъ далъ ему въ супружество Тамиру;
Однако царь на то отвѣтъ несклонный далъ.
Къ Селимовой любви царевна согласиться...

Мамай.

И предпочеть меня разбойнику могла?
О горестъ! о ударъ! о какъ мой духъ стремится!
Не можетъ больше быть на свѣтѣ мнѣ хула,
Какъ чтобъ соперникъ мнѣ царевичъ былъ Багдатской!
Хотя дерзнулъ сего онъ суетно искать,
Но можетъ возвратясь сказать въ странѣ Евфратской
Что онъ того же могъ, чего и я, желать.
Теряетъ цѣну всю, что ни было велико,
Какъ если тое онъ надѣется имѣть;
Ему хвала, а мнѣ презрѣніе колико,
Что тѣмъ же пламенемъ со мною могъ горѣть!
Но ахъ что мышлю я, и что я здѣсь коснѣю?
Ужѣ похитилъ онъ, что должно быть мое!
Любезный Заисанъ, спѣши отмстить злодѣю;
Пойдемъ....

Заисанъ.

Смягчи теперь волненіе свое.
Ты будешь, государь, имѣть свою невѣсту,
И приметъ за сіе достойну казнь Селиму,
Какъ войны твои къ сему приспѣютъ мѣсту;
Онъ погубить себя желаніемъ своимъ.
Муметова себѣ отвѣта ожидая,
Умедлитъ здѣсь, пока ты въ силѣ будешь самъ
Его плѣнить, отъ насъ способности не желая,
Что ради мира нынѣ чинить не должно намъ.

Мамай.

Поѣхавшіе вслѣдъ со мною разлучились
И скорости моей сравниться не могли.
Надѣюсь въ разныя дорѣги устремились
И ѣздить по степямъ разсыпанны въ дали.
И если ускорять, не могутъ утомленны
Покою не имѣвъ Селиму отомстить.
Но я продерзостью такою огорченный
Могу ль минуту дать Селиму живу быть?
Сія рука мой умывшись кровью мерзкой,
Воздастъ весь долгъ моей озлобленной любви.
Погибнетъ пусть злодѣи и сопостать продерзкой.
А ты любовь свою и ревность мнѣ яви,
Скажи, гдѣ онъ?

Заисанъ.

Храни особу ты высокоу,
И рукъ не простирай...

Мамай.

Доколѣ мнѣ страдать?
Спѣши со мной отмстить обиду толь жестоку,
Чтобъ мерзку кровь его Тамирѣ показать!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тамира и Клеона.

Клеона.

Какою лютостью къ Селиму онъ пылаеть!
 Какой приходитъ къ намъ отъ словъ тиранскихъ слухъ!
 Какой, драгад, жаръ въ очахъ твоихъ блистаетъ!
 О какъ колеблется озлобленный твой духъ!
 Мнѣ сердце движется и говоритъ всечасно,
 Что скоро лютая постигнетъ насъ напасть!

Тамира.

Теперь мнѣ болѣе ничто ужъ не ужасно,
 Ни варварска гроза, ни отческа власть!

Клеона.

Царевна, на кого ты можешь положиться?
 Кто можетъ свободить отъ сильныхъ рукъ?

Тамира.

Любовь!

Поди и посмотри, куда Мамай стремится? (*Вслѣдъ Клеонъ*):
 На всѣ напасти жизнь несчастную готовь.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тамира одна.

Бѣги отсель, бѣги, Тамира, и спасайся,
 Пока тиранскихъ ты не чувствуешь оковъ,
 Бѣги насильныхъ рукъ, на градъ не озирайся:
 Селимъ принять тебя на корабли готовъ.
 Онъ съ берегу очей минуты не спускаетъ,
 И плователи всѣ направилися въ путь;
 И небо искренней любви поспѣшаетъ:
 Уже намъ и борей способный началъ дуть.
 Въ одномъ Селимъ я надежду всю имѣю,
 Когда слезами я отца не умягчу.
 Но въ страхъ трепещу, смущаюсь, цѣпеню!
 Ахъ! что продерзкая, ахъ что начать хочу?
 Уйду, отечество, родителя оставивъ,
 И брата и сей домъ и стыдъ свой позабывъ,
 И царскій родъ во всей вселенной обезславивъ,
 И кровнаго родства законы преступивъ?
 Но каждое мѣсто мнѣ отечество съ Селимомъ;
 Селимъ мнѣ будетъ братъ, отецъ и все родство.
 Оставить всѣхъ и быть въ жити нераздѣлимомъ
 Съ супругами велить законъ и естество.
 Супружествомъ назвать неистовство дерзаешь,
 И налагать страстямъ закона имена?
 Несчастнаи, кому себя ты поручаешь?
 Или тебѣ въ любви невѣрность не страшна?
 Представь себѣ, представь прельщенную Медею,
 Оставльшую отца и честь на семь брегу!
 Я мѣсто тожъ и страсть подобную имѣю:
 Или я лучшія ждаты вѣрности могу?
 Несноснѣ бѣды мнѣ можетъ быть защита,
 Какъ если мнѣ Селимъ другую предпочтять.

И на чужой странѣ къмъ буду я покрыта?
 Отду и брату гнѣвъ и дальность возбранитъ.
 Отъ року бѣгая, на явный рокъ дерзаю.
 Мнѣ пагубой земля, вода грозить бѣдой.
 Непостоянное я море представляю,
 И бури хищныя ревуть передо мной.
 Тамира въ бѣдствіе сугубо не вдавайся.
 Блудись сугубой ты невѣрности, блудись.
 Однако укрѣпись, мой духъ, и не смущайся,
 На слово данное Селимомъ положишь.
 Не тотъ въ немъ блещетъ духъ, не та его порода,
 Съ любовію кипитъ геройская въ немъ кровь.
 И коя устрашитъ при немъ меня погода?
 Не движется въ волнахъ нелестная любовь.
 Слѣши, слѣши отъ мѣстъ Мамаемъ зараженныхъ,
 Слѣши за Понтъ, за Тигръ, за Ниль, за Океанъ.
 И какъ ужъ будешь ты въ странахъ толь удаленныхъ,
 И тамъ покажется, что близко сей тиранъ!
 О Промыслъ! о судьба! слезами умягчитесь!
 О небо! о земля! о вѣтры! о моря!
 На жалость на тоску, на вопль мой преклонитесь,
 Покройте отъ руки свирѣпаго царя.
 А вы мѣста, гдѣ мы любовію плѣнились,
 Затмитесь, чтобъ отцу на память привести,
 Что строгостью его Тамиры вы лишились!
 Прости, дражайшее отечество, прости!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Надиръ и Заисанъ.

Заисанъ.

Какіе, государь, услышишь нынѣ вѣсти!
 О тяжкая бѣда! о вѣчна срамота!
 Тамира стыдъ забывъ, своей не помня чести,
 Бѣжать намѣрилась отсель въ чужи мѣста!
 И безразсудною любовію палима,
 Къ Багатскимъ шла одна, закрывъ себя, судамъ,
 Надежду положивъ на льстиваго Селима,
 Что былъ недавно врагъ отеческимъ стѣнамъ!

Надиръ.

О жалость горестна! о лютое мученье!
 О строгость отческа, къ чему ты привела?

Заисанъ.

По счастью я открылъ такое дерзновенье:
 Тамира во вратахъ ужé градскихъ была!
 Я общей за стѣны пошелъ смотрѣть отрады,
 Ужель Селимъ полкіи поставилъ на суда,
 И видя, что на нихъ все войско и снаряды.
 Я путь свой обратилъ съ веселіемъ сюда.
 Увидѣлъ, что слѣшить тамъ женскій полъ ко берегу,

Смотря во всё страны сквозь тонкій свой покровъ.
 Я робкому дивясь и скорому толь бѣгу,
 Навстрѣчу прямо шёлъ, провѣдать кто таковъ.
 Какъ странникъ на пути отъ звѣря убѣгая,
 Спѣшитъ черезъ терніе, черезъ камни и бугры:
 Но вдругъ увидѣвъ, что тутъ стремнина крутая,
 И должно въ мрачну хлябь стремглавъ упасть съ горы,
 Оцѣпенѣвъ стоить, противится размаху,
 Трепещуть члены всё, мутится свѣтъ очей:
 Меня увидѣвъ вдругъ, Тамира такъ отъ страху
 Смutilась, обмерла въ продерзости своей.
 Укрылся отъ меня во всё страны металась;
 Вездѣ былъ запертъ путь боязнью и стыдомъ.
 Когда толикимп волнами колебалась,
 Я изумленную въ отеческій ввелъ домъ.
 Что нынѣ мнѣ начать? какъ я царю открою?
 Дай въ помощь, государь, премудрый твой совѣтъ.

Надиръ.

Внезапно не срази печалію такую:
 Представь себѣ какъ сямъ подвигнется Муметь!
 Я лучше думаю сію скрыть вовсе тайну,
 Дабы въ спокойствіи отцовъ оставить духъ.

Зайсанъ.

Но я могу попасть въ бѣду чрезъ тое крайну,
 Когда кромѣ меня къ царю достигнеть слухъ.
 То видѣли рабы и воины со мною,
 И могутъ все ему подробно донести.

Надиръ.

Хотя смягчи ударъ пріятностью какою:
 Между веселыхъ словъ печаль сію вмѣсти.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Надиръ одинъ.

Несытая алчба имѣнія и власти,
 Къ какой ты крайности родъ смертныхъ привела?
 Которой ты въ сердцахъ не возбудила страсти?
 И коѣго на насъ не устремила зла?
 Съ тобою возросли и зависть и коварство;
 Твое исчадіе кровавая война!
 Которое отъ ней не стонетъ государство?
 Которая отъ ней не потряслась страна?
 Гдѣ были созданы всходящи къ небу храмы,
 И стѣны трудъ вѣковъ, и многихъ тысячъ потъ,
 Тамъ видны лишь однѣ развалины и ямы,
 При коихъ тучную имѣть паству скотъ.
 О коль мучительна родителямъ разлука,
 Когда даютъ дѣтей, чтобы пролить ихъ кровь!
 О коль разительна и нестерпима мука,
 Когда военный шумъ смущаетъ двухъ любовь!
 Лишь только зазвучитъ ужасна брань трубою,
 Мянутся города и села и лѣса,

Любовническаго исполненныя вою,
 И жалобъ на ударъ жестокаго часа.
 Что можетъ быть сего несноснѣе во свѣтѣ,
 Когда двоихъ любовь и младость сопрягла;
 Однако въ самомъ дней младыхъ прекрасномъ цвѣтѣ
 Густая жадности мрачить ихъ пламень мгла,
 Когда родители обманчивой корысти
 На жертву отдають и совѣсть и дѣтей.
 О небо, преклонись, вселенную очисти
 Отъ пагубы такой, отъ скверной язвы сей!
 Коль дало красоту и младость человѣку,
 И нѣжны искры въ немъ любовныя зажгло,
 Чтобъ въ радости прожить дражайшую часть вѣку;
 То долго-ль на земли сіе попустишь зло?
 На то-ль Тамирѣ ты пріятность влило въ очи,
 На то-ли нѣжную въ нее вложило страсть,
 Чтобы подверженна тиранской сильно мочи,
 Оплакивала жизнь и горестную часть.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Надиръ и Клеона.

Клеона.

Тамира! Ахъ печаль! Тамира дорогая
 Поиманна, въ слезахъ отчаявшись сидитъ!
 Селима въ жизнь свою увидѣтъ ужъ не чая,
 Лишь мыслями на него въ отсутствіи глядитъ.
 И имя сладкое едва съ плачевнымъ стономъ
 Дерзаетъ въ горести послѣдней помянуть.
 Озлобленна судьбы жестокимъ толь закономъ
 Руками томными терзаетъ нѣжну грудь.
 Блѣднѣетъ цвѣтъ лица, и всѣ трепещутъ члены.
 Холодный страхъ, тоска, отчаянье и стыдъ
 Являются въ ея очахъ изображенны.

Надиръ.

Что сдѣлалъ-бы Селимъ, таковъ представивъ видъ!

Клеона.

Что сдѣлалъ-бы когда увидѣлъ, что руками
 Кровавыми Мамай любезную влечетъ,
 Которая стремясь на небеса очами,
 Потoki слезныя, рыдая горько, льетъ?
 Ахъ сжался, государь, не дай бѣдѣ сей сбыться,
 Всю мысль свою къ ея спасенію внери.

Надиръ.

Не можно отъ сего царевнѣ свободиться:
 Воюють противъ ней великіе цари.

Клеона.

Такъ пойдетъ агница за волкомъ вслѣдъ Тамира,
 На кровь, на смерть людей, на трупы ихъ смотрѣть,
 И радости лишася въ супружествѣ и мира,
 Мученье внутри себя тяжчайшее имѣть?

Надирь.

Не знаю что мое внутри сердце предвѣщаетъ,
 И смутному уму всечасно говорить:
 Мамай царя я всѣхъ злой хитростью прельщаетъ,
 И около насъ съѣтъ коварствъ его стоитъ.
 Зачѣмъ одинъ прибѣгъ? зачѣмъ спѣшить онъ бракомъ,
 И что за нимъ не шлетъ извѣстія Нарсимъ?
 Сіи окрестности считаю я признакомъ
 Для насъ и для него и для Тамиры злымъ.

Клеона.

Для толь поспѣшнаго Мамаева прихода
 Слухъ въ городѣ прошоль, что онъ совсѣмъ побитъ!

Надирь.

Всегда есть Божій гласъ гласъ цѣлаго народа;
 Устами онаго Всевышній говорить.
 Но пусть Мамай надъ всей вселенной торжествуетъ;
 Однако счастливъ быть не можетъ бракъ такой.
 Когда сама любовь противъ него враждуетъ.
 Совмѣстно-ль варварству съ толь нѣжной красотой?
 Возможно-ль въ сей тоскѣ Тамирѣ укрѣпиться,
 И сердца своего движенія утолить?

Клеона.

На страсть ея смотря и небо возгорится,
 И не умедлить зла толикаго отмстить.

Надирь.

Горами потрясать, и вспалить пожары,
 Или опустошить повѣтріемъ дуга,
 Или отъ глубины возвысивъ волны яры,
 Потопомъ скверные очистить берега.

Клеона.

Народную молву приумножаютъ знаки;
 Вездѣ ужъ говорятъ, что близъ дверей бѣда!
 Мнѣ кажутся во снѣ ужасные призраки,
 И врановъ, какъ на трупъ, слетаются стада.

Надирь.

Хоть радостенъ Муметь, но войска не имѣеть;
 Что будетъ, какъ Селимъ къ стѣнамъ приступитъ вновь?
 Погибнемъ, ежели не разсудя посмѣеть
 Озлобить мечъ въ рукѣ держащую любовь.
 Мамай гордый духъ чѣмъ больше возвышаетъ,
 Тѣмъ можетъ рокъ его скорѣе поразить.
 На пышны горъ верхи громъ чаще ударитъ.
 Бѣги высоту, когда безобѣдно хочешь жить.
 Цвѣтутъ спокойныя не зная бурь долины,
 Гдѣ рѣдко молніи возможно досягать.
 Никто на свѣтѣ такъ не обязалъ судьбины,
 Кто-бъ завтрешне себѣ могъ счастье обѣщать.
 На лживость онаго никто не полагайся:
 Что утромъ возросло, то вечеромъ падетъ.
 Никто въ несчастіи спасенія не отчайся:
 Что вечеръ низложилъ, то утро вознесетъ.

Неутолимый рокъ все коломъ обращаетъ.
 Съ Мамаемъ рушиться внезапно можетъ Крымъ.
 Когда кто съ высоты великой упадаетъ,
 И тѣхъ съ собой влечетъ, что снизу шли за нимъ.
 Но симъ смущаются лишь только подлы души,
 Которы на морской волнами шумный путь
 Смотря, колеблются съ недвижимыя суши,
 И чають на берегу высокомъ потонуть.
 Едина видитъ то съ презорствомъ добродѣтель;
 Среди громовъ и бурь недвижимо стоять:
 Сама себѣ хвала, сама себѣ свидѣтель;
 Хоть миръ обрушится, безстрашну поразить.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Селимъ и прежніе.

Селимъ.

Любовникамъ долга единая минута!
 Возможно-ль, государь, Селиму нынѣ знать,
 Еще-ль Тамира здѣсь?

Клеона.

О скорбь!

Надирь.

О горесть люта!

Ахъ что дерзнули вы несчастные начать!

Селимъ.

Мужайся скорбный духъ, и стой противъ удара,
 Который на меня свирѣпый рокъ занесъ.

Надирь.

Ахъ если-бъ гнѣвнаго отцова силу жара
 Тамира утолить могла потокомъ слезъ!
 Поимана въ пути для бѣгства предприятомъ
 Терзается...

Селимъ.

Какой вступаетъ въ жилы хладъ!
 Когда не помогло ты въ дѣлѣ мнѣ начатомъ,
 О небо! не косни, живаго свергни въ адъ!
 Мамай любовію мою поругаться,
 И пламень мой презрѣтъ намѣрился Муметь?
 Тамира не моя? мнѣ съ нею не видаться?
 И больше никакой уже надежды нѣтъ?
 Я вижу, что Муметь меня еще не знаетъ,
 Еще въ осадѣ онъ моихъ не свѣдалъ силъ.
 Мамаю дочь отдавъ, меня отвергнуть чаеть?
 Надежду на песокъ онъ зыбкомъ положилъ!
 Забылъ онъ, что моимъ любленіемъ спасенный
 Стоить сей градъ? и въ немъ того лишитъ меня.
 Чѣмъ я надѣялся въ сей жизни одаренный
 Съ нимъ въ дружествѣ прожить, свой родъ соединя?
 Забылъ любовь мою и дружество съ Нарсимомъ?
 Забылъ, что жизнь его была въ моихъ рукахъ?

Я свижусь, покажу, каковъ союзъ съ Селимомъ,
 И что вражда его возможетъ въ сихъ стѣнахъ!
 Я снова на берегу противномъ мнѣ поставлю
 И обрашу на градъ Евфратскіе полки;
 Отъ лютой такой любезную избавлю,
 И отъ Мамаевой мучительской руки.
 Ударить женскій стонъ здѣсь вмѣсто пѣсней брачныхъ,
 И вмѣсто праздничныхъ огней пожаръ сихъ стѣнъ.
 Муметь увидить смерть бѣгушу въ вихряхъ мрачныхъ,
 И кровію чертогъ Мамаевъ обогреть.

Надирь.

Я самъ бы уклонясь отеческаго града.
 Въ пустой степи и жизнь и скорбь свою закрылъ:
 Не видя срамоты и мерзостнаго взгляда,
 Я счастливъ бы весьма въ несчастіи томъ былъ.
 Однакожъ, государь, вспомянувъ Нарсима,
 И зная что сіе отечество его,
 Меча не возноси къ опроверженью Крыма,
 И даннаго держись ты слова своего.

Селимъ.

Не я, но самъ Муметь стѣнъ будетъ разоритель:
 Презрѣнїемъ своимъ на то мнѣ право даль.
 Нарсима въ оныхъ нѣтъ, но лютей въ нихъ мучитель;
 Онъ купно бы со мной противъ него возсталъ.
 Сугуба страсть меня на то вооружаетъ,
 То жалость горестна, то искрення любовь:
 Одна во мнѣ стремить, другая духъ терзаеть,
 Одна снѣдаетъ грудь, друга волнуеть кровь:
 Одна велить отъ зла невинную избавить,
 Другая ввѣкъ себѣ любезну получить;
 Одна всеобщій долгъ естественный исправить,
 Другая данную присягу сохранить.
 Или безчувственъ я таковъ кажусь Мумету,
 Чтобы недвижно могъ стоять, когда Мамай,
 Похитивъ силою, что мнѣ дороже свѣту,
 Ликуя поведеть изъ глазъ въ далекій край?
 Возможно-ли стерпѣть его совѣты мерзки!
 О сердце, не мягчись; но разруши въ конце:
 Мумета низложи. Куда Селимъ продерзкій?
 Подумай, что Муметь любезныя отецъ!
 И свято мѣсто мнѣ, Тамира гдѣ родилась:
 Пусть въ цѣлости стоять, и пусть погибнетъ тотъ,
 Отъ коего моя надежда разрушилась.
 Мамаю отниму Тамиру и животъ.

Надирь.

Прїятель укроти въ себѣ волненья гнѣвны,
 И жизни не давай въ опасность такую.

Клеона.

Въ сугубой горести не погрузи царевны,
 Отъ пагубы храни любезную главу.

Надирь.

Когда на сей ты градъ возстать не долженъ войскомъ,
 То долженъ ли одинъ? что хочешь?

Селимъ.

Умереть!

Или торжествовать, и въ мужествѣ геройскомъ
 Награду вѣрности прекрасную имѣть.
 И правды и любви непобѣдима сила
 Противъ насилія со мной на брань поидеть.
 Или моя рука, что Крымску кровь щадила,
 Свою, но прежде той Мамаеву прольеть.
 И если мужество побѣдой не прославить;
 Любовь и честь велить: довольно; я умру?
 Пускай хоть тѣмъ меня отъ муки рокъ избавитъ,
 Въ любовномъ жизнь моя погибнетъ пусть жару.
 Я лучше съ похвалою оставить ту желаю,
 Какъ тяжекъ быть себѣ и небу и землѣ,
 И смерти ждать, въ посмѣхъ отдавъ себя Мамаю,
 До старости не знать отрады николи.
 Владѣть нашихъ дней Всевышній самъ предѣломъ;
 Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власть.
 Коль близко ходитъ рокъ при робномъ и при смѣломъ;
 То лучше мнѣ избрать себѣ похвальну часть!
 Какая польза тѣмъ, что въ старости глубокой
 И въ тѣмъ безславія кончаютъ долгій вѣкъ!
 Добротами всходить на верхъ хвалы высокой
 И славно умереть родился человекъ.
 Превыше смертнаго я жребія поставлю
 Участіе свое и славой вознесусь,
 Когда Тамиру я отъ лютости избавлю,
 Вмѣняя ни во что: умру или спасусь!
 Пускай отецъ ея свирѣпый постыдится,
 Мою за дочь свою текущу видя кровь;
 Узнаеть злость свою, но поздно научится,
 Что можетъ предпріять озлобленна любовь!

Надиръ.

Какую принесешь ты въ старости утѣху
 Родителямъ своимъ, когда услышать вѣсть,
 Что вмѣсто въ сей войнѣ желаннаго успѣху
 Дерзнулъ, забывъ объ нихъ, себя на рокъ привести!
 Они во срѣтенье давно къ тебѣ взирають,
 И простирають мысль чрезъ горы и валы,
 И въ нетерпѣннн минуты всѣ считаютъ,
 Твоей насытиться желая похвалы.
 Возобнови свои премудрые уставы,
 Которымъ прежь сего себя ты покорялъ;
 И вспомни прежніе свои на сей часъ нравы,
 Которыхъ мѣрностью ты старыхъ удивлялъ.

Селимъ.

Любви велика власть всю крѣпость низлагаетъ,
 И мной господствуетъ. Ужь я не тотъ Селимъ...

Клеона.

Какую небо казнь съ Мамаемъ насылаеть!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Мамай, Заисанъ и прежніе.

Мамай.

Совѣтъ имѣете съ соперникомъ моимъ?

Селимъ.

Или я съ Крымомъ здѣсь подвластенъ сталъ Мамаю?
Или онъ мнѣ имѣтъ совѣты запретить?

Мамай.

Теперь препятствія любви моей скончаю!

Селимъ.

Теперь любовь моя насильствію отмститъ!

Мамай.

Весь Сѣверъ покоривъ сего не одолѣю?
Забывъ, продерзостный противится Селимъ,
Кто правдѣ мой, и что я въ области имѣю?

Селимъ.

Кто родомъ хвалится, тотъ хвастаетъ чужимъ.
Но гдѣ твои полки? и гдѣ желаешь? въ морѣ
Иль въ полѣ окончать толику боемъ прю?

Мамай.

Увидишь, дерзостный бѣглець, увидишь вскорѣ,
Какому ты дерзнулъ противу стать царю.
Поди и возвѣсти, гдѣ обитаютъ мертвы
Прапрадѣды мои, каковъ ихъ въ свѣтѣ внукъ.

*(Вынимаетъ саблю).*Селимъ *(вынимая саблю).*

Любовь Тамира такая достойна жертвы,
Которой отъ моихъ она желаетъ рукъ. *(Сражаются).*

Заисанъ *(разнимая).*

Великій государь!

Клеона.

Ахъ!

Надиръ *(разнимая).*

Ахъ, Селимъ любезный!

Въ какую пагубу несешь злой рокъ тебя!

Заисанъ. *(Къ Мамаю).*

Смягчи свой царскій гнѣвъ!

Клеона. *(Къ Селиму).*

Склонись на токи слезны,

Помилуй, государь, Тамиру и себя!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Муметь, Надиръ, Тамира, Клеона, воины.

Муметь.

Въ какой я крайній стыдъ тобою погрузился!
До коего достигъ при старости я зла!
На то-ль тебя родиль, на то-ли я крушился,
Тамира, чтобы ты преслушна мнѣ была?

За пришецомъ бѣжать изъ отческаго дому,
И кровности его дерзнула предпочесть!
Какая казнь равна такому дѣлу злomu,
Какая быть сему довольна можетъ мечь?

Тамира.

Когда родилась я въ несчастную минуту,
Чтобъ скорбь тебѣ принести; то сжался государь!
Скончай свой гнѣвъ, скончай мою судьбину лютu,
Мечемъ своимъ въ мою повинну грудь ударь!
Мнѣ гробъ пріятнѣе Мамаева чертога;
Употреби свою родительскую власть!

Муметь.

Не я тебѣ, не я, сама себѣ ты строга;
Сама дерзнула ты въ такую мерзость впасть.
Ты въ сердцѣ лютую сама змѣю питаешь,
Котора въ кровь твою пускаетъ смертный ядъ!
Мамаю дерзостью безстыдно озлобляешь,
Котораго одинъ тебя достоинъ взгляды,
Который къ высотѣ толикія державы
Тебя и весь мой домъ склонился возвести,
И въ общество принять своей гремящей славы,
И сердце въ даръ тебѣ геройско принести.
Къ послѣднему склонись отеческому слову,
Старайся склонностью продерзость наградить.
Но если я тебя увижу неготову
Съ великимъ симъ царемъ въ супружество вступить;
То сдѣлаю примѣръ, и покажу вселенной,
Что я хотя отецъ, однакоже и царь.
Блюдишь руки моей упрямствомъ раздраженной,
И будь готова стать съ Мамаемъ предъ алтарь. (*Къ Надиру*).
Любезный братъ потщись прельщенную наставить
На истинну стезю, пока все учрежду. (*Къ Клеонъ*).
Тебя преступница кто можетъ нынѣ избавить
Отъ казни, что тебѣ за злобу наведу? (*Къ воинамъ*).
Возьмите скверную, и ввергните въ темницу.

Клеона.

Помилуй, государь!

Тамира.

Невинной не казни!

Надиръ.

Ты щедрu обрати, о небо, къ намъ зѣницу!

Тамира.

Отеческу любовь во гнѣвѣ вспомяни.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамира и Надиръ.

Надиръ.

Дражайшая моя Тамира, будь спокойна,
И строгой перестань противиться судьбѣ;
Забудь, что лучшаго ты счастья достойна,
Будь тѣмъ довольна, что она даетъ тебѣ.
Когда родитель твой любовень и разсудень,

Тогда взаимно ты съ почтеніемъ люби;
 Когда-же онъ свирѣпъ и къ умягченію трудень,
 То помня крови долгъ, сноси и не скорби!
 Повѣрь мнѣ, что Мамай хотя теперь возвышенъ,
 И гордости своей не знаетъ гдѣ предѣль;
 Но скоро упадетъ, и звукъ лишь будетъ слышенъ.
 Съ какой онъ высоты поверженъ внизъ летѣлъ.
 Чудовищу сему хотъ небо попускаетъ
 Еще до времени родъ смертныхъ разорять;
 Но нынѣ чрезъ твою невинность воспладетъ,
 И ускоритъ твою и всѣхъ бѣду скончатъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамира, Надиръ и Вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Печальны, государь, въ сей часъ услышишь вѣсти!

Тамира.

Не дай, о Боже, мнѣ отчаяться въ конецъ!

Надиръ.

И не нашли на насъ превыше силы мести,
 Но будь оставленнымъ и въ ярости отецъ!

Вѣстникъ.

Во гнѣвѣ изъ палатъ Мамай неутолимомъ
 Лишь только вышелъ вонъ, и обращалъ свой зракъ;
 Съ озлобленнымъ тотчасъ увидѣлся Селимомъ,
 И тутъ къ сраженію другъ другу дали знакъ.
 Взлетѣли на коней, и оныхъ поощряя,
 Скакали на поля одни изъ нашихъ стѣнь.
 Я ѣхалъ имъ вослѣдъ, гдѣ роца есть густая,
 Среди которой дугъ широкій заключенъ.
 Тутъ первый ихъ ударъ...

Тамира.

О какъ мой духъ стѣснился!

Вѣстникъ.

Сверкнули острые, и дали звукъ мечи;
 Какъ гуча мрачная Мамай ярься смутился.
 Отъ глазъ былъ блескъ, какъ валь морской горитъ въ ночи.
 Надежда на лицѣ Селимовомъ блистала,
 И въ мужествѣ была пріятна красота;
 Вездѣ рука его Мамаю утѣсняла,
 Мамай искалъ себѣ спасенья отъ щита.
 Едва отъ скорыхъ онъ ударовъ укрывался,
 И дѣйствовать мечемъ не успѣвалъ своимъ;
 Уже и отступалъ и къ бѣгу порывался;
 Но руку сильную занесъ въ размахъ Селимъ;
 Ударилъ по щиту, звукъ грянулъ межъ горами;
 Распался разомъ щитъ и конска голова.
 Мамай поверженъ былъ внезапно подъ ногами,
 И ближни потряслись паденіемъ древа.
 Селимъ тутъ могъ попать копытами Мамаю;
 Однако шедъ съ коня къ возставшему спѣшилъ.

Надиръ.

Ахъ дерзость!

Тамира.

Ахъ бѣда!

Вѣстникъ.

На храбрость уповая,
 Къ гибели своей великодушень былъ.
 Какъ чаялъ, что врага имѣлъ ужь онъ во власти;
 Набѣгли невзначай Мамаевы мурзы.
 Онъ имъ вскричалъ: теперь спасите отъ напасти!
 Ударились къ нему...

Тамира.

О горькіе часы!

О шедры небеса, и мой животь скончайте!

Вѣстникъ.

Мнѣ свѣтъ изъ глазъ отнявъ, погнала прочь боязнь!
 Я слышалъ только тамъ: рубите и терзайте.
 Одинъ изъ мурзъ вскричалъ: прими достойну казнь.

Надиръ.

Любезный мой Селимъ, ужь ты лежишь бездушень,
 И храбрость множествомъ твоя побѣждена!
 На то-ль ты столько былъ родителю послушенъ,
 Чтобъ кости приняла твои чужа страна.

Тамира.

Въ отчаяньи своемъ ужь я леденѣю.
 Терзаньемъ утомясь любовнаго огня!
 Отмсти ты, государь, отмсти сему злодѣю,
 За друга своего отмсти и за меня.

Надиръ.

Пойду, не пощажу своей я холодной кропи.
 Отмщу, или умру! довольно и того,
 Что вашей принести сподоблюся любви
 На жертву живота остатки моего.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамира одна.

Какую можетъ дать Надиръ ужь мнѣ отраду?
 Селима больше нѣтъ! Мамай вокругъ ополченъ!
 Иль сквернаго себѣ его ждять буду взгляду?
 И дамъ себя жива чудовищу во плѣнь?
 Одно спасенье мнѣ не ожидать спасенья.
 Въ покровъ природа смерть несчастливымъ дала.
 Имѣя вольный путь, не избѣгу мученья?
 Еще хочу и жить и не страшуся зла?
 Ужъ сердце за стѣной Селимово терзаютъ,
 Ахъ лютый мой отецъ! убійцы по путямъ.
 О какъ и руки имъ твои не помогаютъ!
 Поди и насладись невинной кровью самъ.
 Насыть слезами грудь дочерними, родитель!
 И пагубой моей и рокомъ веселись!
 Но знай, что будешь слыть на свѣтѣ ты мучитель:
 Единымъ именемъ съ Мамаемъ возгордись.

А ты, мой братъ, когда сталь нынѣ другъ Мамаю,
 То въ жизни на тебя гнушаюсь я взглянуть;
 Когда жъ ты отъ него погибъ, какъ вѣрно чаю,
 То въ тотъ же за тобой спѣшить мнѣ должно путь.
 И такъ несчастная Тамира, умирая
 Родительскихъ ужѣ не будешь видѣть слезъ.
 Одна сомкнетъ глаза, со свѣта убѣгая,
 Оставлена отъ всѣхъ, презрѣнна отъ небесъ!
 И огорченный духъ сойдетъ въ мѣста подземны,
 Себя отъ тяжкихъ сихъ оковъ разрѣша,
 И устремится вслѣдъ Селиму въ хляби темны!
 Повѣй ко мнѣ, повѣй, любезная душа:
 Соединись съ моимъ послѣднимъ здѣсь дыханьемъ,
 И будь, когда намъ рокъ жить вкупѣ запретилъ,
 Хотя по смерти мнѣ соединенъ бѣжаньемъ
 Со свѣта, что съ тобой однимъ мнѣ могъ быть миль.
 Раскаешься ужѣ, родитель мой, но поздно!
 Ахъ поздно будешь ты надъ мертвою рыдать.
 Что принужденіе твое могло мнѣ грозно
 Надежду и животъ во младости отнять!
 А ты почувствуешь, Мамай безчеловѣчный,
 Который отнял нынѣ двѣ жизни у меня,
 Почувствуешь ты казнь и страхи безконечны,
 Какъ наша предъ тебя приступить тѣнь стена.
 Селимовъ будетъ духъ и мой тебѣ мечтаться,
 И лица блѣдныя и кровь вездѣ казать.
 Изъ стени будешь въ степь отъ страху укрываться;
 Но мѣста не найдешь, гдѣ бъ мѣки избѣжать,
 Пока не видя ты своимъ мученьямъ краю,
 Погибнешь въ горести, проклявъ послѣдній часъ.
 Сего, о небеса, тирану я желаю!
 И въ жертву приношу послѣдній съ кровью гласъ!
 Ужѣ мнѣ вѣчность входъ къ блаженству отверзаетъ,
 И смерть зоветь меня къ спокойству отъ трудовъ!
 Героевъ свѣтлый ликъ Нарсима тамъ встрѣчаютъ.
 А ты мой духъ къ нему еще ли не готовъ?
 Ты къ дѣлу славному на что ослабѣваешь?
 Что должно потерять, то должно презирать.
 Зачѣмъ рука моя конца не ускоряешь?
 Мнѣ легче смерть сама, какъ смерти ожидать.
 Я смертью лишь могла, Селимъ, тебя лишиться,
 Когда бъ нашъ вѣкъ продлить изволилось судьбѣ.
 Но нынѣ не хочу и въ смерти разлучиться:
 Ты умеръ для меня; я слѣдую тебѣ.
 (*Хочетъ заколоться*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Селимъ, Нарсимъ и Тамира.

Селимъ. (*Схвативъ за руку и вырвавъ кинжалъ*).

Я живъ, дражайшая, я живъ и торжеству!

Нарсимъ.

Любезная сестра, твой здравствуетъ Нарсимъ!

Тамира (*ослабѣвая*).

Ужѣ межъ мертвыми я вижу тѣнь драгую!

Селимъ.

Въ какомъ отчаяннѣ!

Тамира.

И духъ Нарсимовъ съ нимъ!

Селимъ. (*Къ ослабѣвающей Тамирѣ*).

Тебя, дражайшая, Селимъ твой поздравляетъ,
Что врагъ нашъ погубленъ, ужъ больше не страшись.
Насъ вѣрность и любовь и счастье возвышаетъ;
Великой радостью ты съ нами ободришь.

Тамира.

Возможно ль быть тому? Селимъ! Нарсимъ! я съ вами!

Я съ вами въ жизнь еще увидѣться могла?

Я вижу ясно, что рука Твоя надъ нами,

О Боже мой, въ бѣдѣ и въ горести была!

Но мнѣ Мамаева еще ужасна сила!

Нарсимъ.

Умывшись въ варварской рука моя крови,
Вселенныя концы отъ страху свободила,
Мнѣ мщенье воздала, и вашей долгъ любви.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Муметь, Надиръ, Заисанъ, Селимъ, Нарсимъ
и Тамира.

Муметь.

Нарсимъ, ты здѣсь! тебя я вижу, сынъ любезный?

Колику радость ты нечаянно принесъ!

Одинъ ты засушишь мой потоки слезны,

Что пролилъ мнѣ ударъ разгнѣванныхъ небесъ!

Мамаю не хотя Тамира быть супругой,

Всего лишаетъ насъ, что намъ онъ общалъ,

И что ты приобрѣлъ своей къ нему услугой.

Нарсимъ.

Я всю ужъ, государь, печаль твою скончалъ,

И побѣжденъ къ тебѣ съ побѣдой возвращаюсь;

Димитрій одолѣлъ; и врагъ нашъ пораженъ.

Муметь.

Внимая странну вѣсть, въ сомнѣннѣ ужасаюсь!

Нарсимъ.

Коль чудно я для васъ отъ пагубы спасенъ!

Спасенъ, сей градъ, тебѣ, Тамиру и Селима

Избавить отъ бѣды, Мамаю погубивъ.

Поверженъ сопостать и разоритель Крыма,

Что полкъ мой низложилъ; чуть я остался живъ.

Муметь.

О небо!

Заисанъ.

Ахъ ударъ!

Тамира.

О Промыслъ милосердый!

Надиръ. (Къ Заисану).

Не мнѣ ли въ честь конецъ имѣеть наша прѣ?

Селимъ.

Сама судьба есть щить любви нашей твердый.

Муметь.

О льстивыя слова коварнаго царя!

Скажи, любезный сынъ, скажи мнѣ все подробно,

И сдѣлай всѣмъ моимъ смущеніямъ конецъ.

Нарсимъ.

Не слыхано еще на свѣтѣ зло подобно,

Какое предпріялъ Мамай, тиранъ и льстець.

Ужѣ чрезъ пять часовъ горѣла брань сурова,

Сквозь пыль, сквозь парь едва давало солнце лучъ.

Въ густой крови кипя тряслась земля багрова,

И стрѣлы падали дождевыхъ гуще тучъ.

Ужъ поле мертвыми наполнилось широко;

Непрядва трупами спершись едва текла.

Различный видъ смертей тамъ представляло око;

Различнымъ образомъ поверженны тѣла.

Иной съ размаху мечъ занесъ на сопостата,

Но прежде прободень, удара не скончалъ;

Иной забывъ врага, прельщался блескомъ злата.

Но мертвый на корысть желанную упалъ.

Иной отъ сильнаго удара убѣгая,

Стремглавъ на низъ слетѣлъ и стонеть подъ конемъ.

Иной пронзенъ угасъ, противника пронзая,

Иной врага повергъ, и умеръ самъ на немъ.

Россійскіе полки отвсюду утѣсненны,

Казалось, что въ плѣнъ дадутся иль падуть.

Мамай растерзанны противныхъ видя члены,

Великой гордостью, промолвилъ мнѣ, надуть:

Нарсимъ, Димитрія во узакъ предо мною,

Когда онъ живъ еще, немедленно поставъ:

Но ежели онъ мертвъ, съ противничей главою

Поспѣшно возвратясь, мнѣ радости прибавъ.

Я будучи его тобою отданъ волѣ,

Немедля поскакалъ къ Россійскому полку

Димитрія искать въ его стану и въ полѣ;

По трупамъ перешелъ кровавую рѣку.

Со всѣхъ сторонъ меня внезапно окружили

Избранны воины Мамаевыхъ полковъ,

И тѣхъ, что кругъ меня вооруженны были.

Дерзнули сѣчь. Я тутъ узналъ проклятый ковъ.

Узналъ, что не вотще его я опасался.

И къ защищенію себя вооружилъ.

Одинъ изъ нихъ ко мнѣ ужъ прямо устремлялся,

И стрѣлу на меня въ свирѣпости пустилъ.

Она пробивъ мой щить, увязла посрединѣ.

Муметь.

Къ какой ужасной я послалъ тебя бѣдѣ!

Надиръ.

Трепещеть грудь моя!

Селимъ.
 Коль близко былъ къ кончинѣ,
 Нарсимъ.

Внезапно шумъ возсталъ по воинству вездѣ.
 Какъ туча бурная ударивъ отъ пучины,
 Ужасный въ воздухѣ рождаетъ бѣгомъ свистъ;
 Реветь и гонить мглу чрезъ горы и долины,
 Возносить отъ земли до облакъ легкой листъ.
 Такъ сила Росская поднявшись изъ засады,
 Съ внезапнымъ мужествомъ пустилась противъ насъ;
 Дождавшись таковой въ бѣдѣ своей отрады,
 Оставше воинство возвысило свой гласъ.
 Во срѣтенье своимъ Россіане вскричали,
 Великій воспыла въ сердцахъ унывшихъ жаръ.
 Мамаевы полки увидѣвъ вострепетаи,
 И ужасъ къ бѣгству принудилъ всѣхъ Татаръ.
 Убивцы отъ меня для страху удалились.
 Я кверху смутные возвелъ свой глаза.
 Тогда надъ Росскими полками отворились,
 И ясный свѣтъ на нихъ спустили небеса.
 Ударилъ громъ на насъ, по оныхъ поборая,
 И подавъ знакъ, что Богъ на помощь имъ идетъ!
 Глазами я искалъ, и не нашелъ Мамаю;
 Съ бѣгущими и самъ побѣгъ ему во слѣдъ.
 Внимая страшный стовъ, съ холма я оглянулся:
 Какую пагубу увидѣлъ нашихъ силъ!
 Увидѣлъ купно всѣхъ попоранныхъ, ужаснулся!
 Мамаю отомстить за все я зло спѣшилъ.

Муметь.

О счастье льстивое, какъ души ослѣпляешь!
 Тамира, я тебя напрасно озлоблялъ!

Тамира.

Ты словомъ симъ животь съ надеждой возвращаешь!

Селимъ.

Ужъ я вознесенъ, какъ мой соперникъ палъ!
 И очи, государь, мои тѣмъ насладились,
 Что отнялъ жизнь ему при мнѣ любезный другъ.
 Когда мы на полѣ одинъ съ другимъ сразились,
 Вооруженные наѣхали къ намъ въ лугъ.
 Я чаялъ, что Мамай съ другими согласился,
 Чтобъ множествомъ меня коварно одолѣть;
 Однако я стоять противъ вооружился,
 И предпріялъ, лишась любезной, умереть.
 Тотчасъ тутъ усмотрѣлъ любезнаго Нарсима,
 Который яростью къ Мамаю устремленъ
 Летѣлъ къ отмщенію колеблемаго Крыма.
 Онъ тяжко возстеналъ, мечемъ сквозъ грудь пронзень.
 Какъ тигръ ужъ на копѣ хотя ослабѣваетъ,
 Однако посмотрѣвъ на раненый хребетъ,
 Глазами на ловца кровавыми сверкаетъ,
 И ратовище злясь въ себѣ зубами рветъ.
 Такъ мечъ въ груди своей схватилъ Мамай рукою;
 Но палъ, и трясучись о землю тыломъ билъ.

Изъ равы черна кровь ударила съ рѣкою;
 Онъ очи злобныя на небо обратилъ.
 Разинуль челюсти! но гласа не имѣя,
 Со скрежетомъ зубнымъ извергнуль духъ во адъ.
 Нарсимовы слуги бездушнаго злодѣя
 Остались истребить огнемъ послѣдній ядъ.

Надиръ.

Толь тяжко съ высоты Богъ гордыхъ повергаетъ!

Селимъ.

Вторично, государь, я нынѣ предложу
 О томъ, къ чему моя толь сильно грудь пылаетъ,
 И жизни для чего своей я не шажу.

Муметь.

Я съ небомъ и съ судьбой и съ вами соглашаюсь,
 Исполню, что велить любовь и красота.
 Я счастьемъ своимъ и вашимъ утѣшаюсь!
 Живи въ веселіи, любезная чета.
 Коль всѣмъ намъ былъ сей день печалень и ужасень,
 Что могъ насъ въ пагубѣ конечной утопить;
 Толь будетъ завсегда онъ веселье и прекрасень,
 Что въ оный Промыслъ васъ судилъ соединить.
 Взаимная любовь межъ васъ не принужденна
 Всегдашней вѣрностью пусть дастъ инымъ примѣръ.
 Мамаева притомъ кичливость поражена
 Другихъ пусть устрашитъ гордиться выше мѣръ.
 Къ готовому теперь вы алтарю за мною
 Послѣдуйте предъ нимъ въ супружество вступить:
 Клеониною я хоть оскорбленъ виною,
 Но радость нынѣшня велить ей все простить.

ДЕМОФОНТЪ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ: Послѣ разоренія Трои, Демофонтъ, сынъ Тезея царя Аѳинскаго, возвращаясь отъ Трои въ отечество, противною бурею занесенъ былъ къ берегамъ Фракійскимъ, и съ разбитаго флота принятъ царевною Филлидою, дочерью Ликурга царя. послѣ котораго смерти воспиталъ ее Полимнесторъ князь и правитель Фракійскій. Въ то время былъ онъ на войнѣ противъ Скивовъ, оставивъ подъ охраненіемъ Мемноновымъ съ Филлидою невѣсту свою Иліону, дочь Пріама царя Троянскаго, преведенную прежде конечнаго разрушенія Трои съ братомъ ея царевичемъ Полидоромъ, чтобы сохранить ихъ отъ Грековъ, съ приславнымъ великимъ богатствомъ. Въ отсутствіе его Филлида съ Демофонтомъ возымѣвъ великую взаимную любовь положили, чтобы, уговорясь съ Мемнономъ, сочетаться между собою бракомъ, и принять правленіе государства, а Полимнестора отрѣшить отъ онаго. Между тѣмъ Демофонтъ прежде жалостію, а послѣ и любовію къ Иліонѣ склоняясь, сомнѣнною страстію толь долго колебался, пока Полимнесторъ нечаянно въ городъ пришелъ съ побѣдою; и отсель начинается сія трагедія.

Дѣйствующія лица:

Демофонтъ. сынъ Тезея царя Аѳинскаго.

Полимнесторъ, князь и намѣстникъ царскій во Фракіи.

Филлида, царевна Фракійская, дочь умершаго Ликурга царя.

Иліона, царевна Троянская, дочь Пріамова, невѣста Полимнесторова.

Мемнонъ, правитель города Сеста.

Драметъ, полководецъ Демофонтовъ.

Креуза, мамка Филлидина.

Вѣстникъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Сестѣ приморскомъ городѣ Фракійскомъ, въ царскихъ палатахъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Филлида, Демофонтъ и Креуза.

Филлида.

Онъ въ сихъ ужé стѣнахъ; о лютая напасть!

Ты знаешь, Демофонтъ, его велику власть.

Желаніе мое какъ можетъ совершиться,

Гдѣ Полимнестора мой слабый духъ страшится?

Начто ты отлагалъ, начто толь долго бракъ?

Демофонтъ.

Миѣ строгая судьба повелѣвала такъ!

Но что великій страхъ?

Филлида.

Еще ли вопрошаешь?

Давно ужé, давно ты все подробно знаешь,

Что мнѣ съ тѣхъ поръ страшна понынь его гроза,
 Когда родителю сомкнула смерть глаза.
 Онъ жизни своей послѣдній часъ кончая,
 Прости, сказала въ слезахъ, Филлида дорога,
 Живи и возрастай счастливо подъ рукой,
 Что въ возрастѣ тебя на тронъ возвыситъ мой.
 Ты князю будь какъ мнѣ до времени послушна;
 Я вѣдаю, что мысль его великодушна.
 Промолвила, и съ тѣмъ духъ послѣдній выпустила,
 И Полимнесторъ власть надъ царствомъ получилъ.
 Черезъ двѣнадцать лѣтъ копь сильно укрѣпился.
 То видѣть ты теперь: но какъ ты не смутяси?
 И неподвижно какъ возмочь смотрѣть на страхъ,
 Который былъ на вѣхъ и на моихъ очахъ
 Смущенныхъ отъ его висящаго приходу?

Демофонтъ.

Сие ли устранить героическую породу?
 Нля забыла ты, что я Тезеевъ сынъ?
 Чего желаю я, то получу одинъ.
 И часны ты, чтобъ тотъ самъ видомъ изволновался,
 Кто Гектора видалъ и въ полѣ съ нимъ сражался?

Филлида.

О мужествѣ твоємъ не сомнѣваюсь я;
 Иной напасти ждешь печальна грудь моя.
 Но вѣдь признакамъ я несчастна примѣчаю,
 Что къ пагубѣ своей любовь пылаю.
 Ты знаешь, что князя весь монархомъ чтить народъ;
 И что владѣть ему остался цѣлый годъ;
 Въ отсутствіе его уговорась съ Мемнономъ,
 Мы брачнымъ укрѣпить любовь могли закономъ,
 И подданные все увидѣвъ нашъ союзъ,
 Отдали бы отъ него, отвергнувъ тягость узъ.
 На храбрость бы твою надежду положили,
 Противъ его свой духъ и руки обратили.
 Но нынѣ съ воинствомъ въ сей городъ онъ вступилъ,
 Побѣдами свое правленье укрѣпилъ.
 Онъ больше прежняго ужъ власть свою умножилъ,
 Но умысламъ своимъ и бракъ мой расположилъ.
 Но ты спокойно могъ еси напасти ждять!
 Какъ можешь предо мной себя ты оправдать?

Демофонтъ.

Смущенія твои, драгаи, все напрасны,
 И тѣни кажутся одиѣ тебѣ ужасы.
 Хоть Полимнесторъ здѣсь: но онъ какъ твой отецъ,
 Твоимъ сомнѣніямъ желанный дать конецъ.
 Когда въ младенчествѣ онъ былъ твой покровитель,
 То будетъ ли въ твоємъ ужъ возрастѣ гонитель?
 И медленность моя вредить не можетъ намъ.
 Пока я долгъ отцу въ отчествѣ отдамъ.
 То княжеско къ концу владѣніе достигнетъ,
 И твой народъ тебя и онъ на тронъ воздвигнетъ.
 Въ Афинахъ укрѣпи престолъ свой, возвращусь,
 И будучи царемъ, съ царицей сойрагусь.

Филлида.

Такъ можешь дѣлый годъ пробыть и безъ Филлиды!
 Какіе ли казалъ сначала ты мнѣ виды?
 Когда свирѣпый вихрь разбилъ твои суда,
 Когда еще текла съ одежды твоихъ вода,
 Когда изъ челюстей несытыя пучины
 На мой ты принять брегъ, спасень отъ злой кончины;
 Ты такъ ли говорилъ? Ты такъ ли припадалъ?
 И такъ ли взоръ взводилъ, и такъ ли воздыхалъ?
 Слезами и бѣдой твоей я умилилась;
 На твой плачевный видъ, на жалку часть склонилась.
 Почти безъ чувствъ тебя я въ домъ свой привела,
 Спокойство отъ трудовъ и жизнь тебѣ дала.
 И для меня Мемнонь явилъ тебѣ пріятство,
 Изъ нѣдръ морскихъ извлекъ Троянское богатство,
 Которое тогда жъ тебѣ возвращено,
 И съ нимъ сокровище мое сообщено.
 Какъ можешь, что досталъ убійствомъ ты и кровью,
 Сравнить съ тѣмъ, что тебѣ моею даю любовью?
 Когда она двоихъ сердца ужъ сопрягла;
 Я общимъ все добромъ имѣніе звала.
 Съ сугубой хочешь въ домъ корыстью возвратиться,
 Троянскимъ и моимъ богатствомъ возгордиться?

Демофонтъ.

О какъ мнѣ рѣчь сія въ печальну грудь разить!..
 Подумай, что теперь отецъ мой говоритъ:
 «Меня противникъ здѣсь отъ царства отлучаетъ;
 А сынъ о мнѣ забывъ, любовью нынѣ таетъ,
 И въ роскоши презрѣвъ естественный законъ,
 Въ ничто вмѣняетъ скорбь отеческу и стонъ.»
 Представь, дражайшая, ты гордаго Мнестея,
 Что хочетъ хищной снять рукой вѣнецъ съ Тезея,
 И въ старости ему онъ казнь грозитъ:
 Представь себѣ, представь Тезеевъ скорбный видъ.
 Возлюбленный отецъ, о какъ ты воздыхаешь!
 Ты взоры слезные чрезъ воды простираешь,
 И наблюдаешь всѣхъ судовъ бѣгущихъ путь,
 И на берегъ едва дерзашъ ты взглянуть,
 Гдѣ злой тиранъ тебя насильно утѣсняетъ,
 Тогда какъ Грецію отрада оживляетъ.
 Съ побѣдою пришли обратно тамъ цари,
 Восходить къ небу плескъ, дымятся алтари.
 Троянскимъ златомъ всѣ блистаютъ тамъ чертоги,
 Приемлютъ злато въ даръ отеческіе боги.
 Отцы и матери встрѣчаютъ тамъ сыновъ,
 И радость изъяснить недостаетъ имъ словъ.
 Всѣ слушаютъ отъ нихъ Пріамову судьбину,
 И Гекторову смерть, и славы ихъ кончину.
 А ты, родитель мой, утѣхи той лишень!

Филлида.

Но мною-ли онъ въ сей печали погруженъ?

Демофонтъ.

Такой мнѣ отъ боговъ уже предѣлъ поставлень,

Что я хоть на сей брегъ отъ ярыхъ волнъ избавлень,
Однако чтобъ на немъ въ смущеньи утопаты!

Филлида.

Но я-ли строгостью могла тебя смущать?
И кто препятствовалъ намѣренью скончаться,
И прежде князя намъ на царство увѣнчаться?
И силу-бы твою услышавъ тамъ Мнестей
Державы досягать дерзнулъ-ли-бы твоей?
Подумаль-ли-бы онъ, что Ораческая сила
И съ ней рука твоя ему-бы не отомстила?

Демофонтъ.

Такъ хочешь, чтобы я не видѣлъ нынѣ Аѳинъ,
И тамъ не защитилъ отеческихъ сѣдинъ?

Филлида.

Ты вѣдая мою любовь, какъ можешь мыслить,
Чтобъ стала я своимъ веселиемъ то числить,
Когда-бы ты отца и скиптръ свой позабылъ?
Мнѣ толь-же какъ тебѣ, повѣрь, отецъ твой милъ.
Я власть здѣсь укрѣпя, съ тобой-бы въ Понтъ пустилась,
Ни острыхъ камней я-бъ, ни бурь не утрашилась.
Какую-бъ радость твой почувствовалъ отецъ,
Увидѣвъ на тебѣ и свой и мой вѣнецъ!

Демофонтъ.

Не знаешь зависти межъ греками, не знаешь!
И такъ-ли два вѣнца совокупить ты чаешь?
Лишь только доидеть вѣсть къ сосѣдямъ черезъ Понтъ,
Что принялъ отъ тебя власть царску Демофонтъ;
То силою въ боязнь приведены моею,
Всѣ обще поспѣвать вѣнецъ отдать Мнестею.
Мнѣ прежде должно власть наслѣдну укрѣпить,
И послѣ съ оною твою совокупить.

Филлида.

Не мысли, государь, чтобы младыя лѣта,
И слѣпота любви меня лишила свѣта,
Чтобъ мыслей я твоихъ примѣтить не могла,
Которы страсть къ себѣ другая отвлекла!
И рѣчь твоя тебя и взгляды обличаютъ,
И сердца твоего всю тайну открываютъ.
Я вижу изъ твоихъ потупленныхъ очей,
Что больше нѣтъ уже ко мнѣ любви твоей.

Демофонтъ.

Драгая, перестань терзать мой духъ смущенный!

Филлида.

Бѣжишь отъ глазъ моихъ? Ужъ мысли развращенны
Не могутъ утерпѣть моихъ правдивыхъ словъ.
Уже ты къ своему отшествію готовъ,
И долѣе меня не хочешь удостоить...

Демофонтъ.

Позволь, любезная, мнѣ сердце успокоить!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Филлида и Креуза.

Филлида.

Не ясно-ль кажетъ мнѣ его сомнѣнна рѣчь,
 Что я слезамъ своимъ даю безъ пользы течь!
 Ты видишь по всему, любезная Креуза,
 Что онъ нарочно бѣгъ отъ брачнаго союза.

Креуза.

Я сердцемъ трепещу, смущенія боясь!
 Что будетъ, какъ твою любовь узнаетъ князь?
 О Демофонтъ что, царевна, онъ помыслитъ.
 Котораго врагомъ со Греками онъ числитъ?

Филлида.

Могла-ли я такой печали ожидать?
 И что уже теперь безсчастной мнѣ начать?
 Ты рокъ готовишь мнѣ, возлюбленный мой, въ тайнѣ?
 Креуза, ахъ поди, спѣши, старайся крайне.
 Вступи съ нимъ обо мнѣ въ пространный разговоръ,
 И примѣчай слова, движенія и взоръ:
 Тебѣ покажутъ всѣ вопросы и отвѣты.
 Ты знаешь мыслей въ немъ наружныя примѣты.

Креуза.

Дай, небо, чтобъ въ твоихъ намѣреніяхъ всѣхъ
 Былъ равенъ моему старанію успѣхъ!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Филлида одна.

Чтобъ онъ любилъ меня, еще могу я бѣрись?
 И страсти въ немъ другой я не могу измѣрить?
 Не тиетно-ль жду того, что онъ мнѣ общалъ,
 И что мнѣ клятвою стократно подтверждалъ?
 Однако такъ моею любовью одолженный
 Гнушаться мерзкія не будетъ-ли измѣны?
 Горячая его къ родителю любовь
 Не возмутить-ли въ немъ такой напастью кровь?
 Но я ослѣплена, причины вымышляю!
 И видя явну лость, его-же извиняю!
 Ахъ! какъ мнѣ нынѣ быть? И Полимнесторъ самъ
 Является моимъ, ахъ, полнымъ слезъ очамъ!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Филлида и Полимнесторъ.

Полимнесторъ.

Уже мнѣ наконецъ приятною судьбою,
 Царевна, суждено увидѣться съ тобою.
 Отъ взору твоего три лѣта отлученъ,
 Всегда противъ твоихъ враговъ былъ ополченъ,
 Раздоры внутренни и вѣнши успокоилъ,
 Противныхъ побѣдилъ и съ ними миръ устроилъ.
 Не однократно я всю кровь хотѣлъ пролить,

Чтобъ царство для тебя недвижно утвердить;
 Но щедры небеса судьбину отвратили
 И жизнь мою съ твоимъ наслѣдствомъ сохранили.

Филлида.

Что защищая ты во мнѣ Ликурговъ родъ,
 На брани положить готовъ былъ свой животъ,
 За то благодарятъ тебѣ народы многи,
 И чтятъ завистнии, и любятъ сами боги.

Полимнесторъ.

Симъ счастиемъ хотя я много веселюсь;
 Но больше радуюсь я нынѣ и дивлюсь,
 Увидѣвъ, что въ мое отсутствіе Филлида
 И возрастомъ своимъ и красотою вида
 До тѣхъ достигла мѣръ, когда уже любовь
 Ликургову тобой возоставить можетъ кровь.
 Едино совершить мнѣ дѣло ужъ осталось,
 Чтобъ сердце чрезъ меня достойное сыскалось,
 Достойное тебѣ быть ввѣкъ поручено.

Филлида.

Усердіе твое извѣстно мнѣ давно:
 Хотя рука твоя симъ царствомъ, князь владѣла,
 Но я, лишась отца, въ тебѣ его имѣла.

Полимнесторъ.

Превыше нынѣ мѣръ тобою я почтенъ,
 Что именовъ я толь великимъ нареченъ.
 Довольно, если-бъ я того былъ удостоенъ,
 Чтобы черезъ меня народъ былъ успокоенъ,
 Которой въ радости уже всечасно ждеть,
 Кого твой нѣжный взоръ и сердце избереть,
 Чтобъ царствовать съ тобой на отческомъ престолѣ.
 О счастливъ, счастливъ тотъ, и всѣхъ онъ смертныхъ болѣ!

Филлида.

Я вѣрю, что народъ Ликурга не забылъ,
 Который правамъ онъ похвальнымъ научилъ.
 Но сколько отъ твоей онъ ревности желаетъ,
 Моя несчастна грудь того имѣть не чаеть.
 Я счастлива была-бъ, когда твоя-бы власть
 Могла мнѣ укрѣпить мою желанну часть.

Полимнесторъ.

Хоть всею я еще Фракіею владѣю:
 Но силы таковой и власти не имѣю.
 Какая въ нѣжности и младости твоей
 Блится изъ твоихъ плѣняющихъ очей.
 Своею больше ты успѣешь красотою.

Филлида.

Коль мало пользоваться могу себя я тою!

Полимнесторъ.

Ты можешь ею все...

Филлида.

Узнаешь скоро самъ.
 Но время приносить тебѣ хвалу богамъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Полимнесторъ и Мемнонь.

Мемнонь.

Надѣясь твоего въ великій храмъ прихода,
Несчетно множество стекается народа.
Я войско по мѣстамъ разставилъ, государь,
И жертву приносить богамъ готовъ алтарь.

Полимнесторъ.

Какое принесу я имъ благодаренье,
Когда поверженъ я послѣ трудовъ въ мученье,
Когда меня любовь въ спокойны дни крушить,
И въ мирные часы въ груди сей брань чинить?

Мемнонь.

Въ тебѣ ли можно быть какимъ мученьямъ мѣсту?
Въ спокойномъ торжествѣ ты видишь здѣсь невѣсту;
Геройску видишь дочь, геройскую сестру
Пылающую къ тебѣ въ усерднѣйшемъ жару.
Всего лишася она, тобой была спокойна:
Супружества съ тобой въ несчастіи достойна.
Желаніе свое ты можешь совершить,
И съ бракомъ торжество сіе соединить.
Она послѣ тебя минуты всѣ считала;
По Троѣ, по отцѣ не столько воздыхала,
Какъ взору твоего крушилася лишася.
Коль часто слезъ рѣка изъ глазъ ея лилася!

Полимнесторъ.

Что часть ея жалка, Мемнонь, я признаваю,
Съ любовью купно скорбь для ней претерпѣваю.
Сугубо чувствую я бремя на плечахъ!
И что, скажи, теперь я видѣлъ при берегахъ?
Чьи флаги на водахъ борей Фракійскій вѣветъ?
И что въ намѣреньи Филлида здѣсь имѣть?
Скажи и не утай, что было безъ меня,
Что въ домѣ дѣлалось и въ сердцѣ у нея?

Мемнонь.

Возможно-ль отъ тебя мнѣ, государь, таиться?
И должность и любовь велить тебѣ открыться.
За полгода предъ симъ, когда здѣсь не былъ слухъ,
Гдѣ съ воинствомъ тебя водилъ геройскій духъ;
И послѣ какъ пришла во градъ сей вѣсть плачевна,
Что Трою рушила въ конецъ судьбина гнѣвна;
Внезапно солнца видъ на восходѣ сталъ багровъ
И тусклые лучи казалъ изъ облаковъ.
Отъ берегу вдали пучина почернѣла,
И буря къ намъ съ дождемъ и съ градомъ налетѣла.
Напала мгла какъ ночь, ударилъ громный трескъ,
И мрачность пресѣкала лишь частыхъ молній блескъ.
Поднявъ сѣды верхи, стремились волны яры,
И берегъ заревѣлъ, почувствовавъ удары.
Тогда сквозь мракъ едва увидѣть мы могли,
Что съ моря бурный вихрь несетъ къ намъ корабли,
Которы лютость водъ то въ пропастьхъ скрываетъ,

То вздернувъ на бугры, порывисто бросаетъ;
 Раздранны парусы пловцы отдавъ вѣтрамъ,
 Ужь руки подняли къ закрытымъ небесамъ.
 Мы чаяли тогда Энеева прихода
 Съ остатками Троянъ, несчастнаго народа.
 Объята жалостью, подвигнута бѣдой,
 Царевна на берегъ безъ страху шла за мной.
 Тутъ алчный Понтъ пожралъ три корабля предъ нами,
 И въ части раздробивъ, извергъ на брегъ волнами.
 Увидѣвъ, что съ водой тамъ бьется человѣкъ,
 Съ рабами я спѣшилъ и на песокъ извлекъ.
 Онъ очи смутныя со страхомъ обращая,
 И томныя уста чрезъ силу отверзая,
 Къ Филлидѣ, облившись слезами, говорилъ:
 Когда небесный гнѣвъ меня такъ поразилъ,
 То я уже взирать на небо не дерзаю;
 Къ тебѣ, богиня ты, иль смертна, прибѣгаю,
 Или, какъ чаю, сихъ владычица бреговъ,
 Покрой насъ и превысь щедротою боговъ.
 Царевна таковымъ подвиглась жалкимъ слухомъ,
 И ижаннымъ, преклонясь, отвѣтствовала духомъ:
 Спокоенъ будь теперь, и отложи весь страхъ:
 Не варварски сердца родятся въ сихъ мѣстахъ.
 Хотя не знаемъ мы, какого ты народа,
 Но бѣднымъ помогать велить сама природа.

Полимнесторъ.

Кто сей несчастный былъ?

Мемнонь.

Царя Тезея сынъ.

Онъ сердца нашея царевны господинъ!
 Народъ его, что съ нимъ отъ пагубы избавленъ,
 Спокойствомъ ободренъ, и флотъ его исправленъ.

Полимнесторъ.

О вѣсти странныя! о чудный судъ боговъ!
 Но пойдемъ ихъ спросить; я ко всему готовъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Демофонтъ, Полимнесторъ и Мемнонь.

Демофонтъ.

Ты склонность кажешь мнѣ всея надежды болѣ!
 И чѣмъ я заплачу твоей толь щедрой волѣ?
 Я странствую, гонимъ отъ волнъ и отъ небестъ;
 Ты въ скорби, государь, отраду мнѣ принеси.

Полимнесторъ.

И я тѣмъ веселюсь, что дивная судьбина
 Тезеева мнѣ здѣсь дала увидѣть сына,
 Который мужествомъ ему себя сравнилъ,
 И тѣмъ подъ Троею героямъ общникъ былъ,
 Которыхъ на нее послали гнѣвны боги.
 Не вы, не вы, они Пріаму были строги.

Демофонтъ.

Умѣренность твою чему могу сравнять?
Величествомъ души Пріама больше зять!

Полимнесторъ.

То все еще теперь у Промысла во власти;
Достигнетъ до своей и Пліона части!
Отъ ярости боговъ убѣднѣть-ли она,
Котору чувствуетъ отца ея страна,
То день поставленный покажетъ намъ конечно!

Демофонтъ.

Пль рвеніе боговъ на Трою будетъ вѣчно?
Когда уже и въ насъ смягчились сердца:
То имъ-ли злобиться на бѣдныхъ безъ конца?
Когда представляю я въ умѣ своемъ Пріама,
Терзаюсъ мыслями отъ жалости и ерама.
Что Греческой рукой царева сѣдина,
О варварство! въ его крови обгарена.

Полимнесторъ.

Теряетъ славу всю свирѣствомъ побѣдитель;
Но часто долженъ онъ невольно быть мучитель,
Какъ надобно своихъ предохранить отъ зла.
Тебѣ всегда за то пребудетъ похвала,
Что о несчастіи поверженныхъ жалѣши!
Ты злобу тѣмъ своихъ враговъ преодолеѣши.
Когда-бъ жалѣли такъ отпечь все греки прочь,
Сіе-бъ Пріамову могло утѣшить дочь.

Демофонтъ.

Мнѣ знать другихъ сердецъ движенія не можно;
Но объявить сіе могу тебѣ не должно,
Что въ жизни я себя великимъ-бы почелъ,
Когда-бъ ей доказать сердечну жалость смѣлъ,
Которую объ ней...

Полимнесторъ.

Я въ томъ не возбраняю;

Но силы ласковымъ словамъ твоимъ желаю,
Дабы черезъ оныя увѣрилась она,
Что Троя отъ боговъ, не нами сожжена.
И видя, что о томъ, кто воевалъ, крушитесь
Могла-бы отъ тоски хоть мало свободиться.

Демофонтъ.

Все силы положу, чтобъ Грековъ посрамить,
И Пліону въ той надеждѣ утвердить.
Что тѣ же укротясь, возставятъ боги Трою.
О если бъ сею могъ воздвигнуть я рукою!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Полимнесторъ и Мемнонь.

Мемнонь.

Я объявивъ его къ твоей невѣстѣ страсть,
Дивлюсь, что ты ему даешь ходить къ ней власть!

Полимнесторъ.

Я не далъ бы; но что-жъ? Другое нынѣ время!

И боги съ моего снимають сердца бремя.
Покажутъ щедрой тѣ на Иліонъ судь,
Устроить все объ ней и счастье ей дадутъ.
Меня ихъ власть къ другой любви понуждаетъ:
Мой духъ противится ихъ волѣ не дерзаетъ!

Мемнонь.

Что слышу, государь?

Полимнесторъ.

Отъ алтаря отвѣтъ!

Ты слышалъ въ храмѣ громъ, Мемнонь, и видѣлъ свѣтъ.
Когда я пристуивъ, предъ Марсомъ преклонился.
И какъ отъ жертвы дымъ предъ онымъ воскурится:
Тогда военный богъ цвѣтомъ своимъ потрясетъ,
Блеснулъ очами вдругъ, и испустилъ сей гласъ:
«Для Трои на себя не привлекай ты гифву,
Врученную тебѣ любви вѣкъ дочь цареву.
Толь ясныя слова не смѣю толковать:
Я волю принужденъ безсмертныхъ исполнять.
Чтобъ быть Дикургова по власти оныхъ трона...
Но нынѣ отступи: приходитъ Иліона.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Полимнесторъ и Иліона.

Иліона.

Увидѣвъ, государь, наединѣ тебя,
Я смѣю ль рѣчь зачать, твой духъ не оскорбля.
Весь городъ веселясь, въ очахъ твоихъ сияетъ,
И можетъ быть мой взоръ тебѣ лишь досаждаетъ.
Воюсь, что я сему торжественному дню
И радости твоей препятство учиню!
Ты видишь предъ собой не ту ужъ Иліону,
Что прежде славою отеческаго трону
Украшенна, тебѣ была обручена,
Со свѣтлымъ празднествомъ въ сей градъ приведена;
Но съ Троею всего величества лишена,
И только лишь къ тебѣ надеждой укрѣплена.
Какъ сердце бы твое мнѣ не было дано,
Осталось бы мнѣ отчаянье одно.
Я въ Троѣ, въ Гекторѣ, въ Пріамѣ умираю,
И только лишь къ тебѣ любовію дышаю:
Возставъ и укрѣпи!

Полимнесторъ.

Я долженъ самъ упасть!

О строгая судьба! о горестная часть!

Иліона.

Я вижу, государь, что разоренна Троя
Лишаетъ и тебя веселья и покоя!
Но ежели тебѣ еще я такъ мила,
Какъ въ тѣ часы, когда изъ Трои я пришла;
То всю свою тоску въ сей день преодолѣю:
И ты спокоенъ будь спокойностію моею.
И Гекторъ и Трояль, Геккуба и Пріамъ
Въ тебѣ одномъ моимъ являютъся очамъ.

Полимнесторъ.

Когда бъ я былъ тебѣ Нарисомъ или Пріамомъ,
То былъ бы счастливъ я уже въ несчастіи самомъ.

Иліона.

Ты можешь, государь, теперь мнѣ ими быть
И Троию на берегу Фракійскомъ защитить,
Которую еще неукротимы Греки,
Наполнивъ кровію поля при ней и рѣки,
Коварно утѣснять и здѣсь не престають,
И мѣста оныя остаткамъ не даютъ.
Въ отсутствіе твое бурливая погода
Разбила корабли противнаго народа.
Тезеевъ сынъ отъ волнъ спасенъ остался живъ,
Здѣсь странствуя живетъ. Онъ время улучивъ,
(Того я знать не тчусь, заправду или притворомъ)
Мнѣ часто о любви досаднымъ разговоромъ
Терзалъ мой скорбный духъ, несносный сопостать,
Котораго одинъ мнѣ пуще смерти взглядъ.
Забывъ всѣ нѣжности Филлидины, дерзаетъ
Другой любви искать, чрезъ что онъ объявляетъ,
Что онъ на всякій часъ на злость свою готовъ.
На всѣхъ онъ, государь, сплетаетъ хитрый ковь,
Отмести ты за меня; отмести ты за Филлиду,
За Троию, за весь родъ, за собственну обиду.

Полимнесторъ.

Я сею бъ кровь его рукою пролилъ самъ,
Когда бы было то угодно небесамъ!
Но воля ихъ мою надежду пресѣкаетъ,
И мечъ мой на него поднять не позволяеть.

(На сторону).

Хотя одной постыль, хотя другой онъ любъ;
Вездѣ соперникъ мнѣ и сопостать сугубъ.
Сугубаго въ рукахъ соперника имѣю!
Но мстить ему за то, о боги, я не смѣю!

(Указывая на Иліону).

Затѣмъ я вамъ ее на волю отдаю,
Вы дайте помочь ей, скрѣпите грудь мою
Исполнить вашъ отвѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Иліона одна.

Гдѣ мнѣ искать покровъ?

Не слышала теперь ни одного я слова,
Которымъ бы признакъ онъ нѣжности мнѣ далъ!
Что смутны отъ меня онъ очи отвращалъ?
Ахъ Троя, ты упавъ, любовь въ немъ разрушила!
Я вижу что и здѣсь безсмертныхъ гнѣвна сила
Не престаеть Троянъ остатки утѣснять.
И тотъ уже меня не хочетъ защищать,
Къ которому меня во брачные чертоги
Поставила любовь, Пріамъ и сами боги.

Что нынѣ предпріять они велятъ ему?
 Соперникъ Демфонть сугубо почему?
 Или къ Филлидѣ онъ любовію пылаеть?
 Но что-жь сопернику отмстить онъ не дерзаетъ?
 И что меня еще вручаетъ онъ богамъ,
 Когда покрыть отъ бѣдъ скорѣе можетъ самъ,
 Когда они свой взоръ отъ Трои отвратили?
 Въ какой вы пагубѣ насъ, боги, погрузили!
 Мы равну съ Греками имѣемъ плоть и кровь:
 И ваша быть должна ко всѣмъ равна любовь.
 Но Грекамъ вы отцы, Троянамъ вы тиранны:
 Они вознесены, а мы лежимъ погранны!
 Однако если такъ васъ огорчилъ Пріамъ,
 Что кровію воздать не могъ и Гекторъ вамъ:
 Но въ гнѣвѣ вы своемъ хотѣли видѣть Трои
 Зажженну въ жертву вамъ противною рукою,
 И войско и народъ и стѣны истребить;
 То что ужъ можетъ васъ на ярость побудить?
 Представьте прежнюю Пріамову державу,
 Героевъ и полки, величество и славу,
 Гдѣ нынѣ пепелъ, дымъ, развалины и прахъ
 И кости на пустыхъ разсыпаны поляхъ.
 Младенецъ лишь одинъ съ безсчастною сестрою
 Не можетъ въ бѣдности сыскать себѣ покою,
 Почти уже плѣненъ живетъ въ краю чужомъ!
 Еще ли можете бросать на насъ свой громъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Иліона и Демфонть.

Иліона.

Еще ли умножать идешь мои печали!

Демфонть.

Еще судьбы меня, еще къ тебѣ послали,
 Которыя такой поставили предѣлъ,
 Чтобъ нѣжно сердце я всегда къ тебѣ имѣлъ.
 Коль часто оскорбленъ къ тебѣ быть зарекаюсь;
 Толь часто пресгупивъ зарокъ свой возвращаюсь.
 Суровый твой отвѣтъ скрѣпилъ вчера мнѣ грудь;
 Но нынѣ съ жалостью любовь открыла путь;
 Сильнѣе прежняго, вошедь въ меня, пылаеть:
 Что жалость о тебѣ сугубу представляетъ.
 Оставленна отъ всѣхъ, лишенная всего,
 Ужель послушаешь совѣту моего?
 Подвигнуть ли тебя мои потоки слезны;
 Когда стенанія и вздохи бесполезны,
 Которы нынѣ ты пускала къ небесамъ,
 Являя жалкій видъ безчувственнымъ очамъ?
 Другой уже красой, повѣрь, онъ плѣнились,
 Отъ нѣжностей твоихъ вѣвки затворились.

Иліона.

Невѣрной!

Демфонть.

И кому! (*Указывая на Иліону*).

Иліона.

Подобенъ въ томъ тебѣ.

Филлида-ль отъ тебя сего ждала себѣ?

Демофонтъ.

Онъ лакомству, а я любви поработился;
Онъ царствомъ, и тобой, дражайшая, ильнился.
Любви онъ и своей невѣстѣ измѣня,
Тебя освободилъ и оправдалъ меня.
Филлидинъ будетъ духъ, повѣрь, о семь спокоенъ:
Что благодарность лишь, не жаръ мой въ ней пристоеенъ.
Сугубо я свой долгъ ей изъ Аейнъ возламъ:
Тебѣ, дражайшая, и отдалоси самъ.

Иліона.

Какъ можешь требовать, чтобъ я тебя любила?
Судьба и страсть меня другому поручила.

Демофонтъ.

Преступнику!

Иліона.

Пускай хотя-бъ таковъ онъ былъ,
Или пускай бы насъ Пріамъ не обручилъ;
Но сносно ли бы мнѣ твое желанье было?
И мысль одна объ васъ мнѣ грозное страшило:
Когда представится въ моемъ мечтаньи Грекъ,
Кровавы вижу я потоки нашихъ рѣкъ,
Пылаетъ домъ отцовъ: сестру влекутъ изъ храма
Рыдающую среди ругательства и срама.
Дѣвицъ Троянскихъ въ плѣнъ окованныхъ ведутъ,
По дѣтямъ матери, терзая грудь, ревутъ.
Раздранны вижу тамъ я Гекторовы члены,
И страшно въ слухъ мой бьютъ валящіеся стѣны.
И старшимъ бугромъ несчастна стонетъ мать!
Возможна ли тебѣ любви моей желать?

Демофонтъ.

Я общникъ, правда, былъ премѣны оной слезной,
Я стѣны разорялъ отца своей любезной!
Но можетъ ли твой гнѣвъ, царица, и въ сей часъ
Пылать противъ меня? еще ли не погасъ?
Не мною Гекторъ палъ, не мною Поликсена
Въ незлобивой крови угасла обогрѣнна.
Ахъ если-бъ я тебя еще до брани зналъ,
Противу Грековъ я съ мечемъ бы симъ возсталъ.
Отецъ меня послалъ со воинствомъ полъ Трои:
То много ли я тѣмъ виновенъ предъ тобою?
Я дорого плачу потоки вашихъ слезъ.
И больше зла терплю, какъ Трою я нанесъ!
Я въ жертву далъ себя грызущей нутрь печали,
И больше самъ горю, какъ Пергамъ *) пылалъ.
Ты мучишь: хотъ тебя всему я предпочелъ!
Бывалъ ли я когда таковъ Троянамъ золь?
Но если не смягчить твой духъ мой мученья,
Когда ты требуешь еще себѣ отмщенья;

*) Старое имя города Трои.

Могу-ль хотя тогда тебѣ я угодить.
 Какъ Грекамъ и себѣ за васъ я буду мстить?
 Мой духъ къ тому готовъ и жизнь моя готова;
 Я жду лишь отъ тебя, драгая, только слова.
 Со мною станешь ты, и съ нами Полидоръ
 Съ богатствомъ на брегу въ тѣни Троянскихъ горъ.
 На слухъ со всѣхъ сторонъ Фригійцы соберутся.
 И къ облакамъ верхи Троюнскіе прострутся.
 Великость царствъ въ одной не состоятъ стѣнъ.
 Но въ полной жителями, обильной всѣмъ странѣ.
 Воздвигли Трою тѣ сопренну Геркулесомъ,
 И нынѣ обновятъ поприщу Ахиллесомъ.
 Отецъ твой возвратель ихъ силою весь вредъ,
 Которой претерпѣлъ несчастливый твой дѣдъ.
 По жребью получилъ я въ Троѣ ту корону,
 Чѣмъ твой отецъ вѣнчанъ по древнему закону.
 На Полядоровъ ту, на твой верхъ возложу,
 И сѣтующему народу покажу.
 Что паки живъ Пріамъ и обновляетъ Трою.
 Но какъ возведена на тронъ свой будешь мною,
 То можно-ль мнѣ себя такой надеждой льстить,
 Чтобы мнѣ у тебя и тамъ врагомъ не слыть?
 Я больше для тебя, драгая, предприемлю,
 Отецеску свою пренебрегая землю.
 Тамъ ждетъ меня своя порфира и вѣнецъ,
 Тамъ ждетъ меня, крушась, при старости отецъ.

Иліона.

Всѣ вымыслы твои и рѣчи бесполезны:
 Оставь меня, не множь мои потоки слезны!
 Кто можетъ снова намъ тѣ стѣны соорудить,
 Которыхъ не возмогъ и Гекторъ защититъ?
 Ни царство ужъ меня ни слава не прельщаетъ,
 Которыя въ ничто судьбина превращаетъ.
 Въ любви моей не толь велика есть цѣна,
 Чтобы часть твоя для ней была повреждена.

Демофонъ.

Слыть братомъ Гектору всей чести имя равно,
 И въ тотъ же впасть порокъ мнѣ съ Ахиллесомъ славно.
 Оставилъ Грековъ онъ сестру твою любя:
 Я то же сдѣлаю и больше для тебя.
 Ты удостой меня хоть взглядомъ, дорогая,
 И посмотри, лицо и очя примѣчая,
 Возможно-ли въ моей груди таятся лести?
 И можно-ль больше мнѣ страданія снести?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Демофонъ, Иліона и Филлида.

Иліона (*къ Филлидѣ*).

Любезная моя царевна, дай отраду.

Филлида (*отступая назадъ*).

Я вамъ лишь наношу препятствіемъ досаду!

Иліона (*удерживая Филлиду*).

Оставлену отъ всѣхъ одна ты не оставь.

Демофонтъ.

Къ чему: злой рокъ привель...

Филлида (къ нему).

Теперь себя оправь...

Однако поспѣшай и обновляй ты Трою;
Забудь, что вѣчный срамъ туда пойдетъ съ тобою.
Мои заслуги ты забудь и два вѣнца,
И вѣрность и любовь и совѣсть и отца.
Но мнѣ чтобы о семь и памяти лишиться,
Пойду безсчастная... но гдѣ мнѣ будетъ скрыться?
Иліона.

Я слѣдую тебѣ, погибну иль спасусь.

Демофонтъ.

Дражайшая, пожди, позволь...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

ДЕМОФОНТЪ одинъ.

Какъ я мятусь!!

О коль свирѣпыя въ моемъ бьютъ сердцѣ волны!
Противными страстьми и грудь и мысли полны!
Я жалостью къ одной и нѣжностью плѣнень,
Другой заслугами и должностью врученъ.
Смотря на первую, пронзенъ позабываюсь;
Но на другу взглянувъ, я въ совѣсти терзаюсь.
Любовь, желанье, стыдъ, отчаянье, боязнь
Воюютъ внутри меня: о коль велика казнь!
Гдѣ мужество мое? Гдѣ крѣпость неизмѣнна?
Лежить отъ слабостей моихъ преодолѣнна!
О какъ ты развращень, безсчастный Демофонтъ!
Ахъ лучше бы тебя покрылъ волнами понтъ!
Несчастье бы къ одной тебя не обязало,
И сердце бы къ другой безъ пользы не пылало.
Что дѣлать ужъ теперь? И кто мнѣ дастъ совѣтъ...

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

ДЕМОФОНТЪ и ДРАМЕТЪ.

Демофонтъ.

Скрѣпи, скрѣпи мой духъ, возлюбленный Драметь!

Драметь.

Доколѣ, государь, ты будешь колебаться?
Доколѣ будешь въ плѣнъ страстямъ здѣсь отдаваться,
Тогда какъ Греція того всечасно ждетъ,
Ужель Приамова наслѣдства больше нѣтъ?
И вѣтры счастью ея споспѣшествовали,
Когда къ симъ берегамъ твой флотъ они пригнали.
И случай повелѣлъ и Полимнесторъ самъ,
Чтобы Приамовъ сынъ былъ отданъ въ руки намъ.
Хотя еще онъ малъ, но Грековъ устрашаетъ:
Что къ нашей пагубѣ въ немъ Гекторъ возрастаетъ.
Представь, когда на нашъ онъ устремлялся флотъ,
Съ мечемъ и съ пламенемъ шумящимъ поверхъ водъ.
Коль многіе онъ слезъ и крови пролилъ токи;

И раны наложилъ коль Греціи глубоки!
 Коль много славныхъ онъ опустошилъ домовъ!
 Коль много тамъ сиротъ, коль много плачетъ вдовъ!
 Всѣ Гречески цари съ отцемъ твоимъ согласно
 Тобою отвратить желаютъ зло ужасно,
 Чтобъ стѣнъ Пріамовъ сынъ, какъ онъ, не обновилъ,
 Ихъ дѣтямъ и тебѣ потомъ бы не отмстить.
 Но страсть твоя гаситъ тѣ искры возбраняеть,
 Отъ коихъ съ прочими и твой градъ воспылаеть.
 Себѣ и обществу страсть вредну истребляй,
 Коль долго случай есть, отечество спасай.

Демофонтъ.

Оставило оно при старости Тезея,
 И защищать его не хочетъ отъ Мнестея;
 То должно индѣ мнѣ прибѣжища искать,
 И вмѣсто помощи за то ему отмщать.

Драметъ.

Послушай, государь, рѣчей моихъ спокойно;
 Природѣ ли твоей начать сіе пристойно?
 Какъ можетъ отъ чужихъ того желать Тезей,
 Чего напрасно ждетъ отъ крови онъ своей?
 Тебѣ отца спасти всего достоинъ прежде,
 И многихъ съ нимъ царей не обмануть въ надеждѣ,
 Которые тебя за вѣрность награждать;
 Когда жъ преслушаешь: подумай, какъ отмстятъ?
 Толь много царствъ покрыть всѣ способы имѣешь.
 Филлида въ путь съ тобой спѣшить, что ты коснѣешь?

Демофонтъ.

Я выше бы всего Филлиду почиталъ,
 Какъ Иліоны бѣ я на свѣтѣ не видалъ!

Драметъ.

Ты долженъ предпочесть благодѣянье страсти,
 Послушать Греціи, отца покрыть въ напасти,
 И очи отвратить и запереть свой слухъ
 Отъ всѣхъ мечтаній тѣхъ, что твой смущая духъ,
 Препятствуютъ скончать страхъ общій съ Полидоромъ.
 Дерзай и не мятись себѣ пріятнымъ взоромъ.
 И Промысль для того тебѣ сей случай даль,
 Чтобъ сердце мужеско теперь ты показалъ.
 Предъ всѣми Греками я буду въ томъ свидѣтель,
 Коль сильну страсть въ тебѣ попрапа добродѣтель.

Демофонтъ.

Я знаю, что вездѣ похвально то, Драметъ,
 Когда кто слабости уму подѣ власть даетъ.
 Мнѣ совѣсть и отецъ, Филлида и всѣ Греки
 Велятъ, чтобы забылъ Троянку я вѣвѣки.
 Но честь въ одну страну, въ другу любовь влечеть!

Драметъ.

Тамъ правда къ торжеству, здѣсь прелесть въ ровъ ведетъ.

Демофонтъ.

Я вижу лучшее, и видя похваляю;
 Но худшему вослѣдъ, о небо, поспѣшаю!
 Возникни слабый духъ во мнѣ и ободрись,

Войди ты самъ въ себя, внимай, и осмотрися,
 Гдѣ дочь Пріамова несчастну грудь пронзила...
 О чудна слабостей надъ крѣпкимъ сердцемъ сила!
 Какимъ путемъ, Драмень, я въ сѣть сію вошелъ!..
 Какъ Иліону я впервые усмотрѣлъ,
 Представилъ во умѣ поверженную Трои!
 И видя малые остатки предъ собою,
 Подумалъ, какъ ее внутрь люта скорбь грызеть.
 Что нѣтъ ужѣ отца, ни храбрыхъ братьевъ нѣтъ!
 Печальна красота несчастьемъ умножилась,
 И въ жалкомъ видѣ мнѣ прекраснѣе казалась.
 Тутъ склонность жалости, и склонности любовь
 Постѣдовали внутрь, и вкралася мнѣ въ кровь:
 Объемлетъ чувства все!..

Драмень.

Искоренитъ мысль злую,
 И первой тиши любви поработитъ другую.

Демофонтъ.

Я благодарность тамъ любовью называть.
 Какъ здѣсь саму любовь за жалость почиталъ.
 Со обоихъ сторонъ понятіемъ неяснымъ
 Покрывать, иду путемъ со мною несогласнымъ.
 Я чувствуи въ себѣ ихъ силу обоихъ,
 Обѣимъ слѣдую, и ни одной изъ нихъ!

Драмень.

Какой ни будь къ тому ты приведенъ причиной.
 Но сердце остави Филлидѣ ужъ единой,
 И слово данное и вѣрность къ ней держи.

Демофонтъ.

Но какъ я то начну? любезный другъ, скажи?
 Прогнѣванной ужѣ предъ очи какъ предстану,
 Глубоку отъ другой имѣи въ сердцѣ рану?

Драмень.

Лишь только ты теперь себя преодолѣи.
 Любовь ея къ тебѣ возобновится въ ней,
 Сильнѣе прежняго отъ слезъ твоихъ выплываетъ.

Демофонтъ.

Надежда чрезъ тебя ужъ духъ мой ободряетъ;
 Я нынѣ овладѣлъ толь сильными страстьми.
 Повѣрь мнѣ, и мое сомнѣнье отними.
 Крѣпи въ намѣреньи, хвали мою побѣду,
 Не дай съ похвальнаго мнѣ совратиться слѣду.
 О вѣрность искренни! ты слабость истребля,
 Дай силу мнѣ склонить Филлиду и себя.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

явленіе первое.

Филлида и Полимнесторъ.

Полимнесторъ.

Царевна, совершивъ и должныхъ жертвъ обряды,
 Искаль послѣ трудовъ желанныя ограды.
 Сраженія частыя, далекіе пути,

Труды, что для тебя одной я могъ снести,
 Велать отдаться мнѣ любезному покою.
 Но усмотрѣвъ тебя печальну предъ собою,
 Къ спокойствію себя принудить не возмогъ,
 И утѣшать тебя послѣдовалъ въ чертогъ.
 Какі противности тебя поколебали?
 Я смѣю ли подать совѣтъ тебѣ въ печали?
 Я смѣю ль угадать, кто могъ твой духъ смутить,
 И угадавъ тебя отъ скорби свободить?

Филлида.

Не наводи, ахъ, князь! на мысль мнѣ большей ночи!
 И такъ уже стыдомъ мои покрылись очи;
 Оставь наединѣ безсчастную вздыхать.

Полимнесторъ.

Тебя ли я могу терзаніямъ отдать?
 И долгъ мѣня къ тому и ревность понуждаетъ,
 И младость и краса твоя повелѣваетъ,
 Чтобы отъ тщетныхъ мукъ теперь тебя спасти,
 Отъ страсти свободить и въ чувство привести.
 Ахъ, что прельщаешься чужою ты странною?
 Или отечество ужъ гнусно предъ тобою?
 Или такого въ немъ уже героя нѣтъ,
 Съ кѣмъ въ бракъ тебѣ вступить не предосудить свѣтъ.
 Кто бъ равень Греку былъ достоинствъ всѣхъ хвалою:
 Я сердце знаю здѣсь лишенное покою,
 Въ которомъ вѣрная сугубо кровь кипить.
 И въ очи и въ уста жаръ внутренній стремить;
 Не зная, будетъ ли тобой оно счастливо,
 Мученія въ лицѣ изображаетъ живо.

Филлида.

Не вѣрь, ахъ князь, словамъ, и взглядамъ ты не вѣрь,
 По виду внѣшнему чувствъ внутреннихъ не мѣрь.
 Чужаго сердца знать движеній не возможно!

Полимнесторъ.

Оно въ груди моей, я знаю то не ложно!

Филлида.

Что слышу я еще! ты очи, князь, открой,
 И посмотри, что здѣсь Филлида предъ тобой.
 Теперь ты вмѣсто мнѣ желанныя отрады,
 Не умножай еще несносныя досады.
 Меня какъ дочь любить принадлежатъ тебѣ:
 Иного пламени не воспалій въ себѣ.
 Не чувствуешь въ своемъ ты сердцѣ Иліоны?
 Гдѣ права естества, гдѣ божески законы?

Полимнесторъ.

Когда безсмертные повергли ужъ Троянъ,
 Когда Пріамъ, Парисъ и Ректоръ ихъ поправъ,
 И острый мечъ пресѣкъ младый вѣкъ Поликсены;
 Въ крови и пепелѣ дымятся падши стѣны:
 Когда они весь родъ искоренить хотять:
 Боюсь, что и меня съ нимъ купно поразятъ.
 Безумно грудь свою поставить противъ грому,
 И на боговъ возстать.

Филлида.

О какъ ты дѣлу злому
 Дать хочешь видъ добра, и страсть свою закрыть!
 Престань передо мной и мысляю грѣшить.

Полимнесторъ.

Или ужъ грѣхъ любить лицо мнѣ толь прекрасно?
 Или, дражайшая, трудился я напрасно,
 Когда я собственны забавы презиралъ,
 И день и ночь о томъ лишь только помышлялъ,
 Дабы распространить еще твою державу,
 И царски воспитавъ, твою умножить славу?
 Приятностями, что мной покрыты расцвѣли,
 Кромѣ меня владѣть кто долженъ на земли?
 Я нѣжил ихъ восходъ, и зрѣлости ждалъ жадно;
 То плодъ ихъ потерять мученье безотраднo!
 Кто лучше моего здѣсь знаетъ силу правъ,
 Обычай подданныхъ, и твой, царевна, нравъ?
 И кто какъ я въ уздѣ удержитъ ихъ свободу,
 И склонностямъ твоимъ отдастъ себя въ угоду?
 Ахъ вспомни, что Ликургъ при смерти говорил!

Филлида.

Хотя владѣніе тебѣ онъ поручилъ,
 Однако сердце онъ въ моей оставилъ власти.
 Не могутъ повелѣть цари любовной страсти.

Полимнесторъ.

Такъ буду я крушась въ чужихъ рукахъ смотрѣть
 На тую, что велятъ и боги мнѣ имѣть?
 Я счастливъ былъ-бы здѣсь, когда-бы я волнами
 Предъ сими изъ моря поверженъ былъ ногами;
 Я сердцемъ-бы твоимъ, царевна, ужъ владѣлъ;
 И что при томъ? другой любви искать-бы смѣлъ!
 Ахъ жалься, погляда на отческіе бреги,
 Исполненны вездѣ пріятности и нѣги!
 Или они тебя не могутъ побудить,
 Чтобы ты пришлеца старалась позабыть?
 И рѣки, и поля, и горы воздыхаютъ,
 И видомъ жалостнымъ тебя увѣщываютъ:
 Филлида не лиши твоей насъ красоты!
 Того-ль не чувствуешь? того-ль не слышишь ты?

Филлида.

Престань такими, князь, терзать меня словами,
 И дай мнѣ умягчить тоску свою слезами.

Полимнесторъ.

Я жалостью твоей смущаясь, отхожу;
 Но ты сама себя суди одна, прошу.
 Невѣрности отмстить ты полну власть имѣя,
 Какъ можешь предпочесть защитнику злодѣя,
 Пришельца своему, и Демофонта мнѣ,
 Кроваву Грецію любезной той странѣ,
 Гдѣ тронъ твой, гдѣ на свѣтъ впервые ты возрѣла?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Филлида одна.

Нигдѣ не слыхано толь злобственнаго дѣла!
 Невѣрность кругъ меня, тая свой лютый ядъ,
 Являетъ ласковый и полный желчи взглядъ.
 Присягу преступивъ одинъ подлогъ скрываетъ,
 Другой не такъ меня какъ скипетра желаетъ.
 Что нынѣ я начну, куда я обращаюсь?
 Или отъ лъстиваго къ невѣрному склонюсь?
 Филлида укрѣпись, и бурямъ стань противу,
 Закрой отъ нихъ глаза, оставь надежду живу.
 Предписаннаго жди мученіямъ конца,
 Неблагодарнаго забудь, забудь лъстеца.
 Но позабыть его чѣмъ больше я желаю,
 Тѣмъ больше въ мысль беру, и тверже вкореняю!
 Никакъ любовь тебѣ, никакъ не измѣню!
 Но что мнѣ въ томъ, когда его не преклоню?
 Такъ стану преклонять преступника мольбою?
 Такъ буду, Демофонтъ, я плакать предъ тобою?
 Какъ слезны станешь ты потоки презирать?
 Но я, лишь обратись, готова все начать!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Филлида и Креуза.

Креуза.

Царевна! по твоей исполнила я волѣ.
 Теперь ужъ ничего не остается болѣ,
 Какъ только чтобы твой послѣдній былъ приказъ,
 По коему сгорить флотъ Греческій тотчасъ.
 Закрыты на судахъ лѣсистыми горами
 Стоять рабы твои съ готовыми стрѣлами,
 Чтобъ пламень оными на корабли пустить,
 И Демофонтовъ путь въ Аѳины прекратить.

Филлида.

Пускай и самъ огнемъ скончается невѣрный!

Креуза.

Ты злобой на него вооружась безмѣрной,
 Царевна, мѣрности при мщеніи держись,
 И безотраднаго раскаянья блюдись!

Филлида.

Ты зная отъ него меня теперь презрѣнну,
 Что мстить препятствуешь за мерзкую измѣну?
 Мой плѣнный духъ и такъ склоняется къ нему,
 Противится себѣ, противится уму,
 И злобу нѣжная любовь одолѣваетъ;
 То что ей твой совѣтъ, Креуза, помогаетъ?
 Что гнѣвъ мой прекратить твой хочеть разговоръ?
 Незлобія во мнѣ не кажетъ-ли мой взоръ?

Креуза.

Ахъ вспомни, какъ моимъ совѣтомъ ты гнушалась:
 Но нынѣ я твоей печалью оправдалась;
 Тогда было тебѣ не слушать лъстивыхъ словъ.

Филлида.

И здравый умъ на все не можетъ быть готовъ.
 А поступать въ любви, Креуза, осторожно,
 И мысль знать по рѣчамъ, повѣрь, что невозможно.
 Тамъ кажется ни въ чемъ худыхъ не будетъ слѣдствъ,
 Ни въ чемъ не видно тамъ необходимыхъ бѣдствъ:
 Опасность кажется сама въ ней безопасна,
 И очевидная ужасность не ужасна.
 За страстью я своей не видѣла умомъ.
 Что Демофоновъ домъ на берегу чужомъ.
 И сладость, что текла прелестными устами,
 Не жаромъ рождена, но хладными волнами!
 Я думала-ль тогда, что мнѣ онъ только льститъ?

Креуза.

Минута жаръ зажгла, минута погасить.
 Любовь съ надеждою живетъ, и умираетъ.
 Отъѣздъ его любовь и скорбь твою скончаетъ.

Филлида.

Такъ отпущу его, Креуза, не отмстивъ?
 Такъ насмѣваясь онъ, отсель уйдетъ живъ?
 Но мнѣ-ли требовать отъ Демофонта мести?
 Пусть жизни я лишусь! но жаль лишиться чести!
 Казнить его спѣшу; но имъ еще полна:
 Хотя отчаялась, еще ему вѣрна!

Креуза.

Исполненной тебѣ пріятнаго толь яда.
 Противны способы, противна вся отрада.
 Когда болящему сама болѣзнь любя,
 То сила всѣхъ лѣкарствъ бездѣльна и слаба.

Филлида.

Филлида умирай; но возвративши славу.
 Отмести, и презирай любовь, животь, державу.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Демофонтъ, Филлида, Креуза и Драметъ.

Демофонтъ.

Исполни праведно отмщеніе на мнѣ,
 Я оправдать себя не тпущу въ своей винѣ.

Филлида.

Креуза, что теперь? куда себя укрою?
 Продерзостный предсталъ еще передо мною!

Демофонтъ.

Вздыханіямъ моимъ, ахъ небо, помоги!

Филлида.

Преступникъ, удались, отъ глазъ моихъ бѣги.

Демофонтъ.

Позволь, позволь сказать хотя едино слово:
 Я казни лишъ прошу, и ничего другово.

Филлида.

Еще ли чаешь ты въ коварности успѣть?
 Еще ли хочешь скрыть своихъ обмановъ сѣть?
 Довольно ужъ, что ты за всѣ мои пріязни,
 Свидѣтелей боговъ не убоявшись казни.

Шесть мѣсяцевъ ко мнѣ горячность притворялъ,
 Которой въ сердцѣ ты отнюдь не ощущалъ.
 Ты клялся бурями, войною, глубиною,
 Что можешь лишь воздать мнѣ за пріязнь собою.
 На то ль старалась я о корабляхъ твоихъ,
 Чтобы похитить честь и жизнь мою чрезъ нихъ?
 Богъ моря, богъ войны, богъ вѣтра, богъ любви,
 Какъ стануть мстить, на месть твоей не станетъ крови.

Демофонтъ.

Когда уже въ моихъ словахъ нѣтъ столько силъ,
 Дабы увѣрить въ томъ, что я тебя любилъ,
 Что я невольно впалъ въ такое преступленье,
 Что лютое терплю раскаявшись мученье,
 Что дѣломъ я своимъ гнушаюсь и собой:
 То будетъ въ томъ мнѣ смерть свидѣтель предъ тобой.
 Когда я не могу увѣрить въ томъ слезами,
 Увѣрся же теперь кровавыми струями.

(Хочетъ заколотся).

Филлида. *(Хватая за руку и съ нею
 прочіе держать).*

Ахъ дерзкой!

Драметъ.

Для боговъ!

Демофонтъ *(къ Филлидѣ).*

Ты хочешь чтобы я жилъ,

Когда ужъ я тебѣ, и самъ себѣ постылъ?

Филлида.

Ты хочешь смертию меня увѣрить злою,

Что предъ тобой гнусна и жизнь твоя со мною?

Ты хочешь для того со свѣта убѣжать,

Чтобъ въ жизнь несносныя Филлиды не видать?

Демофонтъ.

Чтобъ жизни дать конецъ безславной толь и слезной,

Чтобъ тягостну не быть и небу и любезной.

Драметъ. *(Вкладываетъ Демофонту
 шпагу).*

Не будь, ахъ государь, себѣ и намъ жестоки:

Живи и вѣрностью загладишь тищисъ пороки.

Креуза.

Вы вспомните залогъ любовнаго союза!

Филлида.

Ахъ, то ли, то ли въ немъ любовь ко мнѣ, Креуза.

Чтобы въ глазахъ моихъ другу къ себѣ склонять?

Демофонтъ.

За тѣмъ ли не даешь животъ свой мнѣ скончать,

Чтобъ слышала я свой срамъ, который горше смерти?

Дай мнѣ безславіе невѣрной кровью стерти!

(Опять хватается за шпагу, но они не допускаютъ вынуть).

Филлида.

Свирѣпый, чаешь ты, я мало слезъ лила?

И мало для тебя я претерпѣла зла?

Демофонтъ.

Причину золь твоихъ искоренить желаю:

Что-жь воли отъ тебя на то не получаю?
 Позволь мнѣ умереть; или прости вину,
 Съ которой жизнь свою раскаявшись клянусь!
 Когда бь я могъ сказать, твой гнѣвъ не умножая,
 Какъ въ мрачный ровъ ввела меня судьбина злая,
 Какая внутри меня была тогда борьба:
 То бь ты увѣрилась, ахъ! коль ты мнѣ любя!

Филлида.

Ты любишь! и бѣжать готовъ отсель всечасно!
 Любить и прочь бѣжать какъ можетъ быть согласно?
 Что толь несносное примѣтилъ ты во мнѣ?
 Въ какой я, покажи, обличена винѣ?
 Я тѣмъ ли предъ тобой, я тѣмъ ли погрѣшила,
 Что не крушивъ тебя, любовь свою открыла?

Демофонтъ.

Чѣмъ ты безвиннѣе, драгая предо мной,
 Тѣмъ больше множится порокъ мой предъ тобой;
 Но ты мнѣ отпусти толь тяжко погрѣшенье,
 И щедрой прослыви на свѣтѣ чрезъ прощенье.

(На колѣна становится).

Филлида.

Ахъ, что желаешь ты еще меня крушить,
 Съ надеждою во мнѣ и мѣку обновить?
 Непостоянствомъ какъ, о какъ твоимъ терзаюсь!
 Прощедшимъ мучусь я и будущимъ смущаюсь!
 Иль волею въ другой обманъ себя отдамъ?

(На сторону).

Но смерть мнѣ не простить, простить мнѣ вѣчный срамъ.

Демофонтъ.

Прости!

Драметъ.

Дражайшія сердца соединитесь.
 И нѣжныя любви законамъ покоритесь.

Креуза. (Къ Филлидѣ).

На жалость преклонись.

Филлида.

О какъ мой духъ смущенъ!

Демофонтъ.

Увѣрь, дражайшая, увѣрь, что я прощень.

Филлида.

Начто меня твои вопросы принуждаютъ?
 Не ясно ль слабости мои тебѣ являютъ,
 Отчаянье и скорбь, и слабая гроза
 Смущенныя слова и поэны слезъ глаза!

(Поднимаетъ).

Свирѣпый, торжествуй: ужѣ я признаваюсь,
 Что щетно въ страсти я передъ тобой скрываюсь.
 Еще тебя люблю, хотя ты измѣнилъ.
 Ахъ что бь я сдѣлала, когда бь ты вѣренъ былъ!
 Хоть вѣрности твоей едва я ожидаю;
 Но радость всю въ тебѣ и счастье полагаю.
 Въ державѣ я своей приѣмлю твой законъ,
 Вручаю сердце, жизнь, отечество и тронъ!

Демофонтъ.

Хотя о такомъ прощеньѣ сомнѣваюсь,
 Что въ несказанномъ я порокѣ признаваюсь;
 Но страхъ отъемлетъ мнѣ возлюбленный твой видъ,
 Залога склонности твоей просить велить.
 Позволь, дражайшая, принять свою мнѣ руку,
 И вовсе истреби мою сердечну муку.

(Принявъ руку цѣлуетъ).

Коль долго я сея держуся на землѣ,
 Толь долго, небо, мнѣ быть счастливу вели!
 Я принялъ чрезъ нее спасенье отъ пучины,
 Ее я лобызалъ избаваясь отъ кончины.
 Я ею первый знакъ любви получилъ.
 Кому несчастный, ахъ! кому я измѣнилъ!
 Ты всѣ противности мои позабывая,
 Преступнику даешь прощенье, драгая!
 Безсмертные, когда оставлю я ее,
 Мое исторгните отъ свѣта бытіе.
 Пусть понтъ пожретъ меня свирѣпыми волнами,
 Когда желанный берегъ ужъ будетъ предъ глазами;
 Пусть буду на пустомъ песку не погребеньъ,
 Отъ птицъ и отъ звѣрей на части расхищень!

Драмень.

Любови обновивъ союзъ неоцѣненный,
 Ужъ время поспѣшать вамъ въ путь опредѣленный.

Филлида.

Отъ Полимнестора какъ можемъ утаить?

Демофонтъ.

Любовь моя, любовь все можетъ побѣдить!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Полимнесторъ и Иліона.

Иліона.

Какое счастье тебя ко мнѣ ведетъ,
 Отъ коего мой духъ еще отрады ждетъ?

Полимнесторъ.

Я здѣсь искалъ тебя.

Иліона.

Ужель стenanій сила
 Тебя къ несчастливой на жалость преклонила?

Полимнесторъ.

Я видя, что тебя сомнѣнія мятутъ,
 Что мысли разныя себѣ предѣла ждуть:
 Престѣчь и рушить ихъ, царевна, поспѣшаю!
 Тебѣ то будетъ все пріятно, уповаю.

Иліона.

О небо, возсіяй въ мою затмѣнну грудь,
 И сердцу томному дай нынѣ отдохнуть!

Полимнесторъ.

Я не пришелъ къ тебѣ, чтобъ льстивые обманы
 И сладкій ядъ влагать для большей скорби въ раны.

Но искренность моя не может утаить
 Того, что боги мнѣ велѣли совершить;
 Я вѣрность обѣщала хранить тебѣ неложно,
 И сохраняла всегда, коль долго было можно.
 Когда-бы я къ тебѣ любви не имѣла,
 Когда-бы сердечный жаръ и нынѣ не кипѣла:
 То могъ-бы я сказать, что клялся я заочно,
 И клятву преступить мнѣ можно безпорочно;
 Сказала-бы, что не знала я твоего лица,
 Не красоту твою, но представляла отца,
 Богатство представляла и въ славной силѣ Трои.
 И все, что было въ ней, я называла тобою.
 Но я довольствуюсь достоинствомъ твоимъ,
 Гнушаюсь, помня честь, подлогомъ таковымъ.
 И жалость и любовь къ тебѣ меня терзаютъ.
 И главный мнѣ отвѣтъ отъ алтаря смущаетъ!
 Ахъ если бы и то подобный былъ подлогъ.
 Ахъ, если-бы я и то почестъ въ неправду могъ,
 О если-бы преступить возмогъ я безъ боязни,
 Ни мнѣ ниже тебѣ не ожидая казни,
 Что даль отъ алтаря мнѣ строгій Марсъ въ отвѣтъ!

Иліона.

Къ надеждѣ-ли меня или къ пагубѣ влечетъ?

Полимнесторъ.

Съ одной страны тебѣ надежду обѣщаетъ,
 Съ другой страны мое желанье пресѣкаетъ.
 Черезъ Грековъ небеса повергнули Троянъ.
 Черезъ Грековъ же хотятъ и исцѣлить отъ ранъ;
 Ихъ стѣны обновить героя посылаютъ,
 И красоты твоей меня они лишаютъ;
 Ведятъ, которую я воспитала, любить:
 Тебя, дражайшая, ихъ волѣ поручить.
 Ихъ волѣ и тому, кто воспаленъ тобою,
 Лежащу обѣщала тебѣ возставить Трои.

Иліона.

Возможно-ль, чтобы тѣ-жъ насъ боги сочетать
 Хотѣли, и тотчасъ невинно разлучать?
 И можешь волѣ ихъ не медля согласиться,
 Какъ ежели она противъ твоей стремится?
 Не смѣешь противъ ней ты слова испустить?
 Ахъ тѣмъ-ли хочешь ты невѣрность утаить?
 Вотще ко храму ложь прибѣжище имѣетъ:
 Сквозь святости покровъ коварства ядъ чернѣетъ.
 Ты видомъ лишь однямъ последуешь богамъ,
 Но дѣломъ возстасишь противу оныхъ самъ.
 Ты хочешь скиптръ чужой отнять, не устрашаясь;
 Но съ треномъ упадешь, неправо возвышаясь.
 Пускай что можешь ты въ продерзости успѣть,
 И младость нѣжную тиранствомъ одолѣть:
 Какую чаешь въ томъ себѣ имѣть забаву?
 Какую можешь тѣмъ снискать на свѣтѣ славу?
 Ты ненавистію отсюду окруженъ.
 И лютыми смертями по всякъ часъ устрашенъ,

Отъ той самой страшась, душою возмущишься,
 Для коей преступить присягу не боишься.
 Но правда чистая всегда предъ тѣмъ скверна,
 Въ комъ злость проклятая живетъ вкоренена.
 Когда-бы ты еще имѣлъ любви хоть мало,
 И сердце-бы ко мнѣ хотя легко пылало;
 То могъ ли бѣ ты снести, чтобы кровавый Грекъ
 Отъ взору твоего въ полонъ меня повлекъ;
 Дабы тамъ въ торжествѣ онъ могъ меня представить,
 И сопостать себя въ отечествѣ прославить;
 Дабы съ презрѣніемъ народъ увидѣлъ тамъ,
 Котору поручилъ тебѣ въ чертогъ Приамъ.
 Не лучше ли сказать, что нынѣ Иліона
 Не блещетъ славою отеческаго трона,
 Что нынѣ не льститъ вѣнецъ и не смущаетъ страхъ,
 Что въ Греческихъ гремѣлъ отъ Гектора полкахъ!
 Ты чаешь, что онъ мертвъ? онъ живъ, ужѣ встаетъ:
 Земля предъ нимъ врата, трягнувшись, отверзаетъ!
 О Гекторъ! послѣшай, и за сестру отмсти,
 И брата своего въ младенствѣ защити!
 Оружіемъ звучить, огнемъ вооруженъ!
 А ты, предатель мой, еще не устранишь?
 Мечемъ ужъ надъ твоей онъ головою сверкаетъ.
 Коль темна ночь глаза и духъ мой помрачаетъ!

Полимнесторъ.

Ахъ истиненъ твой гнѣвъ! я лютый твой тиранъ!
 Но волей ли моей союзъ любви погранъ?
 Столь много рѣчь твоя меня не укоряетъ,
 Какъ совѣсть внутрь грызетъ меня и облачаетъ!
 Я строгой бы готовъ противиться судьбѣ,
 И въ жертву принести себя одной тебѣ;
 Но вижу, что тебя спасать лишь начинаю,
 Я больше тѣмъ тебя несчастну погубляю.

Иліона.

О жалость звѣрская, жалѣть и убивать!
 Незлобѣ мое ты можешь презирать?
 Я въ самый часъ, когда ты лютыми устами
 Священный рвешь союзъ положенный межъ нами,
 На ненависть себя принудить не могу,
 И нудясь, на свое тебѣ я сердце лгу.
 Но больше не хочу стараться быть любезна.
 Уже моя къ тебѣ надежда бесполезна!
 Блистаетъ съ красотой Филлидиной вѣнецъ.
 Мнѣ слѣзы лишь однѣ оставил мой отецъ!
 Безчеловѣчный, что ты очи отвращаешь?
 Ты тщетными со мной минуты всѣ считаешь.
 Уже ты не меня, но и себя забылъ:
 Твои всѣ мысли съ той, которой ты посылъ.
 Съ ней сердцемъ говоришь, ей слѣдуешь глазами:
 Я больше скучными не удержу словами.
 Поди, и ей клянись, какъ прежде клялся мнѣ,
 Свидѣтели всему на небесахъ однѣ.
 Я знаю, что они того не позабыли,

Каковъ они союзъ межъ нами утвердили.
Ты чистый жаръ ко мнѣ безстыднымъ погаси,
И сердце предъ алтарь преступно понеси.

Полимнесторъ.

Я съ онимъ приступить къ богамъ не обинуюсь,
Когда отвѣту ихъ и волѣ повинуюсь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Иліона одна.

Чего не можетъ злость проклята предпріять?
Велить, забывъ вражду, за Грека посягать!
Велить мнѣ позабыть отечества паденье,
И братьей и сестры несносное мученье.
Какъ Гекторъ былъ поправъ, лишенъ по смерти гроба,
Какъ матери моей растерзанна утроба,
Пронзенный какъ Пріамъ предъ алтаремъ лежалъ,
Въ сыновней и въ своей крови животъ скончалъ!
Какъ мнѣ не представлять ту ночь безчеловѣчну,
Что день Троянскій въ ночь перемѣнила вѣчну,
И лютыхъ хищниковъ торжествовавшихъ крикъ,
Который мнѣ и здѣсь наноситъ страхъ великъ;
Какъ Греки нашихъ стѣнъ освѣщены пожаромъ
На пагубу Троянъ спѣшили въ буйствѣ яромъ;
Черезъ сродниковъ моихъ стремились тѣла,
Изъ коихъ по земли густая кровь текла.
Въ такой ли отпустилъ чертогъ меня родитель?
Такой готовишь бракъ, о лютый, мнѣ, мучитель!
Однако тѣмъ своихъ очей не насладишь;
Ты въ ровъ влечешь меня, но самъ надъ нимъ стоишь.
Пронжу мечемъ, когда любовь не уязвила?
Но мести слабыя мнѣ не довольна сила.
Онъ долженъ пагубу увидѣвъ возстенать,
Вотще раскаяться, безъ пользы духъ отдать.
И мечь моя ничто, когда онъ не узнаеть,
Что мѣку отъ моей руки претерпѣваетъ.
Ужъ время; что стою? но что хочу начать?
Я быть гнушаюсь здѣсь, и прочь не тщусь бѣжать.
Еще смущеннымъ я умою того не вижу,
Люблю ли я его или я ненавижу!
Съ какимъ презрѣніемъ оставилъ онъ меня!
Пустилъ ли каплю слезъ, вздохнулъ ли отходя?
Но въ слабомъ сердцѣ семъ еще онъ пребываетъ,
Въ отчаяннѣ еще надежда мнѣ сіяеть.
Но въ чемъ надежду я еще имѣть могу:
Онъ въ сердцѣ вскоренилъ вовѣкъ уже другу!
Одна надежда мнѣ надежды всей лишиться,
И съ братомъ въ тѣ жь мѣста несчастливымъ укрыться.
Укроюсь? и своихъ не наслажду очей,
Какъ будетъ жизнью гнушаться онъ своей?
Когда безвиннаго онъ вмѣсто Полидора
Сыновняго прельщенъ вовѣкъ лишится взора,
Какъ въ греческихъ рукахъ заплачетъ Деифиль,
Котораго отецъ на мѣку имъ вручилъ?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

Иліона и Мемнонъ.

Мемнонъ.

Ты жалобы оставь, царевна, бесполезны:
Помогутъ ли тебѣ теперь потоки слезны?
Троянскіе спасать остатки поспѣшай,
И брата отъ руки противничей скрывай.

Иліона.

Когда ужé и здѣсь мы не нашли защиты,
То кѣмъ несчастные мы можемъ быть покрыты?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мемнонъ *одинъ*.

Какъ въ свѣтѣ всё дѣла преобращаетъ рокъ!
Сегодня сверженъ внизъ, кто былъ вчера высокъ.
Сей часъ намъ радостенъ, но слѣдующій слезенъ;
Тотъ вечеромъ постылъ, кто утромъ былъ любезенъ.
Давно ли Трои верхъ касался облаковъ,
Гдѣ нынѣ смрадными костями наполненъ ровъ?
Давно ль со славою дочь Пріамову встрѣчали,
Что нынѣ отверженна терзается въ печали?
О ты величества и бѣдности примѣръ
Подобіе небесъ, подобіе пещеръ!
О Троя, ты сердца геройскія родила,
И въ пепелѣ своемъ упадши ихъ покрыла!
На что оставленъ здѣсь съ сестрою Полидоръ?
На что не погребенъ среди Идейскихъ горъ?
Ахъ, лучше бъ со стѣны низринуту разбиться,
И ей въ крови своей невинной обагриться!
Со братними костями соединясь лежать,
И купно пепель свой съ отеческимъ смѣшать,
Какъ нынѣ, приклонить куда главу не зная,
Не видѣть горести неслыханныя края!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Демофонтъ и Мемнонъ.

Демофонтъ.

Что медлишь здѣсь одинъ, любезный мой Мемнонъ?
И что изъ глубины ты испускаешь стонъ?
Никакъ препятствія въ намѣреньи случились,
И наши тайные совѣты ужъ открылись?

Мемнонъ.

Опасности ни въ чемъ не видно никакой,
И флотъ къ отшествію совсѣмъ исправленъ твой;
Филлида на него по всякій часъ взираетъ,
И по стопамъ твоимъ во слѣдъ итти желаетъ.
Лишь только тьмой твои суда покроетъ ночь,
Отъ нашихъ береговъ пустишь счастливо прочь,
Въ отсутствіе твое, въ отсутствіе Филлиды
Правленіе землі другіе приметъ виды.
Дотогдѣ князю я отъ ревности служилъ,

Пока онъ правду самъ и искренность хранилъ.
 Но нынѣ онъ свои законы преступаетъ,
 И тѣмъ отъ нихъ меня и прочихъ освобождаетъ.
 Ты ревность искренню къ царевнѣ сохрани,
 И утвердивъ престолъ въ Афинахъ не косни;
 Воспомяй всегда мое послѣднее слово:
 Здѣсь сердце подданныхъ принять тебя готово.

Демофонтъ.

Ты въ пользу способы намъ всё употреби.
 Прости, и обоихъ въ отсутствіи люби.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Демофонтъ и Филлида.

Филлида.

Ты видишь, что тебя я ради предприемлю?
 Дерзаю чрезъ валы итти въ чужую землю!
 Не Полимнестора я устрашась бѣгу,
 Но взору твоего лишиться не могу.
 Хотя пучины я бурливой устрашаюсь;
 Но и въ опасности съ тобой не опасаясь.
 Когда ты мнѣ не льстишь, когда ты вѣренъ мнѣ.
 То вѣренъ будетъ намъ и путь по глубинѣ.

Демофонтъ.

Хоть тягостны труды, по наградитъ отрада,
 Когда достигнемъ мы отеческаго града.
 Коль радостно тебя увидитъ тамъ Тезей!
 Какое множество сберется тамъ людей!
 Признаки по путямъ побѣдъ моихъ поставятъ,
 И пѣсни брачныя къ торжественнымъ прибавятъ.
 Прекрасно солнце, ты зайди за глубину,
 На горизонтъ пусти скорѣе тьму ночну:
 И прежде не блистай пресвѣтлыми лучами,
 Пока сей берегъ отъ насъ не скроется валами,
 Сей берегъ, отъ коего мы нынѣ прочь бѣжимъ,
 Но неотступно внутрь сердець его держимъ.
 Межъ тѣмъ съ Мемнономъ скрыть я долженъ намъ дорогу,
 Чтобъ, ежели княжескъ полкъ ударитъ вдругъ тревогу,
 Успѣли въ городѣ намъ вѣрныя полки
 Спасти насъ отъ его коварныя руки.
 Пожди, дражайшая, пожди меня минути.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Филлида и Креуза.

Филлида.

Оставшись, чувствую тоску на сердцѣ люту.
 Любезная ко мнѣ, Креуза, ахъ поди,
 И въ ожиданіи мнѣ время проводи.
 Что смутный въ землю взоръ, унывши, потупляешь?
 Ты стонешь! ахъ о чемъ? ты слезы проливаешь!
 Далекаго пути, драгая, не страшись,
 Забудь все, и моимъ примѣромъ укрѣпись.

Креуза.

Не путь меня, не путь далекий устрашает,
Но близкая бѣда всѣ чувства отягчает.
Коль много терпишь зла отъ нѣжной простоты!
О коль коваренъ онъ! о коль злосчастна ты!
Нигдѣ надежды нѣтъ, нигдѣ намъ нѣтъ успѣху!
Намъ отнялъ въ скорби рокъ послѣднюю утѣху!

Филлида.

Престань смущать меня, безвременно таясь.
О какъ я извинюсь, когда увѣдалъ князь?
Но Демофонтъ ко мнѣ послѣшно возвратится.

Креуза.

Ты больше на него не можешь положиться!

Филлида.

Ахъ сердца не пронзай..

Креуза.

Хоть поздно, будешь знать,
И время не велитъ несчастья умолчать.

Филлида.

Коль долго, небеса, вы будете мнѣ строги!

Креуза.

Я мимо проходя троянскіе чертоги,
Увидѣла, спѣшитъ изъ нихъ къ судамъ Драметь,
Младенца на рукахъ закрытаго несетъ,
И озирается страшливыми глазами:
Я видя тутъ рабу обытую слезами,
Спросила, для чего она стоитъ смутна?
Отвѣтствовала мнѣ: царевна предана!
И князь не убоясь ни Бога, ни закону,
Въ супружество даетъ другому Иліону,
И придетъ, говорятъ, послѣшно Демофонтъ,
Безсчастну тайно взять и увезти чрезъ Понть!

Филлида.

Ахъ лютой мой злодѣй, какъ могъ ты притвориться!
И какъ посмѣла я на лживомъ утвердиться?
Но помощи ужъ нѣтъ! Креуза, ахъ спѣши,
И въ зломъ отчаяннѣ несчастной послужи;
Вели пуститься въ понть стоящимъ подъ горами,
И воздухъ огустить горящими стрѣлами,
Чтобъ тучей огненной покрылись корабли.
Не медли.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Филлида одна.

Есть ли кто лукавѣй на землѣ!
Меня оставивъ здѣсь въ пріятной толь надеждѣ!
И больше нѣжности мнѣ показавъ, какъ прежде,
Въ послѣднѣ изъ моихъ пошелъ прельщеннѣхъ глазъ!
О лютая судьба! о коль свирѣпнѣй часъ!
Я твоего стою прихода ожидая,
Когда въ путь за тобой послѣдуетъ другая!
Но ты продерзкій самъ почувствуешь тоску:
Огнемъ въ срединѣ водъ я путь твой пресѣку.

Когда жъ не возмогу, то кровь моя струями
Тебя изблечить, кипя вослѣдъ съ волнами.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Филлида, Мемнонъ и Креуза.

Мемнонъ.

Багряные лучи закрыла ужъ заря,
Изъ глазъ отъемлетъ ночь и землю и моря.
Я съ мракомъ вдругъ имѣлъ и мысли помраченны,
И представлялъ въ умѣ полки вооруженны,
Дабы тогда, какъ ты плывешь между валовъ,
Присутствовала мной у здѣшнихъ береговъ,
Чтобы Фракіяне тебя здѣсь ощущали,
Хотя бъ отшествіе твое отсюда знали.
Но нынѣ я тебя увидѣлъ здѣсь еще!

Филлида.

Намѣренья мои погибли всѣ вотще.
Я вѣрила словамъ, Мемнонъ, ахъ, полнымъ яду!
Теперь мнѣ кто подастъ отчаянной отраду?

Мемнонъ.

Какая нынѣ скорбь мрачить твой снова духъ?

Филлида.

Такою наглостью не оскорбленъ твой слухъ?

Мемнонъ.

Какою?

Филлида.

Демофонтъ съ Троянкой прочь отходить,
И въ пагубу меня конечную приводить!

Мемнонъ.

Не представляй себѣ несчастія сего...
Но къ намъ Драметъ спѣшитъ; увѣрься отъ него.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филлида, Мемнонъ и Драметъ.

Драметъ.

Царевна, корабли стоятъ готовы къ бѣгу,
И только ждуть они тебя одной со берегу.
Способный Аквилонъ, покрытый горизонтъ,
Къ отшествію съ тобой имѣетъ Демофонтъ.

Филлида.

Троянкѣ буду я послѣдовать рабою?
Я волею пойду какъ плѣнница съ нимъ въ Трою?
Остави свой престоль, я буду тамъ взирать,
Какъ будетъ онъ себя на царство съ ней вѣнчать?

Мемнонъ.

Я вижу, мнѣние тебя терзаетъ ложно.

Драметъ.

Пріамова дочь здѣсь.

Филлида.

Какъ быть тому возможно?

Когда ты брата взялъ уже на корабли,
Сестра ли отъ него осталась на земли?

Драметъ.

Уже теперь таить не дозволяетъ время.
Тебѣ извѣстно, что Троянско Грекамъ племя
Противно на сердцахъ, ужасно на поляхъ:
Остатки онаго еще наводятъ страхъ!
За тѣмъ я тшился здѣсь младаго Полидора
Отъ Иліонина вовѣкъ отторгнуть взора;
И нынѣ я могу ужъ Грекамъ показать,
Что Троя больше ихъ не можетъ устрашать.
Троянскія возстать не могутъ больше стѣны:
Не можетъ впредь Парисъ похитить въ нихъ Елены.

Филлида.

Ахъ коль ужасна вѣсть! какъ бѣдство отвратить?

Мемнонь.

Ахъ небо, какъ могло сіе ты попустить?
Несчастливая сестра какую скорбь терпѣла!

Драметъ.

И кровь во мнѣ самомъ отъ жалости кипѣла,
Какъ въ Иліонинѣ я посмѣлъ вступить чертогъ;
Но воли преступить отечества не могъ.
Она едва въ слезахъ промолвила, рыдая:
Когда насъ истребить судьбина хочеть злая,
Когда насъ предаеть, кто должесть защищать;
Осталось отъ самихъ враговъ отрады ждать.
Отъ рукъ неправедныхъ покройте бѣдныхъ, Греки;
Хотя свирѣпы вы, однако человѣки.
Отъ васъ я избѣжавъ, вселилась межъ звѣрей,
Что носить на себѣ лишь видъ одинъ людей.
Промолвила, и мнѣ сама вручила брата.

Мемнонь.

О скверная алчба могущества и злата!

Филлида.

Но гдѣ мой Демофонтъ?

Драметъ.

Чтобъ ты могла притти
Безбѣдно на суда, отъ брегу по пути
Онъ ставить стражей самъ: затѣмъ что вѣтръ способный
Прибавилъ много силъ въ часъ къ плаванью удобный.

Филлида.

Креуза, отвратить несчастье поспѣши,
И руки злобныя отъ гнѣва удержи!

Креуза.

Раскаянье твое едва ль уже не позно.
О небо, проводи безъ казни время грозно!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Филлида, Иліона, Мемнонь и Драметъ.

Филлида. (Увидѣвъ Иліону).

Коль неразумно злосъ, любезна, на тебя!

Иліона.

Царевна, отъ меня что хочешь скрыть себя?
 Не скучнымъ досаждать къ тебѣ иду я споромъ
 И не завистливымъ о счастья разговоромъ;
 Но слезы горькія передъ тобой пролить,
 И бѣднымъ помощи въ гоненіи просить.
 Невинный Полидоръ на пагубу отъ мѣки,
 И изъ тиранскихъ взять въ противнически руки.
 Одинъ вашъ будетъ путь, но разный тамъ конецъ.
 Его свирѣпа смерть, тебя тамъ ждетъ вѣнецъ!
 Ты вѣдая меня и мыслями въ томъ невинну,
 Чтобъ я къ смушеніямъ твоимъ дала причину.
 Драгамъ не имѣй ко мнѣ на сердцѣ зла;
 Но помня, какова любовь межъ насъ была,
 Ты будь поверженнымъ защита и подпора,
 Предстательствомъ спаси отъ смерти Полидора.
 Достигни счастливо тебѣ желанныхъ странъ,
 Чтобъ мучился, лишася надежды, нашъ тиранъ.

Филлида.

Я чувствовать могу болѣзнь твою сердечну,
 Коль тягостно нести злость толь безчеловѣчну!
 Но тотъ, кто долженъ самъ спасенія искать,
 Какъ можетъ оное другому обѣщать?

Мемнонь. *(Оборотась на сторону).*

Что ночи темноту надъ моремъ прогоняетъ?

Филлида.

Ахъ, люта злость мою надежду пресѣкаетъ!

Драметъ.

Чѣмъ небо намъ грозить!

Филлида.

Гдѣ помощи искать?

Слѣши со мной, Драметъ, спасать и умирать.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Иліона и Мемнонь.

Мемнонь.

Несчастье наши всѣ совѣты разрушаетъ,
 И предпріятыи путь Филлидѣ запираетъ.
 Горитъ несчастнаго, ахъ! Демофонта флотъ,
 И помощи лишень среди глубокихъ водъ!
 О сжальтесь вы хотя, морскія, сжальтесь, волны,
 Возстаньте на пожаръ, возстаньте гнѣва полны.
 Дождевны облаки, о небо, раствори,
 И вихри пламенны потопомъ усмири!
 Но крикъ при берегахъ и большій страхъ отъ треску
 И умноженіе сіянія и блеску
 Погибелію намъ отчаяннымъ грозятъ.

Иліона.

Теперь противникамъ за Трою боги мстятъ.
 Когда они Трою державу разрушили,
 Свирѣпствомъ и боговъ ко гнѣву побудили.
 Они ихъ отпустивъ отъ нашихъ береговъ,

Хотя въ всѣхъ погубить среди крутыхъ валовъ.
А ты объ нихъ, Мемнонь, печалюсь, въздыхаешь;
Ты Трою разорять тираннамъ помогаешь.

Мемнонь.

Когда-бы вѣдала намѣреня мои,
Отставила-бы ты роптанія свои.
Кто можетъ ближе всѣхъ къ Пріамову быть трону
Какъ тотъ, кому онъ самъ въ чертогъ далъ Иліону?
И кто Ликурговъ здѣсь наслѣдникъ долженъ быть,
Какъ тотъ, кого могла Филлида полюбить?
Я обою къ концу привести желалъ, царевна!
Но вижу, рушить все въ конецъ судьбина гнѣвна.
Въ коварныхъ умыслахъ успѣхъ имѣеть князь!
Какъ можетъ дать отвѣтъ Филлида возвратясь?
Флотъ нынѣ Греческій ему ужъ не ужасенъ:
Въ желаніи своемъ онъ будетъ безопасенъ.
Неизбѣжимая тебѣ грозитъ бѣда.
И мнѣ, безсмертные, достойна та-ли мзда?
Кто нынѣ насъ спасетъ?

Иліона.

Тотъ бѣдство презираетъ,
Кто больше ужъ себѣ спасенія не чаеть.
Ни молнія меня, ниже Зевесовъ гнѣвъ,
Не можетъ утратить: ударъ не укоснѣвъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Иліона, Полимнесторъ и Мемнонь.

Полимнесторъ.

Аѳинскій флотъ горитъ!

(Къ Иліонъ).

Ты здѣсь! и гдѣ Филлида?

Иліона.

Гнущаясь твоего несноснаго ей вида,
Ни пламени ни вѣдь бѣжить не утрашась,
Я здѣсь, и чтобъ тебя тоской терзать, спаслась.

Полимнесторъ.

Нечаянная мнѣ и строга переменна,
Которою скорбитъ душа моя смущенна!

Мемнонь.

Теперь услышимъ мы, къ чему насъ рокъ влечетъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Полимнесторъ, Иліона, Мемнонь и Вѣстникъ.

Мемнонь.

Какой судьба конецъ смятеніямъ даетъ?
Чѣмъ пламень намъ грозитъ, свирѣпствуя надъ понтомъ?

Вѣстникъ.

Филлиды больше нѣтъ съ любезнымъ Демофнотомъ!
Лишились жизни!

Мемнонь.

Ахъ!

Полимнесторъ.

Несносный мнѣ ударъ!

Иліона.

Ахъ! какъ плачевныя погасъ любви жаръ?

Вѣстникъ.

Толь много бѣдствъ сказать лишь только начпаю,
Откуда мнѣ начать, я въ ужасѣ не знаю!
Когда покрыла ночь со флотомъ глубину,
Мы ждали на него Филлиду лишь одну.
Поставивъ Демофонть суда ко берегу строемъ,
Чтобы любезную привести на нихъ съ покоемъ,
Навстрѣчу къ пристани лишь ѣхать посѣшаль,
Куда ее привести Драмета онъ пошлалъ:
Внезапно изъ-за горъ тамъ весла зашумѣли,
И стрѣлы огненны до облаковъ взлетѣли.
Упали съ высоты на насъ какъ сильный градъ.
Уже на корабляхъ снаряды всѣ горятъ!
Пылаютъ парусы, валятся райны въ море.
Въ дыму и въ шумѣ тамъ лишь только слышно: горе!

Иліона.

О коль великій страхъ!

Мемнонь.

О лютая гроза!

Полимнесторъ.

Объемлетъ сердце хладъ и мракъ мой глаза!

Вѣстникъ.

Тамъ вихри по водѣ свирѣлы закрутились.
Противны двѣ на насъ стихіи согласились.
И каждый тамъ ударъ огонь въ валахъ рождаль,
И влажностію жаръ и пламень умножалъ.
Иныхъ пожгла огня неукротима сила,
Иныхъ насытая пучина поглотила.
И какъ я съ корабля старался въ боть сойти,
Я Демофонта вдругъ увидѣлъ на пути.
Пронзень, окровавленъ едва уже дышаетъ:
Стрѣла еще въ груди зажженная пылаетъ.
Я въ страхѣ возстенавъ, другихъ на помощь звалъ;
Отъ двухъ смертей исторгъ, и къ берегу съ нимъ присталъ;
Но въ сердцѣ третія трепещущемъ осталась:
Любезная душа отъ тѣла разлучалась.
Еще онъ, ахъ! тогда изъ глубины вздохнулъ,
И слабымъ голосомъ Филлиду помянулъ.
На берегъ пламенемъ шумящимъ освѣщенный,
Филлида къ намъ спѣшитъ, Драметь съ ней устрашенный.
Увидѣла его безгласна предъ собой,
Старалась во слезахъ поднять его рукой,
И рѣчью возбудить хотѣла бесполезной:
Промолви, Демофонть, промолви, мой любезной.
Онъ мрачные еще глаза свои открылъ,
И на нее взглянувъ впослѣднѣ затворилъ.
Промолвить силнлся еще между стенаньемъ,
Но рѣчь свою пресѣкъ послѣднимъ воздыханьемъ!

Иліона.

Несчастливой любви несчастливый конецъ!

Мемнонь.

Какъ будетъ возрыдать оставленный отецъ!

Вѣстникъ.

Филлида съ горестнымъ стенаньемъ возгласила:

На то-ль, чтобы убить, тебя я полюбила?

И такъ-ли путь пресѣчь тебѣ хотѣла я?

Не ты невѣренъ, я измѣнница твоя.

Ахъ пусть бы ты ушолъ, ты могъ бы возвратиться,

И я еще-бъ могла хотя надеждой льститься.

Теперь тебя ко мнѣ никто не возвратитъ,

И только смерть одна съ тобой совокупить.

Промолвила, и вдругъ кинжалъ во грудь вонзила,

И путь себѣ за нимъ со свѣта отворила.

Креуза рветъ волосы; отчаянной Драметъ

Вотще надъ хладными тѣлами слезы льетъ.

Иліона.

Мнѣ поздно смерть ея надежду возвращаетъ.

Мемнонь.

Ахъ въ ней теперь Ликургъ вторично умираетъ!

Полимнесторъ.

Теперь мнѣ отнята надежда до конца!

Презрѣла ты меня, послушала льстеда!

И съ нимъ въ отчаяннѣ, о дерзка, умираешь!

Однако тѣмъ моихъ желаній не скончаешь.

Я столько на земли тебѣ противенъ былъ,

Что свѣтъ тебѣ со мной, Филлида, сталъ не милъ.

И чтобы мною ты очей не раздражила,

Прекрасны очи ты всѣмъ затворила.

Ты отъ меня бѣжишь за Демофонтомъ вслѣдъ,

И чаешь, что ужъ тамъ меня твой взоръ минетъ?

Гнушаешься еще ты послѣ смерти мною?

Или не смѣю стать я тамъ передъ тобою?

Я слѣдовать тебѣ не усташусь во адъ.

И стану тамъ казать тебѣ противный взглядъ.

Я буду тамъ стенать, трястись, въ несносной казни,

И къ жалости тебя подвигну и къ боязни.

Ты тамъ, чтобы отъ меня могла себя укрыть,

Не можешь ужъ себя въ другой разъ умертвить.

Что долго смерти ждать? *(Хочетъ заколоться.)*

Иліона *(схвативъ за руку)*.

Пожди еще минуту:

Не всю ты претерпѣлъ на свѣтѣ мѹку люту.

(Къ вѣстнику).

Младенецъ, что Драметъ похитилъ на суда,

Спасень-ли?

Вѣстникъ.

Погубилъ огонь или вода.

Полимнесторъ.

Безсчастный Полидоръ!

Иліона.

Дейфиль неповинный!

Ты лютости моеѣ, тираннѣ, былъ самъ причиною.
 Раченіемъ моимъ закрыть мой Полидоръ
 Отъ злобы твоея Эракійскихъ далѣ горъ.
 За наглости твои, за зло непостоянство,
 За гордый мнѣ отказъ, за мерзкое тиранство,
 Мнѣ Промыслъ пособилъ въ сей часъ тебѣ отмстить,
 И сына твоего противникамъ вручить.
 Но мечь сія легка явилась предъ богами,
 Деифила сожгли они между валами.
 Мнѣ должно-бы его на части растерзать,
 И растерзавъ отцу на пищу сына дать:
 Дабы къ тому твоя несытая утроба
 Рожденному тобой служила вмѣсто гроба.

Полимнесторъ.

Ахъ что еще въ мои глаза блистаетъ свѣтъ?
 Филлиды больше здѣсь и Деифила нѣтъ!
 Я нынѣ скипетръ, власть и славу презираю,
 И только громнаго удара лишь желаю.
 Еще я не могу боговъ къ тому склонить,
 Прощеніемъ на казнь и злобой побудить?
 Но смерти что ищу на казнь себѣ напрасно?
 Я чувствую въ себѣ мученіе ужасно!
 Филлида, Демофонтъ и ты, ахъ, Деифиль!
 Въ срединѣ сердца мнѣ геенну воспалилъ.
 Какая кругъ меня бунтуетъ непогода?
 То мерзостью моею гнушается природа!
 Свѣтила идутъ всѣ обратно на востокъ,
 Законы естества преобращаетъ рокъ.
 Всѣ боги на меня, что Троию защищали,
 За дочь Пріамову противъ меня возстали.
 Нептунъ стремитъ на брегъ морскую глубину:
 Пожрать меня бѣжать чудовища по дну;
 И вѣчные Плутонъ заклепы отверзаетъ,
 Рыгаетъ въ воздухъ ядъ и звѣзды помрачаетъ.
 Зияеть челюстями несытый Флегетонъ:
 Тиранновъ слышу тамъ безчеловѣчныхъ стонъ.
 Но что еще? между ревушихъ вѣтровъ споромъ
 Является Зевесъ пламенновиднымъ взоромъ.
 Межъ мрачныхъ и грозой отягощенныхъ тучъ,
 Изъ рукъ его гремитъ быстротекущій лучъ.
 Суровая змія мнѣ сердце, ахъ! снѣдаетъ,
 И внутрь и внѣ болѣзнь и страхъ меня терзаетъ,
 Разверстая земля, кровавы небеса,
 Кипящія моря, горящія лѣса
 На пагубу мою себя приготовляютъ.
 Но въ бездну долго что меня не погружаютъ?
 Когда меня терпѣть не можетъ естество:
 Скончай меня, скончай, о сильно божество.

VI.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Героическая поѣма.

ПОСВЯЩЕНІЕ, И. И. ШУВАЛОВУ.

Начало моего великаго труда
Прими, предстатель музъ, какъ принималъ всегда
Сложенія мои, любя Россійско слово,
И тѣмъ стремленіе къ стихамъ давалъ мнѣ ново.
Тобою поощренъ въ сей путь пустился я:
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья.
И многи, и сія дана тебѣ доброта,
Къ словеснымъ знаніямъ прехвальная охота.
Природный видитъ твой и просвѣщенный умъ,
Гдѣ мысли важныя, и гдѣ пустыхъ словъ шумъ.
Мнѣ нужеть твоего разсудокъ тонкій слуха,
Чтобъ слабость своего возмогъ признать я духа.
Когда подъ бременемъ поникну утомленъ,
Вниманіемъ твоимъ возстану ободренъ.
Хотя вослѣдъ иду Виргилію, Гомеру;
Не нахожу и въ нихъ довольнаго примѣру.
Не вымышленныхъ пѣть намѣренъ я боговъ,
Но истинны дѣла, великій трудъ Петровъ.
Достойную хвалу воздать сему герою
Труднѣе, нежели какъ въ десять лѣтъ взять Трою.
О если-бъ было то въ возможности моей!
Бѣглець Виргиліевъ изъ отчества Еней
Едва-бъ съ Мазепою въ стихахъ моихъ сравнился,
И басней бы своихъ Виргилій устыдился.
Уликовыхъ Сиренъ и Ахилесовъ гнѣвъ
Вовѣкъ бы заглушилъ попранный ревомъ левъ.
За кѣмъ же я пойду?—Вслѣдъ подвигамъ Петровымъ,
И возвышеніемъ стиховъ геройскихъ новымъ
Увѣрю цѣлыя вселенныя концы,

Что тѣмъ я заслужу Парнасскіе вѣнцы:
 Что первый пѣлъ дѣла такого человѣка,
 Каковъ во всѣхъ странахъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
 Хотя за знаніе служилъ мнѣ въ томъ таланъ;
 Однако скажутъ всѣ: я былъ судьбой избранъ.
 Желая въ умъ вперить дѣла Петровы громки,
 Описаны въ моихъ стихахъ прочтутъ потомки.
 Обильные луга, прекрасны бреги рѣкъ,
 И только гдѣ живетъ Россійскій человѣкъ,
 И почитаючи Россію всѣ языки,
 У коихъ по трудамъ прославленъ Петръ Великій,
 Достойну для него дадутъ симъ честь стихамъ,
 И станутъ ихъ гласить по рощамъ и лѣсамъ.
 О какъ я возношусь своимъ успѣхомъ мнимымъ,
 Трудомъ желаемымъ, но непреодолимымъ!
 Однакожь я отнюдь надежды не лишень:
 Начатый будетъ трудъ прилежно совершенъ.
 Твоими, меценатъ, бодрясь въ трудѣ словами,
 Стремлюся на Парнасъ какъ легкими крылами.
 Въ разборѣ убѣжденъ о правотѣ твоей
 Пренебрегаю злыхъ роптаніе людей.
 И если въ полѣ семъ прекрасномъ и широкомъ
 Преторжется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ;
 Цвѣтущимъ младостью останется умамъ,
 Что мной проложеннымъ послѣдуютъ стопамъ.
 Довольно таковыхъ родить сыновъ Россія,
 Лишь были-бъ завсегда защитники такіа,
 Каковъ ты Промысломъ въ сей день произведенъ,
 Для счастья наукъ въ отечествѣ рожденъ.
 Благополучная сіяла къ нимъ планета,
 Предвозвѣщая плодъ въ твои прекрасны лѣта.
 Въ благодѣяніяхъ твои проходятъ дни,
 О коль красно цвѣтетъ Парнасъ въ твоей тѣни.
 Для музы моя твой вѣкъ всего дороже:
 Для многихъ счастья продли, продли, о Боже!

Ноября 1 дня, 1760 года.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

СОКРАЩЕНІЕ: Петръ Великій увѣдавъ, что Шведскіе корабли идутъ къ городу Архангельскому, дабы тамъ учинить разореніе и отвратить государевъ походъ къ Шлиссельбургу, отпустилъ войско приступать къ оному. Самъ съ гвардіею предпріемлетъ путь въ Сѣверъ, и слухомъ своего приходу на Двинскія устья обращаетъ въ бѣгство флотъ Шведскій. Оттуда простирал походъ къ осадѣ помянутой крѣпости, по Бѣлому морю, претерпѣваетъ опасную бурю, и отъ ней для отдохновенія уклоняется въ Унскую губу. Потомъ приставъ къ Соловецкому острову для молитвы, при случаѣ разговора о расколѣ, сказываетъ государь настоятелю тамошній области о стрѣльцкихъ бунтахъ, изъ которыхъ второй былъ раскольничій.

Пою премудраго Россійскаго героя,
 Что грады новые, полки и флоты строя,
 Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой вель войну,
 Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
 Смирилъ злодѣевъ внутрь, и внѣ попралъ противныхъ,
 Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и лстивныхъ;
 Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
 И міръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

Къ тебѣ я вопію, Премудрость безконечна,
 Прелей свой лучъ ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна,
 И полонъ ревности спѣшить въ восторгѣ духъ,
 Петра Великаго гласить вселенной въ слухъ,
 И показать, какъ онъ превыше человѣка
 Понесъ труды для насъ неслыханны отъ вѣка;
 Съ какимъ усердіемъ отечество любя,
 Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя.
 Да на его примѣръ и на дѣла велики
 Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земны владыки,
 Познаютъ, что монархъ, и что отецъ прямой,
 Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ герой.
 Дабы Россійскій родъ во-вѣки помнилъ твердо,
 Коль, небо! ты ему явилось милосердо.
 Ты мысль мнѣ просвѣти; дѣлами Петръ снабдитъ,
 Велика дщерь его щедротою оживитъ.

Богиня, коей власть владычествъ всѣхъ превыше,
 Державство кроткое весны прекрасной тише,
 И къ поданнымъ любовь всѣхъ вышній есть законъ,
 Ты внемлешь съ кротостью мой слабый лирный звонъ:
 Склони, склони свой слухъ, когда я предъ тобою
 Дерзаю возгласить военною трубою
 Тебя родившее велико божество!

О море! о земля! о тварей естество!
 Монархини моей вы нраву подражайте,
 И гласу моему со кротостью внимайте.

Уже освобожденъ отъ варваръ былъ Азовъ;
 До Меотискихъ Донъ свободно текъ валовъ,
 Нося ужасный флотъ въ струяхъ къ пучинѣ черной,
 Что созданъ въ скорости Петромъ неимовѣрной.
 Уже великая поконлась Москва,
 Избывъ отъ лютаго злодѣевъ суровства:
 Бунтующихъ стрѣльцовъ достойной послѣ казни,
 Простерла внѣ свой мечъ безъ внутренней боязни.
 Отъ дерзкой наглости разгнѣваннымъ Петромъ,
 Воздвигся въ Западѣ войны ужасной громъ.
 Отъ Нарвской обуявъ сомнительной побѣды.
 Шатались мыслями и войскъ походомъ Шведы.
 Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой быстрый ходъ,
 Къ любезнымъ берегамъ полочныхъ бѣлыхъ водъ,
 Гдѣ прежде межъ валовъ душа въ немъ веселилась,
 И больше къ плаванью въ немъ жажда воспалилась.
 О коль ты счастлива, великая Двина!
 Что славнымъ шествіемъ его освящена:
 Ты тѣмъ всѣхъ выше рѣкъ, что устьями своими
 Сливаясь въ сонмъ единъ со безднами морскими,
 Открыла посредѣ играющихъ валовъ
 Другихъ всѣхъ прежде струй пучинѣ зракъ Петровъ.
 О холмы красные и острова зелены,
 Какъ радовались вы симъ счастьемъ восхищены!
 Что поздно я на васъ, что поздно я рождень,
 И тѣмъ толкаго веселія лишень?
 Не зрѣлъ, какъ онъ сіялъ величествомъ надъ вами,
 И шествовалъ по вамъ предъ новыми полками;
 Какъ новы крѣпости, и новы корабли,
 Ужасные врагамъ въ волнахъ и на земли,
 Смотрѣлъ и утверждалъ, противу ихъ набѣгу,
 Грозящему бѣдой Архангельскому берегу:
 Дабы Россійскую тѣмъ силу раздѣлить,
 Отъ Ингерскихъ градовъ осады отвратить.
 Но вдругъ пришествія Петрова въ сѣверъ слухомъ,
 Смутясь пустились вспять унылы, томны духомъ.
 Уже бѣляя понть передъ Петромъ кипить,
 И влага уступить, шумя, ему спѣшить.
 Тамъ вмѣсто чайанныхъ борен флаговъ Шведскихъ,
 Россійскіе въ зыбяхъ взвѣвали Соловецкихъ.

Закрылись крайніе пучиною лѣса;
 Лишь съ моремъ видны вкругъ слянны небеса.
 Тутъ вѣтры сильныя имѣя флотъ во власти,
 Со всѣхъ сторонъ сложася къ погубельной напасти,
 На западъ и на югъ, на сѣверъ и востокъ
 Стремятся, и вертятъ мглу, влагу и песокъ:
 Перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ,
 И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ:
 Межь моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ;
 Дождю навстрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ;
 Въ сердцахъ великій страхъ сугубяетъ скрыпомъ снасти.
 Герой нашъ посреде великія напасти,
 И взоромъ и рѣчьми смутившихся крѣпитъ,
 Сквозь грозный стонъ стихій къ блѣднѣющимъ гласитъ:
 «Мужайтесь; Промыслъ насъ небесный искушаетъ;
 Къ трудамъ и къ крѣпости напредки ободряетъ;
 Всякъ дѣлу своему со тщаніемъ внимай:
 Опасности сея Богъ скоро пошлетъ край».
 Отъ гласа въ грудь пловцамъ кровь теплая вліялась,
 И буря въ ярости кротчѣе показалась.

Я мышлю, что тогда сокрыта въ морѣ мочь
 Желая отвратить набѣгъ противныхъ прочь,
 Толь страшну бурю имъ на пагубу воздвигла,
 Что въ плаваньи Петра нечаянно постигла.

О вы рачители и слушатели словъ,
 Въ которыхъ подвигъ вамъ пріятенъ есть Петровъ,
 Едина истинна возлюбленна и сродна,
 Отъ вымысловъ краса Парнасскихъ негодна!
 Позвольте между тѣмъ, чтобъ слаба мысль моя
 И голосъ опочилъ, труды его поя;
 Въ Кастаньски роци я не съ тѣмъ себя склоняю,
 Что онымъ тамъ сыскать красу и силу чаю:
 Ключи, источники, долины и цвѣты
 Не могутъ дѣлъ его умножить красоты;
 Собою они красны, собою они велики.
 Отважась въ долгій путь, гдѣ трудности толики,
 Ищу, чтобъ иногда имѣть себѣ покой;
 Въ убѣжища сіи склонитесь вы со мной:
 Дабы яснѣе зрѣть съ высокихъ мѣстъ и красныхъ
 Петра въ волнахъ, во льдахъ, въ огнѣ, въ бѣдахъ ужасныхъ,
 И славы истинной въ блистающихъ лучахъ.
 Какое зрѣніе мечтается въ очахъ?
 Я на землѣ стою, но страхомъ колебаюсь.

И чаю, что въ водахъ свирѣпныхъ погружаюсь!
 Мнѣ всякая волна быть кажется гора,
 Чтò съ ревомъ падаетъ обрушась на Петра.

Но Промыслъ въ глубину десницу простираетъ;
 Оковы тяжкія вдругъ буря ощущаетъ.
 Какъ въ равныхъ разбѣжась свирѣпный конь поляхъ,
 Ржетъ, пышетъ, отъ копыть восходитъ вихремъ прахъ;
 Однако доскакавъ до высоты крутыя,
 Вздохнувъ кончаетъ бѣгъ, леть токи потовыя:
 Такъ сѣверъ укротясь впослѣднн возстеналъ.
 По усталымъ валамъ понтъ пѣну разстиралъ;
 Исчезли облака; сквозь воздухъ въ югъ чистый,
 Открылись два холма и береги лѣсисты.
 Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
 Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ;
 Гдѣ въ мокрыхъ берегахъ крутятся печальна Уна,
 Медлительно течетъ въ объятія Нептуна.
 Въ числѣ Россійскихъ рѣкъ безвѣстна и мала;
 Но предковъ рокомъ злымъ Петровыхъ, прослыла:
 Когда коварнаго свирѣпствомъ Годунова
 Кипѣла пролита невинныхъ кровь багрова;
 Какъ праотцевъ его онъ въ сѣверъ заточилъ,
 Во влажномъ мѣстѣ семъ, о злоба! уморилъ.
 Сошелъ на берегъ Петръ, и ободрилъ стопами
 Мѣста, обмоченны Романовыхъ слезами.
 Подвиглись бѣреги, зря въ славѣ оныхъ родъ.
 Межъ тѣмъ способный вѣтръ въ свой путь сзываетъ флотъ.
 Онъ легкимъ къ западу дыханьемъ поспѣшаетъ
 И мелкихъ волнъ вокругъ себя не ощущаетъ.
 Тогда пловущимъ Петръ на полночь указалъ,
 Въ спокойномъ плаваньи сіи слова вѣщаль:
 «Какая похвала Россійскому народу
 Судьбой дана, пройти покрыту льдами воду.
 Хотя тамъ кажется поставленъ плыть предѣлъ;
 Но бодрость подають примѣры славныхъ дѣлъ.
 Полденный свѣта край общель отважный Гама,
 И солнцева достигъ, чтò мнила древность, храма;
 Герои на моряхъ Колумбъ и Магелланъ
 Коль много обрѣли безвѣстныхъ прежде странъ;
 Подвигнуты хвалою, исполненны надежды,
 Которой лишены пугливыя невѣжды,
 Презрѣли робость ихъ, роптанье и упоръ,
 Чтò въ нихъ произвели болѣзни, голодъ, морь.

Иное небо тамъ и новыя свѣтила,
 Тамъ полдень въ сѣверѣ, ина въ магнитѣ сила.
 Бездонный Океанъ травой какъ лугъ покрытъ;
 Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ грозитъ.
 Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина страшнѣе,
 Чтò портитъ въ жилахъ кровь свирѣпыхъ ядовъ злѣе.
 Дѣлаетъ долгой зной здоровья и ума.
 А стужа въ сѣверѣ ничтожить вредъ сама.
 Самъ ледъ, чтò кажется толь грозенъ и ужасенъ,
 Отъ оныхъ лютыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ безопасенъ.
 Колумбы Росскіе презрѣвъ угрюмый рокъ,
 Межъ льдами новый путь отворять на востокъ,
 И наша досягнетъ въ Америку держава;
 Но нынѣ настоитъ въ войнахъ пная слава».
 Надежды полный взглядъ слова его скончалъ,
 И добрый духъ къ трудамъ на всемъ лицѣ сіялъ.

Достигло дневное до полночи свѣтило,
 Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
 Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ,
 И простирало блескъ багровый изъ-за льдовъ.
 Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
 Верхи золотыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.
 Отъ сѣвера стада морскихъ приходятъ чудъ
 И воду вихрями крутятъ, и кверху бьютъ,
 Предшествуя царю пространныя пучины,
 Чтò двинулся къ Петру, ошибкою повинный,
 Изъ глубины своей, гдѣ царствуетъ на днѣ.
 Въ недосыгаемой отъ смертныхъ сторонѣ,
 Между высокими камнистыми горами,
 Что мы по зрѣнію обykle звать мелями,
 Покрытый золотымъ пескомъ простерлся долъ;
 На томъ сего царя палаты и престоль.
 Столпы округъ его огромныя кристаллы,
 По коимъ обвились прекрасныя кораллы!
 Главы ихъ сложены изъ раковинъ витыхъ,
 Превосходящихъ цвѣтъ дуги межъ тучъ густыхъ,
 Чтò скажетъ укротясь намъ громовая буря;
 Помѣсть изъ аспида и чистаго лазуря.
 Палаты изъ одной изсѣчены горы;
 Верхи подъ чешуей великихъ рыбъ бугры;
 Уборы внутренни покровъ черепокожныхъ,
 Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.
 Тамъ тронъ жемчугами усыпанный янтаръ;

На немъ сидитъ волнамъ сѣдымъ подобенъ царь.
 Въ заливы, въ Океанъ десницу простираетъ,
 Сапфирнымъ скипетромъ водамъ повелѣваетъ.
 Одежда царская порфира и виссонъ,
 Что сильныя моря несутъ ему предъ тронъ.
 Ни мразы, ни борей туда не досягаютъ,
 Лишь солнечны лучи сквозь влагу проникаютъ.
 Отъ хлябей сихъ и безднъ владѣтель водъ возникъ;
 Воздвигни радостной морскія птицы кликъ.
 Онъ вслѣдъ къ плывущему герою обратился,
 И новости судовъ Петровыхъ удивился:
 «Твой, сказалъ, моря, надъ нами царствуй вѣкъ;
 Тебѣ теченіе пространныхъ тѣсно рѣкъ:
 Построй великій флотъ; поставь въ пучинѣ стѣны».
 Скончали пѣніемъ сей гласъ его сирены.
 То было, либо такъ быть надобно-бъ сему,
 Что долженъ Океанъ монарху своему.

Уже на западѣ восточными лучами
 Открылся освѣщенъ съ высокими верхами
 Пречудныхъ стѣнъ округъ, изъ дикихъ камней градъ,
 Гдѣ волны плѣнники спасаяся сидятъ.
 Отъ міра отдѣлясь и моремъ и святыней,
 Примѣръ отеческихъ отъ древнихъ лѣтъ пустыней,
 Лишь только лишены пріятнѣйшихъ плодовъ
 Отъ дровъ, что подають и пищу и покровъ:
 Не можетъ произвести короткое ихъ лѣто;
 Снѣгами въ протчи дни лицо земли одѣто.
 Сквозь мракъ и сквозь туманъ, сквозь буйныхъ вѣтровъ шумъ
 Восходить къ небесамъ поющихъ гласъ и умъ.
 Къ симъ строгимъ берегамъ великій Петръ приходитъ,
 Внимательный свой взоръ на зданія возводитъ.
 Изъ каменныхъ бугровъ воздвигнута стѣна,
 Водами ото всѣхъ сторонъ окружена,
 Его и воиновъ съ веселіемъ пріемлетъ;
 Стрѣльбѣ и пѣнію пустыня купно внемлетъ.
 Навстрѣчу съ ликомъ Фирсъ усердствуя спѣшитъ,
 И гостя осѣнивъ, въ восторгѣ говоритъ:
 «Благословенъ твой путь Всевышняго рукою:
 Моущество Его предходитъ предъ тобою.
 Онъ къ сей съ высотъ своихъ обители смотря,
 О имени своемъ возвеселитъ царя.
 Живящія Его въ семъ мѣстѣ благодати
 Причастны новыя твои да будутъ рати».

Монархъ отъ Промысла избранный челоѣкъ
 Вмѣнилъ, что передъ нимъ стоитъ Мельхиседекъ,
 Побѣды прежнія его благословляетъ,
 И къ новымъ торжествамъ духовно ободряетъ.

Монархъ почтивъ труды и знаки чудныхъ дѣлъ,
 Строеіе вокругъ и мѣсто осмотрѣлъ:
 Спросилъ наставника: «Кто сими васъ горами
 Толь крѣпко оградилъ, поставя ихъ руками?»
 «Великій Іоаннъ, твой сродникъ и зримѣръ,
 Что Россю превознесъ и злыхъ Агарянъ стеръ.
 Онъ жертву принося за помощь въ браняхъ Богу,
 Межъ прочими и здѣсь далъ милостыню многу:
 Пятьсотъ измѣнниковъ поиманныхъ татаръ,
 Имъ въ казнь, обители прислалъ до смерти въ даръ.
 Работою ихъ рукъ сіи воздвиглись стѣны,
 И праотцевъ твоихъ усердіемъ снабденны
 Въ холодной сей странѣ отъ бурь покровъ даютъ,
 Безмолвно бдѣніе и безнавѣтенъ трудъ».
 Сіе въ отвѣтъ далъ Фирсъ; и указавъ на слѣды,
 Гдѣ церковь надъ врагомъ семь лѣтъ ждала побѣды,
 Сказалъ: «здѣсь каменны передъ стѣной валы
 Насыпаны противъ раскола и хулы.
 Желая ереси исторгнуть твой родитель,
 Исправить церкви чинъ послалъ въ сію обитель:
 Но грубыхъ тѣхъ невѣждъ въ надежныхъ толь стѣнахъ
 Не преклонилъ ни гладь, ни должной казни страхъ.
 Крѣпились мнимыми прельщенны чудесами,
 Не двигнулись своихъ кровавыми струями;
 Пока упрямство ихъ унижилъ Божій судъ,
 Уже въ церковной всѣ послушности живутъ».

Монархъ вспомянулъ, коль много отъ раскола
 Простерлось наглостей и къ высотѣ престола,
 Вздохнувъ повѣствовалъ ужасную напасть,
 И властолюбную Софіи хитрой страсть.

Ахъ, музы, какъ мнѣ пѣть? Я тѣхъ лишу покою,
 Которыхъ сродники развращены мечтою
 Не тщились за Петромъ въ благословенный путь,
 Но тщетно мыслили противъ его дерзнуть.
 Представивъ злобу ихъ гнушаюсь и жалѣю,
 Что родъ ихъ огорчу невинностью своею!

Какой бодрить меня и лучъ и жаръ и шумъ,
 И гонить въ скорости смущенныхъ тучу думъ?
 Съ прекрасной высоты, съ великаго Парнасса

Наполнился мой слухъ пронзающаго гласа.
 Минерва, Аполлонъ и девять сестръ зовуть,
 И нудять совершить священный спѣшно трудъ.
 «Ты хочешь въ землю скрыть врученно смысла злато?
 Мы пѣть тебѣ велимъ; и что велимъ, то свято».
 Уже съ горы глашу богинь великихъ власть:
 Въ спокойствѣ чтите вы предписанную часть.
 Когда похвальныхъ дѣлъ вы ходите по слѣду,
 Не подражая въ злѣ ни сроднику, ни дѣду;
 Когда противна вамъ неправда, злоба, лесь,
 И въ сердцѣ царствуетъ правдивость, совѣсть, честь;
 Премѣна зла въ добро явится дѣло чудно,
 И за попрекъ хвалу вамъ заслужить не трудно.
 А вы, что хвалитесь заслугами отцевъ,
 Отнюдь отеческихъ достоинствъ не имѣвъ,
 Не мните о себѣ, когда ихъ похваляю:
 Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю,
 Ни злости не страшусь, ни требую добра:
 Не ради васъ пою, для правды, для Петра.

Пять кратъ противъ меня, онъ сказывалъ, возстала,
 И царствовать сестра чрезъ кровь мою искала.
 Измѣна съ злобою на жизнь мою сложася,
 Въ завѣсу святости притворной обвилася,
 Противниковъ добру крѣпила злы совѣты,
 На сродниковъ моихъ и на меня навѣты.
 Передъ кончиною мой старшій братъ признавъ,
 Что средній въ силахъ слабъ и внутренне не здравъ,
 Способность предпочель естественному праву,
 И мнѣ препоручилъ Россійскую державу.
 Сестра подъ образомъ, чтобъ братъ былъ защищенъ,
 И купно на престолъ со мною посажденъ,
 Въ немъ слабость, а во мнѣ дни дѣтски презирала,
 И руку хищную къ державѣ простирала.
 Но прежде притворясь, составила совѣтъ,
 Къ которому бояръ и всѣ чины зоветъ,
 И церкви твердаго столпа Іоакима;
 Душа его была отъ ней непобѣдима.
 Коварную начавъ съ притворной скорбью рѣчь,
 Свои принудила и прочихъ слезы течъ.
 «Когда любезнаго Феодора лишились,
 Въ какой печали мы, о небо, погрузились!
 Но сверхъ той вопіетъ естественный законъ,
 Что меньшій старшему отъемлетъ брату тронъ.

Стрѣльцы и весь народъ себя вооружаютъ,
 И общей пагубой Россіи угрожаютъ.
 Всѣ ропщутъ: для чего обойденъ Іоаннъ:
 Возложить на него убійствомъ царскій санъ!»
 Познавъ такую злость, отвѣтствовалъ святительъ:
 «Отъ жизни отходя и братъ твой и родитель,
 Избраніе Петра препоручили намъ:
 Мы слѣдовали ихъ монаршескимъ словамъ».
 Несклоннаго сего отвѣта ради гнѣвна,
 «Съ народомъ выбирать, сказала имъ царица;
 Съ народомъ выбирать, не запершись въ чертогъ
 Повелѣваетъ вамъ и общество и Богъ».
 Толстой къ Софіинну и Милославской слову,
 По особливому сошедшіеся зову,
 Согласно, дерзостно поборствовали ей:
 Что нѣтъ правдивѣе премудрыхъ сихъ рѣчей.
 Іоакимъ со всѣмъ представилъ купно ликомъ:
 «Мы избрали Петра и сердцемъ и языкомъ.
 Ему здѣсь вручена державы вышней часть:
 Съ престола низвести уже не наша власть».
 Софія видя ихъ противъ себя упорство,
 Склонила замысловъ къ иной стезѣ проворство.
 Въ надеждѣ достигнуть своихъ желаній злыхъ,
 Совѣтъ дала вѣнчать на царство обоихъ.
 Однако патріархъ отнюдь не колебался,
 И сими отъ того словами отказался:
 «Опасно въ обществѣ многоначальству быть,
 И Богъ мнѣ не велѣлъ того благословить».
 И такъ возставъ отъ ней съ святителями отходить.
 Софію страсть владѣть въ безчувственность приводить.
 Дѣлать на скопищахъ Москву бунтовщики,
 Готовясь токъ пролить кровавыя рѣки.
 Предходитъ бѣшенство и наглость и буянство,
 И ѣдка ненависть, и вождь раздоровъ пьянство;
 Обсѣли улицы, торги и ворота;
 На расхищеніе расписаны мѣста.
 Безъ сна былъ злобный скопъ, не затворяя ока,
 Лишь спитъ незлобіе, не зная близко рока.
 Открылся тайный ковъ, когда исчезла тѣнь;
 Багровая заря кровавый вводитъ день.
 Наружъ выходить, что умыслила Софія,
 И что совѣтники ея велѣли злыя.
 Уже измѣнники стрѣльцы сбѣжались въ строй,

И Милославскаго орудіе Толстой.
 Толстой въ бунтующихъ шеренгахъ разбѣзжаетъ,
 И дерзкихъ ложными словами поощряетъ.
 Кричитъ: что Іоаннъ младый царь удушенъ,
 Нарышкиными, ахъ! толь горько умерщвленъ.
 Тогда свирѣпствуя жестокіе тираны,
 Ударили вездѣ въ набать и въ барабаны.
 Свѣтило вешнихъ дней оставя высоту,
 Девятаго часа скрывало красоту.
 Внезапно въ ужасѣ Москва зрить изумленна
 Оружіе на кремль слѣшаше и знамена.
 Колеса тяжкія подѣ пушками скрипятъ.
 Глаза отчаянныхъ кровавые горятъ.
 Лишь дому царскаго, что должны чтить, достигли,
 Какъ звѣри дикіе рыканіе воздвигли:
 На мѣсть слѣшите намъ Нарышкиныхъ отдать.
 Или мы станемъ всѣхъ бить, грабить и терзать.
 Бояре старшіе Матвѣевъ, Долгорукой,
 Представъ давали въ томъ стрѣльцамъ себя порукой,
 Что всѣ волнуются напрасно обуявъ;
 Что Іоаннъ съ Петромъ безъ поврежденья здравъ.
 И только лишь о семъ смущеніи печаленъ.
 Симъ словомъ дерзкій бунтъ былъ нѣсколько умаленъ:
 Всѣ ждали, чтобы имъ младыхъ царей узрѣть,
 И въ дома возвратясь, спокойствіе имѣть.
 Увидѣвъ изъ своихъ чертоговъ то Софія,
 Что пресѣкаются ея коварства змыя,
 Подгнету буйности велѣла дать вина,
 Чтобъ снова воспылавъ горѣла внутри война.
 Тутъ вскорѣ разъярясь стрѣльцы, какъ звѣри дики,
 Возобновили шумъ убійственной музыки:
 Подобно какъ бы всю Москву съѣдалъ пожаръ.
 Царица, мать моя, прошеніемъ бояръ
 Для утоленія всеобщія напасти
 Презрѣвъ толь близкій рокъ, презрѣвъ горящи страсти,
 Выводитъ насъ съ собой на красное крыльцо.
 Опасность, слезы, гнѣвъ покрылъ ея лицо;
 И брата и меня злодѣямъ показала,
 И чтобъ покоились, со властью увѣщала.
 Толпами наглые на верхъ взбѣгали къ намъ,
 И мы ль то? кликали обѣхъ по именамъ.
 Обличены въ конецъ и правдой и присутствомъ,
 Хотятъ оставить злость неправедну съ безстудствомъ,

И часть бунтующихъ въ обратный быють походъ.
 Царевна усмотрѣвъ, что тихнетъ злобный родъ,
 Коварство новое въ погибель составляетъ,
 И искры яркія въ сердца стрѣльцамъ высыпаетъ,
 Сказавъ имъ собственну опасность и боязнь;
 Что завтра лютая самихъ постигнетъ казнь,
 И тѣ имъ отомстятъ, что нынѣ въ оныхъ волѣ:
 Пропущены часы не возвратятся болѣ.
 Какъ на поляхъ пожаръ въ началѣ утушенъ,
 Но вдругъ дыханіемъ изъ пепла оживленъ
 Сухой тростникъ, траву въ дни лѣтніи поядаетъ,
 И пламень слабыя препятства превышаетъ;
 Подобно такъ стрѣльцы страхъ съ лютостью смѣшавъ,
 И поощреніемъ злодѣйскимъ воспылавъ,
 Въ чертоги царскіе насильно устремились,
 Убіиствомъ, наглостью неистово вломились.
 Царица мать моя среди такого зла,
 Среди отчаянья едва спастись могла,
 Гдѣ праотцевъ престолъ въ палату грановиту,
 Ко святости его и къ Вышнему въ защиту.
 Въ чертогахъ жалкій стонъ, терзанье и грабежъ
 И раздается крикъ: коли, руби и рѣжь.
 Одни Софіины покои лишь свободны
 И двери варварамъ бунтующимъ не входны.
 Для убіенія не нуженъ былъ въ нихъ искъ:
 На сродниковъ моихъ направленъ былъ ихъ рыскъ.
 Внезапно большій шумъ сердца въ насъ утѣсняетъ:
 Въ злодѣйственныхъ рукахъ Нарышкинъ възрыдаетъ;
 Не могъ его закрыть и жертвенникъ святой.
 Летитъ на копія поверженъ съ высоты.
 Текущу видя кровь рыкають: любо, любо!
 Пронзеннаго подыавъ сіе гласятъ сугубо.
 Сего невинный духъ предтеча къ небесамъ
 Оставилъ тлѣнну часть неистовымъ врагамъ.
 Немедленно мечи свергають обнаженны,
 И раздробляются трепещущіе члены!
 Царицей посланныхъ къ стрѣльцамъ увѣщевать,
 Чтобъ кровь сію проливъ престали бунтовать,
 Подобной лютостью злодѣи похищаютъ,
 На копія съ крыльца низвергнувъ прободають.
 Старѣйшихъ стольниковъ и знатнѣйшихъ бояръ
 Подобный умертвилъ судьбины злой ударъ.
 Тамъ Ромодановской, о горькая кончина!

Въ послѣдній разъ взглянулъ на страждущаго сына.
 Тамъ Долгорукаго почтенный санъ и видъ
 Межъ членами другихъ окровавленъ лежить.
 И краснорѣчіемъ несчастливый Матвѣевъ,
 Котораго рѣчьми пронзалась грудь злодѣевъ,
 Убить; но въ смерти живъ: что блѣдная глава
 Движенъемъ кажетъ устъ нескончаны слова.
 Коль много послѣ нихъ невинно пострадали:
 Съ царицыныхъ очей злодѣи дерзко брали,
 На незаконную влекли безчестно казнь!
 Скончался лютой день, осталася боязнь.

О скорбный лютой день и варварствомъ ужасный,
 День мнѣ и сродникамъ для пагубы опасный!
 Не помрачился онъ, какъ дерзостный Борисъ,
 Сей смертоносный змѣй Димитрія угрызъ,
 Когда убивецъ злой вертѣлъ въ гортани жало,
 И сердце матерне отчаясь обмирало.
 Мнѣ чувства изострилъ мой собственный примѣръ,
 Лишь вспомню, вижу я, какъ злится изувѣръ.
 Въ младенческомъ умѣ взоръ лютой вкоренился.
 И нынѣ вспомянувъ я духомъ возмущился:
 Волнуется во мнѣ о томъ со гнѣвомъ страхъ.
 Какъ рождающая меня держа въ своихъ рукахъ
 Мой верхъ и грудь свою слезами обмывала,
 Послѣдняго часа, блѣднѣя, ожидала;
 Когда безчувственный въ продерзости злодѣи
 Гортани копіемъ касаяся моей
 Ревѣлъ: скажи, гдѣ братъ, или тебя и сына
 Постигнетъ въ мигъ одинъ послѣдняя година.
 О Промыслъ! въ оной часъ ты чудо сотворилъ;
 Злодѣйску руку прочь злодѣйской отвратилъ,
 Изъ жаждущихъ моей гибели сыскался,
 Кто бъ о моемъ тогда жъ спасеніи старался.

Въ то время съ Ѳедоромъ и Мартемьяномъ Левъ
 По селамъ странствуя скрывались межъ деревъ,
 Вообразивъ своихъ невинну страсть рыдали,
 И собственную смерть всечасно представляли.
 Тогда почтенный мужъ при старости Кириллъ,
 Послѣдній дѣдъ мой, дни въ затворахъ тѣсныхъ крылъ,
 Другихъ, не своего терзанія боялся,
 Чтобъ крови токъ сыновъ предъ нимъ не проливался.

Въ отчаяньи, въ тоскѣ, въ стенаніи, безъ сна,
 Подобна смерти ночь тогда провождена.

Стрегущихъ звѣрскій взоръ и осажденныхъ блѣдность
 Изображали вдругъ насиліе и бѣдность.
 Злодѣйской вольностью плѣненная Москва
 Казалась въ пропасти погребена жива.
 Какъ неусыпный червь тоска всѣмъ грызла груди,
 Но съ свѣтомъ больше скорбь почувствовали люди.
 Вездѣ тревогу бьютъ. Мятежническій крикъ,
 Наполнивъ слезный градъ, до облаковъ достигъ.
 Рыканья звѣрскія неистово возносятся,
 Нарышкина на смерть ярясь Ивана просятъ.
 Грозятъ, что скоро всѣхъ постигнетъ строгій рокъ,
 Прольется по Москвѣ и слезъ и крови токъ.
 Но не дошла еще несчастнаго година,
 Еще на день его тоску оставила судьбина.
 По граду изъ Кремля рассыпался мятежь:
 Въ рядахъ, въ домахъ, въ церквахъ насильство и грабѣжь.
 Тамъ жадность съ наглостью на зло соединилась,
 И къ расхищенію богатства устремилась.
 Презрѣніе святынь, позоръ почтенныхъ лицъ,
 Укоры знатныхъ женъ, ругательства дѣвицъ,
 Лишеніе всего богатства превышали:
 Въ сердцахъ правдивыхъ стыдъ превсходитъ всѣ печалы.

Коль вечера сего благословенъ былъ мракъ,
 Что буйство прекратилъ и скрылъ злодѣевъ зракъ!
 Уже отяготясь весь день питьемъ излишнимъ
 И изъ несчастливыхъ домовъ богатствомъ хищнымъ,
 Шатаются, спѣшатъ своихъ достигнуть норъ.
 Градски врата блюдетъ ихъ стража и запоръ.

Царевна усмотрѣвъ, что время протекаетъ,
 А умыселъ ея конца не достигаетъ,
 Стрѣльцамъ назавтрее велѣла приступать,
 И наглость съ ковомъ злымъ начавъ соединять,
 Къ царицѣ шлетъ большихъ бояръ для уговору,
 Чтобъ брата и отца стрѣльцамъ дала безъ спору:

«Уже чинять приступъ ко красному крыльцу:
 Безъ выдачи не быть смятенія концу.»

Для уваженія въ совѣтъ словъ боярскихъ
 Представила особъ опасность государскихъ.

Нарочно яко бы для утоленья зла
 Сама въ родившія меня чертогъ пришла.

«Для собственной твоей и для дѣтей избавы
 Свирѣпы укроти стрѣльцовъ», сказала, «нравы,
 Спаси себя и ихъ, опасность отложи,

И брата и отца для миру покажи.
 Здѣсь домъ Спасителейъ, защита есть велика.
 Кто смѣетъ ихъ отнять отъ Божескаго лика?»
 Послѣдуя судьбѣ и льстивымъ толь словамъ,
 Изъ потаенныхъ мѣстъ Нарышкинъ входитъ въ храмъ.
 Въ слезахъ святой алтарь цѣлуетъ и объемлетъ,
 И службѣ Божіей усерднымъ духомъ внемлетъ,
 Готовится принять страдальческій конецъ.
 «Невинность», говорить, «разсудить самъ Творецъ».
 Тутъ рѣки мать моя царевнины лобзая,
 Для братней пагубы всечасно обмирая,
 Рыданіемъ свою перерывала рѣчь:
 Изсякнувъ не могли ужъ слезы больше течь.
 «Для отческой къ тебѣ, супружной мнѣ любви
 Не проливай еще моей невинной крови.
 Представь, что сей по мнѣ и Алексѣю братъ,
 И дядя и отецъ его оставшихъ чадъ.»
 Софія слѣдовать велѣла за собою
 Нарышкину къ стрѣльцамъ, поднявъ его рукою,
 Съ притворной жалостью. Царица отъ тоски
 Держалася другой Ивановой руки.
 Какъ волки хищные на агнца наскочили,
 Стрѣльцы невиннаго внезапно ухватили,
 Презрѣвъ царицыныхъ и власть и святость рукъ,
 Безчестно за власы влекутъ на горестъ мукъ.
 Межъ тѣмъ сестра себя предъ чернью извиняла,
 Что братьевъ кровью сей отъ смерти избавляла.
 Царица вѣ себя не зная, что отецъ
 Въ отсутствіе ея неволей сталъ чернецъ,
 Полуумершимъ вслѣдъ на брата смотреть взоромъ,
 Терпящаго толь зло мученіе съ позоромъ.
 Несчастнаго на торгъ злодѣи привлекли,
 И ложны клеветы, оставя стыдъ, взвели,
 Что будто по своей онъ безразсудной страсти
 Монаршеской искалъ продерзостію власти.
 Безъ доказателей потомъ его терзавъ,
 На копыа подняли, и кинули стремглавъ,
 Отсѣкли варварски и рѣки и главу.
 По злости слышать всѣ въ народѣ ужъ молву,
 Тамъ вѣрныя рабы преступникамъ грозили:
 «Вы горьку казнь себѣ измѣной заслужили.
 Васъ мстительный пожретъ неукосненно мечъ,
 И крови какъ водѣ достойно вашей течь.

Начала только ждемъ: велика вся Россія,
 Исторгнетъ корень вашъ за возмущенья злыя.»
 Стрѣльцы хотя рабамъ сулили дать свободу,
 И крѣпости подравъ, сказали то народу:
 Однако никакой не слѣдоваль успѣхъ.
 Уже уразумѣвъ, что трудно встать на всѣхъ,
 Свирѣпость праздникомъ всеобщимъ окончали:
 На царство брата вдругъ со мною увѣнчали.
 Софія воздала преступнымъ мзду и честь,
 И грамоты Москвой на злыхъ главахъ пронести
 Велѣла въ торжествѣ, чтобъ скрыть свой затѣи:
 Безвинные звались по смерти ихъ злодѣи.
 Побитыхъ имена читались на столпахъ
 И вѣрнымъ отчеству въ сердца вливали страхъ.

Едва сей бурный вихрь несчастьемъ укротился
 И я въ спокойствіи къ наукамъ обратился,
 Искаль, гдѣ знанія сіяетъ ясный лучъ,
 Другая мнѣ гроза и мракъ сгущенныхъ тучъ
 Отъ суевѣрія и грубости восходить,
 И видомъ святости сугубый страхъ наводитъ.
 Ты вѣдаешь расколъ, что началъ Аввакумъ
 И пустосвятъ злодѣи, его сообщникъ думъ.
 Невѣжество почеть за святость старой вѣры.
 Пристали ко стрѣльцамъ ханжи и лицемѣры:
 Хованскій съ сыновьями и мой и Церкви врагъ,
 Не устыдился быть въ совѣтѣ побродягъ.
 Здѣсь камни сношены къ стѣнамъ на Капитоновъ,
 Тамъ камни бросаны противъ святыхъ законовъ.
 О Церкви! о святынь исполненный алтарь!
 О какъ дерзнула къ вамъ коснуться злобна тварь!
 Не можно ихъ почестъ въ сообществѣ словесныхъ,
 Что смыслъ и совѣсть ихъ и честь въ предѣлахъ тѣсныхъ.

Приносить службы долгъ мужъ святъ Іоакимъ,
 Мятежники вошли въ храмъ сонмищемъ своимъ
 Къ лицу Святителя для вреднаго раздора,
 Скрывая крамолу подъ именемъ собора.
 Когда отъ дерзости ихъ кротко отвращалъ
 И мирный разговоръ о вѣрѣ общалъ,
 «Ты волкъ, ты хищникъ злой», безстыдно съ шумомъ лаютъ,
 И камнемъ въ него и въ клиръ его бросаютъ.
 Отъ наглыхъ патріархъ тогда еретиковъ
 Къ монахамъ принужденъ склониться былъ въ покровъ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

СОКРАЩЕНИЕ. Отъ Бѣлаго моря путешествуя Петръ Великій къ Шлиссельбургу чрезъ Олонецъ, осматриваетъ горы, и примѣтивъ признаки рудъ и цѣлительныхъ водъ, намѣряется основать заводы, чтобы въ близости производить металлы для новыхъ войскъ и для флота. Нестройность Ладожскаго озера, пожирающаго волнами снаряды и припасы, нужные къ предприемлемому строению новаго великаго города и корабельной пристани на Балтійскомъ морѣ, подаетъ ему мысль соединить Волховъ съ Невою впрѣдъ великимъ каналомъ. Между тѣмъ Шлиссельбургская крѣпость уже въ осаду окружена новыми его войсками, и огнестрѣльными орудіями приведена въ крайнее утѣсненіе. Женскій полъ присылаютъ изъ города просить о выпускѣ; на что отказано: Россійское де войско не за тѣмъ городъ обступило, чтобы женъ разлучить съ мужьями. Между тѣмъ по учиненному приготовленію данъ знакъ къ приступу. Мужественному и сильному нападенію непріятель противится весьма упорно. Государь увидѣвъ, что у приступающихъ къ городу лѣствицы коротки, и Шведы обороняясь храбро, причиняютъ немалый вредъ Россіянамъ, послалъ съ указомъ отступить назадъ, чтобы послѣ съ новыми лѣстницами наступленіе учинить благополучнѣе. Посланному главный предводитель на приступѣ князь Голицынъ отвѣтствовалъ: что уже большая трудность преодолѣна; а если снова приступъ начинать, то больше людей потерять должно. Послѣ того вскорѣ чиненымъ разорваннымъ бревномъ сброшенъ, съ приступной лѣстницы упалъ замертво на землю. Между тѣмъ почти безъ предводительства Россіяне на городъ стали всходить, и Шведы спасенія отчаясь, подають знакъ къ сдачѣ. По вступленіи оныхъ, выпущены изъ города по договору тремя учиненными во время приступа проломами.

О войско славное, потомки тѣхъ героевъ,
 Что слѣдуя Петру по жатвѣ многихъ боевъ,
 Торжественные вѣкъ пріобрѣли вѣнцы,
 Отечество въ земны прославили концы!
 Я вашимъ мужествомъ въ трудѣ семь ободряюсь,
 И сердцемъ и умомъ межъ вами обращаюсь.
 Воюйте счастливо, сравните честь свою
 Со предковъ похвалою, которую пою.
 Военны подвиги Петровы начинаю,
 Въ отцахъ и дѣдахъ вамъ примѣры представляю.
 Неустрашимость ихъ изобразить мой гласъ,
 Что чувствуете вы наслѣдственную въ васъ.
 Ступая мужески въ похвальные ихъ слѣды,
 Монархинѣ своей приносите побѣды,
 Гдѣ вашъ оружный звукъ восходить до небесъ
 И по путямъ вездѣ растетъ лавровый лѣсъ.

Тамъ Нѣмень съ Преглою, тамъ Висла, Одра, Шпрея,
 Живое вашихъ дѣлъ мечтаніе имѣя,
 Текуть съ почтеніемъ, какъ при Петрѣ текли,
 Гдѣ съ трепетомъ его встрѣчали короли.
 И рѣки и поля вамъ къ вѣчной славѣ двери
 Отверзли, чувствуя его въ великой дщери.
 Противныя страны геройствомъ и трудомъ
 Вы въ собственный себѣ преобразили домъ.
 И солнце къ намъ спѣша въ обратной колесницѣ
 Готовитъ новый блескъ Россійской багряницѣ:
 Чтобъ нашей радостью украсить новый годъ,
 Вторично углубить успѣхами походъ.
 Дыханья нѣжныя рожденныя весною
 Повѣютъ, бодрому споспѣшествуя строю;
 Прохладная роса отъ благовонныхъ травъ
 Къ отрадѣ вамъ прольетъ обиліе забавъ.
 Богатые плоды въ дни лѣтніе пожните,
 Монархинѣ своей сторичны принесите.
 Завистникамъ своимъ не оставляйте зернѣ;
 Оставьте плевы имъ, сухой тростникъ и тернѣ:
 Чтобъ чувствуя въ груди явленіе ихъ злоба
 Несноснѣе почла затворомъ мрачнымъ гроба;
 Чтобъ гордостью своей наказанный Берлинъ
 Для безпокойства царствъ не умышлялъ причинѣ,
 И помнилъ бы, что Петръ ему былъ оборона:
 Его десницею удержана корона,
 Чѣмъ нынѣ красится среди земныхъ владыкъ:
 Великимъ онъ Петромъ на свѣтѣ сталъ великъ.
 Всѣхъ нынѣ дѣлъ Его имѣетъ дщерь наслѣдство.
 Пусть Карловыхъ онъ дней себѣ представитъ бѣдство.
 О коль бы въ жизни я благополученъ былъ,
 Когда бы дѣйствіе усердныхъ вашихъ силъ
 Изобразивъ въ водахъ прохладной Ипокрены,
 Воспѣлъ съ подвижники Петровыми сравненны,
 Елисаветинымъ пѣвцомъ бы сталъ побѣдъ:
 Но нынѣ трудъ Петровъ къ себѣ мой духъ влечетъ.
 Гдѣ Ладога въ Неву вливаетъ быстры воды,
 Стѣною огражденъ тутъ островъ въ древни годы.
 Россійска сей оплотъ поставила рука.
 Съ негодованіемъ шумѣла вокругъ рѣка:
 Что проливалася въ чужую власть насильно;
 Спасенна нынѣ къ намъ несетъ дары обильно.
 Во влагѣ начерталъ Петрова града видъ,

Что красить дщерь его, покоить и живить.
 Блаженные струи брегъ тукомъ напояють,
 Прохладной влагой всю окрестность ободряють,
 Защитникамъ своимъ похвальный внемлють стихъ,
 Всю тягость позабывъ отверженныхъ веригъ.

Въ несчастіѣ нѣкогда Россія утомленна
 Вечернихъ сихъ береговъ крушилася лишенна,
 Какъ Готскіе полки для помощи пришедъ,
 Въ противность нанесли странамъ Россійскимъ вредъ;
 Какъ тягость силъ своихъ Москву повергла къ низу,
 Дряхлѣя, сѣтуя, одѣлась въ мрачну ризу.
 Лишенна красоты монаршаго вѣнца,
 Злосчастію своему не видѣла конца.
 Измѣна, зависть, злость, раздоръ, братоубивство,
 Преобразили все въ погибель, въ кровопивство,
 Исчезло истинныхъ раченіе похвалъ,
 Вездѣ свирѣпый рокъ отечество терзалъ;
 Пока Пожарскаго и Трубецкаго ревность,
 Смотря на праотцевъ, на славу Россовъ древность,
 Пресѣкла наконецъ побѣдою напасть,
 И обществомъ дана Петрову дѣду власть.
 Младый монархъ во градъ поверженный приходитъ
 И на развалины плачевный взоръ возводитъ.
 Отрада Россовъ всѣхъ по скорби Михайль,
 О какъ крушился ты рыдалъ, и слезы лилъ!
 Что мыслилъ ты ступивъ на высоту престола
 Стоящаго среди плачевнаго всѣмъ дола?
 Тамъ храмовъ Божіихъ старинный трудъ верхи
 По стогнамъ и по рвамъ повергнули враги.
 Еще восходить дымъ отъ хищнаго пожара,
 И воздухъ огустѣлъ отъ побѣнныхъ пара.
 На торжищахъ пустыхъ поросъ колючій тернъ,
 Печальный Кремль стоитъ окровавленъ и чернъ.
 Чертоги царскіе, церковныя святыни
 Подобно сѣтуютъ, какъ скучныя пустыни.
 О горесть! но твоя великая душа
 Въ геройской младости утѣшить насъ спѣша,
 Присутствомъ и трудомъ печальнымъ ободряеть,
 Отечество изъ безднъ глубокихъ воздвигаетъ.
 Къ приумноженію благословенныхъ дней
 Наслѣдовалъ тебѣ подобный Алексѣй.
 Онъ Россамъ возвратилъ старинное наслѣдство,
 Злодѣевъ истребилъ и усмирилъ сосѣдство.

Обратно пріобрѣсть вечернія страны,
Петру Великому судьбой поручены.

Уже Орѣховець стѣсняется въ осаждѣ,
И въ каменной крѣпясь противится громадѣ,
Россійскимъ воинствомъ отсюду окруженъ:
Но Готской гордостью въ надеждѣ вознесенъ,
На бреги, на валы, на множество взираетъ
И видя новые полки пренебрегаетъ.
Къ пособству призывать старается съ границъ
Поставивъ знамена на высотѣ стрѣльницъ.
Тогда Кексгольмская уразумѣвъ Корела
Къ осаднымъ на судахъ придти не укоснѣла.
Прибывшимъ воинствомъ противникъ подкрѣплень,
И пищей и ружьемъ избыточно снабденъ
Всѣ мысли устремилъ къ жестокому отпору,
Надѣясь получить отъ Карла помощь скору.

Монархъ нашъ преходя Онежскихъ крутость горъ,
Свой проницательный кругомъ возводитъ взоръ,
И видя, что изъ нихъ исшедшіе потоки
Несуть изъ крутизны металлически соки,
Богатства, здравія являются ключи:
Влестятъ изъ мрачныхъ мѣстъ сокровищей лучи:
Сказалъ: «ты можешь мнѣ произвести, Россія,
Цѣлебны влажности и жилы золотыя.
Но нынѣ для твоей безсмертной похвалы
Спѣшу противъ враговъ чрезъ горы и валы:
Желѣзо мнѣ пролей, разженной токи мѣди:
Пусть мочь твою и жаръ почувствуютъ сосѣди,
И вспомнятъ, сколько намъ произвели обидъ».
Надеждой, ревностью блисталъ геройскій видъ.

Принесши плодъ земля, лишилась лѣтней нѣги;
Разносятъ блѣдный листъ бурливыхъ вѣтровъ бѣги;
Летитъ съ крутыхъ верховъ на Ладугу борей,
Дожди и снѣгъ и градъ трясетъ съ сѣдыхъ кудрей.
Наводитъ на воду глубокія морщины:
Сквозь мглу ужасенъ видъ нахмуренной пучины.
Смутившись тягостью его замерзлыхъ крылъ,
Крутится и кипитъ съ водою на берегъ иль.
Волнами свержены встрѣчаютъ гору волны
И скачутъ кругъ нея печальныхъ знаковъ полны:
Между запасами колеблется тамъ дубъ,
Между снарядами пловцовъ Россійскихъ трупъ.
Тамъ кормы, дна судовъ, разсыпаны, разбиты.

Монархъ узрѣвъ въ пути, коль злобенъ рокъ несытый,
 Вздохнулъ изъ глубины, и бурѣ запрещаль,
 И въ сердцѣ положилъ великій трудъ каналъ;
 Дабы Россійскою могущею рукою
 Потоки Волхова соединить съ Неввою.

О рѣки близкія, но прежде раздѣленны,
 Ликуйте тѣшаніемъ Петровымъ сопряженны!
 Струями по тому жъ играючи песку,
 Забудьте древнюю другъ о другъ тоску;
 Вливайте вы себѣ взаимную отраду,
 Благодаря, плоды къ его носите граду.

На свой, ты Волховъ, рокъ негодовалъ въ пути,
 Что не въ Неву тебѣ, но въ Ладогу идти
 Судьбой поставлено, и бурями терзаться,
 И силы потерявъ едва въ нее вливаться.
 Коль часто ты вздыхалъ, чтобъ вкупѣ завивать
 Струи и въ морѣ вдругъ теченіе скончать.
 Ты выше береговъ смущаясь поднимался,
 То подъ землею сыскать ходъ тайный покушался.
 Вездѣ противъ любви поставленъ былъ оплотъ:
 Не могъ ты одолѣть ни хлябей, ни высотъ,
 Пока Великій Петръ презрѣвъ упругость рока,
 Тебѣ далъ путь, и намъ довольство отъ востока.

Онъ окомъ и умомъ вокругъ мѣста обшедь,
 Избранные полки къ Орѣховцу ведеть.
 Животворящему его прихода слуху
 Отъ Ладоги въ Неву флотъ слѣдуетъ по суху.
 Могучихъ Росскихъ рукъ не воспящаетъ лѣсъ:
 Примѣръ изображенъ тутъ Ольговыхъ чудесъ.
 Предъ Цареградскими высокими стѣнами
 Онъ по полю въ ладьяхъ стремился парусами.
 Здѣсь вмѣсто вѣтра былъ усердый нашихъ духъ,
 И вмѣсто парусовъ сопряженны силы вдругъ.
 Уже судя ходя по собственной стихіи,
 На Шведскій брегъ везуть защитниковъ Россіи:
 Тамъ тысяча мужей преправясь чрезъ Неву,
 Надежду подають къ побѣдамъ, къ торжеству.
 На ровъ, на валъ бѣгутъ врагами укрѣпленны:
 Даются Шведы въ бѣгъ отъ Россовъ устрашенны.
 И Шереметевъ ставъ на ономъ берегу,
 Отвсюду заперъ путь къ спасенію врагу.
 Уже къ начальнику подъ крѣпость посылаетъ,
 Свободный выходъ всѣмъ безъ бою обѣщаетъ:

Что имъ противъ Петра не можно будетъ стать,
 Напрасно кровь хотятъ отвсюду проливать,
 И сдача города не будетъ имъ зазорна.
 Но Готы, помощи надѣяся отъ Горна,
 Сказали: отъ него приказу къ сдачѣ ждуть.
 На лживый ихъ отвѣтъ громады вдругъ ревуть,
 Плачють всѣхъ сердца присутствіемъ разженны,
 Отъ силъ ихъ потряслись упорства полны стѣны,
 Обширность воздуха куренію тѣсна,
 И влажная огнемъ покрыта быстрина.
 Гортани мѣдныя рыгають жаръ свирѣпый,
 Пылая зеліе желѣзны рветъ заклёпы.
 Представъ себѣ въ примѣръ стихій ужасный споръ,
 Какъ внутренность кипитъ воспламененныхъ горъ,
 Дымъ, пепель и смола полдневну ясность кроють,
 И выше облаковъ разженны холмы воють,
 Трещать разсѣдавшись во облачной водѣ,
 Сугубятъ громъ и страхъ сражаясь въ высотѣ,
 Грознѣе какъ въ земномъ ярились прежде чревѣ.
 Въ такомъ трясеніи, во пламени и ревѣ
 Стоитъ отчаявшись противу Росса Шведъ,
 Въ ничто вмѣняетъ кровь и презираетъ вредъ!
 Однако въ пагубѣ, въ смятеніи великомъ,
 Подвигнуть женскимъ былъ рыданіемъ и крикомъ:
 Растрепанны власяи и мертвость блѣдныхъ лицъ,
 И со младенцами повергшіяся ницъ
 Мужей къ смягченію Россіанъ преклоняють.
 Уже изъ крѣпости съ мольбою присылають:
 «Избавьте отъ страстей, отъ бѣдства слабыхъ женъ,
 И духъ вашъ на мужчинъ пусть будетъ изощренъ.
 Изъ нужной тѣсноты дозвольте имъ свободу;
 Являйте мужество крѣпчайшему ихъ роду».
 Отъ предводителя осады данъ отвѣтъ,
 Что толь свирѣпаго у Россовъ нраву нѣтъ:
 Между супругами не учинять разлуки;
 Вы вмѣстѣ выступивъ изъ стѣнъ избавьтесъ муки.
 Съ отказомъ зашумѣль изъ жаркихъ тучей градъ,
 Перуны Росскіе и блещуть и разятъ.
 Напрасно изъ дали противны подѣзжаютъ
 Осадныхъ выручать: ни въ чемъ не успѣвають.
 Готовится вездѣ кровопролитный бой
 И островъ близъ враговъ подъ нашей сталь пятой.
 Приемлетъ лѣствицы охотная дружина;

Передъ очами ихъ побѣда и кончина.
 Инымъ летучій мостъ къ теченію готовъ;
 Иные знака ждуть межъ Ладожскихъ валовъ.
 Дивятся издали въ стѣнахъ градскихъ пожару,
 Призывнаго на брань не слышавши удару.

Какъ туча грозная вися надъ головой,
 Надута пламенемъ сокрывшимся водой,
 Напрягшуюся внутрь едва содержитъ силу,
 Отъемлетъ почернѣвъ путь дневному свѣтилу,
 Внезапно разродясь стисняетъ громомъ слухъ,
 И воздухъ двигаясь въ груди стѣсняетъ духъ;
 Сугубятъ доли звукъ и пропасти глубоки,
 И дождь и градъ шумить, и съ горъ ревуть потоки.
 Земля, вода, лѣса поколебались такъ,
 Когда изъ многихъ вдругъ жерлъ мѣдныхъ поданъ знакъ,
 И Ладога на днѣ во глубинахъ завыла.
 Стоящая на ней самоизвольна сила
 Удара и часа урочнаго дождавъ,
 Спѣшитъ на подвигъ свой, на положеніе главъ;
 Имъ къ разнымъ путь смертямъ теченіе прекрасно.
 Представъ себѣ, мой духъ, позорище ужасно!
 Отъ весель шумъ и скрипъ, свистъ ядръ, и махинъ ревъ
 Гласятъ противникамъ Петровъ и Божій гнѣвъ.
 Они упрямствомъ злымъ еще ожесточенны
 Покрывъ смертельными орудіями стѣны,
 Судьбину селятся на время отвратить
 И смертью Росскою свою смерть облегчить.
 Какъ вихри сильные стѣсненные грозою,
 Полки Россійскіе сперлися предъ стѣною.
 Къ приступу Карповъ вождь Преображенскихъ силъ
 Всѣхъ прежде началъ бой, всѣхъ прежде смерть вкусилъ.
 Свинцомъ лежитъ пронзенъ сквозь чрево и сквозь руку,
 Бьючись далъ знать съ душой и храбростью разлуку.
 Сквозь дымъ, сквозь кровавыхъ сверканіе мечей
 Вперяетъ бодрыхъ Петръ вниманіе очей,
 И лѣствицъ краткость зрить поставленныхъ къ восходу;
 Въ приступѣ своему губительну народу:
 Не могутъ храбрые стѣнъ верху досягнуть,
 И тщетно вѣрную противнымъ ставятъ грудь,
 Стремяся отвратить раженіе ихъ встрѣчно.
 О коль велико въ немъ движеніе сердечно!
 Геройско рвеніе, досада, гнѣвъ и жаль
 И для погибели удалыхъ главъ печаль!

Смотри на воинства упадокъ бесполезный,
 Къ стоящимъ близъ себя возвелъ зѣницы слезны:
 «Что всеу добрыхъ мнѣ», сказалъ, «сыновъ губить?
 Голицыну спѣша, велите отступить».
 Примѣромъ показалъ монархъ нашъ, что герои
 Не радостію чтутъ кровопролитны бѣи;
 И славныхъ надъ врагомъ прибыточныхъ побѣдъ
 Покрытый трупами всегда прискорбень слѣдъ.
 Межъ тѣмъ подвижники другъ друга поощряютъ,
 И лѣствицъ мужествомъ короткость дополняютъ.
 Голицынъ пламенемъ отвсюду окружень,
 Сказалъ: «мы скоро трудъ увидимъ совершенъ;
 Чрезъ отступление отъ крѣпости обратно
 Въ другой еще приступъ погибнетъ войскъ двукратно.
 И если государъ желаетъ городъ взять;
 Позволилъ бы намъ бой начатый окончатъ».
 Съ отвѣтомъ на стѣну предъ всѣми послѣшаетъ,
 Солдатамъ слѣдовать себѣ повелѣваетъ:
 «Безчестенъ въ свѣтѣ вамъ и смертенъ здѣсь возвратъ;
 Преславно торжество, конецъ вашъ будетъ святъ:
 Дерзайте мужествомъ отечество прославить,
 Монарха своего побѣдою поздравить».
 На копыа, на мечи, на ярость сопостатъ,
 На очевидну смерть Россіане летять.
 Противники огнемъ разятъ и влажнымъ варомъ,
 Желѣзомъ, камнями, всѣхъ тягостей ударомъ.
 На предводителя поверженно бревно
 Свирѣпымъ зеліемъ упало разжено.
 Онъ сринуть поблѣднѣлъ межъ трупами бездушныхъ,
 И томнымъ окомъ зрить окружниковъ послушныхъ;
 Еще старается дать твердости приказъ,
 Еще пресѣченной болѣзнью нудить гласъ.
 Ревнителі его и слову и примѣру,
 Держа въ умѣ царя, отечество и вѣру,
 Какъ волны на крутой тѣснятса дружно брегъ;
 Вспященный крутизной возобновляютъ бѣгъ,
 До прежней вышины отъ низу вставъ ярятса,
 И скачущихъ верхи кудрявые крутятся,
 Старинныхъ корни дровъ и тяжки камни рвутъ.
 Съ обѣихъ сторонъ сталь сомнѣнный рока судъ.
 Межъ тѣмъ ревнительны сердца къ звѣздамъ восходятъ,
 Святаго съ горнихъ мѣстъ героя въ мысль приводятъ.
 Поборникъ Александръ издревле сихъ бреговъ

Зрѣть грозно ополченъ надъ ними на враговъ.
 Уже высокій всходъ съ землей бытъ мнѣтся равень,
 И Ярославъ сынъ среди царей преславень,
 Являя сродный зракъ Великаго Петра,
 Оружіемъ звучитъ чистѣйшимъ серебра,
 Святою силою противныхъ устрашаетъ,
 Россіянъ важною десницей укрѣпляетъ.
 Защиту древнюю отъ сильнаго плеча,
 Броней, копья, щита и шлема и меча
 Воспомянувъ мѣста веселый плескъ воздвигли,
 Что избавленія желаннаго достигли,
 Достигли наконецъ желанныхъ тѣхъ временъ,
 Что паки Александръ для нихъ вооруженъ.

Въ священной дерзости то представляетъ воннь,
 По мыслямъ, по дѣламъ безсмертія достоинъ,
 Высокъ усердіемъ, надеждою легокъ,
 Чрезъ мертвыя тѣла на свой ступаетъ рокъ.
 По крѣпкихъ подвигахъ къ успѣху неудобныхъ
 И по волненіяхъ противныхъ и способныхъ
 Взливается на стѣнъ кровавыхъ высоту,
 Наводитъ на враговъ боязнь и тѣсноту.
 Наполнился весь градъ рыданія и плача.

Уже не Нарвская, о Готы, вамъ удача:
 Не мѣстничество здѣсь и не оплошный Крой,
 Не старой брани видъ, не безъ порядка строй;
 Великій правитъ Петръ рожденное имъ войско,
 И Шереметева раченіе геройско
 Отмщеньемъ дышущихъ бодритъ напоръ сердець.
 Увидѣвъ крѣпости въ сраженіи конецъ,
 Вы неизбежную смерть покорствомъ предварили,
 И бѣлой къ сдачѣ знакъ по вѣтру распустили.

Умолкнулъ грозный звукъ со обоихъ сторонъ;
 Лишь слышенъ раненныхъ плачевный вой и стонъ.
 Вандалы выпуску съ военной честью просятъ,
 И городскихъ воротъ ключи Петру приносятъ,
 На побѣдителя въ восторгъ взводятъ взоръ,
 И укрѣпляютъ свой о сдачѣ договоръ.
 Коль радостная тамъ, коль красная премѣна!
 Ужъ вѣютъ на стѣнахъ Россійскія знамена,
 Изображаются, Нева, въ твоихъ струяхъ.
 Тимпановъ мирный шумъ при радостныхъ трубахъ
 Забыть велитъ сердцамъ минувшихъ тучей грома;
 И шведы тщатся въ путь въ свои достигнуть дома.

Обычай воины изъ древнихъ лѣтъ хранить,
 Чтобъ храбрыхъ почитать по сдачѣ сопоставъ:
 Признаки мужества въ рукахъ ихъ оставляють,
 И славу тѣмъ своей побѣды уважають.
 Побѣдоносецъ нашъ жаръ сердца отложилъ,
 И первый кротостью успѣхъ свой посвятилъ:
 Снабдилъ противниковъ къ отшествію судами.
 Оставивъ стѣну зрять прискорбными очами.
 Распущены на вѣтръ знамена, трубный шумъ
 Печальной радостью тѣснять ихъ вольный умъ.
 На волю имъ пути прискорбны, стѣнъ проломы,
 Что отворили имъ изъ рукъ Россійскихъ громы.
 По грознымъ толь страстямъ и по такомъ трудѣ
 Начало чувствуютъ предбудущей бѣдѣ.

Въ отечествѣ сказать сей случай поспѣшайте,
 И побѣжденны быть отъ Россовъ привыкайте.
 Скажите вашъ домой почтительный возвратъ,
 Что выпущены вы пространствомъ новыхъ вратъ.
 И Карлу вашему побѣду возвѣстите,
 Что Петръ отечеству и къ славѣ и къ защитѣ
 Надъ вами получивъ, наслѣдство возвратилъ,
 И ближе къ Швеціи простеръ шумъ орлихъ крыль.
 Пускай въ Германіи герой валъ успѣваетъ,
 Отверсты города свободно протекаетъ,
 Въ рожденной счастиемъ кичливости своей
 Низводитъ съ высоты и взводитъ королей;
 Пусть дерзостно спѣшитъ какъ буйный вѣтръ къ востоку,
 И приближается къ предписанному року.
 Не найдетъ Дарія, чтобъ Александромъ стать:
 Не спорить межъ собой развратна прежде рать;
 Петрову новому ученію послушны
 Россіяне стоятъ въ полкахъ единомушны.
 Движеніемъ своихъ величественныхъ силъ
 Народу новый духъ и мужество вложилъ.
 Востокъ и Океанъ его послушенъ слову:
 Карлъ пышностью своей возвыситъ честь Петрову
 Разливы Невскіе на устіяхъ шумягъ
 И точь Россіянамъ во срѣтенье хотягъ.
 Тамъ нимфы по брегамъ въ веселіи ликуютъ,
 И въ осень зефиры между древами дуютъ;
 Вмѣняя, что лицо земное расцвѣло.
 Тогда возвелъ монархъ веселое чело
 Къ начальникамъ своимъ побѣдоносныхъ ратныхъ,

Что видить въ цѣлости друзей своихъ обратныхъ.
 Отрада всѣхъ живить, стократно выше бѣдствъ.
 Отсюду слышенъ гласъ желаній и привѣтствъ:
 «Уже намъ, государь, твоими въ западъ персты
 Врата для подвиговъ торжественныхъ отверсты;
 И Промыслъ далъ тебѣ земли и моря ключъ:
 По ихъ обширности распростирай свой лучъ.
 Намъ сносны всѣ труды и не ужасны смерти,
 Лишь только бы твоихъ враговъ гордыню стерти,
 Отечеству подать довольство, честь, покой,
 И просвѣтитъ народъ, какъ духъ желаетъ твой».
 Усерднымъ толь рѣчамъ Петръ радостно внимаетъ;
 Но къ городскимъ стѣнамъ приближась воздыхаетъ:
 Смотри на разныя поверженія тѣлъ,
 Кому какъ умереть предписанъ былъ предѣлъ;
 Прощается у нихъ печальными устами:
 «О други вѣрные, я вашими кровями
 И общихъ и своихъ преодолѣлъ враговъ:
 Небесныхъ радуйтесь сподобившись вѣнцовъ.
 Примѣромъ съ высоты другимъ по васъ сіяйте,
 И мужество въ сердца полкамъ моимъ вливайте».
 Рыданіе конецъ былъ жалкой рѣчи сей,
 И маниемъ далъ знакъ къ сокрытію костей.
 Черезъ стѣны проходя отъ древности наслѣдны,
 Что были долго намъ отъ межусобства вредны,
 Онъ окомя облетѣлъ преодолѣнный градъ;
 Разсматриваетъ самъ все множество громадъ.
 Между различными едина изваянна
 Великимъ именемъ являетъ Іоанна.
 Сей бодрый государь въ Россію первый ввелъ
 На браняхъ новый страхъ земныхъ громовыхъ стрѣлъ.
 Неслыханны предъ тѣмъ и сильные удары
 Почувствовавъ отъ насъ противъ себя татары,
 Вовѣкъ отчаялись надъ Россами побѣдъ:
 Скончался съ гордостью ордынскою Ахметъ.
 Сіе старинное орудіе военно
 Въ смущенны времена осталось плѣненно.
 На выгоды свои, на знаки нашихъ бѣдъ
 Смотри съ веселіемъ тогда гордился Шведъ.
 Теперь противъ него обратно пусть пылаютъ,
 И вмѣсто радости во брани устрашаютъ.
 Коль многи тягости оружіи роковыхъ,
 Что въ приступленіи вредили насъ и ихъ,

Лежать по улицамъ и бомбъ и ядеръ кучи,
 Наметанные тамъ изъ грозной Россовъ тучи.
 Межь цѣлыми число разсѣдшихся громадь,
 Чтѣ выше силъ своихъ на насъ пускали градъ.
 Тамъ потрясенный домъ на домъ другой склонился,
 Иной на улицу поверженъ разрушился.
 По всходамъ, по стѣнамъ, по кровлямъ угли, прахъ
 Показываютъ видъ, каковъ былъ самый страхъ.

О смертные, на что вы смертію снѣшите?
 Что прежде времени вы другъ друга губите?
 Или ко гробу нѣтъ кромѣ войны путей?
 Бездѣ насъ тянеть рокъ насильствомъ злыхъ когтей!
 Коль многи вышедши изъ матерней темницы,
 Отходятъ въ тотъ же часъ въ мракъ черныя гробницы!
 Иной усмѣшкою отца повеселилъ,
 И очи вдругъ предъ нимъ во вѣки затворилъ.
 Готовому вступить во брачныя чертоги
 Пронзаеть сердце смерть и подсѣкаетъ ноги.
 Въ срединѣ лучшихъ лѣтъ иной устроишь домъ,
 Спокойнымъ говорить, льстясь здравъ пребыть, умомъ:
 Отнынѣ поживу, и насладжусь трудами;
 Но часъ послѣдній былъ, скончался со словами.
 Коль многи обстоять болѣзни и бѣды,
 Которымъ, человекъ, всегда подверженъ ты!
 Кромѣ что немощи, печали чнуръ терзають,
 Извнѣ коль многія напасти окружають.
 Потопы, бури, моръ, отравы, вредный гадъ,
 Трясеніе земли, свирѣпы звѣри, гладъ,
 Паденіе домовъ, и жрущіе пожары,
 И градъ, и молніи гремящіе удары.
 Болота, ледъ, пески, земля, вода и лѣсъ
 Войну съ тобою ведутъ, и высота небесъ.
 Еще ли ты войной, еще-ль не утомился,
 И самъ противъ себя вовѣкъ вооружился?
 Но оправдалъ тебя военнымъ дѣломъ Петръ.
 Усердъ къ наукамъ былъ, миролюбивъ и щедръ,
 При томъ и мечъ простеръ и на морѣ и въ полѣ.
 Сомнительно, чѣмъ онъ, войной иль миромъ болѣ.
 Другіе въ чести храмъ рвались чрезъ ту вступить,
 Но ею онъ желалъ Россію просвѣтить.
 Когда безъ оныя не ввелъ къ намъ просвѣщеній;
 Не можетъ свѣтъ стоять безъ сильныхъ оруженій.
 На устіяхъ Невы его военный звукъ.

Сооружилъ сей градъ, воздвигнулъ храмъ наукъ;
И зданій красота, что нынѣ возрастаетъ,
Въ оружіи свое начало признаваетъ.

Посмотримъ мысленно на прежні времена;
Народамъ первенство даетъ вездѣ война.
Науки съ вольностью отъ звѣрства защищаетъ
И храбрыхъ мышцею раститъ и украшаетъ.
Оружіе дано природою звѣрямъ;
Готовитъ хитростью судьба велѣла намъ.
Народы дикіе не знали науки
Воюютъ пращами и натягаютъ луки.

Открой мнѣ бытія, о древность, времена;
Ты разностью вещей и чудныхъ дѣлъ полна.
Тебѣ ихъ бытіе извѣстно все единой.
Что приращенію оружія причиной?
Съ натурой сродна ты, а мнѣ натура мать:
Въ тебѣ я знанія и въ оной тщусь искать.

Уже далече зрю въ куреніи и мракѣ
Нагова тѣла видъ неявственный въ призракѣ.
Простерлась въ облака великая глава
И ударяютъ въ слухъ прерывныя слова:
Такъ должно древности простой быть и неясной
Съ народовъ наготой, съ нетщаніемъ согласной!

Велитъ «ты зрѣніе по свѣту обведи,
По мѣстъ различности и вѣки разсуди,
И мыслями обратись на новые народы:
(Простерла руку вдаль изъ облаковъ чрезъ воды)
Тамъ вмѣсто знанія военныхъ всѣхъ наукъ,
Довольна мнится быть едина твердость рукъ;
Тамъ знаютъ напрячись колѣномъ и бедрою,
Нагая грудь и лобъ, броня и шлемъ есть къ бою;
Иные камни взявъ съ земли другъ друга бьютъ;
Сломивъ уразину нагіе члены рвутъ.
Дреколія концы огнемъ тамъ прижигаютъ,
И заостривши ихъ противниковъ пронзаютъ.
Тамъ тучи страшныя на воздуха предѣлъ
Терновыхъ, костяныхъ, желѣзныхъ воютъ стрѣлъ.
При накрахъ движутъ духъ свирѣли, барабаны,
И новость стѣнъ трясутъ пороки и тараны.
Но индѣ съ ужасомъ трудолюбивый умъ
Услышалъ для войны огня приличный шумъ».
Европа тѣмъ гремитъ сама въ себѣ пылая,
Коль часто фурія свирѣпствуетъ въ ней злая!

Кровавая война отъ вѣка такъ течеть,
 Такъ хитрость бранная отъ первыхъ дней растеть.
 Рокъ кровью присудилъ лице земли багровить;
 Монархамъ надлежитъ оружіе готовить.
 Вашъ Петръ за широту предѣловъ мечъ простеръ;
 Блаженству Росскому завистующихъ стеръ.
 И нынѣ дщерь торжество безсмертность утверждаетъ,
 Огней раженіе искусствомъ умножаетъ.
 Елисаветины военныя дѣла
 Какъ мирныя вовѣкъ вѣнчаютъ похвала.

Уже Россіяне мѣсть дряхлость очищаютъ,
 И рухлость стѣнъ, стрѣльницъ, прилежно укрѣпляютъ,
 Дабы лежащій градъ возсталъ и былъ готовъ,
 Оружіе поднять и отвратить враговъ.
 Преславный въ путь вступилъ Вандаловъ побѣдитель
 Во градъ, гдѣ праотцы, и храбрый гдѣ родитель
 Оставили своихъ заслугъ великихъ знакъ.
 Коль радостенъ тамъ былъ Москвы священный зракъ.

Но муза помолчи, помедли до трофеевъ,
 Что взяты отъ враговъ и внутреннихъ злодѣевъ:
 Безмѣрно больше трудъ на предки настоить;
 Тогда представъ сея богини свѣтлый видъ.

VII.

РАЗГОВОРЪ СЪ АНАКРЕОНТОМЪ.

Анакреонтъ.

ода I.

Мнѣ пѣть было о Троѣ,
О Кадмѣ мнѣ бы пѣть,
Да гусли мнѣ въ покоѣ
Любовь велять звенѣть.
Я гусли со струнами
Вчера перемѣнилъ,
И славными дѣлами
Алкида возносилъ;
Да гусли поневолю
Любовь мнѣ пѣть велятъ,
О васъ герои болѣ,
Прощайте, не хотятъ.

Ломоносова отвѣтъ.

Мнѣ пѣть было о нѣжной
Анакреонтъ! любви;
Я чувствовалъ жаръ прежній
Въ согрѣвшейся крови,
Я бѣгать сталъ перстами
По тоненькимъ струнамъ,
И сладкими словами
Послѣдовать стопамъ.
Мнѣ струны поневолю
Звучать геройскій шумъ.
Не возмущайте болѣ
Любовны мысли умъ;
Хоть нѣжности сердечной
Въ любви я не лишенъ;
Героевъ славой вѣчной
Я больше восхищенъ.

Анакреонтъ.

ода XXII.

Когда бы намъ возможно
Жизнь было продолжить.
То сталъ бы я не ложно

Сокровища копить;
 Чтобъ смерть въ мою годину
 Взявъ деньги отошла,
 И за откупъ кончину
 Отсрочивъ, жить дала.
 Когда же я то знаю,
 Что жить положень срокъ:
 На что крушусь, вздыхаю,
 Что мзды скопить не могъ.
 Не лучше ль безъ терзанья
 Съ пріятельми гулять,
 И нѣжны воздыханья
 Къ любезной посылать?

Ломоносова отвѣтъ.

Анакреонтъ! ты вѣрно
 Великій философъ,
 Ты дѣломъ равномерно
 Своихъ держался словъ.
 Ты жилъ по тѣмъ законамъ,
 Которые писалъ;
 Смѣялся забабонамъ.
 Ты пѣть любилъ, плясалъ,
 Хоть въ вѣчность ты глубоко
 Не чаялъ больше быть,
 Но славой послѣ року
 Ты могъ до насъ дожить.
 Возьмите прочь Сенеку!
 Онъ правила сложилъ
 Не въ силу человѣку,
 И кто по онымъ жилъ?

Анакреонтъ.

ода XI.

Мнѣ дѣвушки сказали:
 Ты дожилъ старыхъ лѣтъ,
 И зеркало мнѣ дали,
 Смотри, ты лысъ и сѣдъ.
 Я не тужу нимало,
 Еще ль мой волосъ цѣлъ,
 Иль темя гладко стало,
 И весь я побѣлѣлъ.
 Лишь въ томъ могу божиться,
 Что долженъ старичокъ
 Тѣмъ больше веселиться,
 Чѣмъ ближе видитъ рокъ.

Ломоносова отвѣтъ.

Отъ зеркала сюда взгляни, Анакреонтъ!
 И слушай, что ворчитъ нахмурившись Катонъ.
 Какую вижу я сѣдую обезьяну?
 Не злость ли адская такой оставя шумъ,
 Отъ ревности на смѣхъ склонить мой хочеть умъ?

Однако я за Римъ, за вольность твердо стану,
 Мечтаніями я такими не смущусь,
 И симъ отъ Кесаря кинжаломъ свобожусь.
 Анакреонтъ! ты былъ роскошенъ, весель, сладокъ;
 Катонъ старался ввести въ республику порядокъ.
 Ты вѣкъ въ забавахъ жилъ, и взялъ свое съ собой;
 Его угрюмствомъ въ Римъ не возвращень покой.
 Ты жизнь употреблялъ, какъ временну утѣху;
 Онъ жизнь пренебрегалъ къ республики успѣху.
 Зерномъ твой отнял духъ пріятный виноградъ;
 Ножемъ онъ самъ себѣ былъ смертный супостатъ.
 Беззловна роскошь въ томъ была тебѣ причина,
 Упряжка славная была ему судьбина.
 Несходства чудны вдругъ и сходства понялъ я.
 Умнѣ кто изъ васъ, другой будь въ томъ судья.

Анакреонтъ.

ода XXVIII.

Мастеръ въ живописствѣ первый,
 Первый въ Родской сторонѣ,
 Мастеръ наученъ Минервой,
 Напиши любезну мнѣ.
 Напиши ей кудри черны,
 Безъ искусныхъ рукъ уборны,
 Съ благовоніемъ духовъ,
 Буде способъ есть таковъ.

Дай изъ розъ въ лицѣ ей крови,
 И какъ снѣгъ представъ бѣлу.
 Проведи дугами брови
 По высокому челу,
 Не сведи одну съ другою,
 Не разставь ихъ межъ собою,
 Сдѣлай хитростью своей,
 Какъ у дѣвушки моей.

Цвѣтъ въ очахъ ея небесный
 Какъ Минервинъ покажи,
 И Венеринъ взоръ прелестный
 Съ тихимъ пламенемъ вложи;
 Чтобъ уста безъ словъ вѣщали,
 И пріятствомъ привлекали,
 И чтобъ ихъ безгласна рѣчь,
 Показалась медомъ течъ!

Всѣхъ пріятностей затѣи
 Въ подбородокъ умѣсти,
 И кругомъ прекрасной шеи
 Дай лилеямъ расцвѣсти,
 Въ коихъ нѣжности дышаютъ,
 Въ коихъ прелести играютъ,
 И по множеству отрадь
 Водятъ усумнѣнный взглядъ.

Надѣвай же платье ало,
 И не тщись всю грудь закрытьъ,
 Чтобъ ея увидѣвъ мало,

И о прочемъ разсудить.
 Коль изображенъе точно!
 Вижу здѣсь тебя заочно,
 Вижу здѣсь тебя мой свѣтъ.
 Молви жъ дорогой портретъ!

Ломоносова отвѣтъ.

Ты счастливъ сею красотою,
 И мастерствомъ, Анакреонъ!
 Но счастливѣе ты собою
 Черезъ пріятный лиры звонъ.
 Тебѣ я нынѣ подражаю,
 И живописца избираю,
 Дабы потщился написать
 Мою возлюбленную мать.
 О мастеръ въ живописствѣ первый!
 Ты первый въ нашей сторонѣ
 Достоинъ быть рожденъ Минервой,
 Изобрази Россію мнѣ.
 Изобрази ей возрастъ зрѣлый,
 И видъ въ довольствіи веселый,
 Отрады ясность по челу,
 И вознесенную главу.

Потщись представить члены здравы,
 Какъ должны у богини быть,
 По плечамъ волосы кудрявы
 Признакомъ бодрости завить.
 Огонь вложи въ небесны очи
 Горящихъ звѣздъ въ срединѣ ночи,
 И брови выведи дугой,
 Что кажетъ послѣ тучъ покой.

Возвысь сосцы млекою обильны,
 И чтобъ созрѣвши красота
 Являла мышцы, руки сильны,
 И полны живости уста
 Въ бесѣдѣ важность общали,
 И такъ бы слухъ нашъ ободряли,
 Какъ чистый голосъ лебедей,
 Коль можно, хитростью твоей.

Одѣнь, одѣнь се въ порфиру,
 Дай скипетръ, возложи вѣнецъ,
 Какъ должно ей законы міру
 И распрямъ предписать конецъ.
 О коль изображенъе сходно,
 Красно, любезно, благородно!
 Великая промолви мать,
 И повели войнамъ престать!

VIII.

ПЕРЕВОДНЫЯ ОДЫ.

1. Ода Фенелона.

(1738).

1. Горы, толь что дерзновенно
Вносите верхи къ звѣздамъ,
Льдомъ покрыты безпремѣнно,
Нерушимъ столпъ небесамъ:
Вашими подъ сѣдинами
Рву двѣты надъ облаками,
Чѣмъ пестрить васъ взоръ весны;
Тучи подо мной гремящи
Слышу, и дожди шумящи,
Какъ ручевъ падучихъ тьмы.
2. Вы горамъ Фракійскимъ равны,
Клалъ одну что на другу
Исполниъ отвагой славный,
Чтобъ взойти небесъ къ верху.
Зрю на васъ поля широки,
Гдѣ съ уступами высоки
Горы, выше облаковъ
Гордыя главы вздымають,
Бурей ярость посрамляють
Всѣхъ бунтующихъ вѣтровъ.
3. Какъ на сихъ горахъ червеной
Начинаетъ видъ зари
Сыпать по травѣ зеленой
Злато, искры и огни,
Скачутъ на лугахъ ягнята,
То гдѣ лыва *) кустовата
По истокамъ вдоль растеть,
Зефиръ древъ верхи качаетъ
Съ пастухами призываетъ
Спать стада при шумѣ водъ.
4. Но съ пригожествомъ на угрюмой
Нѣтъ тово на сей земли,
Чтобъ я зриль очми и думой
Бреги какъ моей рѣки
Тихимъ токомъ орошенны,
Гдѣ не смѣють устремленны
Вѣтры волнъ когда взбудить;

*) Болотистая мѣстность.

- Гдѣ всегда погода ясна,
Съ осенью весна прекрасна
Не пускають зиму жить.
5. Пустыня, гдѣ быстриною
Стрѣжь *) моей рѣки шумить
Чистой только лишь водою,
Спѣшно пѣннучись бѣжить.
Гдѣ два острова прекрасны
Какъ счастливы вѣтвими рясны
Зраку могутъ радость дать,
Сердце каковой желаетъ:
Лири что моя не знаетъ
Пѣснь тебѣ боговъ вспѣвать!
6. Вѣтръ отъ Запада приятно
Въ нашихъ вѣть тихъ лѣсахъ,
И волнуетъ многократно
Желты класы на поляхъ,
Полнить чѣмъ Цереса гумна.
Сила Бакхусова шума
Обагрятъ виноградъ,
Со приговоръ, что высоки,
Многи льетъ вина потоки,
На поля тѣ внизъ бѣжать.
7. За полями, гдѣ ужъ спѣеть
Даръ Цересы золотой,
Горь порядокъ **) чуть синѣть,
Доли скрыты далиной ***)
Дивны этихъ всѣ фигуры
Только лишь игра природы.
При своихъ берегахъ каналъ
Такъ какъ зеркало правдиво
Горизонтъ являетъ живо
Чистый тотъ въ себѣ кристалъ.
8. Вдругъ съ осенними плодами
Сладокъ духъ даетъ весна,
Тьмою виноградъ кистями
Красить увѣнчавъ себя.
Тутъ луга рѣкѣ приятны
Въ островахъ цвѣтами знатны
Дѣлають различны рвы;
Тихо идутъ тѣ здѣсь спящи,
Скоро тамъ текутъ шумящи,
Мочать златные ковры.
9. На фіалкахъ и былинкахъ
Съ пляской пастухи поють,
И играютъ на волынкахъ,
Посвистомъ флейтъ воздухъ бьютъ:
Вашъ сердца тонъ услаждаетъ,
Птицы, скуку прогоняетъ

*) Русло, фарватеръ, теченіе.

***) Рядъ, строй, линія.

***) Далью.

Звонокъ въ рошѣ сей густой.
 Горлицы со голубями
 Жалкими въ голосахъ
 Восхищаете духъ мой.

10. Мягкой вмѣсто мнѣ перины
 Нѣжна, зелена трава,
 Сладкой думой безъ кручины
 Веселится голова.
 Сей забавой наслаждаюсь,
 Нектаромъ симъ упиваюсь,
 Боги въ томъ завидять мнѣ;
 Лжи, что при дворахъ частыя,
 Вы какъ сны мои пустыя,
 Васъ пріятнѣ только тѣ.
11. Грозныхъ тучъ не опасаюсь,
 Гордость что владыкъ разять,
 Подъ листьями покрываюсь.
 Тѣ всегда меня хранять.
 Чтобы жить мнѣ здѣсь начати
 И безъ книги почерпати
 Саму истину могу.
 А потомъ мнѣ повѣсть знатна
 Пишетъ, басня и пріятна
 Въ память умну старину.
12. Былъ изъ Эллиновъ мудрѣйшій
 Дживыя фортуны смѣхъ,
 Въ портахъ разумомъ острѣйшій,
 Въ буряхъ непужливый всѣхъ.
 Пылкихъ вихрей побѣдитель
 Отчизны своей любитель
 Роскошей чужался сей.
 О мои коль могутъ кусты
 Хладны, тихи, дать, и густы
 Похоти предѣлъ моей.
13. Здѣсь при музахъ во счастливой
 Сладко тишинѣ живу:
 Отъ войны всегда бурливой
 Молча весель не дрожу.
 Сердце радостно при лирѣ,
 Не желая чести въ мирѣ,
 Счастье лишь свое поеть.
 Прочь фортуна, прочь слѣсива,
 И твоя вся милость жлива,
 Ни во что вмѣняю свѣтъ.
14. Гдѣ-бъ мнѣ толь забавно было,
 Мѣста я сыскать не могъ,
 Мысль мою-бъ такъ взвеселило,
 Сей земли какъ уголокъ.
 Парка жизнь мою скончаетъ
 Мирно здѣсь, и увѣнчаетъ,
 День послѣдней допрядетъ;
 Прахъ мой будетъ почивати.

Тирсь, любви чтобъ долгъ воздати,
Надо мной слезъ токъ прольеть.

2. Ода Руссо, на счастье.

(1760).

1. Доколѣ счастье ты вѣнцами
Злодѣевъ будешь украшать?
Доколѣ ложными лучами
Нашъ разумъ хочешь ослѣплять?
Доколѣ, истуканъ прелестной,
Мы станемъ жертвой намъ безчестной
Твой тщетной почитать алтарь?
Доколѣ будемъ строить храмы,
Твои чтить замыслы упрямы,
Прельщенная словесна тварь?
2. Народъ порабощенъ обману
Малѣйшія твои дѣла
За умъ, за храбрость чтить избранну.
Ты власть, ты честь, ты силъ хвала;
Въ угоду твоему пороку,
И добродѣтель превысоку
Лишаетъ собственныхъ красоть.
Его неправедны уставы
На верхъ возводятъ пышной славы
Твоихъ любимцевъ злобный родъ.
3. Но пусть великостію сею
О титлахъ хвалятся своихъ;
Поставимъ разумъ въ томъ судьбою,
И добрыхъ дѣлъ поищемъ въ нихъ.
Я вижу лишь одну безмѣрность,
Надменность, слабость, и невѣрность,
Свирѣпство, бѣшенство и лесть.
Доброта странная! откуда
Изъ злости сложенному чуду
Дается оной должна честь?
4. Ты знай: герои совершенны
Премудростію въ свѣтъ даны;
Она лишь видитъ коль презрѣнны,
Что чрезъ тебя возведены.
Она ту славу презираетъ,
Что рокъ неправедный рождаетъ
Въ побѣдахъ слѣпотой своей;
Предъ строгими ея очами,
Герой съ суровыми дѣлами
Ничто, какъ счастливый злодѣй.
5. Почтить ли токи тѣ кровавы,
Что въ Римѣ Сила проливалъ?
Достойно-ль въ Александрѣ славы,
Что въ Аттилѣ всякъ зломъ призналъ?
За добродѣтель и геройство

- Хвалить-ли звѣрско беспокойство
 И власть окровавленныхъ рукъ?
 И принужденными устами,
 Могу ли возносить хвалами
 Начальника толикихъ мукъ?
6. Издревле что объ васъ извѣстно,
 О хищники чужихъ державъ!
 Желанье въ мѣрѣ всемъ не вмѣстно,
 Попраніе вѣнчаныхъ главъ,
 Огня и труповъ полны стѣны,
 И вы въ пару кровавой пѣны,
 Народъ пожранный отъ меча,
 И въ шумѣ блѣдна мать великомъ
 Свою дочь тщится, съ плачемъ, съ крикомъ,
 Отнять съ насильнаго плеча.
7. Слѣпые мы судьи, слѣпые,
 Чудимся такимъ дѣламъ!
 Оди ли приключенья злыя,
 Даютъ достоинство царямъ?
 Ихъ слава бѣдствами обильной,
 Безъ брани хищной и насильной
 Не можно развѣ устоять?
 Не можно божеству земному
 Безъ ударяющаго грому
 Своимъ величествомъ блистать?
8. Но быть должна во время бою
 На первенствѣ прямая честь:
 И кто поправъ врага собою,
 Побѣду могъ себѣ причестъ?
 Издревле воины извѣстны,
 Похвальны, знатны, славны, честны
 Оплошностью противныхъ силъ.
 Худымъ Варроновымъ призоромъ,
 Упрямымъ и не правымъ споромъ
 Ганнибалъ славу получилъ.
9. Кого же намъ почитать героемъ
 Великимъ собственной хвалою?
 Царя, что правдой и покоемъ,
 Себя, народъ содержать свой;
 Послѣдую Веспасіану,
 Едину радость несказанну
 Имѣеть въ счастіи людей,
 Отецъ отечества безъ лести;
 И ставить выше всякой чести
 Числомъ своихъ щедроты дней.
10. О вы! что въ добродѣтели чтите
 Единъ въ войнахъ геройской шумъ,
 Себѣ Сократа вобразите
 За Клитова убивца въ умъ!
 Вамъ будетъ царь въ немъ несравненный,
 Правдивый, кротостью почтенный,
 Достойный алтаря вѣкъ;
 Тогда страшилище Евфрата

- Противъ вѣнчаннаго Сократа
Послѣдній будетъ человекъ.
11. Герои люты и кровавы!
Поставьте гордости конецъ,
Рожденный отъ воинской славы
Забудьте лавровой вѣнецъ.
Напрасно Рима повелитель
Октавій, свѣта побѣдитель,
Навелъ въ его предѣлы страхъ;
Онъ Августомъ бы не нарекъся,
Когда бы въ кротость не облекся,
И страха не скончалъ въ сердцахъ.
12. О воины великосерды!
Явите вашихъ лучъ добротъ;
Посмотримъ, коль тогда вы тверды,
Какъ счастье возьметъ поворотъ.
Когда то къ вамъ великодушно,
Земля и море вамъ послушно,
И блескъ вашъ очи всѣхъ слѣпить;
Но только лишь оно отстанеть,
Геройска похвала увянетъ,
И смертный будетъ всѣмъ открытъ.
13. Способность средственна довлѣть
Завоевателями быть;
Кто счастье преодолѣть,
Одинъ великимъ можетъ слыть:
Хоть помощь отъ него терять,
Но съ постоянствомъ пребываетъ,
Для коего отъ всѣхъ почтенъ,
Всегда не низокъ и не пышенъ,
Съ Тиверіемъ ли онъ возвышенъ,
Или какъ Варусъ пораженъ.
14. Излишню радость не внушаетъ,
Въ недвижности своей предѣль,
И осторожно умѣряетъ
Неистовство успѣшныхъ дѣль.
Пусть счастье преобразится;
Недвижна добродѣтель тѣшитъ
Презрѣнный разрушать упоръ.
Конецъ имѣть благоденство,
Стоить въ премудрости блаженство,
Непостояненъ рока взоръ.
15. Вотще готовить гнѣвъ Юоны
Энею смерть среди валовъ,
Премудрость! чрезъ твои законы,
Онъ выше рока и боговъ;
Тобою Римъ, по злой напасти,
Въ срединѣ Карфагенской власти,
Своихъ героевъ смерть отмстилъ;
Ходя въ твои небесны слѣды,
Во время слезныхъ побѣды,
Въ трофеи гробы превратилъ.

IX.

САТИРИЧЕСКІЯ и ПОЛЕМИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Школьные стихи.

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши съѣли,
Въ радости запыли.
Едва стали ясти,
Попали въ напасти,
Увязли бы ноги.
Ахъ, плачутъ убоги:
Меду полизали,
А сами пропали.

На сочетаніе стиховъ російскихъ.

Я мужа бодрого изъ давнихъ лѣтъ имѣла,
Однакоже вдовой безъ онаго сидѣла:
Штивелій увѣрялъ, что мужъ мой худъ и слабъ,
Безсиленъ, подлъ, и старъ, и дряхлой былъ Арапъ.
Сказалъ, что у меня, кривясь, трясутся ноги,
И нѣтъ мнѣ никакой къ супружеству дороги.
Я думала сама, что вправду такова,
Негодна никуда, увѣчная вдова;
Однако нынѣ вся увѣрена Россія,
Что я красавица Россійска Поэзія;
Что мой законный мужъ завистный молодець,
Кто сдѣлалъ моему несчастію конецъ.

(1743).

О сомнительномъ произношеніи буквы „г“ въ рос- сійскомъ языкѣ.

Бугристы берега, благоприятны влаги,
О горы съ гроздами, гдѣ грѣетъ югъ ягнать,
О грады, гдѣ торги, гдѣ мозгокружны браги,
И деньги, и гостей, и годы ихъ губяты
Драгіе ангелы, пригожія богини,
Бѣгушія всегда отъ гадкія гордыни,
Пугливы голуби изъ мягкаго гнѣзда,
Угодность съ нѣгою, огромные чертоги,
Недуги наглые, и гнусные остроги,
Богатство, нагота, слуги и господа,
Угрюмы взглядами, игрени, пѣги, смуглы,
Багровые глаза продолговаты, круглы,

И кто гораздъ гадать и лгать, да не мигать,
Играть, гулять, рыгать, и ногти огрызать;
Нагаи, Болгары, Гуроны, Геты, Гунны,
Тугіе головы, о иготи чугуны,
Гнѣвливые враги и гладкословый другъ,
Толпыги, шеголи, когда вамъ есть досугъ,
Отъ васъ совѣта жду; я вамъ даю на волю:
Скижите, гдѣ быть Га и гдѣ стоять Глаголю?

* * *

Лишь только дневный шумъ замолкъ,
Надѣль пастушье платье волкъ,
И взялъ пастушій посохъ въ лапу,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
На уши вдѣлъ широку шляпу,
И крался тихо сквозь лѣсокъ,
На ужинъ для добычи къ стаду.
Увидѣлъ тамъ, что Жучко спитъ,
Обнявъ пастушку Фирсъ храпитъ,
И овцы всё лежали сряду.
Онъ могъ изъ нихъ любую взять;
Но не довольствуясь уборомъ,
Хотѣлъ прикрасить разговоромъ
И именемъ овецъ назвать.
Однако чуть лишь пастъ разинулъ,
Раздался въ рошѣ волчій вой.
Пастухъ свой сладкій сонъ покинулъ,
И Жучко бросился съ нимъ въ бой;
Одинъ дубиной гостя встрѣтилъ,
Другой за горло ухватилъ.
Тутъ поздно бѣдный волкъ примѣтилъ,
Что черезчуръ перемудрилъ:
Въ полахъ и въ рукавахъ связался,
И волчьимъ голосомъ сказался.
Но Фирсъ не долго размышлялъ,
Уборъ съ него и кожу снялъ.
Я притчу всю короткимъ толкомъ
Могу вамъ, господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицой не бывать.

(1747).

* * *

Жениться хорошо, да много и досады.
Я слова не скажу про женскіе наряды:
Кто милъ, на томъ всегда приятенъ и уборъ;
Хоть правда, что притомъ и кошелекъ не споръ.
Всего несноснѣе противныя совѣты,
Упрямые слова и спорные отвѣты.
Примѣръ намъ показали недавно мужичокъ,
Котораго жену въ водѣ постигнулъ рокъ.
Онъ къ берегу пришедъ, увидѣлъ тамъ сосѣда,
Не усмотрѣлъ ли онъ, спросилъ, утопшей слѣда.

Сосѣдъ совѣтоваль внизь берегомъ ийти:
 Что быстрина туда должна ее снести.
 Но онъ отвѣтствовалъ: я, братецъ, признаваюсь,
 Что вѣкъ она жила со мною вопреки:
 То истинно теперь о томъ не сумнѣваюсь,
 Что потонувъ она плыла противъ рѣки.
 (1747).

Послушайте прошу, что старому случилось,
 Когда ему гулять за благо разсудилось.
 Онъ ѣхалъ на ослѣ, а слѣдомъ парень шоль;
 И только лишь съ горы они спустились въ доль,
 Прохожій осудилъ тотчасъ его на встрѣчѣ:
 Ахъ, какъ ты малому даешь брестъ толь далече?
 Старикъ сошолъ съ осла и сына посадилъ,
 И только лишь за нимъ десятокъ разъ ступилъ:
 То люди начали указывать перстами:
 Такими, вотъ, весь свѣтъ наполненъ дураками:
 Не можно-ль на ослѣ имъ ѣхать обоимъ?
 Старикъ къ ребенку сѣлъ и ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ.
 Однако чуть минулъ мѣстечка половину,
 Весь рынокъ закричалъ: что мучишь такъ скотину?
 Тогда старикъ осла домой поворотилъ,
 И скуки не стерпя, себѣ проговорилъ:
 Какъ стану я смотрѣть на всѣ людскія рѣчи,
 То будетъ и осла взвалить къ себѣ на плечи.
 (1747).

Къ И. И. Шувалову.

Спасибо за грибы, челомъ за ананасъ,
 За вина сладкія; я радъ, что не былъ квасъ.
 Россійско кушанье сразилось съ Перуанскимъ,
 А если-бы и квасъ влился въ кишки съ шампанскимъ,
 То сдѣлался-бы въ нихъ такой же разговоръ,
 Какой межъ стряпчими въ судѣ бываетъ споръ.
 Я думалъ ужъ и такъ, что въ брюхо *)... забился,
 И выпустить хотя, я чуть не надсадился.

Экспромптъ Жукову.

Межъ многихъ цуковъ,
 Въ Сенатъ пріѣхалъ цукомъ Жуковъ,
 Дивятся всѣ тому, дивится онъ и самъ;
 То какъ же не гремѣть во гнѣвѣ небесамъ?

Пародія на стихи Сумарокова.

Женился Стилъ, старикъ безъ мочи,
 На Стеллѣ, что въ пятнадцать лѣтъ,
 И
 Закашлявшись оставилъ свѣтъ:

*) Здѣсь названо имя извѣстнаго ябедника того времени.

Тутъ Стелла бѣдная вздыхала,
 Что на супружную смерть нетронута взирала.

(1748).

Эпиграмма на Шишкина.

Смѣется и поетъ, онъ о звѣздахъ толкуетъ,
 То нюхаетъ табакъ, то картъ игру тасуетъ;
 То слушаетъ у всѣхъ, со всѣми говоритъ
 И дѣлаетъ стихи нашъ другъ архипіать!
 Увѣнчанъ лавромъ былъ Маронъ за стихотворство.
 Намъ чѣмъ почитать свою за таково проворство?
 Ужъ плохи для него лавровые вѣнки,
 Нельзя тѣмъ увѣнчать премудрые виски.
 О чемъ я такъ тужу? Онъ будетъ увѣнчанъ:
 За грошъ одинъ кушитъ капусты лишь кочанъ.

(1751).

Эпиграмма на Елагина.

Златой молодыхъ людей и безпечальный вѣкъ
 Кто хочетъ огорчить, тотъ самъ не человѣкъ.
 Такого въ наши дни мы видимъ Балабана,
 Безсильнаго молодыхъ и глупаго тирана,
 Который полюбить все право потерялъ,
 И для ради того противъ любви возсталъ.
 Но вы, красавицы, того не опасайтесь:
 Вы вѣкомъ пользуйтесь и грубостью ругайтесь,
 И знайте, что чего теперъ не смѣетъ самъ,
 То хочетъ запретить ругательствами вамъ.
 Обиду вы свою напрасную отмстите
 И глупому въ глаза насмѣшнику скажите:
 Не смѣйся, Балабанъ, смотря на нашъ нарядъ,
 И къ намъ не подходи: ты, Балабанъ, женатъ!
 Мы помнимъ, какъ ты самъ хотъ вѣдалъ передъ бракомъ,
 Что будешь подлинно на перву ночь своякомъ:
 Что будешь вотчимъ слыть, на дѣвушкѣ женьясь,
 Или отецъ княжнѣ, самъ будучи не князь.
 Ты все то вѣдая, старался дни и ночи
 Наряды прибирать сверхъ бѣдности и мочи.
 Но если-бъ чистой былъ Діанѣ милъ твой взглядъ,
 И былъ-бы, Балабанъ, ты сверхъ того богатъ;
 То-бъ ты на пудрѣ спалъ и ѣлъ всегда помаду,
 На бѣса-бъ былъ похожъ и съ передо и съ заду.
 Тогда-бъ передъ тобой и самой вертопрахъ
 Какъ важный былъ Катонъ у всякаго въ глазахъ.
 Вы все то, не стыдясь, скажите Балабану:
 Чтотъ васъ язвить забылъ, свою лечиль-бы рану.

(1753).

Сатира на Тредьяковскаго.

Искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ тщатся,
 Дабы на буквѣ А всѣхъ долѣ остоятся;
 На Е, на О притомъ умѣренность имѣть;

Чрезъ *У* и черезъ *И* съ послѣдностью летѣтъ:
 Чтобъ оныхъ нѣжная была прятность слуху,
 А сими не принести несносной скуки уху.
 Великая Москва въ языкѣ толь нѣжна,
 Что *А* произносить за *О* велить она.
 Въ музыкѣ что распѣвъ, то надъ словами сила;
 Природа насъ блюсти законъ сей научила.
 Безъ силы *беремъ*, но съ силой *берега*,
 И *спити* безъ нея мы говоримъ *спити*.
 Довольно кажутъ намъ толь ясные доводы,
 Что ищеть нашъ языкъ вездѣ отъ *И* свободы.
Или ужъ стало *или*; *коли* ужъ стало *коль*;
Изволи нынѣ всѣ вездѣ твердятъ *изволи*.
 За *спиши спити*, и *спати* мы говоримъ за *спати*.
 На что же, Трисотинъ, къ намъ тянешь *И* не встати?
 Напрасно злобный сей ты предпріялъ совѣтъ,
 Чтобъ лстыя тебѣ когда російскій принялъ свѣтъ
Свиньи визи *вси* и *дикіи* и *злыи*,
И истинныи ти, и *аживы* и *кривыи*.
 Языка нашего небесна красота
 Не будетъ никогда попоранна отъ скота.
 Отъ яду твоего онъ самъ себя избавить,
 И вредъ сей выплюнувъ, повѣрь, тебя заставитъ
 Скончатъ твой скверный визгъ стонаіемъ совы,
 Негоднымъ въ русскій стихъ и пропастнымъ *увы!*
 (1755).

Гимнъ бородѣ.

Не роскошной я Венерѣ,
 Не уродливой Химерѣ
 Въ гимнахъ жертву воздаю:
 Я похвальну пѣснь пою
 Волосамъ отъ всѣхъ почтеннымъ,
 По груди распространеннымъ,
 Что подъ старость нашихъ лѣтъ
 Уважають нашъ совѣтъ.

Борода предорогая!
 Жаль, что ты не крещена,
 И что тѣла часть другая,
 Тѣмъ тебѣ предпочтена.

Попечительна природа
 О блаженствѣ смертныхъ рода
 Несравненной красотой
 Окружаетъ бородой
 Путь, которымъ въ міръ приходимъ

.

 О коль въ свѣтѣ ты блаженна,
 Борода глазамъ замѣтна!
 Люди обще говорятъ
 И по правдѣ то твердятъ:

Дураки, врали, пролазы
 Были бѣ безъ нея безглазы:
 Имъ въ глаза плевалъ бы всякъ,
 Ею цѣль и здравъ ихъ зракъ!

Если правда, что планеты
 Нашему подобны свѣту,
 Конче *), всѣ ихъ мудрецы
 И всѣхъ пуще тамъ жрецы
 Увѣряють сатаню,
 Что насъ нѣтъ здѣсь съ бородею:
 Если жъ скажутъ, что есть тутъ,
 Въ срубѣ тамъ того сожгутъ.

Борода въ казну доходы
 Умножаетъ по вся годы:
 Керженцамъ любезный брагъ
 Съ радостью двойной окладъ
 Въ сборъ за оную приносить.
 И съ поклономъ низкимъ просить
 Въ вѣчной пропустить покой
 Безголовыхъ съ бородой.

Не напрасно онъ дерзаетъ,
 Вѣчной свой прибытокъ знаетъ:
 Лишь разгладить онъ усы,
 Смертной не боясь грозы,
 Скачуть въ пламень суетѣры;
 Сколько съ Оби и Печеры
 Послѣ нихъ богатствъ домой
 Достаетъ онъ бородой.

Если кто невзраченъ тѣломъ,
 Или въ разумѣ незрѣломъ,
 Если въ скудости рождень,
 Либо чиномъ непочтень,
 Будеть въраченъ и разсудень,
 Знатень чиномъ и нескудены
 Для великой бороды:
 Таковы ея плоды!

О прикраса золотая,
 О прикраса дорогая,
 Мать дородства и умовъ,
 Мать достатка и чиновъ,
 Корень дѣйствій невозможныхъ,
 О завѣса мнѣній ложныхъ!
 Чѣмъ могу тебя почтить?
 Чѣмъ заслуги заплатить?

Черезъ многіе раскосы
 Заплету тебя я въ косы,
 И всю хитрость покажу:
 По всѣмъ модамъ наряжу;
 Черезъ разныя затѣи
 Завивать хочу тупеи.
 Дайте ленты, кошельки

*) Вм. «конечяю».

И крупчатой муки!

Ахъ, куда съ добромъ дѣваться?

Всѣ уборы не вмѣстятся.

Для ихъ многого числа

Борода не доросла.

Я крестьянамъ подражаю,

И какъ пашню удобряю.

Борода! теперь прости,

Въ жирной влажности роста.

(1756).

Къ Пахомію.

Пахомій говорить, что для святаго слова
Риторика ничто; лишь совѣсть будь готова.
Ты будешь кознодѣй, лишь только стань попомъ,
И стыдъ весь отложи. Однако врешь, Пахомъ.
На что риторику совѣмъ пренебрегаешь?
Ее лишь ты одну, и то худенько знаешь.
Василій, Златоустъ, церковные столпы
Учились долѣе какъ нынѣшни попы.
Гомера, Пиндара, Демосфена читали,
И проповѣдь свою ихъ штилемъ предлагали,
Натуру общую, всей прочей твари мать,
Небесъ, земли, морей старались испытать:
Дабы Творца чрезъ то по мѣрѣ силъ постигнуть,
И важностью вещей сердца людски подвигнуть,
Не ставили за стыдъ изъ басенъ выбирать,
Чѣмъ къ праведнымъ дѣламъ возможно преклонять.
Ты словомъ Божиимъ незнанье закрываешь,
И больше тѣхъ мужей у насъ быть уповаешь;
Ты думаешь, Пахомъ, что ты ужъ Златоустъ!
Но мы увѣрены о томъ, что мозгъ твой пустъ.
Намъ слово Божіе чувствительно, любезно,
И лишь во ртѣ твоемъ безсильно, бесполезно.
Нравоученіемъ преславный Телемакъ
Стократъ полезнѣе твоихъ нескладныхъ вракъ.

Зубницкому *).

Везбожникъ и ханжа, подметныхъ писемъ враль!
Твой мерзкой складъ давно и смѣхъ намъ и печаль:
Печаль, что ты языкъ Россійской развращаешь;
А смѣхъ, что ты тѣмъ зломъ затмишь достойныхъ чаешь.
Но плюнемъ мы на срамъ твоихъ поганыхъ вракъ;
Уже за тридцать лѣтъ ты записной дуракъ.
Давно изгага всѣмъ читать твои синички,
Дорогу некошну, вонючія лисички.
Никто не поминай намъ подлости ходуль
И къ пьянству твоему потребныхъ красоуль.
Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,
Пробинь, на злость твою взирая, улыбался:

*) Т. е. Тредьяковскому.

Ученія его, и чести, и труда
 Не можешь повредить ни ты, ни борода.
 . (1757).

Эпиграмма на Тредьяковскаго.

Отмщать завистнику меня вооружаютъ,
 Хотя мнѣ отъ него вреда отнюдь не чаютъ.
 Когда Зоилова худа мнѣ не вредитъ;
 Могу ли на него за то я быть сердитъ?
 Однакожь осержусь! Я всталъ, ищуща обуха;
 Ужь подымаю, я махну! А кто сидитъ тутъ? Муха!
 Коль жаль мнѣ для нея напраснаго труда.
 Бѣдняжка, ты летай, ты пой: мнѣ нѣтъ вреда.
 (1757).

Отвѣтъ Сумарокову.

Сумароковъ.

Ходили ль на Парнасъ?

Ломоносовъ.

Ходилъ, да не видалъ тамъ вась!
 (1759).

Злобное примиреніе. *)

Съ Сотиномъ, что за вздоръ? Аколасть примирился;
 Конечно третій членъ къ нимъ лѣшій прилѣпился,
 Дабы три фурии втѣснившись на Парнасъ,
 Закрыли крикомъ музъ Россійскихъ чистый гласъ.
 Коль много разъ театръ казалъ на смѣхъ Сотина,
 И у Аколаста онъ слылъ всегда скотина.
 Аколасть злобствуя всѣмъ уши раскричалъ,
 Картавилъ и сипѣлъ, качался и мигалъ,
 Сотиновыхъ стиховъ рассказывая скверность,
 А нынѣ объявилъ любовь ему и вѣрность,
 Дабы Пробиновыхъ хвалу унизить одъ,
 Который вознося Россійскій чтить народъ.
 Чего не можешь ты начать, о зависть злая,
 Но истина стоитъ недвижима святая.
 Коль золь, коль лживъ, коль подлъ Аколасть и Сотинъ,
 Того не знаетъ лишь ихъ гордый нравъ одинъ.
 Аколасть написалъ: Сотинъ лишь врать способенъ,
 А нынѣ доказалъ, что самъ ему подобенъ.
 Кто быть желаетъ нѣмъ, и слышать наглыхъ вракъ,
 Межъ самохвалами съ умомъ прослыть дуракъ,
 Сдружись съ сей парочкой. Кто хочетъ съ ними знаться,
 Тотъ думай, каково въ крапиву

(1759).

Свинья въ лисьей кожѣ.

(На Сумарокова).

Надѣла на себя

Свинья

Лисицы кожу,

*) По поводу примиренія Сумарокова съ Тредьяковскимъ.

Кривляла рожу,
Моргала,

Тащила длинный хвостъ и какъ лиса ступала.
И такъ во всемъ она съ лисицей сходна стала.
Догадки лишь одной свиный не достаетъ:
Натура смысла всемъ свинымъ не подаетъ.
Но гдѣ могла свиный лисицы кожу взять?

Не трудно то сказать:

Лисица всемъ звѣрямъ подобно умираетъ,
Когда она себя найдетъ, гдѣ ѣсть, не знаетъ;
Отъ глада и людей на свѣтѣ много мрутъ,

А паче тѣ, кто врутъ.

Такимъ отъ рока судъ бываетъ:

Онъ хлѣбъ ихъ отнимаетъ.

Путь ихъ ко вранью тѣмъ вѣчно пресѣкаетъ.
Въ нарядѣ семъ пошла вездѣ свиный бродить
И стала всехъ бранить.

Лисицамъ всемъ прямымъ, ругаясь говорила:

«Натура де меня одну лисой родила,

А вы ижъ всѣ ноги не стоите моей,

Затѣмъ, что родились отъ подлыхъ вы свиней.

Теперь въ гости и сидѣть ко льву собираюсь;

Лишь съ нимъ я повидаюсь,

Ему я буду другъ,

Не дѣлая услугъ.

Онъ будетъ самъ стоять, а я у него лягу;
Неужто онъ меня такъ приметъ, какъ бродягу?

Дорогою свиный вела не малу рѣчь:

«Чтобъ левъ позволилъ мнѣ тамъ лечь,

Гдѣ всѣ предъ нимъ стоять знатнѣйши свѣта звѣри,

Однакожь въ тѣ же двери

И я къ нему войду.

Я стану передъ нимъ, какъ знатный звѣрь, въ виду.

Пришла предъ льва свиный и милости просила.

Хоть тварь была подла, но много говорила:

Однако все врала.

Изъ глупости она осломъ льва назвала.

Не вшелъ тѣмъ левъ

Во гнѣвъ,

Съ презрѣньемъ на нее онъ размѣялся,

И такъ ей говорилъ:

«Я мало бы тужилъ.

Когда бъ съ тобой, свиный, вовѣкъ я не видался;

Тотчасъ узналъ то и,

Что ты свиный!

Такъ тщетно тщила ты лисою подбѣгать,

Чтобъ вратъ;

Родился въ свѣтѣ я не для свиныхъ поклоновъ,

Я не страшусь и громовъ;

Нѣтъ въ свѣтѣ семъ того, что бъ мой смутило духъ.

Была бъ ты не свиный,

Такъ знала бы кто я,

И знала бъ, обо мнѣ какой свѣтъ носить слухъ».

Свинѣ не удалось: предъ львомъ не полегала,
Пошла домой съ стыдомъ, но идучи роптала,

Ворчала,
Мычала,
Кричала,
Визжала,

И въ ярости себя стократно проклинала.

И сказала:

Зачѣмъ меня несло со львами спознаваться,
Когда мнѣ рокъ велѣлъ въ грязи всегда валяться?

(1760).

Стихи сочиненные на дорогѣ въ Петергофъ, когда
сочинитель въ 1761 году ѣхалъ просить о подпи-
саніи привилегіи для Академіи; бывъ много разъ
прежде за тѣмъ же.

Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ,
Коль больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!
Препровождаешь жизнь межъ мягкой травою
И наслаждаешься медвяною росю.
Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь;
Но въ самой истинѣ ты передъ нами царь;
Ты ангелъ во плоти, иль лучше ты безплотенъ!
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ.
Что видишь все твое; вездѣ въ своемъ домѣ,
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому!

(1761).

О движеніи земли.

Случились вмѣстѣ два Астронома въ пиру,
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ твердилъ, что земля вертятся кругъ солнца ходить,
Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водить.
Одинъ Коперникъ былъ, другой былъ Птоломей.
Тутъ поварь споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣнны разсуждаешь?
Онъ далъ такой отвѣтъ: что въ томъ Коперникъ правъ,
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ:
Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такова,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова.

(1761).

Сатирическія стихотворенія, приписы- ваемые Ломоносову.

1. (Въ защиту „Гимна бородѣ“).

О страхъ! о ужасъ! громъ! ты держишь за штаны,
Которые висятъ подъ ртомъ у сатаны!
Ты видишь: онъ за то свирѣствуетъ и злится;
Дырявый красный носъ, какъ пещь халдейска, дмится;
Огнемъ и жупеломъ наполнены усы.
О! какъ бы хорошо коптить въ нихъ колбасы!

Козляты малые родятся съ бородами
 Коль много почтены они передъ попами.
 О польза! я одной изъ сихъ пустыхъ бородъ
 Недавно удобрилъ бесплодный огородъ.
 Уже и прочія того жъ себѣ желаютъ
 И принести плоды обильны общаютъ.

Чего не можно ждать отъ сихъ мохнатыхъ лицъ,
 Гдѣ въ тучной бородѣ премножество пл
 Сидятъ и межъ собой, какъ люди, разсуждаютъ,
 Другихъ съ пл бородъ не признаютъ,
 А признаютъ лишь тѣхъ, кто молвить про козловъ:
 Возможно ль быть у нихъ столь много волосовъ!

(1757).

2. На Тредьяковскаго.

Что за дымъ
 По глухимъ
 Деревнямъ курится?
 Тамъ расколь,
 Дно крамоль,
 Въ грубости крутится.
 Средь того гнѣзда
 Поднятая борода,
 Глушыхъ капитоновъ флагъ,
 Дала къ сборищу ихъ знакъ.
 Всѣ спѣшать,
 Всѣ кричать:
 Борода святая!
 Мы съ тобой,
 Съ дорогой,
 Въ рай идемъ пылая.

*
 *
 Ради мы съ тобой сгорѣтъ.

Кто зажогъ?
 Лжепророкъ.
 Изъ какого лѣсу?
 Онъ одинъ
 Тресотинъ
 Сердцемъ сроденъ бѣсу.
 Онъ безбожный лицемѣръ,
 Побродяга, суетѣрь,
 Онъ продерзостью своей
 Ободрилъ бородачей.
 Онымъ въ лестъ
 Добрыхъ честь
 Понося терзаетъ,
 И святошъ
 Глупу ложъ
 Правдой объявляетъ;
 Только жъ угождая имъ,
 Мерзокъ бредомъ сталъ своимъ,
 И хотя чтить праотцевъ,
 Онъ почтилъ отца бѣсовъ.

Оглянись,
 Веселись,
 Адская утроба!
 Твой комплотъ
 Скверной родъ
 Возстаетъ изъ гроба;
 Образъ твой Геростратъ,
 Храмъ зажечь Парнасскай радъ;
 Адъ готовъ тебѣ помочь,
 День затмить, такъ какъ ночь;
 Братецъ твой
 Керженской
 Адскимъ углемъ пышетъ,
 Какъ песь золь
 За расколь.
 На святыню дышетъ;

Отперъ срамныя уста.
 Къ защищенью бородъ
 Злой къ тебѣ валится сбродъ.

Ахъ какъ радъ
 Пустосвятъ
 Для того, распопа,
 Что въ тебѣ,
 Какъ въ себѣ,
 Видитъ злу холопа;
 И Аввакумъ протопопъ
 Поднялъ лысину и лобъ,
 Улыбался на тебя,
 Смотритъ злость твою любя.

Что за гамъ!
 Валаамъ,
 Иуда, Каиафа
 Чу кричать:
 «Эй, нашъ братъ,
 Ты не бойся штрафа».
 И отъ тартарскаго дна
 Самъ поднялся сатана;
 Онъ поджогъ тебя на зло,
 За свое мстить помело!
 Ну жь, хватай
 Поскоряй,
 Не теряй минуты!
 Тѣшься такъ...

Въ пляску, въ валку, въ жгуты,
 Какъ Педрилъ тебя каталь
 И Балакиревъ гоняль!
 Всѣ ревуть тебѣ: куражъ,
 Тресотинъ, угодникъ нашъ!
 Лжесвятой,
 Керженской,
 Какъ тебя прославить?

Какъ почтить,
 Чѣмъ кадить,
 Что тебѣ поставить
 Вмѣсто ладану и свѣчь?
 Къ бородамъ тебѣ сожечь,
 Чтобы ихъ поганый смрадъ
 Былъ горчѣе, какъ самъ адъ.

(1757).

X.

ПРИМѢРЫ И ОТРЫВКИ.

Тетраметры, изъ анапестовъ и ямбовъ сложенные.

На восходѣ солнце какъ зардится,
 Вылетаетъ вспылчиво хищный Востокъ,
 Глаза кровавы, самъ вертится;
 Удара не сносить Сѣверъ въ бокъ,
 Господство даетъ своему побѣдителю,
 Пресильному водъ морскихъ возбудителю.
 Свои тотъ зыби на прежни возводитъ,
 Являетъ полность силы своей,
 Что южной страной владѣть всей,
 Индійски быстро острова проходить.

Вольные вставающіе тетраметры.

Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина,
 Однако съ нимъ любовь мой.
 Хоть я не самъ тоя причина,
 Люблю Миртиллу, какъ себя.

Вольные падающіе тетраметры.

Нимфы околъ насъ кругами
 Танцовали поучи,
 Всплескиваючи руками,
 Нашей искренной любви
 Веселяся привѣчали,
 И цвѣтами насъ вѣнчали.

Ямбическіе триметры.

Весна тепло ведѣтъ,
 Пріятный западъ вѣтъ,
 Всю землю солнце грѣтъ;
 Въ моемъ лишь сердцѣ лёдъ,
 Грусть прочъ забавы бѣтъ.

(1739).

* * *

Взойди веселый духъ на ону высоту,
 Гдѣ видѣть можно дѣла Петровыхъ красоту;
 Парящія прости на нынѣшній день мысли,
 Желанія къ нему и плески всѣ исчисли.
 Между болотъ, валовъ, и страшныхъ всѣмъ враговъ,
 Торги, суды, полки, и флотъ, и градъ готовъ!
 Какъ съ солнцемъ возстаютъ къ брегамъ Индѣйскимъ воды,
 Такъ въ устья Невскія лились къ Петру народы.
 Представь движеніе и вѣтвей и зыбей,
 Представить можешь шумъ отъ множества людей.
 Вѣдутъ во слѣдъ его, другъ друга утѣсняютъ,
 На чудныя дѣла и на него взираютъ.
 Несчетны тшатся тмы вмѣститься въ малый храмъ,
 Равняютъ вѣку часть, и тѣсноту небесамъ.
 У всѣхъ въ устахъ сей день и подвиги Петровы,
 Трудиться купно съ нимъ и умереть готовы.
 Всевышній благодать и нынѣ къ намъ простеръ:
 Мы видимъ въ наши дни сихъ радостей примѣръ.
 Елисаветъ въ лицѣ Петровѣ почитаемъ,
 На внука съ правнукомъ какъ на него взираемъ.

~~~~~

(Изъ „Иліады“ Гомера).

За здравіе твое. Мы какъ бы у Атрида
 Твоею Ахиллесъ здѣсь пищею довольны.
 Ты насъ столомъ своимъ довольно угостилъ.
 Не ради пиршества къ тебѣ мы нынѣ пришли:
 Насъ Греческихъ полковъ погибель устрашаетъ;
 И наши корабли едва ли уцѣлѣютъ.
 Уже тебѣ пора во крѣпость облещись:
 Трояне близъ судовъ поставили свой станъ,
 И ихъ союзники зажгли въ полкахъ огни,
 Грозятся купно всѣ, что съ брега не отступятъ,
 Пока до кораблей Ахейскихъ не достигнутъ;
 И грянувъ самъ Зевесъ, даетъ имъ добрый знакъ.
 Надѣясь на него Пріамовъ храбрый сынъ
 Въ ужасной ярости всѣхъ Грековъ презираетъ.
 И въ бѣшенствѣ своемъ боговъ не почитаетъ.
 Желаетъ, чтобъ зари скорѣе началась
 И хвастаетъ отсѣчь всѣ носы у судовъ,
 И флотъ весь истребить, возжегши хищный пламень,
 И Грековъ всѣхъ убить смятенныхъ въ мрачномъ дымѣ.
 Сего весьма страшусь, и чтобъ сему Зевесъ
 Такъ быть не попустилъ и не судилъ бы рокъ.
 Подъ Троею умереть далече отъ Эялады.
 Какъ если хочешь ты, то стань за насъ, хоть поздно
 И Греческихъ сыновъ избавь отъ сей бѣды.
 Ты будешь самъ тужить какъ намъ случится зло,
 И радъ бы пособить, да способовъ не будетъ.
 Подумай, чтобы нынѣ избыть отъ злой години.

Пріятель, вспомни, что родитель приказалъ,
 Въ который день тебя къ Атриду посылалъ:
 Дадутъ тебѣ, сказалъ, Юнона и Минерва
 Побѣду на враговъ, ты будь великодушень.
 Всего похвальнѣе добросердечнымъ быть.
 Блудись всегда вражды и ссоры начинать,
 То будутъ тебя чтить и стары и младые.
 Онъ такъ тебя училъ, а ты позабываешь.
 Покинь свой лютый гнѣвъ и будь спокоенъ духомъ,
 За то Агамемнонъ почитать тебя дарами.

* * *

Пустила по землѣ заря червленну ризу:
 Тогда созвавъ боговъ Зевесъ громодержитель
 На высочайшій верхъ холмистаго Олимпа,
 Отверзь уста свой, они прилежно внемлютъ:
 Послушайте меня вси боги и богини,
 Когда вамъ объявлю, что въ сердцѣ я имѣю.
 Ни мужескъ поль боговъ ниже богинь поль женскій
 Законъ мой преступить отнюдь да не дерзаетъ;
 Дабы скорѣе мнѣ къ концу привести все дѣло.
 Когда увижу я изъ васъ снизшедша
 Во брани помощь дать Троянамъ либо Грекамъ,
 Тотъ раненъ на Олимпъ со срамомъ возвратится;
 Или хвативъ его повергну въ мрачный тартаръ,
 Далече отъ небесъ въ преглубочайшу пропасть,
 Гдѣ мѣдяный помость, и гдѣ врата желѣзны...

* * *

Внезапно всталъ Нептунъ съ высокія горы
 Пошолъ, и тѣмъ потрясъ и лѣсы и бугры.
 Трикраты онъ ступилъ, четвертый шагъ достигнулъ
 До мѣста въ кое гнѣвъ и духъ его подвигнулъ.

(1747).

(Изъ Анакреона).

(«Любовь»).

Ночною темнотою
 Покрылись небеса,
 Всѣ люди для покою
 Сомкнули ужъ глаза.
 Внезапно постучался
 У двери Купидонъ,
 Пріятный перервался
 Въ началѣ самомъ сонъ.
 Кто такъ стучится смѣло?
 Со гнѣвомъ я вскричалъ;
 Согрѣй обмерзло тѣло:
 Сквозь дверь онъ отвѣчалъ:
 Чего ты утрашилъ?
 Я мальчикъ, чуть дышу,
 Я ночью заблудился,
 Обмокъ и весь дрожу.

Тогда мнѣ жалко стало,
 Я свѣчку засвѣтилъ,
 Не медлиши ни мало
 Къ себѣ его пустилъ.
 Увидѣлъ что крылами
 Онъ машеть за спиной,
 Колчанъ набить стрѣлами,
 Лукъ стянуть тетивой.
 Жалѣя о несчастѣ
 Огонь я разложилъ
 И при такомъ ненастѣ
 Къ камину посадилъ.
 Я теплыми руками
 Холодны руки мялъ,
 Я крылья и съ кудрями
 До суха выжималъ.
 Онъ чуть лишь ободрился
 Каковъ то, молвилъ, лукъ,
 Въ дождѣ чать повредился;
 И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.
 Тутъ грудь мою пронзила
 Преострая стрѣла,
 И сильно уязвила
 Какъ злобая пчела.
 Онъ громко разсмѣялся
 И тотчасъ заплясалъ:
 Чего ты испугался?
 Съ насмѣшкою сказалъ;
 Мой лукъ еще годится
 И цѣль и съ тетивой;
 Ты будешь вѣкъ крушиться
 Отнынѣ, хозяинъ мой.

(1747).

(Изъ „Енеиды“ Виргилія).

Вы небо безъ меня и землю возмutilи
 И на морѣ бугры поднять дерзнули, вѣтры;
 То я васъ! только дай мнѣ волны успокоить.

* * *
 Какое бѣшенство, Трояне, васъ объемлетъ?
 Или вы вѣрите, что Греки отдалились?
 И что безъ хитрости даютъ они подарки?
 Иль такъ вы мало знать Уликса научились?

* * *
 «Я мщеніемъ грозилъ, и огорчилъ словами,
 Отсюда вся бѣда; онъ сталъ искать мнѣ смерти,
 Сомнительны слова въ народѣ разглашалъ,
 И злиться не престалъ, пока ему Калхантъ.
 Но что ужъ сказывать случай вамъ непріятный,
 Что медлить, если вамъ всѣ Греки ненавистны.
 Довольно слышали, пора меня казнить.
 Атриды и Уликсъ весьма того хотять.»

Мы жадно спрашивать причинъ несчастья стали,
 Не зная хитрости и Греческихъ обмановъ.
 Онъ снова свой притворъ съ боязнью началъ такъ:
 «Отъ Трои отступитъ хотѣли часто Греки,
 И трудную войну не окончивъ оставить.»

Какъ ниву люгый огонь снѣдаетъ въ бурный вихрь,
 Или когда съ горы стремясь рѣка течеть,
 Терзаютъ жатвы съ полъ весенній трудъ воловъ,
 И лѣсъ стремглавъ валитъ; стоящій на бугрѣ
 Одѣленнѣвъ пастухъ не знаетъ что шумитъ.

Избавившись отъ бурь, пришли мы къ островамъ,
 Стоящимъ посрединѣ Ионическихъ водъ,
 Что Греческій народъ Стрoфадами зоветъ.
 Со злой Целеною въ нихъ гарпїи живутъ.
 Противнѣе нигдѣ чудовищъ оныхъ нѣтъ.
 Ни злѣйшей лзвы адъ на свѣтъ не испускалъ.
 Имѣютъ женскій зракъ ужасныя тѣптицы,
 И ногти острые, и смрадно гноимъ чрево,
 Отъ гладу завсегда блѣднѣеть ихъ лице.

Онъ чуть сказать успѣлъ, уже съ верху горъ
 Спускается къ водамъ великая громада,
 Ужасный Полифемъ идетъ между овцами,
 Лишенный зрѣнія и скверный изувѣръ
 Несетъ рукою дубъ, и тѣмъ дороги ищетъ.
 Зубами заскрипѣлъ и съ стономъ въ море вполъ,
 Едва во млубинѣ до бедръ достали волны.

Ужъ слава по градамъ быстро течетъ Ливійскимъ;
 Во всей подсолнечной сего зла злѣе нѣтъ.
 Проворна и бодра, растеть въ пути своемъ.
 Хоть сперва и мала, и ходить боязливо,
 Но вскорѣ до небесъ главу свою возносить.
 Подъ каждымъ та перомъ имѣетъ быстры очи
 И уши и уста гласящи безпрестанно.

Что дѣлать мнѣ теперь презрѣнной отъ Троянъ?
 Или ужъ мнѣ просить Нумидскихъ жениховъ,
 Которыхъ столько кратъ супружество отвергала?
 Или итти вслѣдъ за флотомъ Иліонскимъ?
 И взять себѣ въ законъ измѣнниковъ приказъ,
 Который всѣ мои услуги позабылъ?
 Но если погонюсь за Дарданскимъ пришельцемъ,
 То кто на гордый флотъ меня Троянскій приметъ?
 Еще-ль не чувствуешь, коль лживъ есть сей народъ?
 И что? или одной итти за онымъ вслѣдъ?
 Или Пуническимъ мнѣ войскомъ ополчиться,
 И паки изнурять въ волнахъ народъ Сидонскій,
 Который чрезъ моря недавно привела?
 Не лучше-ль умереть и жизнь мечемъ пресѣчь?

Уже всходя заря на землю сыплеть блескъ
 Возставъ съ багрянаго Тритонова одра.
 Дидона на свѣту съ высокаго чертога
 Узрѣла, что ужъ флотъ отходитъ парусами
 И что на берегу матросовъ больше нѣтъ;
 Ударила рукой въ свою прекрасну грудь,
 И волосы свои терзая, говоритъ:
 О боже мой! уйдетъ пришлецъ сей насмѣявшись?
 Или не хочеть градъ за нимъ бѣжать въ погоню?
 И Карѳагенскій флотъ ограбить ихъ судовъ?
 Расправьте парусы, съ огнемъ гребите вслѣдъ.
 Но что я говорю? гдѣ я? и гдѣ мой разумъ?
 Тебя нынъ рокъ постигъ, несчастлива Дидона!
 Тогда-бъ то говорить, когда давала скиптръ.
 Таковъ мнѣ вѣренъ тотъ, что отческихъ боговъ
 И въ старости отца изъ пламени исхитилъ.
 Не можно-ль было мнѣ терзать его на части?
 Убить товарищей и сына умертвить
 И члены бы его отцу поставить въ снѣдъ?
 Но счастье на бою сомнительно. Да пусть бы.
 Хотящей умереть кого уже бояться?
 Зажгла бъ всѣ корабли и съ сыномъ бы отца
 Истлила, и сама поверглась бы на нихъ.
 О солнце, что на всю вселенную зриаешь;
 И знающая всю тоску мою Юнона,
 Прозерпина, и вы о мстятія фурии
 И боги, умереть желающей Дидоны!
 Внемлите и мою услышите мольбу.
 Когда Зевесъ судилъ, чтобъ лютый сей злодѣй
 Достигнулъ до земли и до береговъ Гесперскихъ.
 Что рокъ такъ положилъ и премѣнить невозможно;
 То пусть хотя его жестока мучитъ брань:
 Изгнанъ, и отлученъ отъ сына своего,
 Пусть проситъ помощи, зря злую смерть друговъ.
 И какъ ужъ заключить поносный миръ съ врагами;
 То пусть тогда своимъ не насладився царствомъ,
 Не видѣвъ радости безвременно падеть,
 И будетъ посреди песку непогребенъ.
 Сего прошу, и духъ мой съ кровью проливаю.

* * *

Иные на горы катають тяжки камни,
 Иные къ колесу привязаны висять.
 Гезей сидитъ къ горѣ прикованъ раскаленной,
 И будетъ вѣкъ сидѣть. Флегей въ Геенскомъ мракѣ
 Реветь, и жалостно другихъ увѣщаетъ:
 «Вы сильны на земли, на казнь мою взпрайте,
 Судите праведно и Бога почитайте.

* * *

Что? развѣ ты понесъ о Турнѣ труды вотще?
 Уступилъ ты свой скиптръ Троянскимъ бѣглецамъ?
 Латинъ ужъ не тебѣ, но имъ отдать намѣренъ
 Лавинію свою, придано и наслѣдство,

Что все ты заслужилъ самъ кровію своею.

* * *

Не стыдно ли ужъ вамъ сидѣть въ осадѣ снова
И смерти ждать въ стѣнахъ? вы дважды взяты въ Троѣ.
Улисса нѣтъ у насъ, у насъ Атридовъ нѣтъ.
Жестокій нашъ народъ отъ роскоши бѣжить:
Мы хладною водою младенцевъ укрѣпляемъ,
Подростлые въ лѣсахъ всегда звѣрей гоняютъ.

Но васъ багряная одежда украшаетъ,
Вы любите плясать и въ роскошь отдаваться.

Пойдите по горамъ Диндимскимъ за свирѣльми:
Венера васъ зоветъ тимпаномъ и трубами;
Оружіе свое мужчинамъ намъ отдайте.

* * *

Печальную любовь на лирѣ улаждая,
Тебя, сладчайшій мужъ, тебя единъ на брегѣ,
Тебя въ началѣ дня, тебя пѣлъ въ позный вечеръ.
(1747).

(Изъ Горація).

(«Ejegi monumentum»).

Я знакъ безсмертія себѣ воздвигнулъ
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди,
Что бурный Аквилонъ сотрѣть не можетъ,
Ни множество вѣковъ, ни ѣдка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставитъ
Велику часть мою, какъ жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великій Римъ владѣетъ свѣтомъ.
Гдѣ быстрыми шумитъ струями Авфидъ,
Гдѣ Давнусъ царствовалъ въ простомъ народѣ,
Отечество мое молчать не будетъ,
Что мнѣ беззатный родъ препятствомъ не былъ,
Чтобъ внести въ Италію стихи Эольски,
И первому звенѣть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой муза,
И увѣнчай главу Дельфійскимъ лавромъ.

(1747).

(Изъ Овидія).

(Изъ «Метаморфозъ»).

Уже югъ влажными крылами вылетаетъ,
Вода съ сѣдыхъ власовъ и дождь съ браны стекаетъ,
Туманы на лицѣ, въ росѣ перната грудь.
Онъ облаки рукой едва успѣлъ давнуть,
Внезапно дождь густой повсюду запумѣлъ.

* * *

Изъ рукъ мужскихъ назадъ поверженные камни
Пріяли мужескъ видъ, изъ женскихъ рукъ видъ женскій:
Оттуда родъ нашъ твердь, и сноситъ трудъ великій,
И тѣмъ, откуда взятъ, довольно доказуетъ.

* * *

Едва она свою молитву окончала,
 Корой покрылась грудь, оцѣпенѣли члены,
 И руки отраслями и вѣтвями власы,
 Глава вершиною и ноги корень стали.
 Однако Фебъ любя, къ стеблу рукой коснулся,
 Почулъ, какъ бьется грудь подъ новою корою.

* * *

Поставленъ на столпахъ высокихъ солнце въ домъ,
 Блистаетъ златомъ вокругъ и въ яхонтахъ горить,
 Слоновый чистый зубъ верхи его покрылъ,
 У вратъ на веревкахъ сияетъ серебро.
 Но выше мастерство матеріи самой:
 Тамъ море изваялъ кругомъ земли Вулканъ,
 И землю и надъ ней пространны небеса.

* * *

И какъ туда пришла военная Минерва,
 И стала у дверей: что въ домъ вступить не можно;
 Толкнула въ нихъ копьемъ, отверзся скоро входъ,
 Увидѣла внутри, какъ зависть ѣсть змievъ
 И оныхъ кровію злобу свою питаетъ;
 Узрѣла, и свой взоръ богиня отвратила.
 Она встаетъ съ земли, оставивъ ползмія,
 Лѣнливою ногой къ богинѣ подошла,
 И видя, что она красно вооруженна,
 Вздохнула, и лицо нахмуривъ возстенала.
 Всегда блѣднѣетъ зракъ, и кожа на костяхъ.
 Глядитъ изъ-подъ бровей, и ржа всегда въ зубахъ,
 Желта отъ желчи грудь, и ядъ течетъ съ языка.

* * *

Въ одну погибнетъ ночь съ любовницею любовникъ!
 Достояна ты была прожить должайшій вѣкъ.
 Но я повиненъ въ томъ, я твой губитель сталь,
 Что въ полночь приказалъ придти въ мѣста опасны,
 И самъ не упредилъ своимъ тебя приходомъ.
 О вы ужасны львы, сбѣгайтесь изъ пещеръ
 И рвите челюстями мою повинну плоть.
 Но знакъ боязни есть желать лишь только смерти.

* * *

Старается во снѣ свой голодъ утолить,
 Но движетъ лишь уста и зубъ на зубъ третъ,
 Онъ думаетъ, что ѣсть, но токмо льстится тѣмъ,
 И вмѣсто пищи вѣтръ глотаетъ лишь пустой.
 Но какъ уже алчба отгнала сонъ его,
 Почувствовалъ огонь на тощемъ живогѣ,
 И тотчасъ просить все, что воздухъ и земля
 И что родятъ моря; но голоденъ при всемъ.
 Ужъ полные столы не полны передъ нимъ,
 Чѣмъ градъ доволенъ весь, онъ тѣмъ одинъ несытъ.

* * *

Онъ гнѣвомъ воспаленъ возвелъ свирѣпный взоръ
 На Иліонскій брегъ, гдѣ Гречески суда,

И руки протянувъ, вскричалъ: О сильный Боже!
Предъ флотомъ я въ судѣ, и мнѣ Уликсъ соперникъ!

Устами движеть Богъ; я съ нимъ начну вѣщать.
Я тайности свой и небеса отверзу,
Свидѣнія ума священнаго открою.
Я дѣло стану пѣть несвѣдомое прежнимъ:
Ходить превыше звѣздъ влечетъ меня охота;
И облакомъ нестись, презрѣвъ земную низкость.

(Изъ „Героидъ“).

Ахъ когда бъ погрязнулъ въ морѣ чужеложникъ
Прежде нежели приплылъ къ Греческому берегу;
То бъ одна я въ хладной не спала постели,
Дни бы не казались долги мнѣ и скучны.

Ужъ Иліонъ лежитъ, Гречанкамъ ненавистный.
Едва того Приамъ и Троя стоитъ вся.
Други вожди пришли, дымятся алтари,
Ужъ отческимъ богамъ Симоиски жгутъ добычи,
Жены приносятъ даръ, что здравы ихъ супруги.

Чрезъ пространно море рѣки простираю,
Кои о печальну грудь свою разбила,
И кажу остатки я власовъ изданныхъ.
Ради слезъ помилуй, кои ты мнѣ пролила,
И къ сему пустому мѣсту возвратися.
Если мертву найдешь, то сberi хоть кости.

(1747).

(Изъ эпиграммъ Марціала).

Дивисься, что не дамъ тебѣ стиховъ моихъ?
Боюсь, чтобы ты мнѣ не подарилъ своихъ.

Когда себя хранилъ отъ яду Митридать,
По вся дни принималъ въ своей онъ пищѣ ядъ;
Ты Цинна у себя всегда не дождаешь,
И тѣмъ предостеречь себя отъ гладу чаешь.

Въ тополевой тѣни гуляя муравей,
Въ прилипчивой смолѣ увязъ ногой своей.
Хотя онъ у людей былъ въ жизнь свою презрѣнный:
По смерти въ янтарѣ у нихъ сталъ драгоценный.

Зачѣмъ я на женѣ богатой не женюсь?
Я вытти за жену богатую боюсь.
Всегда мужъ долженъ быть женѣ своей главою,
То будутъ завсегда равны между собою.

О имя купно съ розами рожденно!
Тобой зовется лѣта часть прекрасна,
Ты сладко какъ цвѣты и медь Иблейскій,
И какъ блаженный нектаръ на Олимпѣ.

Тобою бы желалъ назваться отрокъ
Зевесовъ виночерпецъ.

* * *

На бѣлыхъ волосахъ у Аппія зима
И лѣто на глазахъ горящихъ отъ вина;
Какъ пьеть, то по носу фіалки расдвѣтаютъ
И точно тѣмъ весны средину представляютъ;
Какъ въ осень щеки всѣ брусники полны зрѣлой.
Не всякъ ли видитъ годъ изображень тутъ цѣлый?
(1747).

(Изъ Сенеки).

(Изъ трагедіи «Троады»).

Гекуба.

Рыдайте жалостно, руками бейте въ груди,
Парисовымъ судомъ несчастливые люди.

Хоръ.

Привыкли мы къ слезамъ, мы плачемъ десять лѣтъ,
Когда Пріямовъ сынъ начало нашихъ бѣдъ
Изъ дровъ сея горы суда себѣ построилъ
И Грековъ грабежемъ и насъ обезпокоилъ.
Десятью видѣли мы снѣгъ поверхъ бугровъ
Что лѣсу лишены побитыхъ для костровъ.
Десятью въ робости хлѣбъ сѣяль сельскій житель,
По вся дни имъ и намъ былъ страшенъ побѣдитель.
Теперь намъ новый плачъ несчастнымъ настаеть
Рыдайте, идучи царицѣ вашей вслѣдъ.

Гекуба.

Сообщницы моей напасти и печали,
Что горестъ мнѣ нести въ несчастъ помогали,
Насыпьте, бѣдныя, коль горестны часы!
Троянскій съ кровью прахъ въ растрепанныя влася.
Спустивши платье съ плечъ всѣ руки обнажайте
И до утробы плоть ударами подвергайте.
Какой остался намъ уже плѣннымъ стыдъ!
Не къ браку намъ беречь покрытой тѣла видъ.
Терзайте грудь лице въ отчаянны терзайте
Пріятели мнѣ сей видъ; царицѣ подражайте.
Всѣ плачи прежніе старайтесь превышать,
Рыдайте какъ есть долгъ о Гекторѣ рыдать.

Хоръ.

Растрепаны влася, и узлы всѣ разбиты,
Горачимъ пепеломъ главы у всѣхъ покрыты.

Гекуба.

Возьмите въ горсти прахъ. Вамъ только можно взять
Что вамъ оставила десятилѣтня рать.
Ударьте нынѣ всѣ въ нагія сильно плечи,
Печаль произнеси прегорестныя рѣчи.
Ретейски берега распространяйте вой,

Ты эхо скучное въ пещерахъ подь горой
 Не только повторяй слова рѣчей послѣдни,
 Но цѣлой бѣдныхъ вопль стenanія передни.
 О море, небеса вамъ должно здѣсь внимать:
 Мы нынѣ начали о Гекторѣ рыдать.

Хоръ.

Тебя, тебя въ слезахъ о Гекторѣ поминаемъ
 И плечи язвами покрытыя терзаемъ;
 Тебя родившая багровы груди рветъ
 Изъ поврежденныхъ вновь ранъ прежнихъ кровь течеть.
 О столпъ отечества, о рока воспятитель,
 Плечами былъ ты намъ своими покровитель.

Расторгни смертны узы, Гекторъ,
 Раздвинь земное нѣдро, карай Уликса;
 Одна твоя къ тому довольна тѣнь.
 Оружіемъ гремитъ,
 И на Ахейскій флотъ бросаетъ хищный пламень!

(Изъ трагедіи «Медея»).

Умножь теперь свой гнѣвъ и будь бодра какъ прежде,
 И стары злы дѣла почти за добродѣтель.
 Медея нынѣ я, и дерзость въ злѣ растеть,
 Весьма полезно мнѣ, что мной убить мой братъ,
 Что мной растерзанъ былъ и на пути разметанъ.
 Полезно, что отецъ лишень руна златаго.
 Не знаю, что теперь злый духъ мой умышляетъ
 И самъ себѣ едва представить ясно смѣетъ.

Къ неслыханному злу рука моя готова.
 Примите дѣти казнь за отческу невѣрность.
 Грешецетъ грудь моя, и члены цѣпенѣютъ!
 Отходить лютость прочь: я стала снова мать.
 Ахъ! какъ мнѣ кровь пролить драгихъ своихъ дѣтей?
 Однако не мой, пускай уже погибнуть.
 Ахъ нѣтъ, они мои и ничему невинны!
 Но равно какъ они и братъ невиненъ былъ.
 Что зыблешься мой духъ? и слезы что текутъ?
 Любовь влечетъ въ страну, а гнѣвъ влечетъ въ другую...

Ко мнѣ дражайшій плодъ въ объятія бѣгите:
 Единыхъ видить васъ сей скорбный домъ отраду...

Но ненависть кипить, болѣзнь воспламенилась,
 И прежній гнѣвъ бодрить мой къ убійству рѣки.
 Я смѣдую тебѣ, куда ни поведешь.

(Изъ трагедіи «Геркулесъ»).

Зевесъ боговъ отецъ, его же сильный громъ
 Страшитъ востокъ и югъ и дальный солнцевъ домъ,
 Я миръ тебѣ принесъ, ты царствуй безопасно:
 Что было на земли и въ тартарѣ ужасно,
 То все я сокрушилъ геройской сей рукой
 И свѣту показать, что я рожденъ тобой.
 Ужъ некуда тебѣ бросать гремящи стрѣлы:
 Я спасъ отъ лютыхъ бѣдъ вселенныя предѣлы.

(1747).

(Изъ Клавдіана).

Я долго размышлялъ и долго былъ въ сомнѣнїѣ,
 Что есть-ли на землю отъ высоты смотрѣнье,
 Или по слѣпотѣ безъ ряду все течеть,
 И промыслу съ небесъ во всей вселенной нѣтъ.
 Однако посмотрѣвъ свѣтилъ небесныхъ стройность,
 Земли, морей и рѣкъ доброту и пристойность,
 Премѣну дней, ночей, явленія луны,
 Призналъ, что Божеской мы силой созданы.

(1761).

(Изъ Лукреція).

Желѣзо, золото, мѣдь, свинцова крѣпка сила,
 И тягость серебра тогда себя открыла,
 Какъ сильный огонь въ горахъ сжигалъ великій лѣсъ;
 Или на тѣ мѣста ударилъ громъ съ небесъ;
 Или противъ враговъ народъ готовяся къ бою,
 Чтобы ихъ огнемъ прогнать, въ лѣсахъ даль волю зною;
 Или чтобы тучность дать чрезъ пепель дровъ полямъ,
 И чистый лугъ открыть для пажити скотамъ;
 Или причина въ томъ была еще иная,
 Владѣла лѣсомъ тамъ пожара власть, пылая
 Съ великимъ шумомъ огонь коренья дровъ палилъ.
 Тогда въ глубокой доль лились ручьи изъ жиль,
 Желѣзо и свинець и серебро топилось,
 И съ мѣдью золото въ пристойны рвы катилось.

(1761).

Отрывки изъ рукописей.

1.

О небо, не лишай меня очей и слуха,
 Отдай мнѣ ихъ: я въ путь спѣшу стремленьемъ духа.
 Блаженъ, кто зреть чюдясь монарши дива въ васъ,
 Блаженъ, кто слышитъ вашъ, Екатерина, гласъ.
 Любимой быть, владѣть судьба васъ одарила,
 Но перваго во мнѣ чувствительнѣе сила
 Въ восторгъ вашъ бодрый духъ премудрою ведетъ;
 Онъ быть бы тѣмъ престаль предъ вашъ поставленъ свѣтъ.

2.

Огонь, дымъ, звукъ; взревѣлъ,
 И брегъ потрянулъ хребтомъ.

3.

Мышь нѣкогда любя святиню
 Оставила прелестный мїръ,
 Ушла въ глубокую пустыню
 Засѣвшись вся въ Голландскій сыръ.

XI. ДОПОЛНЕНИЕ.

(На короля прусскаго Фридриха.)

(Вольтера).

Монархъ и философъ, полночный Соломонъ,
 Весь свѣтъ твою имѣлъ премудрость предъ очами;
 Разумныхъ множество тѣснясь подъ твой законъ,
 Познали Грецію подъ Шпремскими струями.
 Вселенная чудясь молчала предъ тобою;
 Берлинъ на голосъ твой главу свою воздвигнулъ.
 Съ Парижемъ въ равенствѣ до звѣздъ хвалою достигнулъ.
 И лавровъ Молвицкихъ въ тѣни узрѣвъ покой,
 Къ странамъ твоимъ пришли отъ береговъ Секваны
 Вспахать твои поля художества избранны:
 Пресаждены тобой черезъ твои труды,
 Парнасса и Аеинъ произвели плоды,
 Предъ зрѣніемъ твоимъ возросли восхищеннымъ.
 Коварство . . . правдивости святой
 Стенало подъ твоей низвержено пятой,
 Не наводило слезъ невинно осужденнымъ.
 Десницею Марсову ты лютость укротилъ,
 Заперши дверь войны предѣлъ распространилъ.
 Число друзей твоихъ умножилъ ты Бурбономъ:
 Но съ Англіей сдружась, извѣрившись ему,
 Какого ждешь плода раченью своему?
 Европа вся полна твоихъ перуновъ стономъ,
 Раздоръ рукой своей ужъ пламень воспалилъ.
 Ты Лейпцигски врата внезапно разрушилъ,
 Стопами роешь ты безчувственны могилы,
 Трепещуть всѣ, смотря твои надменны силы,
 Ты двухъ соперниковъ сильнѣйшихъ раздавилъ,
 Ужъ мечъ ихъ изощренъ и ярый огонь пылаетъ,
 И надъ главою твоей ихъ молнія сверкаетъ.
 Несчастливый монархъ! ты лишне въ свѣтѣ жилъ,
 Въ минуту сталъ лишень премудрости и славы.
 Необузданнаго гиганта зрю въ тебѣ,
 Что хочеть отворить путь пламенемъ себѣ,
 Что грабить города и пустошить державы,
 Священный топчетъ судъ народовъ и царей,
 Ничтожить силу правъ, грубить натурѣ всей.

(1756).

КРАТКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

- 1) Важнѣйшіе матеріалы для біографіи и сочиненій Ломоносова: 1) «Собраніе разныхъ сочиненій... Михаила Ломоносова». СПБ. 1751, и 1757—1759. 2) «Покойнаго статскаго совѣтника и профессора М. В. Ломоносова собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ» (изд. Дамаскина). Москва. 1778. 3) «Избранныя сочиненія Ломоносова». Москва. 1846 г. (изд. Перевлѣтскаго). 4) «Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ. Матеріалы къ столѣтней памяти его 1765—1865, апрѣля 4 дня. Сообщилъ В. И. Ламанскій». Москва. Въ университетской типогр. 1865. 5) «Матеріалы для біографіи Ломоносова. Собраны экстраординарнымъ академикомъ Билярскимъ». СПБ. 1865. 6) «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ. Издалъ А. Куникъ». Ч. I и II. СПБ. 1865. 7) «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова. Академика П. Пекарскаго» (приложеніе къ VIII тому записокъ Имп. Акад. Наукъ № 7). СПБ. 1865. 8) «М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. Съ приложеніями. Антона Будиловича». СПБ. 1869 г., и «Ломоносовъ, какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ Антонъ Будиловичъ». СПБ. 1871. 9) «Матеріалы для бібліографіи литературы о Ломоносовѣ. С. И. Пономарева». СПБ. 1872. 10) «Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Петра Пекарскаго. Томы первый и второй». СПБ. 1873. 11) «Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка. Разсужденіе... Константина Аксакова». Москва. 1846. «Сочиненія М. В. Ломоносова. Съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова» (изд. Академіи). Т. первый. СПБ. 1891 г.
- 2) Оды духовныя (стр. 17—33) отдѣльно въ печати не появлялись, а большинство ихъ вошло прямо въ «Соч. Ломоносова» 1751 года, за нижеслѣдующими исключеніями. «Переложеніе псалма 143» (стр. 17) появилось прежде въ особой книжкѣ: «Три оды парафрастическія псалма 143, сочиненныя чрезъ трехъ стихотворцевъ...» СПБ. 1744; два другія переложенія написаны Тредьяковскимъ и Сумароковымъ. По предложенію Сумарокова, стихотворцы обращались къ публикѣ для суда и рѣшенія въ чисто литературномъ вопросѣ насчетъ «благородства» и «нѣжности» стиховъ ямбическихъ и хорейскихъ, о чемъ и говорилось въ предисловіи («Для извѣстія»). Книжка, составляющая теперь необыкновенную бібліографическую рѣдкость, перепечатана во II части «Сборн. матеріал.» А. Куника. «Вечернее размышленіе» (стр. 18). *Переложеніе псалмовъ 145-го* (стр. 21), *116-го* (стр. 21) и *14-го* (стр. 22) напечатаны были въ качествѣ примѣровъ въ «Риторикѣ» Ломоносова, изд. 1748 г. Оды вошли въ изд. 1751 года съ значительными перемѣнами, и потомъ подверглись новымъ исправленіямъ въ послѣднемъ при Ломоносовѣ изданіи 1757 года. Отмѣтимъ, что стихъ 29 въ «*Перел. псалма 26*» (стр. 25) «*Ко свѣту твоего лица*» (им. *Я къ свѣту...*) принадлежитъ именно изд. 1757 г. *Переложеніе псалма 103* (неоконченное) (стр. 22) появилось въ посмертномъ изданіи 1784 г., но съ отступленіями отъ подлинной рукописи (*Пекарскій*. Дополн. извѣст., стр. 89—90).
- 3) Оды похвальныя (стр. 34—157). *Ода на взятіе Хотина* (стр. 34) напечатана въ изд. 1751 г. О выходѣ ея раньше извѣстіе не под-

тверждается. (См. биогр. оч.). Похвальные оды выходили каждая отдѣльно въ листахъ большого формата (писчей бумаги) съ пространными заглавiями, какъ напр.: «Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Самодержицѣ Всероссійской Государынѣ Всемилоостивѣйшей всеподданнѣйшее поздравленiе для благополучнаго и радостнаго прибытiя въ С.-Петербургъ Его Королевскаго Высочества Государя Петра, Владѣтельнаго Герцога Шлеавигъ-Голштинскаго, Внука Государя Императора Петра Великаго въ высокiй день рожденiя Его Высочества февраля 10 дня 1742 года въ торжественной одѣ представленное отъ всеподданнѣйшаго раба Михайла Ломоносова, Императорской Академiи Наукъ адъюнкта». Въ сочиненiя заглавiя вошли въ нѣсколько сокращенной формѣ. Для настоящаго времени форма эта утратила значенiе, и въ нашемъ изданiи заглавiя сокращены.

Въ «Словарѣ» Сопикова (IV, 7022 и 7023) указывается «Ода на день рожденiя великой княжны Анны Петровны», вслѣдъ за «*Одой на день рожденiя императрицы Елисаветы Петровны*» (стр. 121). Пономаревъ въ «Материалахъ» замѣчаетъ: «Ея (первой оды) нѣтъ ни у Смирдина, ни у Перевлѣскаго. Билярскому ода эта не была извѣстна... Но, очевидно, это одна и та же ода. Въ заголовкѣ ея отдѣльнаго изданiя, послѣ посвященiя императрицѣ Елисаветѣ, сказано: ...и для всерадостнаго рожденiя государыни великой княжны Анны Петровны, поднесенныя отъ Императорской Академiи Наукъ декабря 18 дня 1757 года. Анна Петровна, дочь Петра и Екатерины, умершая въ дѣтствѣ, родилась по одному извѣстiю 9 декабря 1757 г.

Въ одѣ «*На прибытiе императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы...*» (64) стихъ 180-й «*Тамъ (а по Такъ) Россъ противныхъ излагаетъ*», и въ одѣ «*На день брачнаго сочетанiя Петра Θεодоровича и Екатерины Алексѣевны*» (79) стихъ 66-й: «Въ бездушныхъ зрю любовну страсть» (вм. Въ бездушныхъ тамъ любовна страсть), принадлежать изданiю 1757 года; подобнымъ же образомъ объясняются и нѣкоторыя другiя особенности нашего текста, не находямыя въ другихъ современныхъ изданiяхъ.

4) Надписи (158—177). Составленiе надписей на иллюминацiи входило въ официальные обязанности Академiи, и онѣ писались обыкновенно Штединымъ и только переводились Ломоносовымъ, пока, наконецъ, послѣднiй не испросилъ освобожденiя его отъ этой обязанности. Печатались они обыкновенно въ тогдашнихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Ломоносову самому принадлежать только такiя, надписи, какъ «На спускъ корабля Александръ Невскiй», «На прибытiе императрицы Елисаветы изъ Москвы, въ 1749 г.», «Къ статуѣ Петра Великаго», на дни тезоименитства, восшествiя на престолъ и коронаванiя, на новые годы, на маскарады у Шуваловыхъ и пр., когда надписи писались имъ по собственной иницiативѣ.— Въ надписи «*На иллюминацiю въ Оранiенбаумѣ*» (стр. 162), у насъ важная опечатка: по недосмотру напечатано: «*велик. кн. Павла Петровича*», когда, очевидно, слѣдовало напечатать: «*великаго князя Петра Θεодоровича*». Въ надписи «*На тезоименитство императрицы Елисаветы Петровны 1753 г.*» (стр. 168), стихи 31 и 32: «*Ты твердость общему покою положила: Не можетъ онаго подвигнуть вредна сила*», взяты нами изъ изд. 1757 года. Они въ первый разъ пропущены въ изданiи Дамаскина, и затѣмъ не были восстановлены ни въ одномъ изъ послѣдующихъ изданiй. Изъ того же изд. 1757 года взято

исправленіе стиха 13 въ надписи «*На день восшествія на престолъ Елисаветы Петровны 1753 года; «Седьмъ главъ зіяли на тьмѣ вдругъ единомъ»*; въ изд. Дамаскина и слѣдующихъ онъ былъ измѣненъ въ «*Седьмъ главъ сіяли въ тьмѣ...*»—Въ «Ист. акад.» Пекарскаго (стр. 907—908) приводятся собственноручныя надписи Ломоносова къ ракъ Александра Невскаго, нѣсколько въ иной формѣ.—Сокративъ длинныя заглавія надписей, мы оставили въ скобкахъ поясненія, что изображалось иллюминаціями, какъ необходимыя для пониманія текста.

5) Стихотворныя посланія и письма (178—201). Идиллія «*Полидоръ*» (стр. 178) написана по поводу назначенія тогдашняго президента академіи, Кирилла Григорьевича Разумовскаго, Малороссійскимъ гетманомъ. Подъ Полидоромъ и разумѣется самъ Разумовскій, въ дѣтствѣ бывшій пастухомъ. Стих. представляетъ посланіе къ нему.— По поводу «*Письма о пользѣ стекла*» (стр. 183) рассказываютъ анекдотъ, что будто-бы Ломоносовъ обѣдалъ у Шувалова въ кафтанѣ съ стеклянными пуговицами, и при этомъ кто-то замѣтилъ, что такихъ пуговицъ больше не носятъ. Ломоносовъ въ отвѣтъ сталъ исчислять всѣ пользы отъ стекла, и онѣ показались такъ важными хозяину, что онъ просилъ Ломоносова описать ихъ въ стихахъ. Слѣдствіемъ этого и было будто-бы «письмо». — Стихи «*Въ честь императр. Елисаветы Петровны Воронцову*» (стр. 193) не были извѣстны до послѣдняго времени. Они напечатаны только въ архивѣ князя Воронцова, IV, стр. 502—503.—Въ «*Письмѣ поздравительномъ Орлову*» (199), стихи 5 и 6 съ конца: «*Екатерининъ рокъ и общій отвратилъ, — Покой и вѣкъ златой наукамъ обновилъ*», находятся въ изд. Дамаскина; а въ слѣдующихъ они были сокращены въ одинъ стихъ: «*Екатерининъ вѣкъ златой наукамъ обновилъ*».

6) Трагедіи (202 — 276). «*Тамира и Селимъ*» (202) написана по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны, пожелавшей увеличить тогдашній русскій репертуаръ русской сцены и приказавшей въ 1750 г. черезъ академическую канцелярію Ломоносову и Тредьяковскому написать по трагедіи. Академикъ Пекарскій замѣчаетъ, что трагедія Ломоносова не принадлежитъ къ такимъ, которыя могли-бы доставить славу автору, и поколебать славу Сумарокова. Но Константинъ Аксаковъ находитъ въ ней истинно поэтическія мѣста не только относительно языка, но и въ характеристикѣ лицъ и положеній. Нравилась она также Батюшкову. Вслѣдъ за «*Тамирой и Селимомъ*» Ломоносовъ задумалъ трагедію «*Демофонтъ*», которую и написалъ къ концу 1751 года.

7) Поэма «*Петръ Великій*» (стр. 277). Двѣ пѣсни поэмы вышли каждая отдѣльно, первая въ 1760 г., а вторая въ 1761 году. Ломоносовъ началъ писать ее въ 1757 г. Написать героическую поэму о Петрѣ, бывшемъ всегда героемъ его и идеаломъ, Ломоносовъ считалъ своимъ завѣтнымъ дѣломъ. «Окончаніе (героическаго описанія трудовъ Петровыхъ) выше всѣхъ благополучій въ жизни моей почитаю», писалъ онъ Шувалову, которому и посвящена поэма; но намѣреніе Ломоносова осталось неисполненнымъ: двѣ пѣсни были единственными, которыя онъ успѣлъ написать.

8) Разговоръ съ Анакреонтомъ (стр. 308) не былъ напечатанъ при жизни Ломоносова, и появился въ «*Россійскомъ Парнассѣ*» СПб. 1771, а потомъ въ изд. Дамаскина; но онъ ходилъ прежде въ рукописяхъ въ тогдашнемъ обществѣ. Въ своихъ запискахъ, Порошинъ рассказываетъ, что въ 1764 году онъ читалъ его великому князю Павлу Пе-

тровичу, которому «Разговоръ» очень понравился. Обращеніе въ концѣ къ императрицѣ Елисаветѣ (?) со словами: «И повели войнамъ престать!» даетъ академику Пекарскому поводъ думать, что стихотвореніе написано, «когда императрица Елисавета намѣревалась окавать вооруженное содѣйствіе Австріи, т. е. въ 1747 году»; но въ академич. изд. Сухомлинова оно не вошло до самаго 1751 г. Ст. (5-й на стр. 311) «Коль изображенъе *точно*» (вмѣсто *мочно*) изъ изд. Дамаскина.

9) Переводныя оды (312 — 317). Подлинная *ода Фенелона* («Mop-tagnes de qui Paudase»), написанная въ 1681 году и воспѣвающаящая счастье уединенной сельской жизни вдали отъ свѣта, пользовалась въ свое время огромною славою. Въ печати она, вслѣдствіе опалы, въ которой находился авторъ въ царствованіе Людовика XIV, появилась только въ 1717 году, въ видѣ приложенія къ Телемаку. Ломоносовъ прислалъ переводъ ея изъ-за границы въ Академію въ 1739 году, въ доказательство ознакомленія своего съ французскимъ языкомъ, написаннаго ему инструкціей. Онъ оставался неизвѣстнымъ до половины нашего столѣтія, когда найденъ въ архивѣ академіи. Ода отпечатана въ первый разъ въ концѣ 1854 года въ одномъ экземплярѣ на пергаментѣ и поднесена 12 января 1855 года, въ день юбилея, Московскому университету. Позже она перепечатана съ французскимъ текстомъ въ «Сборникѣ матеріаловъ» Кунника, ч. II, въ 1865 году. — *Ода Руссо, на счастье* (315) въ первый разъ появилась въ журналѣ «Полезное увеселеніе» 1760 года, вмѣстѣ съ переводомъ той же оды Сумарокова, французскимъ текстомъ и съ такимъ заглавіемъ: «Ода господина Руссо, Fortune de qui la main sougoppe, переведенная г. Сумароковымъ и г. Ломоносовымъ. Любители и знающіе словесныя науки могутъ сами, по разному сихъ обвѣхъ пѣнтовъ свойству, каждаго переводъ узнать». Въ этомъ же видѣ ода вошла въ изд. Дамаскина, но съ указаніемъ имени: «*Жана Баптиста Руссо*», мѣста перваго появленія переводовъ и того, что «оригиналь взятъ изъ соч. г. Руссо, напечат. въ Лондонѣ, 1753 г.

10) Сатирическія и полемическія стихотворенія (318—329). «На сочетаніе стиховъ Россійскихъ» (318), «О сомнительномъ произношеніи «г» (318), «Зубницкому» (324) и «Злобное примиреніе» (327)», были напечатаны въ «Москвитянинѣ» 1854 г. № 1 и 2. «Пародія на стихи Сумарокова» (320), «Сатира на Тредьяковскаго» (321), «Гимнъ бородѣ» (322). «Эпиграмма на Тредьяковскаго» и «Свинья въ лисьей кожѣ» — появились въ «Библ. Зап.» 1858 и 1859 гг. Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ отражаются споры Ломоносова съ его противниками. Въ одномъ онъ оспариваетъ, что множественное число можно оканчивать на «и», въ другомъ отстаиваетъ чистоту языка въ отношеніи словъ (въ «Пародіи», напр., онъ показываетъ, что слова «не тронута (т. е. сердцемъ) взирала», употребленные Сумароковымъ, могутъ быть поняты совсѣмъ въ другомъ смыслѣ и т. д. «Гимнъ бородѣ», насмѣшка надъ раскольниками, вызвала допросы со стороны Тредьяковскаго, и Ломоносовъ мститъ ему эпиграммами въ то время, какъ о немъ поднимается цѣлое дѣло до Св. Синода, такъ какъ въ «Гимнѣ» увидѣли насмѣшку надъ духовенствомъ. Тредьяковскій и Сумароковъ вооружаются сообщая на Ломоносова, — послѣдній пишетъ «Злобное примиреніе» и осмѣиваетъ притчу Сумарокова: «Осель въ львиной кожѣ», пародіей «Свинья въ лисьей кожѣ». Тредьяковскій и Сумароковъ вызывали эти стихотворенія эпиграммами и пародіями съ своей стороны. Стихотв. «О страхъ! о ужась! громъ!» и «На Тредьяковскаго: Что

за дымъ» — приписывается то Ломоносову, то первое — Баркову, а второе Сумарокову. — «Эпиграммы» на Шишкина, плохого стихотворца того времени, и на Елагина (стр. 321) напечатаны въ «Библ. Зап.» 1858 г. (№ 16) и 1859 г. (№ 15). Эпиграмма на Елагина вызвана сатиною его, въ которой онъ похвалилъ Сумарокова и смѣялся надъ риемою въ одѣ Ломоносова: «Индія» и «Россія». Многія сатирич. стих. печатались съ ошибками, которые исправлены Пекарскимъ въ «Ист. акад.». — Стихотв. «Лишь только дневный шумъ», «Жениться хорошо, да много и досады» (стр. 319), «Послушайте прошу, что старому случилось» (стр. 320) — въ первый разъ напечатаны въ Риторикѣ Ломоносова 1748 года. Стихотворенія же: «Къ И. Шувалову: Спасибо за грибы» (стр. 320), «Къ Пахомію» (324) и «Кузнечикъ дорогой» (стр. 327) появились въ изд. 1784 года. Стихи «О движеніи земли», на смѣшка надъ противниками системы Коперника, появились впервые въ изд. «Явленіе Венеры на Солнцѣ, наблюденное въ Спб. Имп. Акад. Наукъ, мая 28 дня, 1761 г., Спб. 1761 г.», и потомъ перепечатывались въ изданіяхъ и въ названной статьѣ, и въ стихотв. одновременно. — «Экспромптъ Жукову» (стр. 320) сказанъ, какъ рассказываютъ, по слѣдующему случаю. Ломоносовъ былъ какъ-то въ сенатѣ во время сильной грозы. Жуковъ не совсѣмъ вѣжливо попросилъ его сказать что-нибудь стихами. Экспромптъ и былъ ему отвѣтомъ. — «Отвѣтъ Сумарокову» (стр. 325) также былъ сказанъ при встрѣчѣ, когда Сумароковъ имѣлъ намѣреніе посмѣяться надъ Ломоносовымъ.

11) Примѣры и отрывки (стр. 330 — 341). Тетраметры и триметры были напечатаны впервые въ изданіи Дамаскина, въ 1778 году, въ «Письмѣ о правилахъ россійскаго стихотворства»; они приведены тамъ въ качествѣ примѣровъ. «Взойди веселый духъ» (331) было напеч. въ «Риторикѣ» 1759 г. *Переводы* изъ Гомера, Анакреона, Виргилія и пр. (стр. 331—341), напечатаны въ Ритор. 1748 г., какъ примѣры, за исключеніемъ перевода изъ «Троадъ» Сенски, до стиха «Расторгни смертны узы, Гекторъ»... Отрывокъ напечатанъ въ 1 т. академич. изд. академ. Сухомлинова. Прежде этого онъ указывался (Будиловичъ, стр. 98). — «Изъ Клавдіана» и «Изъ Лукреція» появились: первый въ «Явленіи Венеры на Солнцѣ», а второй въ «Первыхъ основаніяхъ металлургіи», напечатанныхъ въ 1763 году, но сданныхъ Ломоносовымъ для печати въ 1761 г.; потомъ они и входили въ этихъ сочиненіяхъ въ позднѣйшія изданія. — *Отрывки* изъ рукописей (стр. 341), напечатаны были въ «Дополн. Изв.» Пекарскаго, стр. 90—93.

12) Дополненіе. Стихотв. «На короля прусскаго Фридриха», перев. съ франц. стих. Вольтера, взято нами изъ II тома академич. изданія, вышедшаго въ свѣтъ въ тотъ моментъ, когда печатался послѣдній листъ нашего изданія. Академик. Сухомлиновымъ стих. напеч. съ рукописи.

13) Въ изданіе наше мы не внесли входившаго во всѣ предыдущія помертныя изданія (въ «Надписи») стихотворенія на фейерверкѣ 1 января 1755 г.: «Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, страна и царство», такъ какъ достовѣрно доказано, что стихи эти — переводъ Поповскаго иѣмецкихъ стиховъ Штелина.

Оглавление.

	СТР.
Предисловіе	5
М. В. Ломоносовъ. (Біографическій очеркъ)	6
I. Оды духовныя.	
1. Преложеніе псалма 143. «Благословенъ Господь мой Богъ»	17
2. Вечернее размышленіе о Божіемъ вслчествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія. «Лице свое скрываетъ день»	18
3. Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ. «Уже прекрасное свѣтило»	20
4. Преложеніе псалма 145. «Хвалу Всевышнему Владыкѣ»	21
5. Преложеніе псалма 116. «Хвалите Господь всея земли языки	—
6. Преложеніе псалма 14. «Господи, кто обитаетъ»	22
7. Преложеніе псалма 103. «Да хвалитъ духъ мой и языкъ»	—
8. Преложеніе псалма 1. «Блаженъ, кто къ злымъ въ со- вѣтъ не ходитъ»	24
9. Преложеніе псалма 26. «Господь Спаситель мнѣ и свѣтъ»	—
10. Преложеніе псалма 34. «Суди обидящихъ, Зигдитель»	26
11. Преложеніе псалма 70. «Въ Тебѣ надежду полагаю»	28
12. Ода, выбранная изъ Іова. «О ты, что въ горести на- прасно»	31
II. Оды похвальныя.	
I. На взятіе Хотина. «Восторгъ внезапный умъ плѣ- ниль»	34
II. На рожденіе Іоанна III, 1741 г. «Нагрѣты нѣжнымъ воды югомъ»	41
III. Первые трофеи Іоанна III. «Россійскихъ войскъ хвала растеть»	46
IV. На восшествіе на престоль импер. Елисаветы, 1741 г. «Какой утѣхи общей лучъ»	51
V. На прибытіе в. кн. Петра Ѳеодоровича изъ Голшти- нии. «Дивится нынѣ вся вселенна»	53
VI. Вѣнчанная надежда Россійской Имперіи. На коро- нованіе имп. Елисаветы Петровны, 1742 г. «Россія, что тебя за весель духъ живить»	59
VII. На прибытіе имп. Елисаветы изъ Москвы въ Пе- тербургъ 1742 г., по коронаціи. «Какой прият- ный зефиръ вѣеть»	64
VIII. На тезоименитство в. кн. Петра Ѳеодоровича, 1743 г. «Уже врата отверзло лѣто»	75
IX. На бракосочетаніе в. к. Петра Ѳеодоровича и в. кн. Екатерины Алексѣевны, 1745 г. «Не садь-ли вижу я священныи»	79

X.	На день восшествия на престолъ имп. Елисаветы Петровны, 1746 г. «На верхъ Парнаскихъ горъ прекрасный»	84
XI.	На день рожденія имп. Елисаветы Петровны, 1746 г. «Въ сей день, блаженная Россія»	89
XII.	На день восшествия на престолъ имп. Елисаветы Петровны, 1747 г. «Царей и царствъ земныхъ отрада»	93
XIII.	На день восшествия на престолъ имп. Елисаветы Петровны, 1748 г. «Заря багряною рукою»	99
XIV.	На монаршую милость, оказанную въ Царскомъ Селѣ. «Какую радость ощущаю»	104
XV.	На день восшествия на престолъ имп. Елисаветы Петровны, 1752 г. «Россійско солнце на восходѣ»	110
XVI.	На рожденіе в. кн. Павла Петровича, 1754 г. «Надежда наша совершилась»	115
XVII.	На день рожденія имп. Елисаветы Петровны, 1757 г., и на рожденіе в. княг. Анны Петровны. «Красуйтесь многіе народы»	121
XVIII.	На день коронаціи имп. Елисаветы Петровны, 1758 г. «Натуры хитрыя возможныхъ опытъ сить»	125
XIX.	На день тезоименитства имп. Елисаветы Петровны, 1759 г., и на побѣды надъ королемъ Прусскимъ. «Щедротъ источникъ, ангель мира»	127
XX.	На день восшествия на престолъ импер. Елисаветы Петровны, 1761 г. «Владѣешь нами двадцать лѣтъ»	132
XXI.	Императору Петру III на восшествіе на престолъ и на новый 1762 годъ. «Сіяй, о новый годъ, прекрасно»	138
XXII.	На день восшествия на престолъ импер. Екатерины Второй, 1762 г. «Внемлите всѣ предѣлы свѣта»	144
XXIII.	На новый 1764 годъ, импер. Екатеринѣ Второй. «Пою наставшій годъ: онъ славенъ»	150

III. Надписи.

1.	На иллюминацію въ день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны, 1747 г.	158
2.	На иллюмин. въ день восшествия на престолъ, 1747 г.	—
3.	На иллюминацію въ день коронаванія импер. Елисаветы Петровны.	—
4.	На иллюминацію въ день тезоименитства императрицы, 1748 г.	159
5.	На иллюминацію въ день восшествия на престолъ	—
6.	На иллюминацію въ новый 1749 годъ	—
7.	Эпиграфъ къ придворному календарю на 1749 годъ	—
8.	На иллюминацію въ день рожденія в. княг. Екатерины Алексѣевны, 1749 г.	—
9.	На иллюминацію въ день коронаванія, 1749 г.	160
10.	На спускъ корабля «Александръ Невскій», 1749 г.	—
11.	На иллюминацію въ день восшествия на престолъ импер. Елисаветы Петровны, 1749 г.	—

	СТР.
12. На прибытіе императрицы изъ Москвы въ С.-Петербур- бургъ, 1749 г.	160
13. Къ статуѣ Петра Великаго.	—
14. На ракъ Св. в. кн. Александра Невскаго	162
15. На иллюминацію въ Ораніенбаумѣ 1750 г. импера- трицѣ Елисаветѣ Петровнѣ отъ в. кн. Петра Феодоровича и в. княг. Екатерины Алексѣевны.	—
16. На иллюминацію въ день тезоименитства импера- трицы, 1750 г.	—
17. На иллюминацію въ день коронаванія, 1750 г.	—
18. На иллюмин. въ день восшествія на престоль, 1750 г.	163
19. На иллюминацію въ день рожденія императрицы, 1750 г.	—
20. На иллюмин. въ новый 1751 г. предъ Зимнимъ домомъ.	—
21. На иллюмин. въ день коронов. императрицы, 1751 г.	—
22. Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ на маскарады 1751 г.	164
23. На день тезоименитства императрицы, 1751 г.	—
24. На спускъ корабля «Іоаннъ Златоустъ»	165
25. На иллюмин. въ день восшествія на престоль, 1751 г.	—
26. На иллюминацію въ день рожденія императрицы 1751 г.	—
27. На новый 1752 годъ	—
28. На иллюминацію въ день коронаванія, 1752 г.	—
29. На иллюмин. въ день тезоимен. императрицы, 1752 г.	166
30. На иллюминацію въ день восшествія на престоль	—
31. На иллюминацію въ Москвѣ на новый 1753 годъ	167
32. На иллюмин. въ Москвѣ въ день коронаванія, 1753 г.	—
33. На день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны, 1753 г.	168
34. На день восшествія на престоль, 1753 г.	169
35. На день рожденія императрицы, 1754 г.	170
36. На новый 1754 годъ	—
37. На день коронаванія императрицы, 1754 г.	171
38. На иллюминацію въ день тезоименитства императрицы, 1754 г.	—
39. На день восшествія на престоль, 1754 г.	172
40. На рожденіе в. кн. Павла Петровича, 1754 г.	—
41. На рожденіе великаго князя	173
42. На маскарадъ въ 1754 г. въ домѣ И. И. Шувалова.	—
43. На иллюминацію и маскарадъ гр. П. И. Шувалова, 1754 г.	—
44. На раку Св. в. кн. Александра Невскаго	174
45. На новый 1755 г.	—
46. На конное изображеніе импер. Елисаветы Петровны въ амазонскомъ уборѣ	175
47. На то же изображеніе	—
48. На отъѣздъ императрицы изъ С.-Петербурга въ Мо- скву, 1752 г.	—
49. На оказаніе высочайшей милости въ Москвѣ, 1753 г.	—
50. На новое строеніе Царскаго Села	176
51. Къ ракъ Св. Димитрія Ростовскаго	—
52. Въ уставѣ воспитательнаго дома въ Москвѣ, 1763 г.	—
53. На Царское Село, 1764 г.	177

	стр.
54. На изобрѣтеніе роговой музыки	177
55. «Се Елисавета Петра Великаго великая дщерь» . . .	—
IV. Стихотворныя посланія и письма.	
Полидоръ, идиллія. Гр. К. Г. Разумовскому	178
Письмо къ И. И. Шувалову. «Прекрасны лѣтні дни сіяя на исходѣ»	182
Письмо о пользѣ стекла (И. И. Шувалову)	183
Въ честь императрицы Елисаветы Петровны (кн. М. И. Воронцову):	
I. «Фортуна вижу я въ тебѣ или Венеру»	193
II. «Оставь, смущенный духъ, презрѣніе суетъ»	194
Стихи на всенародное объявленіе о превосходствѣ новоизобрѣтенной П. И. Шуваловымъ артил- леріи. «Для пользы общества коль радостно трудиться»	—
Посвященіе «Краткаго Рос. Лѣтописца» в. кн. Павлу Петровичу. «Россію предпринявъ ущедрить Небеса»	196
Просительныя стихи къ импер. Елисаветѣ Петровнѣ. «Богиня дщерь божествъ науки основавшихъ»	197
Послѣ посѣщенія императрицею Екатериною II ла- бораторіи Ломоносова. «Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты»	198
Письмо поздравительное на возвращеніе изъ Лиф- ляндіи гр. Г. Г. Орлову. «Любитель чистыхъ музъ, защитникъ ихъ трудовъ»	199
V. Трагедіи.	
I. Тамира и Селимъ	202
II. Демофонтъ	240
VI. Петръ Великій. Героическая поэма.	277
VII. Разговоръ съ Анакреонтомъ.	308
VIII. Переводныя оды.	
1. Ода Фенелона	312
2. Ода Руссо, на счастье	315
IX. Сатирическія и полемическія стихо- творенія.	
Школьные стихи. «Услышали мухи»	318
На сочетаніе стиховъ російскихъ. «Я мужа бодрого изъ давнихъ лѣтъ имѣла»	—
О сомнительномъ произношеніи буквы «г» въ росій- скомъ языкѣ. «Бугристы берега, благоприятны влаги»	—
«Лишь только дневный шумъ замолкъ»	319
«Жениться хорошо, да много и досады».	—
«Послушайте, прошу, что старому случилось»	320
Къ И. И. Шувалову. «Спасибо за грибы, челомъ за ананасъ»	—
Экспромтъ Жукову. «Межъ многихъ цуковъ».	—
Пародія на стихи Сумарокова. «Женился Стиль, ста- рикъ безъ мочы»	—
Эпиграмма на Шишкина. «Смѣется и поётъ, онъ о звѣздахъ толкуеть»	321

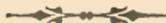
	стр.
Эпиграмма на Елагина. «Златой младыхъ людей и безпечальный вѣкъ»	321
Сатира на Тредьяковского. Искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ тщатся»	—
Гимнъ бородѣ. «Не роскошной я Венерѣ»	322
Къ Пахомію. «Пахомій говорить, что для святаго слова»	324
Зубницкому. «Безбожникъ и ханжа, подметныхъ пи- семь враль»	—
Эпиграмма на Тредьяковского. «Отмщать завистнику меня вооружаютъ»	325
Отвѣтъ Сумарокову.	—
Злобное примиреніе. «Съ Сотиномъ, что за вздоръ? Аколасть примирился»	—
Свинья въ лисьей кожѣ (на Сумарокова). «Надѣла на себя»	—
Стихи, сочиненные на дорогѣ въ Петергофъ въ 1761 г. «Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ»	327
О движеніи земли. «Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру»	—
Сатир. стих., приписываемыя Л—ву:	
1. (Въ защиту «Гимна бородѣ»). «О страхъ! о ужась! громъ!..»	—
2. На Тредьяковского. «Что за дымъ»	328

Х. Примѣры и отрывки.

Примѣры тетраметровъ и триметровъ	330
«Взойди веселый духъ на ону высоту»	331
Переводные отрывки:	
Изъ Гомера (изъ «Иліады»)	—
Изъ Анакреона («Любовь»). «Ночною темнотою по- крылись небеса»	332
Изъ Виргилія (изъ «Енеиды»).	333
Изъ Горация («Exegi monumentum»). «Я знакъ без- смертія себѣ воздвигнулъ»	336
Изъ Овидія (изъ «Метаморфозъ» и «Героидъ»)	—
Изъ эпиграммъ Марціала	338
Изъ Сенеки (изъ трагедій «Троады», «Медея» и «Геркулесь»).	339
Изъ Клавдіана. «Я долго размышлялъ»	341
Изъ Лукреція. «Жельзо, злато, мѣдь, свинцова крѣпка сила»	—
Отрывки изъ рукописей	—

ХІ. Дополненіе.

На короля прусскаго Фридриха. «Монархъ и фило- софъ». (Перев. Вольтера)	342
Краткія примѣчанія	343

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

098302

Biblioteka WSP Kielce

0162447